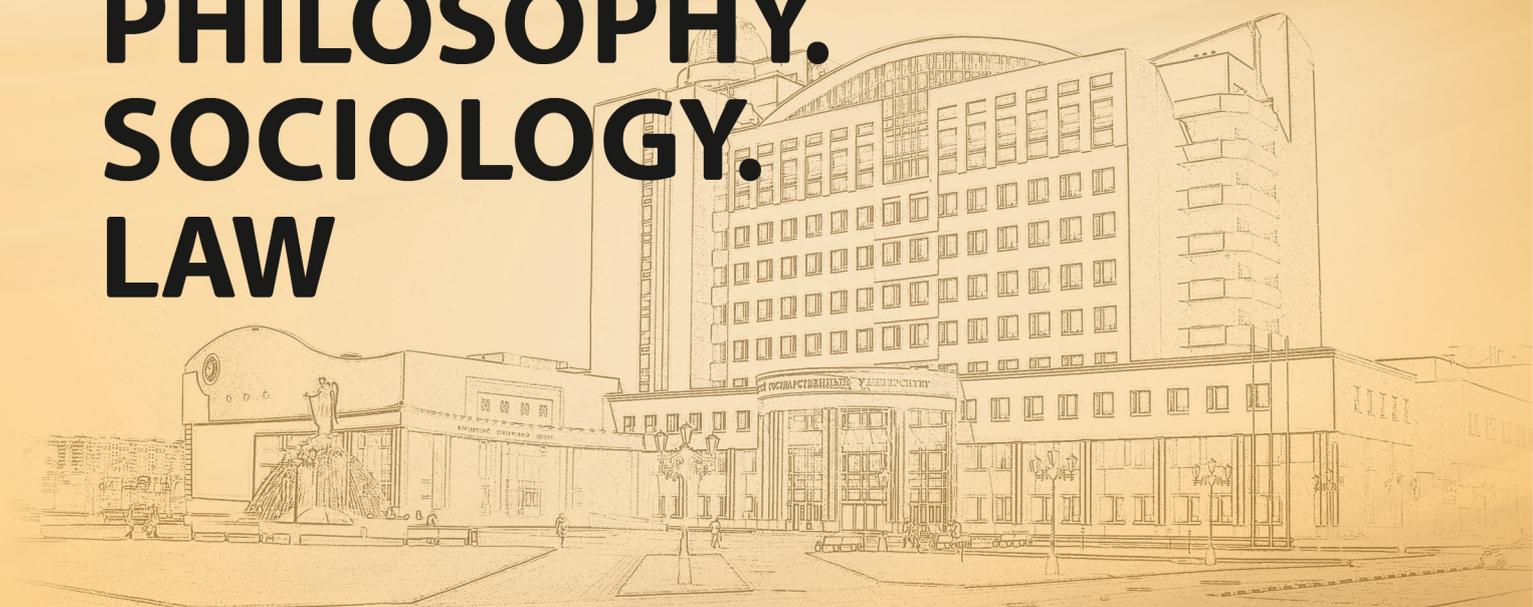

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

NOMOTNETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

Том 46, № 2

НОМОТНЕТКА:
Философия. Социология. Право
2021. Том 46, № 2

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
 Белгородского государственного института искусств
 и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

кандидат социологических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
 (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
 (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
 (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
 РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
 (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
 (Институт социально-политических исследований
 РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
 (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
 (Белгородский государственный институт искусств
 и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.Н., доктор философских наук, профессор
 Московского государственного института культуры
 (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
 Поволжского института (филиала) Всероссийского
 государственного университета правосудия, профессор
 (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
 (Тульский государственный педагогический университет
 им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
 (Института философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
 (Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
 (Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
 Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Воронежский государственный университет)

Туралин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
 (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
 (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 18,6. Дата выхода 30.06.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 203 Прокофьев А.В. Моральный реализм как концепция обоснования морали

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 214 Контарев А.А. Категория правосознания в философской и юридической теории: методологический аспект
223 Побережный И.А. О фундаменталистском и социокультурном направлениях в современной отечественной и западной философии математики
230 Горячев Д.А. Понятие антиномии: терминологические границы и богословские аспекты

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 239 Атанасова А.А. SMM (маркетинг в социальных сетях) экологических групп социальных предпринимателей как способ адаптации к кризису
250 Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.М. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство
263 Карлова Е.Н. Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность
274 Воденко К.В., Дегтярев А.К. Институты развития социально-инвестиционной модели регионального управления в контексте обеспечения культурной безопасности Юга России
286 Тюриков А.Г. Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 298 Антипов М.А. Репрезентации смерти в кинохорроре

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 308 Колесников С.А. Право теолога быть... (аспекты «теологического существования» в концепции К. Барта)
319 Медведев В.Н., Резник С.В. Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 327 Беляев В.П., Бидова Б.Б. Принципы механизма реализации национальных интересов: система и особенности
336 Брежнев О.В. Новое правовое регулирование института конституционной жалобы в Российской Федерации: тенденции и проблемы
343 Кузубова А.Ю., Сафронова Е.В. Правовая аксиология русского консерватизма XIX века: потенциал влияния на современную правовую идеологию
353 Куксин И.Н., Зеленин Н.Ю. В Разграничение вопросов факта и права: сравнительно-правовое исследование.
361 Макогон Б.В., Беляева Г.С., Мирошников Е.В. Органика общей и правовой глобализации
368 Мархгейм М.В., Безуглая А.А. Типичные сферы конституционного взаимодействия палат бикамеральных парламентов стран Африки
376 Стус Н.В. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт
385 Тресков А.П. Специальные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 392 Егоров Н.С. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л. М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова «Облачная демократия»

РЕЦЕНЗИИ

- 401 Морева С.Л. Цифровизация в управлении и регулировании. Рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой «Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве» (М. : Буки Веди, 2021., 174 с.).
406 Рубежанский С.А., Ивашина Р.А. Парадигмы насилия и перспективы свободы. Рецензия на книгу «Философия войны и мира, насилия и ненасиления» (под редакцией В.П. Римского. М. : Академический проект, 2019 г. 462 с.)
415 Лыков Э.Н., Борисовский А.В. Возвращение политического в stasis, или Еще раз о «голой жизни». Рецензия на книгу Дж. Агамбена «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2». (СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2021. 190 с.).

**NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2021. Volume 46, No. 2**

Previously, the magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod State National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. N., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 18,6. Date of publishing 30.06.2021. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 203 Prokofyev A.V. Moral Realism as a Conception of the Justification of Morality

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 214 Kontarev A.A. Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory
223 Poberezhnyi I.A. About fundamentalist and sociocultural streams in modern russian and western philosophy of mathematics
230 Goryachev D.A. The concept of antinomy: terminological boundaries and theological aspects

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 239 Atanasova A.A. SMM (social media marketing) of social entrepreneurs' ecological groups as a means of adaptation to crisis
250 Zotov V. V., Zakharov V. M., Sapryka V.A. Digitalization of public administration: e-democracy vs e-government
263 Karlova E.N. P. Bourdieu's theory in military sociology: military capital and professional mobility
274 Vodenko K.V., Degtyarev A. K. Institutions of development of a social and investment model of regional development in the context of ensuring the cultural security of the South of Russia
286 Tyurikov A.G. Regional labor market: challenges, problems, personnel policy

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 298 Antipov M.A. Representations of death in the movie horror

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 308 Kolesnikov S.A. The theologian's right to be... (aspects of "theological existence" in the concept of K. Bart)
319 Medvedev V.N., Reznik S.V. Radical Islam in modern Europe: anti-systems in the postmodern structure

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 327 Belyaev V.P., Bidova B.B. Principles of mechanism of realization of national interests: system and peculiarities
336 Brezhnev O.V. New legal regulation of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation: trends and problems
343 Kuzubova A. Yu., Safronova E. V. Legal axiology of Russian conservatism of the XIX century: the potential of influence on modern legal ideology
353 Kuksin I.N., Zelenin N.Yu. Distinguishing issues of fact and law: a comparative legal study
361 Makogon B.V., Belyaeva G.S., Miroshnikov E.V. Organics of general and law globalization
368 Markhgeym M.V., Bezuglya A.A. Typical areas of constitutional interaction between the Chambers of bicameral parliaments of African countries
376 Stus N.V. People's power resources in the development of justice: domestic experience
385 Treskov A.P. Special constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of the judiciary

THESIS

- 392 Yegorov N.S. Cloud democracy as a synthesis of two forms of democracy: political and textual analysis of the book "Cloud democracy" BY L. M. Volkov and F.G. Krasheninnikov

REVIEWS

- 401 Moreva S.L. Digitalization in control and regulation review on the textbook of I.V. Ponkin and A.I. Lapteva "Law and digit: Machine-readable Law, digital twin models, digital formalization, digital onto-engineering in Law" (M. : Buki Vedi, 2021., 174 p.).
406 Rubezhansky S.A., Ivashina R.A. Paradigms of violence and perspectives of freedom. Review of the book "Philosophy of War and Peace, Violence and Nonviolence" (edited by V.P. Rimsky. M. : Academic Project, 2019. 462 p.)
415 Lykov E.N., Borisovskiy A.V. The return of the political to stasis, or Once again about "homo sacer" Review of the book by J. Agamben "Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer, II, 2. " (SPb. : Publishing house "Vladimir Dal", 2021. 190 p.).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 17.03

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-203-213

Моральный реализм как концепция обоснования морали

Прокофьев А.В.

Институт философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, Тула, пр-т Ленина, д. 125
E-mail: avprok2006@mail.ru

Аннотация. Автором проведена реконструкция и оценены перспективы теории ненатуралистического морального реализма в качестве подхода к обоснованию морали. Под обоснованием морали понимается выдвижение аргументов, которые способны успешно противостоять сомнению во всеобщей обязывающей силе моральных требований. В свете ненатуралистического морального реализма нравственные требования признаются людьми в качестве требований разума, который фиксирует моральные факты. Простейшая (интуитивистская) форма ненатуралистического морального реализма предполагает наличие у человека непосредственной интуитивной способности, которая раскрывает ему в самом общем виде моральные обязанности перед другими людьми. Этот вариант уязвим для критики, опирающейся на демонстрацию «странности» той картины мира, которая стоит за ним, и на одну из сторон дилеммы Причарда. Более сложная (конструктивистская) форма ненатуралистического морального реализма обходит подобную критику с помощью такой интерпретации моральных фактов, которая позволяет обнаружить фундаментальное различие между ними и теми фактами, с которыми имеет дело естествознание. Однако сторонники данного подхода вынуждены прибегать для обоснования морали к тезису о том, что любые ценностные суждения обладают «встроенной чувствительностью» к моральным требованиям. Этот вывод превращает конструктивистские концепции из реалистических в эвдемонистические; делает их уязвимыми для двух аргументов против эвдемонистического обоснования морали.

Ключевые слова: этика, мораль, обоснование морали, ненатуралистический моральный реализм, С. Кларк, Р. Прайс, У.Д. Росс, Г. Причард, Т. Скэнлон

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00145 А «Обоснование морали как проблема современной этики (реконструкция, сравнение и оценка теоретических подходов)».

Для цитирования: Прокофьев А.В. 2021. Моральный реализм как концепция обоснования морали. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 46 (2): 203–213. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-203-213

Moral Realism as a Conception of the Justification of Morality

Andrey V. Prokofyev

RAS Institute of Philosophy,
12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russia
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenina Av. Tula 300026, Russian Federation.
E-mail: avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper reconstructs and evaluates the theory of the non-naturalist moral realism as an approach to the justification of morality. The justification of morality is the process of developing arguments that counteract doubts in the universal binding force of moral requirements. The non-naturalist moral realism considers the recognition of moral requirements the result of obedience to the reason dealing with undeniable facts (moral facts). The simple, intuitionist, version of this conception presupposes that humans have an intuitive capacity revealing them general outlines of the system of moral obligations (S. Clarke, R. Price, W.D. Ross). The intuitionist moral realism is vulnerable to counterarguments appealing to the queerness of the background worldview of this conception and to the famous Prichard's dilemma. The more complicated, constructivist, version of the non-naturalist moral realism avoids these criticisms through such an interpretation of moral facts that allows to distinguish them from natural facts – the main object of sciences (the position illustrated here by T. Scanlon's metaethics). Though this turn requires from moral realists to justify morality on the basis of the built-in sensitivity of non-moral values to the moral imperative. So it transforms the constructivist moral realism to a kind of the eudemonistic ethics and makes it vulnerable to some counterarguments against the eudemonistic justification of morality (the argument from the possibility to pursue happy life exclusively on the basis of non-moral values and the argument from the impossibility to infer a fair and benevolent attitude to the other from the equal value of everybody's happiness).

Keywords: ethics, morality, justification of morality, non-naturalistic moral realism, S. Clarke, R. Price, W.D. Ross, H. Prichard, T. Scanlon

Acknowledgements: Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00145 (Justification of Morality as a Problem of Contemporary Ethics (the Reconstruction, Comparison and Evaluation of Theoretical Approaches)).

For citation: Prokofyev A.V. 2021. Moral Realism as a Conception of the Justification of Morality. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 203–213 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-203-213

Введение

Проблема обоснования морали, или в виде более развернутой формулировки – проблема обоснования обязательности моральных требований для каждого человека, исторически является одной из центральных проблем этики. Неспособность моральной философии противопоставить что-то убедительное скепсису в отношении всеобщей значимости моральных ориентиров поведения часто воспринимается как скандал, подобный тому, который связана с подозрением в недоказуемости существования внешнего по отношению к человеческому сознанию мира. Чтобы избежать этого скандала, философами с давних пор предпринимаются энергичные усилия, призванные показать, что реализация моральных ценностей и исполнение принципов морали являются необходимыми для любого разумного агента, несмотря на то, что это требует существенных самоограничений и значительных потерь (имеются в виду потери времени, энергии, разного рода удовольствий, материальных и символических благ) [Максимов, 1990; Прокофьев, 2017]. Одним из вариантов решения этой задачи является демонстрация того, что в какой-то широкой перспективе потери

морального агента являются мнимыми или скомпенсированными, что он удовлетворяет какую-то глубокую универсальную потребность, получает в свое распоряжение какое-то несомненное общезначимое благо. По этому пути идут эгоистические и эвдемонистические концепции обоснования морали, в которых разум рассматривается в качестве средства удостоверения связи моральных убеждений и нравственного поведения с благом самого агента [Прокофьев, 2020а].

Однако есть и иной путь обоснования, в рамках которого разум обладает самостоятельной принудительной силой, а потери, которые несет моральный агент рассматриваются не как скомпенсированные при рационально проясненном понимании его интересов и потребностей, а в просто как неизбежные для разумного человека. Именно такой подход к обоснованию морали будет предметом анализа в данной статье и лишь в одной из его вариаций – той, для которой рациональное познание прямо и непосредственно открывает познающему субъекту содержание нравственных требований, и это ведет к тому, что познающий субъект в силу своей разумности признает обязательность их исполнения, то есть превращается в морального агента. Для обозначения этой позиции часто используется понятие морального реализма, поскольку она предполагает реальное присутствие в мире моральных или нормативных фактов и возможность их фиксации. Уверенность в том, что такие факты существуют, позволяет оценивать те или иные ценностно-нормативные убеждения на предмет их истинности/ложности, а также рассматривать в качестве ложного (или игнорирующего факты) мнение о том, что люди не находятся в сфере действия объективных предписаний и запретов. Для сохранения терминологической точности необходимо было бы вести речь об обосновании морали в «ненатуралистическом моральном реализме». Натуралистический моральный реализм не обосновывает, а всего лишь объясняет мораль [Cuneo, 2013]. Однако во избежание постоянно повторяющихся тяжеловесных формулировок я буду употреблять понятие «моральный реализм» для обозначения лишь одной из двух основных ветвей этого варианта моральной философии.

Обоснование морали в интуитивистском реализме

Самый прямолинейный и простой вариант реалистического обоснования морали – интуитивистский. Кристин Корсгаард в давней, но не потерявшей значение работе «Истоки нормативности» дает такое описание этой позиции: «Мир содержит в себе царство неотъемлемо нормативных сущностей или истин, существование которых мы фиксируем, и дело этики, или шире – практической философии, состоит в том, чтобы узнать их глубже, исследовать систематически» [Korsgaard, 1996, p. 44]. Для того, чтобы преодолеть скепсис в отношении моральных ценностей и принципов, интуитивистский реализм предлагает найти такие приемы, применение которых заставляло бы адресатов философских рассуждений концентрировать внимание на нравственных истинах, помогало бы им избавляться от шор, затемняющих непосредственную очевидность правильных поступков или моральных благ. Если кто-то задает себе знаменитый вопрос Фрэнсиса Брэдли «Почему мне следует быть моральным?», его надо научить смотреть в правильном направлении, заботиться о здоровье своих интеллектуальных «глаз» или, по крайней мере, регулярно протирать очки. Это представление об основаниях обязательности нравственных требований органично сочетается с метафизикой платоновского типа, то есть с допущением возможности проникать с помощью рациональной способности в особый сверхчувственный мир, какая-то часть которого дает людям представление о правильном и благом. Поэтому Корсгаард использует для него и такое обозначение, как «платоновский реализм». Однако надо иметь в виду, что далеко не все реалисты данного типа являются платониками и постулируют существование «занебесья». Интуитивная очевидность нравственных истин сама по себе не требует принятия столь сильных метафизических посылок. Но она достаточна для того, чтобы ввести в

философский лексикон понятие морального факта и считать моральные факты более или менее точными аналогами тех, с которыми имеет дело наука.

В новоевропейской этической традиции у истоков такого понимания моральной способности человека стоял Сэмюэл Кларк, предположивший, что «правильное и подобающее» в поведении человека выявляются на основе особой формы рационального познания. По его мнению, то, что каждый из нас должен содействовать общему благу, помогать тем, кто оказался в беде, отказаться от обмана разумных ожиданий ближних, мошенничества и применения насилия, столь же очевидно, как разница между светом и тьмой, различие между цветами, законы логики или простейшие математические суждения. Различия между добром и злом могут быть также легко извлечены из разума, не получившего какого-то специального образования молодого человека, как Сократ в «Меноне» извлекает информацию о естественных пропорциях вещей. Отталкиваясь от используемых Кларком сравнений, можно предположить, какой аргумент в пользу исполнения обязанностей перед другим человеком подразумевается английским философом. Говоря об обязанностях перед Богом, он отсылает своего читателя к очевидности утверждения «целое больше части», а обсуждая обязанности перед другими людьми, сконцентрированные в Золотом правиле нравственности – к очевидности утверждения о том, что две величины не могут быть одновременно равны и неравны друг другу [Clarke, 1767, p. 40]. При этом существенно, что знание в области «правильного и подобающего», по Кларку, имеет непосредственную нормативную силу, поскольку это знание не о том, как устроен мир, а именно о том, что следует делать. Было бы практическим противоречием признать, что необходимость совершения определенного поступка – это истина и вместе с тем считать, что совершать этот поступок не надо.

Откуда же в таком случае появляются противоположные очевидному нравственному закону поступки? Кларк полагает, что порой людям удается «сломить свой разум» и скрыть от себя неизбежное «самоосуждение», вытекающее из безнравственных действий. Это не значит, что одобрение ими моральных истин исчезает полностью. Оно лишь приобретает латентную форму [Clarke, 1767]. И Кларк берет на себя задачу показать, что это именно так. Если даже самого порочного человека поставить в ситуацию, в которой с помощью одинаковых усилий он может получить те же самые блага путем ущемления интереса другого человека или без такого ущемления, он обязательно выберет второе. Если ему предложить высказаться о моральном качестве поступков, в результатах которых он абсолютно не заинтересован, то его суждение также будет соответствовать моральному разуму. Наконец, разум обязательно проявит себя, если неподобающее поведение будет обращено против интересов самого порочного человека [Clarke, 1767].

Основные структурные элементы морального реализма Кларка получили развитие в концепциях Ральфа Кадворта и Ричарда Прайса, а позднее Гарольда Причарда, Уильяма Росса, отчасти Джорджа Мура. Какие-то из них при этом корректировались, а другие – получали дополнительную проработку. Так, сравнение морального познания с чувственным опытом в ходе споров сентименталистами было признано неуместным в силу своей неспособности отразить объективный и универсальный характер нравственных требований. Главной аналогией морали окончательно стала аналогия с логикой и математикой. Как заметил, подытоживая этот процесс, Росс, «моральный порядок», выраженный в наборе базовых обязанностей, подобен «пространственной и числовой структуре [Вселенной], выраженной в аксиомах геометрии и арифметики» [Ross, 2002, p. 29]. Дополнительное внимание со стороны моральных реалистов XVIII–XX вв. получила проблема практической действительности нравственного знания (знания о подобающем поведении). Прайс оформил ее с помощью вопроса о том, является ли добродетель только лишь правилом (простой информацией о том, что делать) или же еще и законом (авторитетным требованием сделать что-то). Основные нравственные обязанности, по его мнению, в силу своей аксиоматичности совмещают свойства правила и свойства закона. Наконец, именно в послекларковском моральном реализме возникла мысль о том, что ответ на вопрос «Почему следует быть моральным?»

не должен выглядеть как пошаговое, выходящее в своих посылах за пределы морали рассуждение. Уже Прайс вел речь о том, что, теряя из виду изначальную принудительность первичных нравственных истин, теоретики вынуждены вставать на бесперспективный путь поиска истоков этой принудительности в любви к себе [Price, 1948]. Схожим образом Причард рекомендовал в качестве противоядия от морального скептицизма не пошаговый вывод самых общих моральных обязанностей, а особую технику возвращения к ясности нравственного сознания [Prichard, 2002]. Впрочем, уже рассуждение Кларка о причинах того, что люди, обладающие разумом, подчас не признают свою связанность нравственным долгом, может быть развернуто в обратную сторону и использовано в качестве средства воспрепятствовать попыткам людей «сломить свой разум». Тогда указание на случаи, в которых признание рациональной аксиоматики морали проявляет себя в каждом человеке, вопреки его себялюбивым импульсам и дурным привычкам, превращается в опорную точку в разговоре с моральным скептиком. А глубокое противоречие между оценками в этих случаях и в случаях, где страсть или безразличие сбивают нравственный компас, становится рычагом, который помогает восстановить его способность к восприятию нравственных истин.

От интуитивистского реализма к конструктивистскому

Хотя моральный реализм, соответствующий модели Кларка, совершенствовался и развивался в течение двух столетий, он сохранил некоторые черты, делающие его чрезвычайно уязвимой метаэтической концепцией. Первая их часть связана с особенностями того мировоззрения, которое заняло господствующие позиции в западной культуре после научной революции. Данное мировоззрение предполагает, что мир – это материя, подчиняющаяся природным закономерностям и постигаемая с помощью научной методологии. В этом мире закономерно организованной природы не остается места для той реальности, которую постигает нравственный разум, а сам этот разум оказывается под сомнением в качестве достойной доверия познавательной способности. Научное мировоззрение оставляет мир ценностно или нормативно безразличным. Нормы и ценности не содержатся в нем, а проецируются в него человеком и, значит, не могут получить объективный характер на основе каких бы то ни было познавательных процедур. Такая критика морального реализма обычно разбивается в современной метаэтике на два аргумента: онтологический («странность», или радикальное отличие объектов морального познания от всех прочих объектов) и эпистемологический («странность», или радикальное отличие моральной интуиции от всех прочих способов постижения мира) (аргумент от странности введен в современную этическую мысль Джоном Мэки [Mackie, 1990, p. 38]).

Другая часть возражений касается возможного непонимания реалистами природы моральной жизни и нравственных затруднений человека. Реалисты заходят к проблеме обоснования морали через познавательную проблематику, а это вполне может оказаться заведомо бесперспективной теоретической и полемической стратегией. По крайней мере, так полагает Корсгаард. По ее замечанию, интуитивистский реализм видит в этике способ познания нормативной части мира и этим обрекает себя на провал в своих попытках ответить моральному скептику. На замечание реалиста, что нравственные обязанности самоочевидны, сомневающийся в необходимости их исполнения деятель вполне может ответить, что уже не видит в них никакой очевидности. Альтернативой, по мнению Корсгаард, является интерпретация основного затруднения морального скептика не в перспективе интеллектуальных трудностей, а в перспективе трудностей человеческой практики [Korsgaard, 1996, p. 46–47].

Более поздние версии морального реализма, возникшие в последние несколько десятилетий, оказываются гораздо более устойчивыми по отношению к этим критическим аргументам, чем концепции их предшественников, поскольку они осуществляют дрейф от

этического интуитивизма к этическому конструктивизму. Для Корсгаард фигурой, совмещающей интуитивистскую и конструктивистскую методологии, или хотя бы философом, чьи взгляды подлежат как интуитивистской, так и конструктивистской интерпретации, является моральный реалист Томас Нагель [Nagel, 1986; Korsgaard, 1996, p. 41]. Однако мне представляется, что наиболее удачная и систематическая попытка защитить реалистическую позицию на этом пути принадлежит все же Томасу Скэнлону (это не просчет Корсгаард, поскольку полноценный очерк метаэтики Скэнлона появился почти через 20 лет после «Источников нормативности»). Как и многие другие современные этики, Скэнлон предпочитает использовать не язык моральных ценностей, требований, принципов, а язык «оснований для совершения поступка», или «доводов в пользу совершения поступков» (*moral reasons*), которые задают связь между ситуацией, деятелем и действием, которое требуется совершить. В английском языке понятие *reason* тесно связано с понятиями, обозначающими разумную деятельность, рассуждение (*reason, reasoning*). Это придает дополнительную убедительность отождествлению практического разума со способностью идентифицировать и взвешивать основания поступков.

Размышление о природе оснований для совершения поступков позволяет Скэнлону снять онтологический и эпистемологический контраргументы против морального реализма или, хотя бы серьезно притупить их остроту. Он считает, что в основе этих аргументов лежит образец онтологии, заданный естественными науками и построенный на убеждении, что в мире есть только те объекты, которые доступны естественнонаучному познанию. Однако использовавшаяся еще ранними моральными реалистами аналогия с математикой показывает необоснованность этого образца. Объекты, исследуемые математикой, так же являются «странными», но это не ведет к столь же критическому отношению философов к результатам математического познания. Оно не вытесняется за пределы современной картины мира. Альтернативой, с точки зрения Скэнлона, является плюралистическая онтология, теория качественно специфических онтологических сфер, специфика которых определяется даже не особенностями объектов, которые они включают в себя, а особенностями базовых понятий, которыми приходится в них оперировать. Различия между онтологическими сферами заставляют отказаться от того, чтобы моделировать любое познание по образцу поиска причинно-следственных связей в мире пространственно-временных объектов, опирающегося на чувственный опыт. В силу этого, как полагает Скэнлон, обсуждая математическое или нормативное познание, нам не следует воображать себе некую область, лежащую за пределами пространства и времени, в которую проникает сверхчувственное подобие чувственного восприятия. К примеру, ключевая проблема математического познания состоит не в том, чтобы обеспечить «контакт» с абстрактными структурами, исследуемыми в математике, а в том, чтобы охарактеризовать эти структуры таким образом, чтобы стало ясно, какие касающиеся их принципы обладают обоснованностью. Истина в математике возникает как результат правильного осмысления ее предмета. И этим математика похожа на познание оснований для совершения поступков [Scanlon, 2014, p. 16–30].

Методом постижения нормативных истин Скэнлон считает знаменитый поиск рефлексивного равновесия, охарактеризованный Джоном Ролзом применительно к отдельной нравственной категории – справедливости (см.: [Daniels, 1996; Ролз, 2010, с. 32–34]). Процесс поиска равновесия начинается с выявления всего массива нормативных суждений, которые представляются нам правильными после первоначального их обдумывания. Затем следует выдвижение предельно общих принципов, которые можно было бы рассматривать как основание, из которого все эти суждения выведены. А после этого начинается работа по их сближению между собой – по коррекции принципов и отбрасыванию или исправлению отдельных суждений. Такое «челночное движение» может привести к итоговому соответствию или равновесию принципов и частных суждений. Суждения, прошедшие через этот фильтр, могут считаться истинными, но не это значит, возникшими в результате проникновения интуиции в мир фактов, дистанцированный от нас как субъектов познания. Та-

ким образом, методологическая основа этики и отчасти нетеоретического морального мышления оказывается не интуитивистской, а конструктивистской, что собственно и снимает опасение в том, что моральный (шире – ценностно-нормативный) реализм потребует от нас признания непостижимого сверхчувственного морального видения. Родство этой методологии с методологией математического познания является, по Скэнлону, дополнительным доводом в пользу совместимости морального реализма с современной картиной мира [Scanlon, 2014, p. 76–90, 122–123].

Конструктивистское переосмысление нравственной истины помогает Скэнлону не только ослабить онтологическое и эпистемологическое возражения моральному реализму, но и ответить на мысль Корсгаард о неспособности этой концепции обеспечить «захват» деятеля моральными требованиями. Скэнлон вводит для этого три соображения. Первое касается того, что потенциальный бесконечный регресс, порождаемый вопросом «Почему следует быть моральным?», может быть прерван только указанием на истинность какого-то практического основания. Второе указывает на особенности самой процедуры поиска нормативной истины. Она работает с собственными суждениями деятеля, с тем, что он сам признал значимым в ценностно-нормативном отношении, и лишь корректирует их.

И, наконец, третье соображение Скэнлона ставит под вопрос то общее направление, которое попыталась придать дискуссии об обосновании морали Корсгаард. Это направление находится под подавляющим воздействием образа прямой и, возможно, публичной полемики с моральным скептиком. Чтобы отстоять авторитет морали, скептика надо загнать в угол и победить с помощью мощного понуждающего аргумента, демонстрирующего его неразумность. А в действительности вместо этого надо мягко, но настойчиво возвращать скептически настроенного собеседника к внутреннему диалогу об основаниях совершения поступков [Scanlon, 2014].

До этой точки конструктивистская аргументация преследовала цель доказать существование общезначимых, объективных оснований поступков. Однако обоснование морали предполагает и следующий шаг: доказательство обязательности и приоритетного характера нравственных требований, прежде всего – суммирующего ценностно-нормативное содержание морали императива, содействовать благу другого. В рамках интуитивистского варианта реалистической этики этот вопрос не мог стоять остро, поскольку в нем изначально обсуждалась самоочевидность требований невреждения, помощи нуждающимся, честности или правдивости. В случае с конструктивизмом подразумевается некий процесс, в ходе которого, как в ходе конструирования математических объектов, возникает именно моральное должествование (хотя могло бы возникнуть и какое-то иное).

В концепции Скэнлона есть этот элемент, но мне представляется, что его не следует отождествлять с нормативной этикой Скэнлона. Она имеет договорной характер, обычно именуется контрактуализмом и также является конструктивистской. Контрактуализм Скэнлона построен на основе идеи согласия морального реципиента с тем или иным обращением с ним (он представлен в работе «Что мы должны друг другу», но упоминается и в метаэтической книге 2014 г. «Относиться реалистично к основаниям поступков» [Scanlon, 2014, p. 96]). Однако перед тем, как агент начнет учитывать, согласен ли другой человек с его действиями или, вернее, может ли тот разумно возразить против них, он должен иметь основания для такого учета. Агент должен рассматривать другого в качестве того, чье мнение значимо. Как пишет сам Скэнлон, нужно найти отдельное «основание для желания деятеля поступать так, чтобы он мог оправдать свои действия перед другими разумными людьми». Это основание получает у Скэнлона название «взаимное признание» [Scanlon, 1997, p. 162]. Именно оно, на мой взгляд, должно рассматриваться как результат работы рефлексирующего деятеля со всем массивом своих суждений об основаниях поступка и как основополагающий моральный факт (хотя рассуждение о «взаимном признании» предшествует во времени артикуляции Скэнлоном реалистической метаэтики, охарактеризованной выше).

Какова же аргументация в пользу нормативной значимости и приоритетного характера требования признавать друг друга? Предварительно надо заметить, что сам Скэнлон

считает эту аргументацию не обоснованием морали, а скорее способом достигнуть лучшего самопонимания или способом более полно объяснить основания поступков. Однако следует принять во внимание два его последовательных утверждения: а) «тот факт, что действие является морально неправильным создает основание его не совершать», б) «если моральная правильность и неправильность... имеют приоритет в отношении других требований, то это требует объяснения» [Scanlon, 1997, p. 148]. Вряд ли подобное «объяснение», а Скэнлон его предлагает, может носить ценностно нейтральный характер. Соответственно, оно автоматически превращается в обоснование. Не случайно Скэнлон рассматривает позицию «аморалиста» как результат неудачной попытки распознать основания, «увидеть» их силу [Scanlon, 1997, p. 158].

Скэнлоново «объяснение» связано с проблемой, на которую наталкивается любой рефлексирующий агент, пытаясь согласовать свои практические установки между собой. Его способность действовать на основе большинства оснований для свершения поступков существенным образом зависит именно от признания со стороны других людей, а оно, в свою очередь, возможно только тогда, когда он обосновывает свои действия перед ними, то есть признает их мнение значимым. Как замечает Скэнлон, большинство неморальных ценностей, если их правильно проинтерпретировать, имеют «встроенную чувствительность» к требованиям морали (требованиям вести себя правильно) [Scanlon, 1997, p. 166]. Ключевой используемый им пример неморальных практических оснований, реализация которых зависит от принятия моральной установки, – основания дружбы. Отсутствие морального уважения со стороны друга делает его интерес к моей личности и его готовность заботиться обо мне результатами случайной склонности (того, что я ему нравлюсь). Исчезновение этой склонности чревато мгновенным переходом к безжалостно инструментальной установке в моем отношении. А так как перспектива такого перерождения друга присутствует постоянно, то отношения с ним не могут сохранять их дружеское качество. При этом Скэнлон полагает, что в жизни человека, не принимающего моральную точку зрения, не остается места не только для подлинной дружбы, но и для множества других ценных вещей. Любые ценности, которые либо заданы отношениями с другими людьми, либо требуют для своей реализации взаимодействия с ними, испаряются в условиях взаимного непризнания. А за их кругом остается очень немногое [Scanlon, 1997, p. 160–168].

Трудности реалистического обоснования морали

На какой основе следует оценивать перспективность концепций обоснования морали? Естественно, что важнейшим фактором является их внутренняя непротиворечивость. И в этом отношении их недостатки должны выявляться на основе проверки того, не нарушены ли требования к правильной аргументации при переходе от посылок к следствиям. Однако существуют и другие критерии. Один из них является результатом переосмысления аргумента, который направлен в целом против самого проекта обоснования морали. Я имею в виду так называемую дилемму Причарда. Причард уже упоминался в этой статье как представитель того типа реализма, который сводит вопрос об обосновании морали к актуализации моральной интуиции скептически относящегося к своим обязанностям индивида. Отстаивая свою интуитивистскую позицию, он предложил аргумент против тех философов, которые пытались ответить на вопрос «Почему мне следует быть моральным?» с помощью пошагового рассуждения: от посылок к следствиям. По мнению Причарда, какие бы посылки они не избирали (а выбор таких посылок невелик: можно отталкиваться или от идеи счастья, или от идеи блага), они неизбежно приходят к теоретическому тупику [Prichard, 2002, p. 8–11].

Однако в современной этике используется более строгая и более общая форма дилеммы Причарда. В ней первая сторона дилеммы связана с выбором в качестве посылки для исполнения долга собственного интереса морального агента. Однако такая защита морали разрушает ее, а не защищает: тот, кто реализует собственный интерес, не может быть назван исполняющим свой долг. Вторая сторона дилеммы связана с выбором в качестве посылки

какого-то морального основания, но такой выбор предполагает, что моральный скептик должен по каким-то причинам согласиться с тем, чтобы использовать именно эту посылку. Но у него нет таких причин именно потому, что он моральный скептик. Так как других посылок обоснования морали быть не может, то оно оказывается безнадежным проектом [Korsgaard, 1996, p. 32]. При обсуждении первой стороны дилеммы для современных теоретиков оказывается важным не только происходящее в ходе обоснования морали разрушение базовых структур морального сознания, но и невозможное внутреннее раздвоение морального агента – он должен стирать из своего сознания информацию о подлинных основаниях морального долга, поскольку иначе долг окажется для него всего лишь одним из собственных интересов, которые требуют взвешивания на весах пруденциальной рациональности.

В таком виде дилемма Причарда аннулирует любые попытки обосновать значимость моральных ценностей и обязывающую силу моральных требований. Однако она может быть модифицирована так, чтобы ее стороны из двух и только двух возможных вариантов построения моральной философии превратились бы в две крайности, в которые она может впадать. Это крайность использования предельно внешних по отношению к морали посылок-оснований, радикально разводящих между собой ответ на вопрос «Почему мне следует быть моральным?» и повседневную моральную практику. И крайность порочного круга и проповеднической тривиальности, при которой ответ на вопрос «Почему мне следует быть моральным?» выглядит следующим образом: «Тебе следует, потому что следует!», «Ты должен, потому что ты должен!». Но некоторые концепции обоснования морали оказываются между крайностями. Намек на возможность такого преобразования дилеммы Причарда содержится у того же Скэнлона [Scanlon, 1997, p. 150]. Некоторые современные этики считают, что оно очень перспективно (см. подробнее: [Прокофьев 2020 б]). Но в любом случае так модифицированная дилемма превращается из орудия критики проекта обоснования морали в критерий отбора концепций ее обоснования. Тех из них, которые проходят между крайностями, можно считать более сильными, с ними можно работать в перспективе других критериев отбора.

Если обратиться к интуитивистским концепциям морального реализма, то они, по всей видимости, воплощают вторую крайность модифицированной дилеммы Причарда. Призыв протереть «моральные очки» или сфокусироваться на проблеме долга и обязанности сложно признать рациональной стратегией убеждения. Моральный скептик как раз не видит того, что моральный философ-реалист пытается заставить его увидеть. Дополнительный призыв в данном случае ничего не может решить. А если он и влияет на позицию адресата морально-философских рассуждений, то скорее как морализаторское обвинение в безнравственности, то есть на эмоциональном уровне и в связи с неудобством, которое вызывает любое неодобрение со стороны другого человека. Это обстоятельство заставляет к неспособности преодолеть контраргументы, связанные со странностью, прибавить неспособность пройти через тест модифицированной дилеммы Причарда.

Применение скэнлоновской конструктивистской методологии для ответа на вопрос «Почему следует быть моральным?» имеет шансы обойти эту крайность. В этом случае не возникает тавтологическое моралистическое утверждение «Должен значит должен!» Скептик вовлекается в работу с массивом собственных ценностных убеждений, в число которых изначально не входят моральные, и в конечном итоге убеждается в том, что их отсутствие является признаком непоследовательности его позиции (ну, или обязательно убедился бы в качестве рационального субъекта). Однако у этой концепции возникает определенный риск натолкнуться на противоположную крайность. Это касается аргументации Скэнлона в пользу взаимного признания. Она вполне может быть проинтерпретирована как результат его стремления указать агенту на потери, связанные с неисполнением нравственных требований. Можно предположить, что в рамках аргументации Скэнлона реализация объективных неморальных ценностей, таких как дружба, рассматривается как способ наполнить жизнь агента наилучшим содержанием, что в своем практическом воплощении эти ценно-

сти являются для Скэнлона благами, без которых существование человека оказывается неполным, пустым или бессмысленным. Тогда рассуждение, обращенное к моральному скептику, приобретает следующий вид: признавай равную значимость другого человека и желай ему блага, а иначе все то, что могло бы сделать твою жизнь лучше, окажется безнадежно испорчено или лишено подлинности. В этом случае концепция Скэнлона будет версией эвдемонистической этики, в которой, в отличие от развернутых эвдемонистических концепций, наличие объективной общезначимой составляющей счастья не доказывается, а принимается в качестве рациональной данности. Именно в этом качестве предложенная Скэнлоном аргументация действительно может оказаться рассуждением, превращающим, если пользоваться терминами Причарда, обязанность в склонность.

В принципе, некоторые эвдемонистические концепции обоснования, в отличие от разумно эгоистических, способны обходить вторую сторону дилеммы Причарда. Они делают это за счет использования таких сокращающих дистанцию между обязанностью и собственным интересом агента идей, как благо и добродетель. Общая логика подобных концепций такова: сначала ими устанавливается связь между стремлением каждого разумного агента прожить успешную жизнь и признанием объективности хотя бы каких-то ценностей (что тождественно признанию их способности порождать обязанности), а затем демонстрируется, что в ряду объективных ценностей присутствуют и моральные [Annas, 2011; Badhwar, 2014; Bloomfield, 2014]. Использование методологии рефлексивного равновесия прямо воспроизводит эту логику, но лишь на ее втором этапе, поскольку предполагает наличие ценностных интуиций или нормативных суждений, претендующих на объективность (подобных утверждению о ценности дружбы), в качестве данности. Однако тезис о неспособности человека, который не признает других, наполнять свою жизнь ценным содержанием, то есть тезис о потере им тех или иных благ, является более или менее точным аналогом первого этапа.

Итак, предположим, что скэнлоновскому конструктивистскому реализму удастся обойти крайности модифицированной дилеммы Причарда. Будет ли он в этой связи наиболее перспективной концепцией обоснования морали? Не думаю. Прежде всего, под вопрос попадает его реалистическая природа. Перед нами не рассуждение о моральных фактах и способности их опознавать, а рассуждение о прагматике жизненного успеха, в которое в качестве вторичного элемента встроена работа с упорядочиванием всей совокупности оценочных суждений (суждений об основаниях поступков). Но гораздо важнее этих трудностей, связанных с сохранением реалистической идентичности концепции, трудности содержательного характера. Они довлеют над любым обоснованием морали, которое апеллирует к потере моральным скептиком или просто безнравственным человеком перспективы прожить успешную (счастливую) жизнь. Если обсуждать их не в общем виде, а применительно к скэнлоновской концепции, то, во-первых, «встроенная чувствительность» всех или большинства неморальных ценностей по отношению к моральным требованиям может оказаться иллюзорной. Рассуждение Скэнлона о дружбе призвано показать, что моральное уважение играет для этого явления конститутивную роль. Однако это рассуждение выглядит более или менее убедительно только потому, что в случае с дружбой объективная неморальная ценность связана с определенным качеством межчеловеческих отношений. Однако если мы возьмем иные ценности, например, знание, красоту или даже здоровую окружающую среду, сохранению которой надо способствовать, то их воплощение вполне возможно и без «взаимного признания». Можно сказать лишь то, что «взаимное признание» в некоторых контекстах увеличивает эффективность кооперативных усилий по их воплощению. В рамках эвдемонистических теорий эта проблема обсуждается напрямую – раз уж мы, стремясь к счастью, не можем избежать постулирования объективности каких-то ценностей, почему для реализации эвдемонистических целей нам не хватает ценностей неморальных? Ответы, получаемые ими, носят гораздо более комплексный, чем у Скэнлона характер, но их вряд ли можно считать вполне убедительными (см.: [Прокофьев, 2020a]). Во-вторых, признание другого человека равным, даже если оно необходимо сопровождает

стремление агента реализовать широкий ряд неморальных ценностей (получить широкий ряд неморальных благ), не обязательно влечет за собой его согласие с тем, что разумное возражение другого выступает как своего рода вето, наложенное на совершение поступка. Признание того, что другой человек равен мне, может находить свое выражение всего лишь в согласии с тем, что он имеет право вести себя в моем отношении так же свободно, как я веду себя в отношении к нему. Этот вывод ставит в тупик эвдемонистическое обоснование морали (см.: [Прокофьев, 2020a]). Он же парализует скэнлоновский «криптоэвдемонизм».

References

1. Maksimov, L. V. 1991. Problema obosnovaniya morali: Logiko-kognitivnye aspekty [The Problem of Justification of Morality: Logical and Cognitive Aspects]. M., Publ. Filosofskoe obshchestvo SSSR, 137 p. (in Russian)
2. Prokofyev A.V. 2017 Pochemu ya dolzhen byt' moral'nym? (teoreticheskii kontekst obosnovaniya morali) [Why Should I Be Moral? (the Theoretical Context of Justification of Morality)]. Eticheskaya mysl' [Ethical Thought], 17 (1): 5–17. (in Russian)
3. Prokofyev A.V. 2020. Obosnovanie morali i dilemma Pricharda [The Justification of Morality and Prichard's Dilemma]. Gumanitarnye Vedomosti of TGPU [TSPU's Bulletin of Humanities], 33 (1): 5–21. (in Russian)
4. Prokofyev A.V. 2020. Obosnovanie morali v sovremennoi evdemonisticheskoi etike [The Justification of Morality in the Contemporary Eudemonistic Ethics]. Eticheskaya mysl' [Ethical Thought], 20 (1): 32–51. (in Russian)
5. Annas J. 2011. Intelligent Virtue. Oxford, Oxford University Press, 189 p.
6. Badhwar N.K. 2014. Well-being: Happiness in a Worthwhile Life. N. Y., Oxford University Press, 245 p.
7. Bloomfield P. 2014. The Virtues of Happiness: A Theory of the Good Life. N. Y., Oxford University Press, 253 p.
8. Clarke S. 1767. A Discourse Concerning the Unchangeable Obligations of Natural Religion, and the Truth and Certainty of the Christian Revelation. L., H. Woodfall, J. Beecroft etc., 372 p.
9. Cuneo T. 2013. Nonnaturalism, Ethical. In: The International Encyclopedia of Ethics. Malden: Blackwell Publishing: 3641–3653.
10. Daniels N. 1996. Justice and Justification: Reflective Equilibrium in Theory and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 365 p.
11. Korsgaard C.M. 1996. Sources of Normativity. Cambridge, Cambridge University Press, 287 p.
12. Mackie J.L. 1990. Ethics: Inventing Right and Wrong. L., Penguin Books, 256 p.
13. Nagel T. 1986. The View from Nowhere. N.Y., Oxford University Press, 254 p.
14. Price R. 1948. A Review of the Principal Questions in Morals. Oxford, Clarendon Press, 488 p.
15. Prichard H.A. 2002. Does Moral Philosophy Rest on a Mistake? In: Prichard H.A. Moral Writings. Oxford, Oxford University Press: 7–21.
16. Rawls J. 2010. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]. M., Publ. Izdatel'stvo LKI, 536 p. (in Russian)
17. Scanlon T.M. 1998. What We Owe to Each Other. Cambridge, Belknap Press, 420 p.
18. Scanlon T.M. 2014. Being Realistic about Reasons. Oxford, Oxford University Press, 132 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокофьев Андрей Вячеславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Институт философии РАН; профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Prokofyev, Doctor of Philosophy, Leading Researcher in the Sector of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 340.132

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Категория правосознания в философской и юридической теории: методологический аспект

Контарев А.А.

Ростовский юридический институт МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Аннотация. Автор прослеживает эволюционный генезис понятия правосознания в российском правоведении в период с конца XIX в. до современности. Основная идея автора состоит в том, что первоначально понятие правосознания использовалось с целью обновления правовой теории в соответствии с постклассической парадигмой научного познания, преодолевающей объективизм классических типов правопонимания, но категориальное значение оно получило в диалектико-материалистической философской теории и теории государства и права СССР для того, чтобы теоретически обосновать нормативизм и этатизм юридической доктрины, легитимировать ее консервативный характер. Автор приходит к выводу о том, что применение категории правосознания в современной теории выглядит как попытка соединения типов правопонимания, имеющих разную природу и источники происхождения. В связи с этим необходимо переосмысление данной категории и ее значения в контексте решения задач современной философии и фундаментальной правовой теории.

Ключевые слова: категория правосознания, правопонимание, юридический нормативизм, постклассическая парадигма научного познания, объективизм классического правопонимания, юридическая доктрина.

Для цитирования: Контарев А.А. 2021. Категория правосознания в философской и юридической теории: методологический аспект. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 214–222. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory

Anatoly A. Kontarev

Rostov Law Institute of the ministry of internal Affairs of Russia
83 Eremenko St, Rostov-on-Don, 344015, Russia
E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Abstract. The article analyzes particular and general ways of interpretation and implementation of legal consciousness category in philosophy and juridical theory. The author looks the evolutionary genesis of legal consciousness concept in Russian law theory and philosophy, beginning from the end of XIX century and to the contemporary times. The main idea of the article is that firstly the concept of legal consciousness used to renew law theory with respect to past-classic paradigm of scientific knowledge overcoming objectivism of classic kinds of law understanding. But it gets category meaning in dialectic-materialistic philosophy theory and theory of state and law of USSR to found juridical normativism and etatism of official juridical doctrine and legitimate conservative character of it. The author comes to conclusion that

the implementation the category of legal consciousness to contemporary theory of law looks as attempt to join together models of legal understanding which has different nature and different springs of happening. With respect to this problem author suggests to rethink this category in the context of tasks of contemporary philosophy and fundamental law theory.

Key words: category of legal consciousness, legal understanding, juridical normativism, past-classic paradigm of scientific knowledge, objectivism of classic law understanding, juridical doctrine.

For citation: Kontarev A.A. 2021. Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 214–222 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Категория правового сознания давно вошла в научный оборот современной отечественной философии и юридической науки, выражая теоретико-методологические особенности этих областей знания. В значительной степени она отражает специфику интерпретации их предметной области и стоящих перед ними задач, являясь следствием и одновременно результатом методологических начал изучения духовных процессов, протекающих в сфере правовой действительности. Необходимо отметить, что обращение к феномену правового сознания российских теоретиков права было распространенным явлением уже в конце XIX в. Очевидно, это было связано со стремлением преодолеть объективизм классических типов правопонимания, не соответствующих новой научной парадигме, формирующейся в российской фундаментальной правовой теории, что, как правило, сопровождалось критикой классических школ юриспруденции с принципиально новых теоретико-методологических позиций. Так, позитивизм в юриспруденции, рассматривавший право как норму (закон), в значительной степени отождествляя его с законодательством, подвергался критике с позиции признания необходимости введения в контекст права субъективного элемента, рассматривавшегося в качестве решающего фактора правового поведения и порой сущности права.

Такие попытки преодоления объективизма классического стиля научного мышления вполне отвечали культивировавшимся в гносеологии этого времени идеям, в частности, представленным эмпириокритицизмом. Неокантианство оставило свой след в этом процессе как апелляция философов права к сверхчувственным сущностям в виде правового идеала, выступавшего образом должного, которое, хотя и интерпретировалось в контексте историчности, оставалось по своей сущности естественным правом, но с изменяющимся содержанием. Можно сказать, что объективизм школы естественного права, состоявший в признании совокупности присущих человеку от рождения неотчуждаемых прав, имеющих универсальное значение для человеческой цивилизации, проистекая из интерпретации его сущности, преодолевался посредством введения в оборот категории правового идеала, делавшего его не столько фактом сознания, сколько фактором духовной жизни личности и общества.

Некоторые теоретики права усматривают влияние идей эмпириокритицизма уже в общей теории права Н.М. Коркунова, который вводит понятие «психического элемента» в контекст интерпретации сущности права, позволяющего исключить объективизм в его толковании и объясняющего механизм восприятия права, обуславливающего правовое поведение личности [Пегова, 2018]. При этом существенным представляется апелляция теоретика не только к механизмам восприятия социальной действительности, где психологическая сторона очень важна, но и сущностной стороне социальности, в которую включен указанный «психический» субъективный компонент. Исходя из значения психологического начала в жизни общества, Н.М. Коркунов строил критику классического позитивизма, не учитывавшего этого существенного фактора. Так, характеризуя учение О. Конта, он писал:

«...Отрицание самой возможности существования психологии особенно удивительно со стороны мыслителя, так много сделавшего для создания социологии и придававшего ей такое важное значение, как Конт. Психологическая сторона нигде не имеет такого преобладающего значения, как именно в явлениях общественности. Наша духовная жизнь сама складывается главным образом под влиянием социальных явлений; наши нравственные и научные убеждения всасываются нами из окружающей нас социальной среды и, в свою очередь, сам духовный склад каждого наличного поколения людей есть важнейший социальный фактор. И сам Конт этим отрицанием психологии и особых психологических законов, поставил себя, конечно, в неразрешимое противоречие» [Коркунов, 1915, с. 460].

Рассматривая право как о социальный феномен, Н.М. Коркунов критикует взгляд, согласно которому оно представляет совокупность отношений, регулируемых социально одобряемыми нормами. Слабость такого взгляда, по его мнению, в том, что люди рассматриваются как элементы бездушного механизма, работа которого кем-то задана. На самом деле право не есть явление механического порядка, оно невозможно без представления о заранее определенном порядке отношений, носителями которого являются люди, обладающие сознанием. Он пишет: «...Для возможности отличать право от всякого иного наперед определенного порядка необходимо обратиться к психическому элементу и сознанию людей, к имеющемуся в их душе представлению о существовании такого наперед определенного порядка или защиты. Но если так, то, очевидно, для объяснения правовых явлений главное, первенствующее значение получает именно этот психический элемент, это убеждение о существовании наперед определенного порядка отношений» [Коркунов, 1915, с. 489].

Конечно, данные теоретические положения далеки от идеи «чистого опыта» Рихарда Авенариуса, который рассматривается им в качестве единственно возможного объекта познания [Авенариус, 1898]. Но тем не менее указание на ключевое значение сознания (представлений о праве), которое не только выступает в качестве объекта познания, но и является источником права, представляет собой то направление теоретико-правового мышления, которое вполне может быть сопряженным с указанной идеей.

Несомненно, более ярким примером подобной тенденции является психологическая теория права Л.И. Петражицкого, основанная на отрицании объективизма в правовой теории и признании права как исключительно психологического явления – императивно-атрибутивной эмоции, которую испытывают индивиды, вступающие в правоотношения. В контексте данной теории познание права есть познание данных эмоциональных состояний, обуславливающих правовое поведение, то есть поведение, обусловленное представлениями об обязанностях и правах (полномочиях) в акте правоотношений. Позитивное право в данной конструкции отходит на второй план, нормы которого могут либо соответствовать, либо не соответствовать данным представлениям о праве (интуитивному праву). То обстоятельство, что именно сознание индивида, его психические переживания (то есть его индивидуальный опыт) становятся объектом изучения, очевидно, также дает основания для проведения аналогии данной теории с идеями эмпириокритицизма [Бухарова, 2014].

По оценкам некоторых исследователей, введение в оборот категории сознания в правовых исследованиях придает некоторую процессуальность отношению субъекта и объекта. Теперь право уже не может рассматриваться в качестве объекта, пассивно воспринимаемого субъектом, оно является результатом их взаимодействия [Тимошина, 2013]. Впрочем, у Н.М. Коркунова социальная действительность остается тем денотатом, который и придает содержание правовым представлениям. Но все же речь идет именно о представлениях, в которых присутствует субъективное начало в виде интереса, сквозь призму которого и рассматривается как вся социальная реальность, так и правовая действительность в частности.

Другой стороной этого процесса является обновление школы естественного права, придание ей социального звучания посредством введения аксиологического контекста, в котором происходит генезис и функционирование права (правового идеала). И.А. Ильин в

известной работе «О сущности правосознания» указал на духовную основу права, составляющую некоторый перечень основополагающих для человека и человечества ценностей, в контексте которых происходит оценка позитивно-правовых предписаний. Этот образ права – правовой идеал или «правое право», которое базируется на трех аксиомах-ценностях – духовное достоинство личности, автономия личности и взаимное признание личности [Ильин, 1994, с. 310].

Несмотря на стремление вскрыть фундаментальные для человеческой природы признаки духовности и их отражение в праве, И.А. Ильин, апеллируя к духовности (к ценностям), далек от рационализма классической школы естественного права и, соответственно, от ее объективизма в интерпретации права. Он полагает более насущной задачей выяснить не столько сущность права, сколько его социальный и духовный смысл, то есть его значение в социокультурном контексте бытия личности.

По мнению автора настоящей статьи, с большей определенностью указанная тенденция интерпретации правосознания нашла проявление у П.И. Новгородцева, известного в качестве основателя школы возрожденного естественного права. Собственно, возрождение этой школы было возможно лишь посредством ее обновления, которое состояло в отказе от рационализма и обусловленного им универсализма толкования права как единого для всех времен и народов. Новгородцев вводит в контекст своей теории элемент историчности, благодаря чему право рассматривается в социокультурном значении, придающем ему содержание и смысл. Концепт естественного права с изменяющимся содержанием таким образом стал основным признаком данной школы, получившей значительное распространение, прежде всего, в либеральной среде. Теоретик убежден в исторической обусловленности социокультурных основ права, их преходящем характере, необходимости развития этих начал в соответствии с требованиями времени. Давая оценку состоянию правового сознания начала прошлого века, он подчеркивает, что его кризис обусловлен именно необходимостью деконструкции устаревших правовых основ. В связи с этим он пишет: «Прежняя вера во всемогущую силу правовых начал, в их способность утвердить на земле светлое царство разума, отжила свое время. Опыт XIX столетия показал, что право само по себе не в силах осуществить полное преобразование общества. Но в то же время, как для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и подкрепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его на уровень с веком, требующим разрешения великих социальных проблем... Не назад, а вперед обращены взоры творцов, и то, что открывается как идеал для будущего, есть новый и высший шаг в развитии правосознания» [Новгородцев, 1995, с. 338].

Очевидно, можно сказать, что, несмотря на различные концептуальные основания использования и интерпретации понятия «правовое сознание», оно содержит ряд признаков, свидетельствующих о его общем функциональном методологическом значении в философских и правовых теориях. К указанным признакам можно отнести:

- во-первых, эмоционально-волевой и идеальный характер, выражающейся в его интерпретации как предпосылки социально-правового действия, обусловленного идеальной конструкцией правовой действительности, концентрирующей в себе мотивированную системой ценностей рационально оформленную совокупность представлений о должном праве;
- во-вторых, процессуальность, выражающуюся в динамичном сочетании субъективных и объективных начал правового сознания, первые из которых выступают в виде психологических эмоциональных состояний, возникающих в результате восприятия правовых явлений и их оценки, а вторые – в виде социальных предпосылок этих оценок, в силу чего они не имеют четко определенных когнитивных границ, обладая свойством транзитивности;
- в-третьих, функциональность в отношении позитивного права, выражающаяся в оценке правосознания в качестве источника позитивного права либо в отождествлении его с правом, содержание которого формируется в результате трансляции в правовую

норму (закон) содержания правового сознания в виде представлений о должном праве – правового идеала.

В то же время следует констатировать и отличительные особенности концепта правового сознания в философских и фундаментальных юридических теориях, несмотря на отсутствие четких границ между ними. Так, философская интерпретация, как правило, делает методологический акцент на правовом идеале, выступающем не только содержательной основой должного права, но и объясняющем природу соотношения правового сознания и права, где правосознание выступает предпосылкой права. Юридическая интерпретация основана на выяснении его значения в объяснении правового поведения индивида, обусловленного его представлениями о праве. Порой это приобретает форму апелляции к правовому сознанию как к «подлинному» праву, которому может противоречить позитивное право. Так или иначе основной вопрос, на который пытались дать ответ упомянутые выше правоведы, состоит в том, как соотносятся правовое сознание, являющееся по своей природе субъективным явлением, и право. Существенная историческая особенность ответа на этот вопрос состояла в постулировании отсутствия между ними принципиальных отличий в том смысле, что между ними их не должно быть, так как содержательной основой права должен быть правовой идеал.

Подводя предварительные итоги, нужно сказать, что характерная для перехода к постклассической философии и науке в целом тенденция включения в круг познаваемых объектов духовного опыта личности и общества в гносеологической сфере означала отказ от классической корреспондентской теории истины как соответствия мысли (высказывания) действительности (вещи), а в правоведении приобрела форму исследовательской ориентации на понимание смысла, а не познание сущности права. Это обернулось апелляцией к сознанию индивида, из горизонта которого интерпретировалась правовая действительность. Важной научной задачей становится изучение отношения к праву, объясняющего правовое поведение. Сам термин «правовое сознание» вводился в научных оборот правоведения посредством отражения субъективной стороны правоотношений, приобретающей решающее значение в праве. Так, согласно общей линии интерпретации проблемы, отождествление права с законом (нормой) не отвечает его природе как духовного явления, включающего ценности, интересы, представления о том, каким должно быть право (правовые убеждения) и пр. Норма лишь тогда является правом, когда в полной мере содержит эти духовные основания. Тем не менее можно указать на два принципиально важных признака данного понятия, очевидно, легших в основу его категориального определения: оно рассматривается в качестве элемента духовной жизни личности и общества и выражает отношение к правовой действительности. В этом смысле важность изучения правосознания осмысливалась не только в контексте раскрытия механизма правового поведения, но и в контексте решения проблемы правового воспитания.

Несмотря на то, что понятие правового сознания, безусловно, присутствовало в философском и теоретико-правовом дискурсе XIX – начала XX в., оно не имело категориального значения, выражающего форму теоретического мышления, объектом которого является право. Очевидно, методологически это было не только малопродуктивным, но и не соответствовало формируемому стилю постклассического мышления, не столько предполагавшего, сколько исключавшего категориальность анализа, присущего классической эпохе.

Категориальное значение правосознание приобретает в марксистской диалектико-материалистической философии и соответствующей правовой теории, во многом опирающейся на постулаты материалистически переосмысленной, прежде всего, философии Гегеля. Методологическая роль данной категории состояла в установлении первичности правового сознания по отношению к правовому бытию и, соответственно, в обосновании положения о том, что содержанием правового сознания является правовое бытие, отождествляемое с позитивным правом. Необходимо сказать, что советские философы и теоретики

права создали мощный теоретический пласт, представляющий собой развернутое обоснование указанных положений. Но советская теория правосознания по своей сути была идеологически мотивирована, что объясняет многие ее особенности и пределы применения. Является очевидным то, что основной предпосылкой и результатом разработки и применения данной теории был советский юридический нормативизм и этатизм.

Примечательным является сама логика постановки проблемы правового сознания представителями данной уходящей своими корнями в классическую эпоху традиции. Правовое сознание является одной из форм общественного сознания. При этом отмечалось, что применение понятия «форма сознания» является методологически более корректным, в силу того, что форма всегда предполагает содержание. Один из авторов известного учебника по философии уже уходящей советской эпохи писал: «В нашей философской литературе встречается утверждение, что термин «форма» устарел, что его можно заменить понятием «вид», «сфера» общественного сознания и т.д. Однако это утверждение не представляется верным, ибо данные понятия не несут в себе философского содержания» [Введение в философию, 1990, с. 452]. Так, содержанием правового сознания является право вместе со всеми сопутствующими ему институциональными образованиями, поскольку в правовом сознании не может быть ничего иного, кроме правового бытия. Поэтому «...правосознание представляет собой результат отражения (мысленного воспроизведения) права в сознании людей (общества, классов, индивидов), воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредующих его социальных институтов (государства, законности, правопорядка и др.). Фактором, оказывающим решающее влияние на идеологическое содержание этих знаний и оценок, является классовый интерес (экономический, политический и т.д.) творцов и носителей правосознания» [Мамут, 1996, с. 115].

Таким образом, категория правосознания фиксирует отношение субъекта, в качестве которого выступают индивид, социальные группы, общество и объекта, под которым понимается право, формой которого является отражение – перенос качеств, свойств и состояний объекта в субъект в виде переживаний, представлений, знаний об объекте отражения. В зависимости от глубины отражения права, оно осуществляется на обыденном и теоретическом уровнях, которым соответствует правовая психология и правовая идеология. Если правовая психология, выражаясь в совокупности «чувств, привычек, настроений, традиций, в которых выражается отношение различных социальных групп, профессиональных коллективов, отдельных индивидов к праву...» [Хропанюк, 1997, с. 204], является поверхностным и противоречивым отражением права, часто порождая заблуждение, то правовая идеология, являясь теоретической формой отражения, вырабатывает объективную истину о нем. Она представляет собой систему «юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность» [Синюкова, 2001, с. 614].

Философские основания этой советской юридической теории базируются на признании главенства принципа отражения, устанавливающего природу и сущность отношения сознания индивида и права, где право выступает в виде объекта, а индивид, социальная группа или общество в виде субъекта отражения. Ее методологические основания состоят в объективизме как принципе познавательной деятельности и, соответственно, в корреспондентской теории истины, характерной для классической эпохи. Учитывая, что еще в конце прошлого века русские правоведы утратили интерес к такому классическому подходу и в соответствии с веянием времени и требованиями новой нарождающейся научной парадигмы, предложили альтернативу, признаки которой были очерчены выше, неизбежно возникает вопрос о том, почему, спустя некоторое время, произошел возврат к старой классической модели. По мнению автора настоящей статьи, это объясняется консерватизмом советской правовой политики, начало которого относится к 30-м годам прошлого века. Вплоть до этого времени российское правоведение изобиловало новыми идеями, которые, по оценкам исследователей, внесли немалый вклад в развитие правовой науки. Прежде

всего следует указать на развитие психологической и социологической школы права, представители которой составляли цвет русского послереволюционного правоведения. Но идеи Л.И. Петражицкого, хотя и были революционно переосмыслены, содержали в себе значительный элемент революционности, который перестал быть востребованным в контексте усиления тоталитаризма. Итогом этого процесса является известное всесоюзное совещание по вопросам теории советского государства и права, принявшее сформулированную тогдашним прокурором СССР А.Я. Вышинским нормативно-этикологическую модель правопонимания, ставшим официальной основой советской правовой доктрины вплоть до распада СССР. Оно гласило: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу».

Так, нормативная правовая доктрина, будучи консервативной по своей сущности в той же степени, в какой консервативен юридический позитивизм, требовала своей легитимации в виде теоретического обоснования закономерности советского правового порядка как исторически наиболее прогрессивного, соответствовавшего эволюции человеческой цивилизации, частью которого является реализация интересов господствующего класса. Теория правового сознания становится важным инструментом решения этой задачи, провозглашая единственно истинной лишь официальную правовую идеологию, отмечая все альтернативные идеи и представления о праве как феномен заблуждения, объясняемый поверхностностью отражения правовой действительности на обыденном уровне сознания (правовая психология). В этом заключается функциональное назначение категории правосознания в системе марксистско-ленинской философии, устанавливающей мировоззренческие ориентиры для других наук, в том числе и в первую очередь для советской теории государства и права, которая фактически дублирует эти положения в соответствии с более узкими задачами этой отрасли знания. Один из уже цитированных выше теоретиков права 80-х годов прошлого века так определяет методологические границы данной категории: «Правовое сознание изучается в рамках различных научных дисциплин, соответственно, в разных ракурсах, под разными углами зрения. Правоведы исследуют его преимущественно как совокупность представлений, мотивирующих правомерное (либо противоправное) поведение, как систему взглядов, служащих источником для законотворческого процесса, включенных в деятельность по реализации законодательства, применению и соблюдению права...» [Мамут, 1986, с. 108]. Вопросы же, входящие в компетенцию философии, «...касаются соотношения общественного бытия и правосознания, обстоятельств порождения (производства) правосознания, его смыслового ядра, структуры и уровней, его связи с другими формами общественного сознания, каналов влияния на общественную практику» [Мамут, 1986, с. 108].

Можно сказать, что категориальный статус понятия «правосознание» является порождением советской идеологической доктрины, в которой эта категория играла роль легитимирующего фактора в виде теоретической философской и правовой конструкции, обосновывающей советский правовой нормативизм, являющийся современной формой консервативного по своему характеру юридического позитивизма. Следует также отметить, что философская и правовая теории правового сознания никогда не рассматривались в качестве самостоятельных, решающих исключительно свои задачи, возникших и функционировавших независимо друг от друга. Это была одна система знания, где философии отводилась роль формулирования мировоззренческих начал, а правовой теории – их реализация в идеологически значимых отраслях юридического знания.

Необходимо подчеркнуть, что советская теория правосознания, несмотря на апелляцию к классической традиции, несет в себе ряд идей дореволюционных теоретиков права,

не только провозглашая важность изучения духовной сферы жизни общества, но и настаивая на относительной самостоятельности идей и теорий, которые могут оказывать влияние на правовую действительность (как плодотворное, так и не плодотворное). Но сутью данной теории всегда оставался классовый подход, характерный для всего марксистского общественнознания, который в теории правосознания выражался как признание единственно истинной лишь идеологию пролетариата. То есть отражение социальной действительности в форме теорий, концепций, доктрин опосредованно классовым интересом, который, приобретая статус официальной идеологии, интерпретируется как объективная истина. Так, один из советских теоретиков следующим образом характеризует социалистическое правосознание: «Социалистическое правосознание, получившее полный простор для своего развития после пролетарской революции, тесно связано с социалистическим правом, которое носит научный характер и выражает интересы всех трудящихся. Основные принципы социалистического правосознания в целом совпадают с индивидуальным правосознанием» [Спиркин, 1964, с. 457].

Чрезмерная идеологизация данной сферы, классовая трактовка природы правосознания, чему отвечала его философская концепция, в теории государства и права приобрели форму «партийности». В одном из учебников советской эпохи читаем: «Принцип партийности теории государства и права – это ее идейное содержание. Он предполагает свободное научное исследование, если иметь в виду честное, искреннее служение интересам рабочего класса, всех прогрессивных социальных сил, строго объективное изучение предмета» [Теория государства и права, 1980, с.35].

В контексте сказанного необходимо отметить, что категориальное использование понятия правосознания в философской и юридической теории выражает историческое своеобразие эволюции этих областей знания в условиях идеологизации сферы социально-гуманитарного знания. В этом смысле современное категориальное использование данного понятия, часто опирающееся на теоретические разработки ушедшей эпохи, должно учитывать теоретико-методологические источники этой категории, природу правопонимания его породившего. Принимая же во внимание концептуальные и методологические потребности использования понятия правосознания современной теорией государства и права, нужно констатировать необходимость обновления его философской базы на основе современных теорий сознания, давно известных искушенному сообществу российских философов и теоретиков права.

Список источников

1. Коркунов Н.М. 1915. История философии права: пособие к лекциям. СПб., 502 с.
2. Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. В 2 ч. Под ред. И.Т. Фролова. Часть 1. М., Политиздат, 1990, 367 с.
3. Хропанюк В.Н. 1997. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М., 377 с.
4. Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. М., Соцэкгиз, 1964, 503 с.
5. Теория государства и права: учебник. Под ред.: Денисов А.И. - М.: Юрид. лит. М., 1980, 532 с.
6. Синюкова Т.В. 2001. Правосознание и правовое воспитание. В кн.: Теория государства и права. Курс лекций. М., 337–344.

Список литературы

1. Пегова Н.Э. 2018. Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права Н.М. Коркунова: Дисс... канд. юрид. наук. Курск, 180 с.
2. Авенариус Р. 1898. Введение в критику чистого опыта. Перевод с нем. И. Федорова. В 2-х томах. Т. 1. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 145 с.
3. Бухарова И.В. 2014. Психологическая теория правового воздействия Л.И. Петражицкого: теоретико-методологический анализ: Дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 192 с.

4. Тимошина Е.В. 2013. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Дисс... д. юрид. наук. М., 556 с.
5. Ильин И.А. 1994. О сущности правосознания. Собр. соч. т. IV. М., 151–414.
6. Новгородцев П.И. 1995. Кризис современного правосознания. Сочинения. М., 393 с.
7. Мамут Л.С. 1986. Правосознание. В кн.: Общественное сознание и его формы. М., Политиздат, 367 с.

References

1. Pegova N.E. 2018. Teoretiko-pravovaya metodologiya v kontseptsii obshchey teorii prava N.M. Korkunova [Theoretical and legal methodology in the concept of the general theory of law by N.M. Korkunova]: Diss... kand. jurid. nauk. Kursk, 180 p.
2. Avenarius R. 1898. Vvedeniye v kritiku chistogo opyta [Introduction to the criticism of pure experience]. Perevod s nem. I. Fedorova. V 2-kh tomakh. T. 1. SPb., tip. M.M. Stasyulevicha, 145 p.
3. Bukharova I.V. 2014. Psikhologicheskaya teoriya pravovogo vozdeystviya L.I. Petrazhitskogo: teoretiko-metodologicheskii analiz [Psychological theory of legal impact L.I. Petrazhitsky: theoretical and methodological analysis]: Diss... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 192 p.
4. Timoshina Ye.V. 2013. Teoriya i sotsiologiya prava L.I. Petrazhitskogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya [Theory and Sociology of Law L.I. Petrazhitsky in the context of classical and postclassical legal thinking]: Diss... d. jurid. nauk. M., 556 p.
5. П'ин И.А. 1994. О сущности правосознания [On the essence of legal consciousness]. Sobr. soch. t. IV. M.: 151–414.
6. Novgorodtsev P.I. 1995. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. Sochineniya [The Crisis of Modern Legal Awareness. Compositions]. M., 393 p.
7. Mamut L.S. 1986. Pravosoznaniye [Legal Awareness]. V kn.: Obshchestvennoye soznaniye i yego formy. M., Politizdat, 367 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Контарев Анатолий Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Kontarev, Doctor of philosophy, professor, Head of the Department of the humanitarian and socio-economic disciplines, Rostov Law Institute of the ministry of internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

УДК 168.51

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-223-229

О фундаменталистском и социокультурном направлениях в современной отечественной и западной философии математики

Побережный И.А.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: ivan.poberezhnyy@gmail.com

Аннотация. К концу прошлого столетия в философии математики значительно расширился круг проблем, увеличилось число научных публикаций и сформировались два противостоящих друг другу направления: фундаменталистское и нефундаменталистское (социокультурное). Представители первого утверждают априорность природы математических объектов и понятий, онтологическую объективность математики. Сторонники социокультурного подхода утверждают возможность наличия множественности математик, зависимость математической парадигмы от исторических и социально-культурных факторов. Автором рассмотрены особенности каждого направления, вопросы и проблемы, вызывающие наибольшие разногласия. Наличие различных подходов к решению какой-либо проблемы имеет большой потенциал, так как способствует процессу развития научной области и расширению ее границ.

Ключевые слова: философия математики, фундаментализм, антифундаментализм, парадигма, постпозитивизм

Для цитирования: Побережный И.А. 2021. О фундаменталистском и социокультурном направлениях в современной отечественной и западной философии математики. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 223–229. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-223-229

About fundamentalist and sociocultural streams in modern russian and western philosophy of mathematics

Ivan A. Poberezhnyi

Kursk State University,
33 Radishchev St, Kursk, 305000, Russia
E-mail: ivan.poberezhnyy@gmail.com

Abstract. By the end of the twentieth century, the range of problems in the philosophy of mathematics has significantly expanded, the number of scientific publications has increased, and two opposing trends have emerged – the fundamentalist and non-fundamentalist (socio-cultural). Representatives of the first claim a priori nature of mathematical objects and concepts, ontological objectivity of mathematics. Proponents of the socio-cultural approach assert the possibility of a plurality of mathematics, the dependence of the mathematical paradigm on historical and socio-cultural factors. The article considers the features of each direction, and considers the issues and problems that cause the most controversy. The presence of different approaches to solving any problem has a great positive potential, as it contributes to the development of the scientific field and the expansion of its borders.

Key words: philosophy of mathematics, fundamentalism, anti-fundamentalism, paradigm, Postpositivism.

For citation: Poberezhnyi I.A. 2021. About fundamentalist and sociocultural streams in modern russian and western philosophy of mathematics. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 223–229 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-223-229

На протяжении прошлого столетия круг проблем философии математики, как западной, так и отечественной, значительно расширяется. Если изначально она была связана с проблемой обоснования математического знания, то в дальнейшем в ее круг входят онтологические и гносеологические проблемы осмысления сущности математики, природы математических объектов и понятий, природы доказательства в математике, соотношения математики и логики, проблема построения «приемлемых онтологических моделей» [Арепьев, 2014] математических объектов, проблема сущности бесконечности и другие.

К концу XX столетия регулярное проведение конференций и семинаров по философии математики в России повышает исследовательскую активность специалистов. Увеличивается количество научных публикаций, монографий и сборников, и в философии математики обнаруживаются два различных, противостоящих друг другу направления: фундаменталистское и нефундаменталистское, получившее название социокультурного. Конечно же, возникли эти направления несколько раньше и не в одно время, о чем будет сказано ниже, но их противостояние обнаруживается ближе к концу прошлого века. Рассмотрим основные особенности каждого из этих направлений в современной отечественной и западной философии математики.

Под фундаментализмом в философии науки понимают такую эпистемологическую позицию, «с которой выдвигается идеал обоснованности научного знания и критерий обоснованности знания как критерий его (знания) научности» [Антаков, 2007, с. 302].

Представители фундаменталистского направления философии математики утверждают, что математика принципиально едина, что математическая парадигма, включающая в себя объект познания и методы исследования, в основе своей неизменна, а теоретическая математика опирается на классическую логику. На протяжении длительного времени математика представлялась исследователям наукой, которая свободна от социокультурных ценностей и факторов. Академическая математика, обладающая высоким уровнем абстрактности, считалась упорядоченной системой обоснованного и непротиворечивого знания, которое имеет универсальный характер. Природа математических объектов и понятий априорна, из чего следует онтологическая объективность математики. Математические доказательства, опирающиеся на законы логики, обладают необходимой степенью надежности. В философии математики фундаментализм – это направление, «которое подчиняет исследование математики одной целевой установке – выяснению проблемы сущности математики, не зависящей от ее конкретных исторических состояний» [Барабашев, 2001, с. 79].

Внимание сторонников фундаментализма сосредоточено на гносеологических вопросах и классической проблематике обоснования математического знания, исследовании природы и сущности математики как таковой. Развитие математики с этой позиции представляет собой процесс, устремленный к некоторому заданному идеалу и который сам по себе является исторической необходимостью.

Сторонники нефундаменталистского (социокультурного) подхода к математическому познанию утверждают возможность наличия множественности математик, зависимость математической парадигмы от исторических и социально-культурных факторов. Они считают, что при изучении математических представлений необходимо изучать и ту среду, в которой эти представления возникли и существуют, так как их смысл определяется контекстом, в котором они употребляются. По их мнению, такой подход способствует тому, «чтобы увидеть разнообразие существующих путей развития человеческого мышления и осознать степень его вариативности» [Яшин, 2016, с. 67].

Классические работы по философии математики в основном было бы логично отнести к ее фундаменталистскому направлению. В этих работах рассматриваются, как правило, проблемы оснований математического знания, онтологические и гносеологические проблемы математики, и в них не затрагиваются вопросы развития математики как науки. Фундаменталистская философия математики занимается, прежде всего, осмыслением сущности математики, формой существования её объектов. Она связана с философией математики

И. Канта, классическими программами обоснования математического знания конца XIX – начала XX века Б. Рассела, Л.Э. Брауэра и Д. Гильберта (логицизм, интуиционизм, формализм) [Побережный, 2019], программой нахождения фундаментальных математических структур, которая была предложена группой французских математиков Бурбаки, более поздними исследованиями природы математических объектов, изложенными в работах П. Мэдди, У. Куайна, Х. Патнэма и их приверженцев. Не менее широко представлено это направление в отечественной философии математики. К числу его представителей можно отнести таких известных ученых, как А.Д. Александров, А.Н. Колмогоров, В.Я. Перминов, А.Г. Рузавин и другие. С точки зрения представителей данного направления, математика представляет собой систему знаний, развитие которой «является исторической необходимостью, предопределяющей стремление математики к некоторому заранее заданному идеалу» [Яшин, 2016, с. 62].

В своей книге «Будущее математики: методологические аспекты прогнозирования» А.Г. Барабашев замечает, что в современной западной фундаменталистской философии математики можно увидеть «поворот от чисто аналитических концепций сущности математики к тем или иным вариантам эмпирических "синтетических" представлений» [Барабашев, 2001, с. 82]. Современные западные ученые заняты проблемой реальности математических объектов и поиском аналогий между истинностью естественнонаучного и математического знания. Рассматривается вопрос о том, какова онтологическая реальность понятия числа, если оно не имеет никаких других свойств, кроме свойства упорядоченности. [Арепьев, 2014] И, наконец, Х. Патнэм считает, что в математических доказательствах могут быть использованы не только дедуктивные, но и индуктивные умозаключения, которые следуют из тривиальных математических фактов. Фундаменталистское направление имеет достаточно большое число сторонников среди авторитетных ученых, представителей философии математики. Однако уже к концу прошлого столетия число их оппонентов, сторонников социокультурного направления, стало возрастать.

Социокультурное направление философии математики формируется позже, примерно в середине 60-х годов XX века. В.А. Шапошников связывает формирование альтернативы фундаментализму с возникновением и постепенным укреплением позиций постпозитивистской философии науки, стремительным развитием компьютерной техники и цифровых технологий. Все это, по мнению В.А. Шапошникова, приводит к тому, что путь, пройденный философией математики за полвека (1930–1970-е годы) сам становится предметом философского исследования. В результате этого исследования «было декларировано появление... альтернативного направления» [Шапошников, 2018, с. 48]. Исследовательский интерес его представителей нацелен не на изучение оснований математического знания и стандартов математических рассуждений, а на исследование реальных путей развития математического знания, на поиск общих схем и закономерностей развития математики. «Работы нефундаменталистского направления претендуют на постановку и решение проблем выявления концепций развития математики, поиска схем этого развития» [Барабашев, 2001, с. 84].

В рамках нефундаменталистского направления большое значение придается исследованию процесса развития математики как социокультурного явления, то есть сама «сущность математики здесь предстает как закономерности ее развития» [Барабашев, 2001, с. 84]. Иными словами, при изучении развития математики как науки подчеркивается необходимость учета всего многообразия социокультурных факторов. Исследования по истории математики показывают, что сам процесс развития во многих случаях существенно определяется внешним культурным и социальным окружением. Попытки дать адекватную картину этого процесса и влияния на него внешних факторов имеют место в работах как ведущих отечественных специалистов в данной области, так и зарубежных ученых, работы которых широко публикуются в известных математических изданиях.

В западной философии математики одной из первых значительных работ социокультурного направления стала книга И. Лакатоса «Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы», в которой ученый стремится показать общую схему процесса развития математики, рассматривая историю доказательств теоремы Л. Эйлера о соотношении числа граней, вершин и ребер в многогранниках. В современной западной философии науки производится поиск моделей, описывающих процесс развития математической науки как элемента социокультурной системы. Так, Р. Уайлдер в работе «Математика как культурная система» [Wilder R., 1981] описывает математику как отдельную область культуры, и формирует свою схему исторического взаимодействия разделов математики. При этом разделение математики как культурной системы на элементы не всегда совпадает с ее обычным разделением на ряд теоретических дисциплин.

Одной из известных работ, в которой дается анализ динамики математического знания, стала работа американского философа Ф. Китчера «Природа математического знания» [Kitcher Ph., 1984]. В ней Ф. Китчер попытался связать проблемы обоснования математики с проблемой научной рациональности. При этом он стремился учитывать различные социокультурные факторы, которые обуславливают диалектические процессы математики как научной дисциплины. Автор строит эмпирическую концепцию сущности математической науки и развития системы математического знания как процесса деятельности научного сообщества в роли коллективного субъекта научного познания.

Можно утверждать, что представителям нефундаменталистского направления удалось значительно расширить границы философии математики. На современном этапе еще одной важной проблемой и областью рефлексии становится вопрос применения математических результатов. Сюда входят, прежде всего, вопросы прикладной математики. Появляются утверждения о том, что наиболее адекватное представление о природе математического знания можно получить, исследуя именно феномен прикладной математики в качестве исходного [Mathematics, 1984; New Directions, 1985].

В отечественной философии математики к нефундаменталистскому направлению можно отнести исследования большого числа известных ученых. В их работах просматривается стремление найти диалектику в самом процессе развития математики как системы научного знания, а не в ее сущностных характеристиках, рассматриваемых вне связи с другими областями знания. В них отсутствует стремление установить вневременную, не зависящую от исторического контекста сущность математики. М.И. Панов утверждает, что математическая наука включена «в общекультурный контекст человеческой деятельности» [Панов, 2003, 15] и предрассудком является мнение о том, что «объективированная интерпретация науки гарантирует, что любое открытие может быть повторено».

А.Г. Барабашев замечает, что нефундаменталистские работы занимают все большее место в литературе по философии математики. Сюда относятся исследования проблем интуиции, проблем сущности математического доказательства как исторически эволюционирующих процессов. Интерес к нефундаменталистским работам по философии математики, пишет ученый, выражен гораздо отчетливее, чем к исследованиям традиционной фундаменталистской направленности.

Несмотря на очевидную популярность, социокультурный подход в философии математики остается далеко не бесспорным. Даже убежденные сторонники этого подхода признают, что нет достаточных оснований для допущения культурного релятивизма в области математики. В.В. Целищев считает, что «признание математики просто человеческой активностью, с точки зрения гуманистической математики, вообще не имеет отношения к философии математики. Последняя усматривает скрытый смысл за пределами социально-историко-культурного контекста, который проявляется в неизменной онтологии математических объектов и вневременном характере математических истин» [Целищев, 2002, с. 45].

Представители же фундаментализма в данном вопросе гораздо более категоричны. Так, Е.М. Вечтомов, убежденный сторонник фундаменталистской философии математики,

в монографии «Метафизика математики» пишет: «Если фундаментализм отображает подлинную онтологию математики, то нефундаментализм навязывает нам рекламу нематематических декораций, приукрашенных элементами современного дизайна» [Вечтомов, 2006, с. 117]. Ученый, рассмотрев основные вехи истории математики, приходит к выводу, что «другой математики быть не могло» [Вечтомов, 2006, с. 113].

В.Я. Перминов также достаточно критически относится к большинству тезисов антифундаментализма. Ученый считает, что развитие науки представляет собой «процесс очищения нормативных предпосылок от всякого рода ценностных и социокультурных аспектов» [Перминов, 1999, с. 245]. В другой работе он пишет: «Математика очищает себя от ошибок... посредством системности теории» [Перминов, 2001, с. 73]. Научная теория, считает ученый, в процессе своего вызревания в итоге полностью исключает из себя всякое социокультурное и историческое содержание. Это означает, что в конечном счете необходимо полностью отказаться от связи обоснования науки с культурными универсалиями. «Наука по своим основаниям несравненно более фундаментальна, чем культура» [Перминов, 1999, с. 245]. Зрелая наука базируется на фундаменте, который внеисторичен. В частности, математика фиксирует в своих представлениях порожденные деятельностью структуры мышления, поэтому математическое знание обладает высокой исторической стабильностью. Ничто в математике не доказывает неопределенности ее базовых структур.

Для обоснования математики необходима функциональная позиция, которая выявляла бы априорные формы мышления. «Если бы все человечество потеряло на время память и прервало все исторические эстафеты, то, возродившись к жизни, оно неизбежно бы воспроизвело реальную логику, арифметику, евклидову геометрию и абстрактную онтологию в том же самом виде, ибо эти структуры поддерживаются не в силу традиции, но под давлением функции», – утверждает В.Я. Перминов [1999, с. 249]. Даже в истории математики ученый считает социокультурный подход неприемлемым подходом к изучению ее философских оснований, поскольку при таком подходе несущественной становится сама преэминентность математических структур. При этом В.Я. Перминов никоим образом не считает этот подход излишним или несущественным, так как он позволяет получить объяснение определенного рода событий в истории математики, зависящих от внешних условий и не выводимых из внутренней логики науки. Суть в том, что этот подход «вторичен и сам по себе не может претендовать ни на статус особой философии математики, ни, тем более, на некоторое перспективное направление в философии математики», – считает ученый [1999, с. 249].

Следует заметить, что у многих современных авторов есть работы как фундаменталистской, так и нефундаменталистской направленности. В последних рассматривается историческое развитие математического знания как диалектический процесс взаимодействия эмпирического и умозраительного уровней математического исследования, рассматриваются различные типы взаимодействия философии и математики.

На наш взгляд, наличие различных подходов к решению какой-либо проблемы всегда имеет большой потенциал, поскольку способствует диалектическому процессу развития науки, позволяет значительно расширить ее границы.

Таким образом, споры между сторонниками фундаментализма и антифундаментализма в философии математики продолжаются как в среде западных, так и в среде отечественных ученых. Как правило, в большинстве научных споров оппоненты остаются при своих мнениях, усиливая свои аргументы и укрепляя научные позиции. Любой спор является следствием существенных различий в восприятии реальности, различий исследовательских успехов сторон. Как показывает историческая практика, любая логически выдержанная и исследовательски плодотворная научная позиция всегда найдет своих сторонников.

Список литературы

1. Арепьев Е.И. 2014. Природа чисел в свете расширенной трактовки действительности. Российский гуманитарный журнал, 3 (4): 229–236.
2. Антаков С.М. 2007. Фундаментализм и его отрицания в философии науки (наука как предмет философии). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки, 1: 301–307.
3. Барабашев А.Г. 1991. Будущее математики: методологические аспекты прогнозирования. М., Изд-во МГУ, 160 с.
4. Вечтомов Е. М. 2006. Метафизика математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 508 с.
5. Панов М.И. 2003. Философия математики XX века (Обзор). В кн.: Философия в XX веке. В 2-х частях: Ч. 2. Социальные и гуманитарные науки в XX веке. М., Институт научной информации по общественным наукам РАН: 11–39.
6. Перминов В.Я. 1999. Ложные претензии социокультурной философии науки. Стили в математике: социокультурная философия математики. СПб., РХГИ: 235–253.
7. Перминов В.Я. 2001. Философия и основания математики. М., Прогресс-Традиция, 320 с.
8. Побережный И.А. 2019. Интуиция в математике: от интуитивизма А. Пуанкаре к интуиционизму Л. Брауэра и Г. Вейля. Философская мысль, 5: 1–6.
9. Целищев В.В. 2002. Философия математики. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 212 с.
10. Шапошников В.А. 2018. Философия математики в эпоху перемен: поворот к математической практике и ориентация на приложения. В кн. История и философия науки в эпоху перемен. М., Изд-во «Русское общество истории и философии науки»: 47–49.
11. Яшин Б.Л. 2016. Социокультурные аспекты математического познания и этноматематика. Педагогика и просвещение, 1: 60–70.
12. Kitcher Ph. 1984. The nature of mathematical knowledge. N.Y., 368 p.
13. Mathematics: People, Problems, Results. Vol. 3. 1984. Wadsworth International Inc., Brigham Young Univ., 312 p.
14. New Directions in the Philosophy of Mathematics: An Antology. 1985. Boston etc., Birkhäuser, 323 p.
15. Wilder R. 1981. Mathematics as a Cultural System. Oxford, 194 p.

References

1. Arep'yev Ye.I. 2014. Priroda chisel v svete rasshirennoy traktovki deystvitel'nosti [The nature of numbers in the light of the expanded interpretation of reality]. Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal, 3 (4): 229–236.
2. Antakov S.M. 2007. Fundamentalizm i yego otritsaniya v filosofii nauki (nauka kak predmet filosofii) [Fundamentalism and its denials in the philosophy of science (science as a subject of philosophy)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nyye nauki, 1: 301–307.
3. Barabashev A.G. 1991. Budushcheye matematiki: metodologicheskiye aspekty prognozirovaniya [The Future of Mathematics: Methodological Aspects of Forecasting]. M., Publ. MGU, 160 p.
4. Vechtomov Ye. M. 2006. Metafizika matematiki [The Future of Mathematics: Methodological Aspects of Forecasting]. Kirov, Publ. VyatGGU, 508 p.
5. Panov M.I. 2003. Filosofiya matematiki XX veka (Obzor). [Philosophy of Mathematics of the XX century (Review)]. In: Filosofiya v XX veke [Philosophy in the XX century]. In 2 parts: Part 2. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki v XX veke. [Social and humanitarian sciences in the XX century]. M., Publishing House Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences: 11–39.
6. Perminov V.YA. 1999. Lozhnyye pretenzii sotsiokul'turnoy filosofii nauki [False Claims of the Sociocultural Philosophy of Science]. Stili v matematike: sotsiokul'turnaya filosofiya matematiki. SPb., Publ. RKHGI: 235–253.
7. Perminov V.YA. 2001. Filosofiya i osnovaniya matematiki [Philosophy and Foundations of Mathematics]. M., Publ. Progress-Traditsiya, 320 p.
8. Poberezhnyy I.A. 2019. Intuitsiya v matematike: ot intuitivizma A. Puankare k intuitsionizmu L. Brauera i G. Veylya [Intuition in mathematics: from the intuitionism of A. Poincaré to the intuitionism of L. Brouwer and G. Weil]. Filosofskaya mysl', 5: 1–6.

9. Tselishchev V.V. 2002. *Filosofiya matematiki* [Philosophy of Mathematics]. Ch. 1. Novosibirsk, Publ. Nauka, 212 p.
10. Shaposhnikov V.A. 2018. *Filosofiya matematiki v epokhu peremen: povorot k matematicheskoy praktike i oriyentatsiya na prilozheniya* [The Philosophy of Mathematics in an Age of Change: A Turn towards Mathematical Practice and an Application Orientation]. In: *Istoriya i filosofiya nauki v epokhu peremen*. M., Publ. Russkoye obshchestvo istorii i filosofii nauki: 47–49.
11. Yashin B.L. 2016. *Sotsiokul'turnyye aspekty matematicheskogo poznaniya i etnomatematika* [Socio-cultural aspects of mathematical knowledge and ethnomatics]. *Pedagogika i prosveshcheniye*, 1: 60–70.
12. Kitcher Ph. 1984. *The nature of mathematical knowledge*. N.Y., 368 p.
13. *Mathematics: People, Problems, Results*. Vol. 3. 1984. Wadsworth International Inc., Brigham Young Univ., 312 p.
14. *New Directions in the Philosophy of Mathematics: An Antology*. 1985. Boston etc., Birkhäuser, 323 p.
15. Wilder R. 1981. *Mathematics as a Cultural System*. Oxford, 194 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Побережный Иван Александрович, аспирант кафедры философии Курского государственного университета, Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Poberezhny, PhD student, Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russia

УДК 141.41

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-230-238

Понятие антиномии: терминологические границы и богословские аспекты

Горячев Д.А.

Московская духовная академия

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия

E-mail: rasumihin@yandex.ru

Аннотация. Приведено терминологическое разграничение понятия антиномии со смежными понятиями. Основное внимание уделено сопоставлению антиномии и парадокса как соответственно принципиально неразрешимому и принципиально разрешимому противоречиям. Рассмотрены примеры необоснованного расширения и ограничения предметной области антиномии. Определённость границ понятия антиномии достигается в исследовании через привлечение богословского материала, в основном из работ священника Павла Флоренского. Представления Флоренского об антиномии, претерпевшие изменения в развитии его философской и научной мысли и характеризующиеся логической завершённостью, положены в методологическую основу данного исследования. В работе подчёркнуто значение строгого антиномизма, исключающего паранаучные построения с использованием антиномии.

Ключевые слова: антиномия, парадокс, противоречие, совпадение противоположностей, Флоренский.

Для цитирования: Горячев Д.А. 2021. Понятие антиномии: терминологические границы и богословские аспекты. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 230–238. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-230-238

The concept of antinomy: terminological boundaries and theological aspects

Daniil Goryachev, Priest

Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russian Federation

E-mail: rasumihin@yandex.ru

Abstract. Since Kant's critical philosophy, the concept of antinomy has been firmly established in philosophy. Currently, it is actively used in logic, cultural studies, theology, psychology, sociology, pedagogy, linguistics and other sciences. The article considers examples of unjustified expansion and limitation of the subject area of antinomy. A clear definition of the scope of this concept requires the establishment of its essential features. The essence of antinomy is revealed on the basis of the works priest Pavel Florensky, which give the most radical and at the same time logically complete answer about antinomy and its meaning. According to Florensky, truth is antinomy, Church dogma is necessarily antinomic, otherwise it becomes either a scientific position or a heresy. Antinomy involves maintaining a balance between its thesis and its antithesis. In this way, antinomy can be clearly distinguished from the related concepts of aporia, absurd, nonsense, paralogism, sophism and paradox. The main attention is paid to the comparison of antinomy and paradox as two contradictions, that differ on the basis of intentionality as, respectively, fundamentally unsolvable and fundamentally solvable by the methods of formal logic. The paper emphasizes the importance of strict antinomy, excluding parascientific construction with the antinomies.

Keywords: antinomy, paradox, contradiction, coincidence of opposites, Florensky.

For citation: Goryachev D.A. 2021. The concept of antinomy: terminological boundaries and theological aspects. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 230–238 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-230-238

1. Введение: антиномии Канта

Ответ на вопрос «что не является антиномией?» необходим для формирования строгой научной концепции антиномизма — установлению чётких границ понятия антиномии по принципу *determinatio est negatio* (определение есть отрицание). Приступая к негации, дадим предварительный ответ на вопрос «чем является антиномия?». На первый взгляд антиномия (с греческого *ἀντινομία* — противозаконие) представляет собой вполне сложившийся философский термин, начиная с «Критики чистого разума» (1781 г.) И. Канта, и определяется как противоречие между двумя одинаково обоснованными суждениями. Или еще более сжато: тождество противоречия ($A = \text{не-}A$).

Несмотря на то, что в понятие антиномии входит всего два компонента (противоречие и его синтез), каждый конкретный случай нуждается в обосновании — как логическом, так и мировоззренческом.

Даже кантовские антиномии чистого разума (*Antinomie der reinen Vernunft*) принимаются их автором только с рядом оговорок [Кант 2006, с. 327]:

1) о величине мира:

мир имеет начало во времени
и границы в пространстве

мир не имеет начала во времени
и бесконечен в пространстве

2) о содержании мира:

всякая сложная субстанция состоит
из простых частей

в мире нет ничего простого

3) о порядке мира:

существует свобода

все имеет свои причины

4) о Боге:

к миру принадлежит безусловно
необходимое существо

нет никакого абсолютно необходимого
существа

Сам Кант даёт логическое разрешение этим антиномиям, также и последующая критика (Гегеля, в первую очередь) показала неантиномичность указанных «антиномий». Вместе с тем за кантовским антиномизмом закрепилось определяющее значение: «Это мнимое разрешение мнимой антиномии, — В.С. Соловьев говорит об антиномии причинности и целесообразности, — заканчивающее последний из трех главных философских трудов Канта [“Критика способности суждения”], особенно ярко обнаруживает тот коренной недостаток всей его философии, который с необходимостью вызвал дальнейшее движение умозрительной мысли и делает безуспешным все попытки вернуть философию к чистому кантианству» [Соловьев, 1990, с. 470].

В тех же тонах пишет о значении кантовского антиномизма П.А. Флоренский: «В истории плоского и скучного мышления “новой философии” Кант имел дерзновение выговорить великое слово “антиномия”, нарушившее приличие мнимого единства. За это одно заслуживал бы он вечной славы. Нет нужды, если собственные его антиномии неудачны: дело

— в переживании антиномичности» [Флоренский 2017, с. 164]. Критика кантовских антиномий представлена им в пробной лекции 1908 г. «Космологические антиномии Иммануила Канта» [Флоренский, 1996].

На наш взгляд, гораздо более глубоким ощущением и осознанием неразрешимости антиномического противоречия, по сравнению с Кантом, является учение Николая Кузанского о совпадении противоположностей (*coincidentia oppositorum*): «Надо вступить в область мрака, признать невмещаемое никаким рассудком совпадение противоположностей и искать истину там, где встает перед глазами невозможность. <...> Так я увидел, что место, где Ты обретаешься без покровов, опоясано совпадением противоположностей» [Кузанский, 1980, с. 53].

Однако необходимо обратить внимание на то, что отец Николай использует термин «противоположное» — различение понятий противоположного (*opposita*) и противоречивого (*contraria*) составляют основной вопрос строгого антиномизма. Противоречие есть вид противоположности, однако это такая противоположность, которая находится во взаимоисключении. Например, красное и белое противоположны, а противоречивы красное и не-красное. В связи с этим учение о совпадении противоположностей и антиномизм не тождественны.

2. Антиномизм П.А. Флоренского

Философский подход к определению антиномии как противоречию между двумя логически обоснованными положениями [Порус, 2010, с. 80] связан с формальными трудностями именно обоснования, которое может стать бесконечным спором. Отдельное преимущество в определении антиномии есть у теологии с её устойчивыми формами истинного. К примеру, текст Священного Писания более свободен от «спора о словах», так как имеет сложившуюся герменевтическую традицию. Формулы догматов также благодаря общепризнанности христианами могут служить иллюстрацией к антиномиям. В детально разработанном виде философско-богословское учение об антиномиях представлено у священника Павла Флоренского в книге «Столп и утверждение Истины» (примеры религиозных антиномий вынесены им в отдельную таблицу в конце Письма шестого «Противоречие»; комментарий к ним: [Горячев, 2019, 38–58]). Здесь антиномия формулируется как противоречие между двумя истинами [Флоренский, 2017, с. 169].

Примеры таких религиозных антиномий:

необходимость человеческого подвига (1 Кор. 9:24) — недействительность человеческого подвига (Рим. 9:16);

на суд пришел Я в мир (Ин. 9:39) — *Я пришел не судить мир* (Ин. 12:47);

всеобщее восстановление и блаженство (Рим. 8:19–23; 11:30–36) — двойкий конец (Рим. 2:5–12), погибель (2 Кор. 2–15). У Флоренского данная антиномия излагается следующим образом: «Тезис — “невозможна невозможность всеобщего спасения” — и антитезис — “возможна невозможность всеобщего спасения” — явно антиномичны. Но доколе признается Любовь Божия, — доколе неизбежен тезис, а доколе признается свобода твари, сама составляющая необходимое следствие любви Божией, — доколе неизбежен антитезис» [Флоренский, 2017, с. 214].

Сама истина, согласно Флоренскому, есть антиномия. Однако здесь речь не идёт о Истине-Боге (в Боге нет противоречия), а о той истине, которая является человеческой данностью. Так, церковный догмат — внутренне противоречив; сознательное принятие его требует веры. Если бы догмат был исключительно рационален, он перестал бы быть догматом веры, а стал бы научным положением. Также отказ от одновременного «да» и «нет» вероучительного положения, отказ от антиномии в пользу её тезиса или антитезиса приводит к ереси. Одновременное «да» и «нет» антиномии не есть лавирование или конъюнктура, а напротив — выдерживание между ними строгого равновесия [Флоренский, 2017, с. 148].

Первоначально Флоренским антиномия воспринималась в кантовском смысле как свойство разума. В работах, вышедших после «Столпа и утверждения Истины», антиномия

приобретает характер бытийного принципа: антиномичны символ, культ, культура, слово, обряд и т.д. Антиномизм Флоренского можно трактовать как философское осмысление полярного мироустройства. Его подход лежит в основе выяснения нами терминологических границ антиномии.

3. Увеличение и уменьшение объема понятия антиномии

Ошибка расширительного толкования антиномии (через включение в неё противоположного) приводит к её «тотальной» концепции, например: «...Антиномизм является одной из методологических установок диалектического метода, в основе которого лежит принцип противоположения сил, явлений, сущностей и этот принцип имеет очень древнюю родословную. Все первобытное, мифологическое мышление можно фиксировать как тотально антиномичное. В древней мифологии система противоположностей заполняет все сферы...» [Егорова, 2009, с. 15].

Не являются антиномиями такие диады, как душа и тело, духовное и плотское, идеальное и материальное. Сами по себе они не находятся в непримиримой вражде контражности, примерами тому служат *духовные вещи*, сакральные предметы, святыни (икона, святая вода, храм) и *овеществлённая духовность* (откровение, видение потустороннего мира). Такой принцип аскетики «дай кровь и прими дух», казалось бы, предполагает, что именно плотское начало в человеке не позволяет развиваться духовному. Однако здесь речь идёт об искажённой грехопадением плоти, и данный принцип уравнивается другим: «мы не телоубийцы, а страстоубийцы» [Каллист, 2010, с. 342].

«Антиномия “Россия – Запад” в концепциях культурной самобытности» — сложно согласиться с таким пониманием антиномизма, т. к. Россия и Запад не исключают друг друга, не находятся в неразрешимом противоречии. Название другой диссертации: «Художественная репрезентация антиномии “добро/зло” в творчестве Н. Сагур». Здесь опять речь идёт о противоположном. Более того, с точки зрения русской онтологической философии, зло не имеет собственного бытия и является искажённым добром: «То, что есть у Смерти — это лишь испоганенная ею же жизнь» [Флоренский, 2017, с. 173].

2. Другой ошибкой будет не видеть антиномического противоречия, принимая его только как противоположное (ошибка ограничения объема понятия). Полемизируя с П.А. Флоренским, Е.Н. Трубецкой не признаёт антиномию неслитного и нераздельного существования Божественной и человеческой природ во Христе, наделяя их статусом противоположных: «Антиномия была бы в том случае, если бы Церковь утверждала в одно и то же время и раздельность и нераздельность двух естеств и слиянность и неслиянность их; <...> нераздельность и неслиянность логически вовсе не исключают друг друга» [Трубецкой, 2001, с. 296]. С ним солидарен С.С. Хоружий [1999].

Понятия «нераздельность» и «неслитность» формально-логически не исключают друг друга. Но если выяснить смысл этих понятий, что конкретно они означают, какую предметную реальность они именуют и как они представляются человеческому сознанию, то противоречие становится очевидным.

Что значит раздельно? Построим смысловой ряд: порознь, отдельно, *не вместе, не едино*.

Что значит слитно? Также построим смысловой ряд: сплоченно, совокупно, цело, *вместе, едино*. Данный смысловой ряд наглядно демонстрирует, что он противоположен, а местами прямо противоречит первому ряду. Невозможно представить одновременную раздельность и нераздельность.

Что касается полемики Трубецкого с Флоренским, то это не выяснение вопросов логики, а выяснение вопросов мировоззрения [Трубецкой, 1989]. Так, именно антиномизм разграничивает философию П.А. Флоренского с философией всеединства В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого: «Употребив в тексте определение Соловьева [истины как всеединого сущего], должны

оговориться, что берем его лишь формально, вовсе не вкладывая в него Соловьевского истолкования; доказательство тому — все наше сочинение, состоящее по духу антиномичности против примирительной философии Вл. Соловьева» [Флоренский, 2017, с. 605].

3. В двух предыдущих пунктах разбирался такой компонент антиномии, как противоречие. Теперь рассмотрим вторую её составляющую, а именно синтетическую.

Не являются антиномией истина и ложь по причине отсутствия синтеза между ними. С этой точки зрения также можно рассмотреть добро и зло, не составляющие единства, но, например, не для нравственного релятивизма.

По своему тяготению к выяснению истины, а не антиномичному равновесию между двумя истинами, от антиномии отличаются абсурд, апория и парадокс.

Абсурд есть бессмыслица там, где должен был быть смысл (там, где смысл и не ожидался, присутствует *нонсенс* [Шкурская 2011, 15]). Абсурд есть противоречие смысла и бессмыслицы.

Апория есть противоречие между истиной и наличным опытом.

Антиномия и *софизм* различны как истина в виде ошибки и ошибка под видом истины.

4. Антиномия и парадокс

Чаще всего антиномия отождествляется с парадоксом. «Парадокс — мнение странное, на первый взгляд дикое, озадачивающее, противное общему»¹. «Парадокс (*παράδοξος* — неожиданный, странный) — это высказывание либо рассуждение, которое доказывает как истинность, так и ложность некоторого предложения (или как его утверждение, так и его отрицание), выраженное формально-логическими средствами (посылками), кажущимися заведомо приемлемыми (логически правильными), но приводящими к заведомо неприемлемому результату (противоречию)»².

Нами не выявлены какие-либо исследования по разграничению антиномии и парадокса. Потребность же в таком разграничении обусловлена следующим. Особенность антиномического противоречия заключается в том, что его составляют две истины, более того, сама истина, по Флоренскому, определяется антиномией. В итоге антиномия есть логически неразрешимое противоречие, находящая своё рассудочное примирение лишь в рамках опыта.

Напротив, парадокс стремится быть разрешённым, выясненным именно с помощью логики. Парадокс только внешне напоминает антиномию своей схемой «и А, и не-А», своим же существенным содержанием он говорит о выборе не между двумя истинами, а между истиной и ложью. Принципиальная неразрешимость антиномии и принципиальная разрешимость парадокса есть главное их отличие.

Отметим также психологическое содержание двух этих реальностей: парадокс в отличие от антиномии раздражает. Вполне возможно, что к этому заключению был близок отец Павел Флоренский, как раз писавший о раздражающем парадоксе [Флоренский 1991, с. 11], хотя в его работах не проводится данное терминологическое обособление: «Движение мы разлагаем на ряд состояний покоя (кинематограф), непрерывное — на множественность элементов уже неделимых. На этом основаны вечно-истинные парадоксы [курсив авт. — Г.Д.] Зенона: о летящей стреле и др.» [Флоренский, 1996, с. 31].

Рассмотрим примеры.

а. Парадокс Эвбулида «Лжец» выглядит следующим образом: «Данное высказывание (А) есть ложь (В)». Рассмотрим два варианта выяснения истины: если данное высказывание (А) действительно ложно (А есть В), то мы принимаем его как истинное высказывание (С); т. е. лжец в данном случае говорит правду (А не есть С), а данное высказывание в целом есть истина: (А есть В) есть С;

¹ Даль В.И. 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., Русский язык, 555 с.

² Воробьева С.В., Непейвода Н.Н., Бернштейн В.С. Парадокс. 2002–2020 Гуманитарная энциклопедия: концепты / Центр гуманитарных технологий, //gtmarket.ru/concepts/6956

если мы относимся к лжецу как лжецу, утверждающему, что А есть В, и он нас действительно обманывает, и А на самом деле есть С, а не В, то выражение в целом не есть истина: (А есть В) не есть С.

В итоге мы принимаем или первый (не лжец), или второй вариант (лжец). «Либо то, либо другое» не подходит к определению антиномии, которая есть синтез противоречий: «и то, и другое».

Решение данного парадокса предлагает Л.Г. Антипенко с помощью логики Н.А. Васильева [Антипенко 2012]. Леонид Григорьевич приходит к выводу, что Лжец на самом деле утверждает ложь (в нашей схеме это второй вариант). Таким образом, и в данном случае парадокс лжеца не является антиномией вследствие разрешения противоречия.

β. Другим примером может послужить «парадокс Протагора», в котором тезис и антитезис выглядят антиномической парой.

У Протагора учился софистике Эватл. По заключенному между ними договору Эватл должен был заплатить за обучение только тогда, когда он выиграет свой первый судебный процесс. Однако, окончив обучение, Эватл не стал участвовать в судебных тяжбах. Как следствие, он считал себя свободным от уплаты за учебу. Протагор сам подал на своего ученика в суд. Таким образом, должен был состояться первый судебный процесс Эватла. Протагор привёл следующую аргументацию: «Каким бы ни было решение суда, Эватл должен будет заплатить. Он либо выиграет свой первый процесс, либо проиграет. Если выиграет, то заплатит по договору, если проиграет, заплатит по решению суда». Эватл возражал: «Ни в том, ни в другом случае я не должен платить. Если я выиграю, то я не должен платить по решению суда, если проиграю, то — по договору».

Из этого парадокса очевидно, что одновременно они не могут быть истиной и требуют выбора. Решение данного парадокса предложено Г. Лейбницем, согласно которому суд должен отказать Протагору, так как Эватл ещё не выиграл ни одного дела на тот момент. Но Протагор может потребовать уплаты денег после суда, так как Эватл уже выиграл своё первое дело. При этом первое решение суда не будет препятствовать Протагору получить деньги, так как ситуация после первого решения изменилась.

γ. Не антиномией, а парадоксом является вопрос «может ли Бог создать такой камень, который Сам не может сдвинуть?». Предлагается ответ: «Да, Бог всё может, и этот камень — человек».

Итак, парадокс стремится к своему разрешению (либо в ту, либо в другую сторону) — интуитивная и паранепротиворечивая логики подсказывают истинность одной из сторон парадокса. Антиномия, напротив, устанавливает баланс между тезисом и антитезисом.

Отметим, что провести разницу между антиномией и парадоксом важно и для богословия. Так, А. И. Сидоров характеризует *парадокс* Аполлинария Лаодикийского, который «горячо полемизируя против арианства... в христологии пришел практически к тем же выводам, что и ариане» [Сидоров, 2011, с. 152]. Вряд ли здесь может появиться соблазн назвать позицию Аполлинария антиномичной, но всё же отметим ясность терминологии: здесь справедливо употребленное понятие «парадокс» не означает интеллектуальной неразрешимости или трудности, а, скорее, неожиданный оборот дела, казуальность ситуации, когда преследовалась цель одна, а результат получился другой. Важна здесь духовная оценка: «И опять можно наблюдать характерную черту аполлинарианства, как и многих других ересей: логические апории здесь явно преобладают над глубинным веросознанием Церкви, в данном случае — церковном убеждении в полноте человечества Христа» [Сидоров, 2011, с. 152].

5. Выводы

Таким образом, мы обозначили ответ на вопрос «*чем* не является антиномия?». Она не является ошибкой (паралогизмом), софизмом, абсурдом, носенсом, апорией и парадоксом. Апофатическим путём мы подошли к исходному вопросу: «*что* ей не является?», т. е.

какая реальность стоит за перечисленными понятиями, что именно отделяет от них антиномию? Мы также это выяснили — это сфера ложного, не-истинного. Следовательно, можно предположить, что реальность, охватываемая антиномией, есть сфера истинного. Данный вывод подтверждает взгляд отца Павла Флоренского на истину как антиномию.

Но если истина есть антиномия, то получается, истина, которая традиционно определяется через непротиворечие, теперь есть противоречие? Положение «истина есть антиномия» применимо только в металогике. В традиционной же логике истина определяется через непротиворечие тремя основными законами логики. Металогика или сверхрассудочное знание относится к действительности *опыта*, в частности духовного опыта. В последнем и находят своё разрешение религиозные антиномии.

Для классической логики антиномия также представляет собой объективную реальность, здесь также справедлива формула «истина есть антиномия», но только как внутренняя структура единой, не расколотой надвое истины. В качестве примера приведем понятие «слово», которое одновременно и моё, и не моё. Флоренский так это объясняет: сами мы не придумываем слова, мы пользуемся общепринятым языком, но, произнося слово, мы всегда вкладываем в него уже наш собственный смысл, который может быть даже противоположным общепринятому; от нас зависит, каким по силе, духовности, выразительности, действительности, эстетичности и т. д. будет слово [Флоренский, 2017, с. 226].

Таким образом, в опыте антиномия дана нам как цельность, в бытии она синтезируется, но для рассудка она открывается двойственностью и несовместимостью, т. е. противоречием. Сознательное её примирение, разрешение, синтез даются на сверхрассудочном уровне: «И дело идет здесь поэтому совсем не о беспомощном, бессильном *колебании* или *шатании*, а об основанном на твердом решении и самоочевидно ясном узрении — *свободном витании* в середине или в единстве двух познаний — о витании, которому как раз и открывается последняя истина. Более того: эта трансрациональная позиция — будучи, в отношении объединяемых ею противоречащих отвлеченных познаний, “*витанием*” между или *над* ними — сама по себе есть совершенно устойчивое, твердо опирающееся на саму *почву* реальности *стояние*» [Франк, 1990, с. 313]. Непринятие этого уровня, как и антиномизма, связано с догматизированным пониманием истины как непротиворечия. Однако подлинная область догматов, теология, как видим, способна расширить парадигму истинного. Так, реальное существование антиномии обосновывается богословской наукой, в частности, работами священника Павла Флоренского.

Что же даёт нам строгий антиномизм? Он препятствует созданию паранаучных концепций на основе стратегии «чистого пространства» (*Lebensraum, wild West*), о которой сообщает С.С. Хоружий: «...Ее ключевой прием — смешение кардинально различных дискурсов. Если смешать, слить дискурсы с полярно противоположными правилами, то итогом смешения будет дискурс-беспредель, в котором нет никаких правил строгости и корректности, и потому притязать на истинность могут, вообще говоря, любые произвольные утверждения» [Хоружий, 2018, с. 598]. Антиномизм, утверждающий одновременные «да» и «нет», оказывается здесь вполне привлекательным. Даже у П.А. Флоренского можно увидеть одну не выверенную формулировку по поводу понимания Софии, Премудрости Божией: «Единый и целостный объект религиозного восприятия — в области разсудка распадается на множество аспектов, на отдельные грани, на осколки святости... Раньше это было показано на рассудочных антиномиях догмата; сейчас речь будет о таких осколках, которые не находятся в явной антиномии друг с другом, потому что представляют не противоположное друг другу, а просто разное» [Флоренский, 2017, с. 324].

Сложно согласиться с отцом Павлом, когда он говорит об антиномии как о синтезе *разного* (С.М. Половинкин указывает: «Раскрывая сложность и многогранность данного концепта, автор выделяет 26 антиномических смыслов, придаваемых Флоренским Софии в разные годы» [2013, с. 44]). Тем более, Флоренский не обосновывает, почему антиномия может быть не только взаимоисключением тезиса и антитезиса. Здесь вполне находит место строгая антиномия, где тезис: София есть Христос, *Божия Сила и Божия Премудрость*

Кор. 1:24); антитезис: София есть Божие творение. В отношении тезиса Флоренский справедливо указывает: «Конечно, нет никакого сомнения, что у свв. отцов под словом София весьма нередко разумеется *Слово Божие*, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы; то же должно сказать и о богослужебных молитвах и песнопениях. Доказывать это общеизвестное положение цитатами — значило бы ломиться в открытую дверь» [Флоренский, 2017, с. 374]. Что касается антитезиса, то София предстаёт здесь «отпечатком» Бога в Своём творении, «прекрасным моментом твари» [Флоренский, 2017, с. 324], идеальным творением. Другими словами, перед нами антиномия Творца и творения, имманентности и трансцендентности Бога по отношению к миру. Согласно протоиерею Сергию Булгакову, данная антиномия представляет собой основную антиномию религиозного сознания: «Бог есть нечто, с одной стороны, совершенно *трансцендентное*, иноприродное, внешнее миру и человеку, но, с другой, он *открывается* религиозному сознанию, его касается, внутрь его входит, становится его имманентным содержанием» [Булгаков, 2001, с. 154]. Им же указывается, что проблема антиномизма в мышлении наиболее радикально поставлена в книге «Столп и утверждение Истины» [Булгаков, 2001, с. 155]. Заметим, что на основании того, что София определяется через антиномию, нами делается вывод о софийности антиномии и её эсхатологической будущности как непротиворечивого (в смысле не тягостного для ума) противоречия того мира, когда *волк будет жить вместе с ягнцем* (Ис. 11:6).

Список литературы

1. Антипенко Л.Г. 2012. Флоренский П.А. о логическом и символическом аспектах научно-философского мышления. М., Канон+, РООИ Реабилитация, 172 с.
2. Булгаков С.Н. 2001. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М., АСТ, 672 с.
3. 5. Горячев Д., священник. 2019. Священник Павел Флоренский об антиномиях. Вопросы богословия, 2: 38–58.
4. Егорова С.Б. 2009. Антиномизм и диалектика в учении П.А. Флоренского: дис. ... кандидата философских наук. 09.00.03. Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 156 с.
5. Каллист и Игнатий Ксанфоупулы 2010. Наставления безмолвствующим. Добротолубие в 5 т. / Пер. с греч. свт. Феофана Затворника. Т. 5. М., Изд-во Сретенского монастыря, 560 с.
6. Кант И. 2006. Критика чистого разума. Пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М., Изд-во Эксмо, 736 с.
7. Кузанский Н. 1980. Сочинения в 2-х т. Т. 2: Перевод. Общ. ред. В.В. Соколова и З.С. Тажуризиной. М., Мысль, 741 с.
8. Половинкин С. М. 2013. Антиномическое понимание Софии у священника Павла Флоренского. Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития. Сост.: К. М. Антонов, Н. А. Ваганова. М., ПСТГУ: 44–56.
9. Порус В.Н. 2010. Антиномия. В кн.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет.: В. С. Степин - пред. совета и др. М., Мысль, 744 с.
10. Сидоров А.И. 2011. Святоотеческое наследие и церковные древности. Том 1: Святые отцы в истории Православной Церкви. М., Сибирская Благовонница, 432 с.
11. Соловьев В. С. 1990. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М., Мысль, 822 с.
12. 15. Трубецкой Е.Н. 2001 Свет Фаворский и преображение ума. П.А. Флоренский: pro et contra. Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. К. Г. Исупова. СПб, РХГИ: 283–313.
13. Трубецкой Е.Н., Флоренский П.А. 1989. Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского. Вопросы философии, 12: 99–129.
14. Флоренский П., священник. 1996. Сочинения в 4 т. Т. 2. Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. М., Мысль, 877 с.
15. Флоренский П., священник. 2017. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., Академический проект, 905 с.
16. Флоренский П., священник. 2017. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. М., Академический проект, 684 с.
17. Флоренский П. А. 1991. Мнимости в геометрии. М., Лазурь, 96 с.

18. Франк С. Л. 1990. Сочинения. М., Правда, 608 с.
19. Хоружий С. С. 1999. Миросозерцание Флоренского. Томск, Водолей, 159 с.
20. Хоружий С. С. 2018. Опыты из русской духовной традиции. М., Институт св. Фомы, 648 с.
21. Шкурская Е.А. 2011. Лингвистическое сопоставление нонсенса и абсурда. Известия ВГПУ, 7 (61): 15–18.

References

1. Antipenko L.G. 2012. Florenskij P.A. o logicheskom i simbolicheskom aspektah nauchno-filosofskogo myshlenija [Florensky P. A. on logical and symbolic aspects of scientific and philosophical thinking: scientific monograph]. М., Publ. Kanon+, ROOI Reabilitatia, 172 p.
2. Bulgakov S.N. 2001. Svet Nevechernij: sozercanija i umozrenija [Light of the Evening: contemplations and speculations]. М., Publ. AST, 672 p.
3. 5. Goryachev D., priest. 2019. Priest Pavel Florensky on Antinomies. Theological Questions, 2: 38–58.
4. Egorova S.B. 2009. Antinomizm i dialektika v uchenii P. A. Florenskogo [Antinomism and dialectics in the teaching of P. A. Florensky]: dis. ... kandidata filosofskih nauk : 09.00.03 [Mesto zashhity: Sarat. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo], 156 p.
5. Kallist i Ignatij Ksanfopuly 2010. Nastavlenija bezmolstvujushhim [Instructions to the silent]. V. 5. М., Publ. Sretenskogo monastyrja, 560 p.
6. Kant I. 2006. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]/ М., Izd-vo Jeksmo, 736 p.
7. Kuzanskij N. 1980. Sochinenija [Works]. V. 2. М., Publ. Mysl', 741 p.
8. Polovinkin S.M. 2013. Antinomicheskoe ponimanie Sofii u svjashhennika Pavla Florenskogo [Antinomic understanding of Sofia in the priest Pavel Florensky]. Sofiologija i neopatristicheskiy sintez: bogoslovskie itogi filosofskogo razvitiya. K.M. Antonov, N.A. Vaganova. М., Publ. PSTGU: 44–56.
9. Porus V.N. 2010. Antinomy. Novaja filosofskaja jenciklopedija. Vol. 1. М., Publ. Mysl', 744 p.
10. Sidorov A.I. 2011. Svjatootecheskoe nasledie i cerkovnye drevnosti [the Patristic heritage of the Church and of antiquity]. Tom 1: Svjatye otcy v istorii Pravoslavnoj Cerkvi. М., Publ. Sibirskaja Blagozvonnica, 432 p.
11. Solov'ev V. S. 1990. Sochinenija [Works]. Vol. 2. М., Publ. Mysl', 822 p.
12. 15. Trubeckoj E.N. 2001 Svet Favorskij i preobrazhenie uma [The light of Tabor and the Transfiguration of the mind]. P.A. Florenskij: pro et contra. SPb, Publ. RHGI: 283–313.
13. Trubeckoj E.N., Florenskij P.A. 1989. Perepiska knjazja Evgenija Nikolaevicha Trubeckogo i svjashhennika Pavla Florenskogo [Correspondence of Prince Eugene Nikolaevich Trubetskoy and priest Pavel Florensky]. Voprosy filosofii, 12: 99–129.
14. Florenskij P., svjashh. 1996. Sochinenija [Works]. Vol. 2 / Sost. i obshh. red. igumena Andronika (A. S. Trubachjova), P. V. Florenskogo, M. S. Trubachjovoj. М., Publ. Mysl', 877 p.
15. Florenskij P., svjashh. 2017. Stolp i utverzhenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teodiceji v dvenadcati pis'mah [The pillar and statement of Truth. Experience of Orthodox theodicy in twelve letters]. М., Publ. Akademicheskij proekt, 905 p.
16. Florenskij P., svjashh. U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoj metafiziki) [At the watersheds of thought (Features of concrete metaphysics)]. Vol. 1. М., Akademicheskij proekt, 684 p.
17. Florenskij P. A. 1991. Mnimosti v geometrii [Imaginary values in geometry]. М., Publ. Lazur', 96 p.
18. Frank S. L. 1990. Sochinenija [Works]. М., Publ. Pravda, 608 p.
19. Horuzhij S.S. 1999. Mirosozercanie Florenskogo [Philosophy Florensky]. Tomsk, Publ. Vodolej, 159 p.
20. Horuzhij S.S. 2018. Opyty iz russkoj duhovnoj tradicii [Experiments of the Russian spiritual tradition]. М., Publ. Institut sv. Fomy, 648 p.
21. Shkurskaja E.A. 2011. Linguistic comparison of nonsense and absurdity. Izvestija VGPU, 7 (61): 15–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил Горячев, аспирант Московской духовной академии, Сергиев Посад, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil Goryachev, PhD student at the Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.4 339.138

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-239-249

SMM (маркетинг в социальных сетях) экологических групп социальных предпринимателей как способ адаптации к кризису

Атанасова А.А.

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
Россия, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5
E-mail: atanasova.a.a@gmail.com

Аннотация. В условиях пандемии COVID-19 усилился экологический кризис, о чем свидетельствует реакция крупных некоммерческих природоохранных организаций. Задача, которая стоит сегодня перед обществом, заключается в том, чтобы сохранить природоохранную деятельность социальных предпринимателей и экологических активистов как носителей функции экологического просвещения через социальные сети. В связи с отсутствием исследований данной проблемы, автором поставлена цель доказать, что маркетинг в социальных сетях (SMM) является способом адаптации к кризисному периоду. Результаты исследования подтвердили, что проблема уничтожения экологического информационного пространства решается путем экологического просвещения, а функция экологического просвещения реализуется через создание контента в экологических группах в социальных сетях. Автором доказано, что альтруистические ценности в маркетинге в социальных сетях главенствуют над продвижением товаров и услуг, то есть над эгоистическими ценностями.

Ключевые слова: экологические группы, социальное предпринимательство, адаптация, самоизоляция, неопределенность.

Для цитирования: Атанасова А.А. 2021. SMM (маркетинг в социальных сетях) экологических групп социальных предпринимателей как способ адаптации к кризису. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 239–249. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-239-249

SMM (social media marketing) of social entrepreneurs' ecological groups as a means of adaptation to crisis

Anna A. Atanasova

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences,
24/35, b. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, 117218, Russian Federation
E-mail: atanasova.a.a@gmail.com

Abstract. In the context of the COVID-19 pandemic, the environmental crisis has intensified, as evidenced by the reaction of large non-profit environmental organizations. The challenge facing society today is to preserve the environmental activities of social entrepreneurs and environmental activists as carriers of the function of environmental education through social media. Due to the lack of research on this issue, the author's goal is to prove that social media marketing (SMM) is a way to adapt to the crisis period. The

results of the study confirmed that the problem of destruction of the ecological information space is solved through environmental education, and the function of environmental education is realized through the creation of content in environmental groups in social media. The author has proved that altruistic values in social media marketing are in priority to the promotion of goods and services, that is, over selfish values.

Key words: ecological groups, social entrepreneurship, adaptation, self-isolation, uncertainty.

For citation: Atanasova A.A. 2021. SMM (social media marketing) of social entrepreneurs' ecological groups as a means of adaptation to crisis. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 239–249 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-239-249

Введение

В настоящее время наблюдается обострение глобального экологического кризиса, который охватывает все сферы экономики и жизни общества в целом. В число неблагоприятных стран входит и Россия [Глушко, 2013]. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.17 г. № 208, «установление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления» являются составной частью национальной безопасности России¹. В условиях пандемии COVID-19 экологический кризис усилился, о чем свидетельствует реакция крупных некоммерческих природоохранных организаций с призывами бережно относиться к дикой природе, а также раздельно собирать мусор, в том числе медицинские отходы (ссылка на источник, где есть эта «реакция»).

Выход из кризиса требует обновления сознания через эко-просвещение. Экологическое сознание – это «отражение в психике различных взаимоотношений человека с природой, которые опосредуют его поведение в "естественном мире" и выражают аксиологическую позицию субъекта сознания по отношению к естественному миру» [Панов, 2013, р. 380]. «Необходимым условием для формирования экологического сознания у населения, является создание мощного активного информационного экологического поля, в котором применяются образовательные технологии для формирования экологического сознания» [Чуйкова, 2012, с. 39]. Но, к сожалению, на сегодняшний день существует проблема недостаточности наполнения экологического информационного пространства, являющегося частью общего информационного пространства, наполненной «экологической информацией, экологическими идеями и решениями, экологически направленными выступлениями, высказываниями, информацией об экологических событиях, акциях, и другой информацией, доступной для общества в целом, и (или) для отдельных его членов» [Чуйкова, 2012, с. 21]. В начале 2000-х годов, согласно Л. Ю. Чуйковой, «экологическое информационное пространство было практически уничтожено» [Чуйкова, 2012, с. 24]. Произошло это из-за доминирования экономических ценностей в курсе развития страны.

Задача, которая стоит сегодня перед обществом, заключается в том, чтобы сохранить природоохранную деятельность социальных предпринимателей и экологических активистов как носителей функции экологического просвещения через социальные сети. По нашему мнению, решить эту проблему возможно, благодаря эко-просвещению через маркетинг в социальных сетях. В связи с этим цель исследования – доказать, что маркетинг в социальных сетях (SMM) является способом адаптации к кризисному периоду. К задачам

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 30.05.2021)

относится проверка гипотезы о том, что альтруистический мотив экологического просвещения у социальных предпринимателей главенствует над мотивом продвижения экологических товаров и услуг. Другой задачей также является анализ 3 кейсов использования новых практик SMM и трансформации бизнес-процессов социальных предпринимателей в природоохранной деятельности в период самоизоляции.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования выступают Facebook-группы социальных предпринимателей, представителей экологических движений, SMM-практики социальных предпринимателей в природоохранной деятельности.

Предметом анализа выступает контент четырех экологических групп, опубликованный в предновогодний период и в период самоизоляции в течение 31 дня в социальной сети Facebook, а также новые SMM-практики трех социальных предпринимателей в природоохранной деятельности. Данные четыре группы и три кейса были выбраны для анализа, так как они представляют собой проекты по популяризации экологичного образа жизни и привлечению новых единомышленников к охране природы. Facebook выбран в качестве поля исследования, потому что эта социальная сеть одна из самых популярных в мире.

Исследуется контент экологических групп социальных предпринимателей и экологических движений в предновогодний период (с 01.12.19. по 31.12.19.) и в период самоизоляции из-за пандемии COVID-19 (с 29.03.20. по 28.04.20.), а также рассматриваются кейсы SMM-практик социальных предпринимателей в период самоизоляции. Предновогодний период был выбран из-за более интенсивного продвижения товаров и услуг в связи с праздником. Был проведен дополнительный анализ контента экологических групп в период самоизоляции.

Для проведения исследования использовались следующая методология и методы: анализ литературы и контента социальных сетей и сайтов экологических групп в социальной сети Facebook. За основу анализа были взяты определения способов адаптации к неопределенности А.В. Мозговой [2020], Е.В. Шлыковой [Мозговая, Шлыкова, 2014, 2019] и П.М. Козыревой [2011], экологического информационного пространства Л.Ю. Чуйковой [2012]; концепция социального предпринимательства в трактовке К. Альтер [Alter, 2007]. Методом исследования, с помощью которого были опрошены респонденты, является онлайн-интервью через социальные сети и мессенджеры.

Результаты и обсуждение

Для целей дальнейшего анализа рассмотрим определения социального предпринимательства. Одно из определений дала Ким Альтер, исследователь социального предпринимательства с многолетним опытом. Альтер рассматривает социальное предпринимательство как новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости [Alter, 2007, p. 12]. В его основе лежит функционирование так называемых социальных предприятий – предприятий, созданных с целью решения определенной социальной проблемы или проблем, «действующих на основе инноваций, финансовой дисциплины и порядка ведения дел, принятого в частном секторе» [Alter, 2007, p.12]. Еще одно определение, данное группой исследователей во главе с Шейкер А. Зара, звучит так: «Социальное предпринимательство включает в себя деятельность и процессы, принимаемые для открытия, определения и пользования возможностями для того, чтобы увеличить социальное богатство путем создания новых предприятий или управления существующими организациями в инновационной манере» [Zahra, et al., 2009, p. 522]. Борнстайн подчеркивает новизну идей социального предпринимателя, который комбинирует творческое визионерство с решением проблем в реальном мире, у которого «сильно проявлена

этическая сторона, и который тотально поглощен своим видением изменения» [Bornstein, 1998]. Томпсон и коллеги акцентируются на том, что «социальные предприниматели осознают общественную ответственность» [Thompson et al., 2000, p. 329]. Бринкерхоф считает, что «социальный предприниматель – это кто-то, кто берет на себя разумный риск от имени тех людей, кому служит его организация» [Brinckerhof, 2009, p. 144]. Лидбитер пишет, что «социальные предприниматели – предприимчивые, инновационные и трансформирующие индивиды, которые также являются лидерами, рассказчиками историй, менеджерами людей, визионерами-оппортунистами и строителями альянсов». [Leadbeater, 1997, p. 53]. Автор данной статьи придерживается определения социального предпринимательства, данного К. Альтер.

Предприятия, созданные с целью решения определенной социальной и/или экологической проблемы, в настоящее время активно используют инструменты маркетинга в социальных сетях для адаптации, коммуникации, просвещения и продвижения; и то, каким образом они это делают, какие темы выбирают для своего контента, представляет научный интерес.

Рассмотрим несколько определений адаптации. Первое определение П.М. Козыревой: «Адаптация представляет собой изменение, определенный порядок развития данного процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояний во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой» [Козырева, 2011, с. 24]. То есть, в данном случае – это процесс приспособления экологической группы в Facebook к изменяющимся условиям существования в период кризиса самоизоляции.

Определение, которое дали А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова, говорит следующее: «Адаптация – это взаимодействие личности с макро- и микросредой для достижения комфортного самочувствия, безопасности и устойчивости внешних факторов как условия реализации тех или иных личностных целей, стратегии жизни в целом» [Мозговая, Шлыкова, 2019, с. 125].

В условиях кризиса обостряется неопределенность среды, что ведет к размыванию ориентиров существования. «Неопределенность среды – свойство среды, в которой развивается специфический процесс "созревания" нового качественного состояния, перехода одной качественной определенности в другую через реформирование, модернизацию, системную трансформацию в зависимости от сложности системы, степени и глубины качественных преобразований» [Мозговая, 2020, с. 18].

Неопределенность социальной среды, вызванная пандемией COVID-19, создала большое количество условий, ограничений, рисков для очного общения, взаимодействия и существования в целом: ограничение передвижения, физического, телесного общения, финансовые риски и ограничения, психологическое давление непонимания как жить дальше, невозможность долгосрочного планирования. В этот период трансформация и переход в новое состояние равновесия может быть осуществлен благодаря Интернет, IT-технологиям. Именно эти условия позволили социальным сетям и виртуальной среде в целом стать ресурсом адаптации для большого количества экологических движений и предпринимателей – как социальных, так и классических.

Одной из технологий формирования поведенческих стереотипов служит SMM (social media marketing – маркетинг в социальных сетях), и социальные предприниматели преуспевают с его помощью. Маркетинг в социальных сетях подразумевает под собой в том числе оперативную работу с сообществом потребителей того или иного бренда, той или иной компании или структуры. Кроме того, что социальные сети используются для торговых целей продвижения товаров и услуг, они также используются и для формирования мнений внутри сообществ и ниш потребителей информации, а также для просвещения и внедрения новых ценностей целевой аудитории. На маркетинг в социальных сетях влияют следующие факторы: доступность информации, высокая коммуникативность, нивелирование

пространственно-временного аспекта, интерактивность взаимодействия, скорость взаимодействия субъектов [Музыкант, 2014, с. 79]. Необходимо провести исследование кейсов SMM-практик социальных предпринимателей в природоохранной деятельности в период кризиса самоизоляции для доказательства того, что маркетинг в социальных сетях является способом адаптации к неопределенности социальной среды в период самоизоляции для представителей экологических движений и социальных предпринимателей в природоохранной деятельности. В настоящее время автор не обнаружил похожих исследований SMM-практик в разных социальных сетях и контента экологических групп социальных предпринимателей в Facebook.

Рассмотрим кейсы 3 социальных предпринимателей («Эковывоз»¹, «Чистые Игры»², «Собиратор»³) в природоохранной деятельности на предмет их новых SMM-практик в период самоизоляции (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Кейсы SMM-практик социальных предпринимателей и трансформация их бизнес-процессов в период самоизоляции
The SMM-practices cases of social entrepreneurs and transformation of their business-processes during the self-isolation period

Социальное предприятие	Online	Offline
«Эковывоз»	- Обучающие видео в Facebook - Чаты с клиентами в мессенджерах	- Введение бесконтактного вывоза вторсырья
«Чистые Игры»	- Онлайн-трансляции в Instagram - Премия «Борцов с мусором» при поддержке компании «Лента» и «Вконтакте» - прямые эфиры онлайн	- Премия «Борцов с мусором» проводилась для отдельных эко-активистов пока массовые мероприятия были запрещены, в 58 регионах, где не было строгих ограничений на передвижение
«Собиратор»	Эко-марафон, состоящий из 9 видео-уроков с экспертом-руководителем проекта «Собиратор» в Instagram - Онлайн-мероприятия (лекции, вебинары, консультации, тренинги)	- Эко-центр проекта был закрыт на время самоизоляции, сейчас Эко-центр работает

Методом онлайн-интервью через социальные сети были опрошены 3 представителя социальных предпринимателей в природоохранной деятельности. Предприятие «Эковывоз» в ситуации самоизоляции в большей степени использовало социальные сети как канал коммуникации с клиентами, также произошла трансформация бизнес-процесса – был введен бесконтактный вывоз вторсырья.

¹ <http://www.ecovyvoz.ru/?fbclid=IwAR3GgWyh2Z07D3GrbzZonxhc0LiRcKISfq5rsNuoouhSA56CxN2B6iBHUE>; <https://www.facebook.com/ecovyvoz/> (дата обращения: 26 мая 2020).

² <https://cleangames.org/>; <https://www.facebook.com/ecocleangames>. (дата обращения: 2 февраля 2021).

³ <https://sobirator.ru/>; <https://www.facebook.com/sobirator/> (дата обращения: 2 февраля 2021).

Предприятие «Чистые игры» практически пропустило весенний сезон игр, зато смогло разработать новую концепцию премии «Борцы с мусором», в которой можно было участвовать индивидуально, не нарушая запретов на проведение массовых мероприятий. Команда ввела новую SMM-практику прямых эфиров через социальную сеть Instagram.

Эко-центр проекта «Собиратор» был закрыт в период самоизоляции, что не позволяло полноценно функционировать проекту, но как способ адаптации был придуман онлайн Эко-марафон, который даже после завершения периода самоизоляции успешно проводится для аудитории проекта через социальные сети.

А. В. Мозговая и Е. В. Шлыкова пишут о том, что «с одной стороны, определенный консерватизм, "застойность" способствует психологической адаптации к кризисному периоду, с другой стороны, вхождение неопределенности в нашу повседневность требует, во-первых, рефлексии и признания этого факта изменившейся социальной реальности, во-вторых, активного наращивания адаптационного потенциала. Корректировка стиля жизни выступает механизмом этого сложного адаптационного процесса через повышение субъектности, рефлексивности, деятельностно-мотивационной составляющей стиля жизни» [Мозговая, Шлыкова, 2019, с. 67]. Социальные предприниматели в природоохранной деятельности и экологические активисты являются современными гражданскими лидерами. Характерной чертой их адаптационного процесса стала консолидация на базе сообществ социальных предпринимателей и поддерживающих их фондов. В течение новогоднего периода с помощью контента создавались призывы к офлайн-активностям, когда в онлайн-пространстве скорее анонсировались мероприятия, и далее аудитория могла выбрать прийти физически на мероприятие или нет, в то время как в период самоизоляции выбор стоял другого плана: присутствовать или нет в режиме онлайн на виртуальном мероприятии, что само по себе легче и удобнее, менее затратно. Контент их Facebook-групп при этом был скорректирован, увеличилось количество интерактивных постов и призывов к онлайн-присутствию на продолжительных эко-марафонах, курсах, онлайн-конференциях.

Рассмотренные кейсы социальных предпринимателей говорят о том, что согласование самооценок и притязаний социальных предпринимателей с реальностью социальной среды произошло успешно и после непродолжительного хаотичного периода привело к новому сбалансированному равновесию и продолжению функционирования проектов как онлайн, так и офлайн с привнесением новых онлайн-практик в свое функционирование. Данный тезис был подтвержден в ходе опроса социальных предпринимателей в природоохранной деятельности (см. табл. 1).

Экологический кризис существует, и необходимо эко-просвещение, чтобы выйти из него. Адаптационной практикой для представителей экологических групп стало создание онлайн-контента для своих эколого-просветительских проектов, общение с целевой аудиторией через социальные сети, проведение онлайн-мероприятий в формате вебинаров, конференций, прямых эфиров, эко-марафонов с офлайн-заданиями для участников. Жизненная стратегия большинства людей получила корректировку вследствие пандемии и наложения ограничения на перемещения и работу в обычном режиме. Жизнь вошла в некий режим ожидания, что может вводить в состояние вялости, иногда фрустрации и отрицания. Благодаря новым виртуальным образовательным технологиям, распространяемым с помощью SMM, у людей формируется определенный эко-сберегательный тип поведения.

Проанализируем SMM-активность четырех экологических Facebook-групп в социальной сети Facebook в период с 1 декабря по 31 декабря 2019 года (I период). Но 29 марта 2020 года начался режим самоизоляции вследствие пандемии COVID-19, мировая повестка сместилась в сторону выживания в кризисе, и вследствие этого был проведен дополнительный анализ контента тех же четырех экологических групп в социальной сети Facebook в период с 29 марта по 28 апреля 2020 года (II период). Автор провела сравнение двух этих периодов по следующим критериям: а) количество и периодичность постов в месяц; б) среднее количество лайков на пост в месяц; в) среднее количество репостов в месяц; г) среднее

количество комментариев на пост в месяц; д) наличие комментариев, споров и конфликтов среди комментирующих; е) продажа товаров и услуг; ё) призыв к голосованию в премии за экологическую группу; ж) призыв к краудфандингу; з) призыв к пожертвованиям; и) больше видео-контента или текстового с картинками; й) приглашение на мероприятия; к) игры, квесты с экологической тематикой; л) подпись петиций; м) посты о продаже/продвижении товаров/услуг. (табл. 2).

Таблица 2
Table 2Социальный маркетинг экологических групп социальных предпринимателей в Facebook
Social Media Marketing of ecological groups of social entrepreneurs in Facebook

Критерии оценки SMM	«Эковывоз»		«Центрекон»		«Собиратор»		«РосЭко/МосЭко»	
	Периоды							
	I	II	I	II	I	II	I	II
Кол-во постов, шт. в день	9	8	23	16	36	39	50	45
Периодичность публикаций, дни	1–5	2–6	1-3	1-6	1	1-4	1-2	1-4
Среднее кол-во лайков на пост	2,3	2,1	7	6,5	44	23,4	5,5	4,8
Среднее кол-во репостов	0	0,1	2,3	2,3	10,4	4,9	1	0,9
Среднее кол-во комментариев на пост в месяц	0	0,125	0,26	0,4	3,7	2	0,08	0,08
Продвижение товаров /услуг	0	0	5	4	8	12	3	4

Количество лайков, репостов и комментариев постов во всех группах уменьшилось в период самоизоляции по сравнению с предновогодним периодом. Данный вывод означает то, что нужно искать различия между этими периодами в темах публикаций постов, а также в характере этой коммуникации.

Изменился характер взаимодействия социальных предпринимателей и представителей экологических групп с целевой аудиторией – возросла интерактивность общения благодаря увеличению количества онлайн-мероприятий как платных, так и бесплатных при практически том же самом количестве постов в группах за анализируемые периоды времени.

У группы «Эковывоз» на странице была ссылка на сайт и услуги по вывозу вторсырья. «Центрекон»¹ в предновогодний период занимался продажей настольной игры «Хранители Земли», уроков-игр, деловых игр, лекций, мастер-классов, тренингов, продажей карточек для педагогов и тренеров. В период самоизоляции постов с продуктами групп не было, но весь ассортимент товаров и услуг остался тем же, он представлен на странице группы. «Собиратор» активно продавал календари ответственного потребления, а также

¹ Центрекон. Available at: www.centrecon.ru; Available at: <https://www.facebook.com/centrecon.ru/> (дата обращения: 26 мая 2020).

былі посты с другімі падаркамі к Новому году (ассортимент подарков из «Полезного магазина» проекта), отдельно была проведена реклама новогодних эко-мешочков. В период самоизоляции у проекта «Собиратор» присутствовала реклама многоразовых подгузников в их «Полезном магазине», реклама услуг экомобиля для сдачи вторсырья, платные экомарафоны для физических лиц, экомарафоны для компаний. Проект «РосЭко/ МосЭко»¹ в предновогодний период провел рекламу концерта «Рок в защиту животных», при этом сам проект ничего не продавал. В период самоизоляции в группе была проведена совместная рекламная акция восковых салфеток @beelab_russia.

В двух из четырех групп активно призывали к голосованию в премиях за проект. Так, группа «Собиратор» призывала к голосованию за свой проект в премии, а группа «РосЭко/МосЭко» описывала свое выдвижение на премию «Headliner года», свое присутствие на «Форуме Добровольцев» в Сочи и показывала награду на «Национальной экологической премии В.И. Вернадского». К голосованию в премии снова в самоизоляционный период призывали только «РосЭко/ МосЭко», группа «Собиратор» в течение самоизоляционного периода к голосованию за себя в премиях не призывала, группы «Эковывоз» и «Центрекон» не делали этого и в предновогодний период.

Ни одна из выбранных групп не призывала к краудфандингу ни в предновогодний период, ни в период самоизоляции.

Только «Собиратор» использовал призыв к пожертвованиям через социальную сеть Facebook как в предновогодний период, так и в период самоизоляции как способ финансирования своей деятельности и способ адаптации к самоизоляции.

У всех групп присутствовал как видео-контент, так и текстовый контент с картинками. Однако, особенностью группы «РосЭко/МосЭко» являлось наличие экологического юмора в комиксах в постах, а также большое количество постов-плакатов о правильном экологичном поведении в разных ситуациях.

Все группы, кроме группы «Эковывоз», приглашали свою целевую аудиторию на онлайн-мероприятия как свои собственные, так и партнерские, как в предновогодний период, так и в период самоизоляции.

Игры и квесты с экологической тематикой присутствовали в предновогоднем и самоизоляционном контенте группы «Центрекон», например, приглашение на портал проекта «Вторая жизнь пластика», разработанный вместе с компанией «Сибур», на котором была игра и квест. «Собиратор» также в оба периода использовал игрофикацию как способ работы с целевой аудиторией, например, в период самоизоляции они организовали платные онлайн-экомарафоны. Группа «РосЭко/МосЭко» не отставала от коллег по цеху и в период предновогодний, и в самоизоляционный. Во время самоизоляции «РосЭко/МосЭко» вели видеоблог по экологическому образу жизни, занимались рекламой конкурсов, посвященных экологическому поведению, в формате «фото экологического поступка – подарок от известного бренда».

Три из четырех экологических групп выступали за подпись петиции против мусоросжигания как в предновогодний период, так и в период самоизоляции. Группа «Эковывоз» не делала постов о петиции по мусоросжиганию только в выбранный период самоизоляции.

В комментариях участников групп в оба рассмотренных периода присутствовало много эмоционально окрашенных сообщений, часто участники экологических групп выражали желание помочь друг другу, эмпатично реагировали на посты других людей, выражали недовольство законом о приравнивании мусоросжигания к переработке вторсырья.

¹ Проект #МосЭко. Проект #РосЭко. Available at: <https://www.facebook.com/ecologymos1/>; <http://rosecos.su/smi-o-nas/> (дата обращения: 26 мая 2020).

Раскрывая наиболее часто встречающуюся тематику постов экологических групп, следует упомянуть следующие сферы: природную охрану (помощь животным, ответственное потребление, апсайклинг, сбережение электричества и др.), продажу товаров и услуг экологического проекта, приглашения на зеленые мероприятия (например, эко-елки для детей), обсуждения законодательства РФ в природной охране, видео-инструкции по сбору вторсырья, отчеты по деятельности проектов, экологические новости и юмор.

Заклучение

Постепенно экологическое информационное пространство восстанавливается, в том числе благодаря выполняемой экологическими активистами и социальными предпринимателями в природоохранной деятельности функции экологического просвещения. Социальные предприниматели и экологические активисты транслируют экологические ценности в своих социальных сетях и увеличивают количество единомышленников, призывая волонтеров и создавая новые экологические вакансии и профессии, такие, например, как эко-тренер, зеленый PR-менеджер и SMM-менеджер.

Был проведен анализ количества постов по темам: эко-просвещение и продвижение товаров и услуг. Было установлено, что, как в предновогодний период, так и в период самоизоляции постов на эко-просветительскую тему во всех четырех рассмотренных экологических группах больше, чем постов с продажей их товаров и услуг, либо с продвижением партнерских проектов. В связи с этим можно сделать вывод, что у социальных предпринимателей в природоохранной деятельности эко-просвещение (альтруистические ценности в маркетинге в социальных сетях) главенствуют над продвижением товаров и услуг (эгоистические ценности в маркетинге в социальных сетях).

Опрос социальных предпринимателей по их SMM-практикам в период самоизоляции говорит о функциях эко-просвещения и продвижения товаров и услуг как глубоко взаимосвязанных, ведь продвижение товаров и услуг позволяет самому проекту (социальному предприятию) поддерживать свое существование, а его основная миссия социальная и экологическая проявляется через другой аспект маркетинга в социальных сетях – просвещение. Часто лидеры экологических движений, общественники и социальные предприниматели в природоохранной деятельности ведут эко-просвещение как от своего имени, так и от имени их организации.

Приглашения на мероприятия как критерий определяет работу проекта со своим сообществом. Можно сделать вывод о том, что три из рассмотренных экологических групп активно ведут работу по привлечению участников сообществ групп к экологически-направленному досугу, а также экологически-направленному мышлению и поведению путем приглашения на мероприятия и распространения методов игрофикации, а также проведением мероприятий для волонтеров.

Экологическое информационное пространство восстанавливается за счет выполняемой экологическими активистами и социальными предпринимателями в природоохранной деятельности функции экологического просвещения через создание контента в экологических группах в Facebook и других социальных сетях.

Выражаю благодарность А.В. Мозговой за научное руководство и поддержку, Е.В. Шлыковой за наставления в учебе, П.М. Козыревой за веру в мою научную идентичность.

Список литературы

1. Драгунова И.В. 2017. Социальные медиа как коммуникационный канал интернет-маркетинга: дефиниция и эволюция развития. Вестник ВУиТ, 1: 1–11.

2. Ершов В.Е. 2015. Тенденции развития рекламной деятельности в социальных сетях. Вестник евразийской науки, 5 (30): 1–12.
3. Козырева П.М. 2011. Социальная адаптация населения России в постсоветский период. Социологические исследования, 6: 24–36. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-6/Kozyreva.pdf> (дата обращения: 02 апреля 2020).
4. Мозговая А.В. 2020. Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе. Автореф. дис.... док. соц. наук. официальный портал ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818> (дата обращения: 28 мая 2020).
5. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. 2014. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска). Социологическая наука и социологическая практика, 4(8): 25–49.
6. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. 2019. Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации к неопределенности среды. Научный результат. Социология и управление. 5(1): 52–69.
7. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. 2019. Адаптация к неопределенности среды: ресурсы жителей больших городов. Logos et Praxis, 18 (3): 124–130. Available at: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13>. (дата обращения 24.05.2021)
8. Музыкант В.Л. 2014. Опыт исследования SMM как вирусной стратегии в медийном пространстве. Вестник РУДН. Серия: Социология. 4: 75–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-issledaniya-smm-kak-virusnoy-strategii-v-mediynom-prostranstve> (дата обращения: 2 апреля 2020).
9. Чуйкова Л.Ю. 2012. Экологическое информационное пространство и его влияние на экологическое сознание. Астраханский вестник экологического образования. 2: 15–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-informatsionnoe-prostranstvo-i-ego-vliyanie-na-ekologicheskoe-soznanie> (дата обращения: 2 апреля 2020).
10. Alter, S.K. 2007. Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC: i-124. Available at: https://www.academia.edu/5249856/Social_Enterprise_Typology_Updated_November_27_20 (дата обращения: 29 января 2021).
11. Bornstein, D. 1998. Changing the world on Shoestring. The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1998/01/changing-the-world-on-a-shoestring/377042/> (дата обращения: 30 июля 2018).
12. Brinckerhof, P.C. 2009. Mission-based Management: Leading Your Not-for-Profit in the 21st Century. John Wiley & Sons. 320.
13. Leadbeater C. 1997. The rise of the social entrepreneur. Demos. 87.
14. Thompson, J., Alvy, G., Lees, A. 2000. Social entrepreneurship – a new look at the people and the potential. Management Decision, 38(5): 328–338. Available at: <http://doi.org/10.108/00251740010340517> (дата обращения: 30 июля 2018).
15. Zahra, S., Gedajlovic, E., Neubaum, D., Shulman, J. 2009. A typology of Social Entrepreneurs: Motives, Search Processes and Ethical Challenges. Journal of Business Venturing, 24: 519–532.

References

1. Dragunova I.V. 2017. Sotsial'nye media kak kommunikatsionnyy kanal internet–marketinga: definitsiya i evolyutsiya razvitiya. [Social media as a communication channel of internet–marketing: definition and evolution of development] Vestnik VUiT, 1: 1–11.
2. Ershov V.E. 2015. Tendentsii razvitiya reklamnoy deyatelnosti v sotsial'nykh setyakh. [Development tendencies of advertising activity in social media]. Vestnik evraziyskoy nauki, 5 (30): 1–12.
3. Kozyreva P.M. 2011. Sotsial'naya adaptatsiya naseleniya Rossii v postsovetskiy period, Sotsiologicheskie issledovaniya, 6: 24–36. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-6/Kozyreva.pdf> (accessed 2 April 2020). (in Russian)
4. Mozgovaya A.V. 2020. Adaptatsiya k riskam transformatsionnykh protsessov v rossiyskom obshchestve: avtoref. diss. ... d.sots.n. [Adaptation to risks of transformational processes in the Russian society: abstract of the PhD thesis]. FNISTs RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818> (accessed 28 May 2020).
5. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. 2014. Sotsial'nye resursy i adaptatsiya k risku: vybor strategii (na primere sotsial'noy obshchnosti v situatsii konkretnogo riska). [Social resources and adaptation

to risk: the choice of strategy (on the example of social community in certain risk situation)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika*, 4(8): 25–49.

6. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. 2019. Stil' zhizni gorodskoy obshchnosti kak resurs adaptatsii k neopredelennosti sredy [The life style of the city community as a resource of adaptation to the uncertainty of the environment]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 5(1): 52–69. (in Russian)

7. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. 2019. Adaptation to the uncertainty of the environment: resources of big cities residents, *Logos et Praxis*, Vol. 18, No. 3, pp. 124–130. Available at: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13>. (Accessed 24 May 2021) (in Russian)

8. Muzykant V.L. 2014. Opyt issledovaniya SMM kak virusnoy strategii v mediynom prostranstve. [The research experience of SMM as a virus strategy in media space]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 4: 75–85. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-issledaniya-smm-kak-virusnoy-strategii-v-mediynom-prostranstve> (accessed 2 April 2020).

9. Chuykova L.Yu. 2012. Ekologicheskoe informatsionnoe prostranstvo i ego vliyanie na ekologicheskoe soznanie. [Ecological information space and its influence on ecological consciousness]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 2: 15–40.

10. Alter, S. K. 2007. Social Enterprise Typology. *Virtue Ventures LLC*: i–124. Available at: https://www.academia.edu/5249856/Social_Enterprise_Typology_Updated_November_27_20 (accessed: 29 January 2021).

11. Bornstein, D. 1998. *Changing the world on Shoestring*. The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1998/01/changing-the-world-on-a-shoestring/377042/> (accessed: 30 July 2018).

12. Brinckerhof, P.C. 2009. *Mission-based Management: Leading Your Not-for-Profit in the 21st Century*. John Wiley & Sons. 320 p.

13. Leadbeater C. 1997. *The rise of the social entrepreneur*. Demos. 87 p.

14. Thompson, J., Alvy, G., Lees, A. 2000. Social entrepreneurship – a new look at the people and the potential. *Management Decision*, 38(5): 328–338.

15. Zahra, S., Gedajlovic, E., Neubaum, D., Shulman, J. 2009. A typology of Social Entrepreneurs: Motives, Search Processes and Ethical Challenges. *Journal of Business Venturing*, 24: 519–532.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Атанасова Анна Атанасовна, младший научный сотрудник, сектор проблем риска и катастроф, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Atanasova, Junior Researcher, Risk and Disaster Sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК 316.37

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262

Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство

¹⁾Зотов В.В., ²⁾Захаров В.М., ²⁾Сапрыка В.М.

¹⁾ Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 141701, г. Долгопрудный, Московская обл., Институтский пер., 9.

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: zotov.vv@mipt.ru, zakharov@bsu.edu.ru, sapryka@bsu.edu.ru

Аннотация. Сегодня концепция публичного управления претерпевает эволюцию в сторону идеи государства как цифровой платформы. Акцент делается на новом формате взаимодействия граждан с государством: диалог и партнёрство. Но такой переход нуждается в легитимизации общественным мнением. Целью исследования стало изучение мнения населения и экспертов о цифровизации публичного управления в контексте развития концепций «электронного правительства» и «электронной демократии». Результаты опросов показывают, что поддержка продвижения в России данных концептов среди экспертов больше, чем среди населения. По мнению большинства, «электронная демократия» будет способствовать получению информации по принимаемым властью решениям, проведению опросов и голосований по актуальным проблемам, подаче коллективных обращений, петиций; получению информации о деятельности органов власти, упрощению жалоб на действия/бездействия власти, активизации контроля граждан за качеством услуг. Это свидетельствует о схожести данных проектов в части обеспечения транспарентности государства. Данные об использовании электронных площадок, реализующих функционал «электронной демократии» и «электронного правительства», показывают большее проникновение второго проекта в цифровое сетевое пространство.

Ключевые слова: цифровизация, публичное управление, электронная демократия, электронное правительство, цифровая платформа

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31535 «Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору».

Для цитирования: Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А. 2021. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 250–262. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262

Digitalization of public administration: e-democracy vs e-government

¹⁾Zotov V.V., ²⁾Zakharov V.M., ²⁾Sapryka V.A.

¹⁾Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia,

²⁾Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: zotov.vv@mipt.ru, zakharov@bsu.edu.ru, sapryka@bsu.edu.ru

Annotation. Today, the concept of public administration continues to develop actively. At present, its evolution is largely determined by the increasing level of technical innovations and changing socio-political conditions. From the point of view of technological innovation, the concept is evolving towards the idea of the state as a digital platform, which is focused not only on the provision of services, but also on ensuring the participation of citizens in the decision-making process. And in social terms, the emphasis is on a new

format of interaction between citizens and the state: dialogue and partnership. But such a transition faces a certain public opinion. The purpose of the study was to study the opinion of the population and experts on the digitalization of public administration in the context of e-government and e-democracy. It should be noted that the expert definition of these concepts is different: e-government is the provision of a high level of transparency of power and the free exchange of information between the state and society, and e-democracy is the interaction of citizens, authorities, public organizations on electronic platforms. Support for the promotion of E-Democracy and E-Government among experts and the population in Russia is not absolute. Most experts and the population believe that "Electronic Democracy" will contribute to obtaining information on the decisions taken by the authorities, conducting polls and votes on current problems, submitting collective appeals, petitions. At the same time, e-Government will help to obtain information about the activities of the authorities, simplify complaints about the actions/omissions of the authorities, and increase citizens' control over the quality of services. This demonstrates the similarity of these projects with regard to the transparency of the State. It should be noted that the experts called the insufficient activity of the population, the lack of interest on its part as an obstacle to the development of the concept of a platform state. Data on the use of electronic platforms implementing the functionality of "electronic democracy" and "electronic government" show a greater penetration of the second project into the digital network space.

Keywords: digitalization, public administration, e-democracy, e-government, digital platform

Acknowledgements: the reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31535 « Public governance in a digital society: towards a new social contract»

For citation: Zotov V. V., Zakharov V. M., Sapryka V. M. 2021. Digitalization of Public Administration: Electronic Democracy vs Electronic Government. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 46 (3): 250–262 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262

Введение

Развитие в начале этого века информационно-телекоммуникационных, а затем и цифровых технологий обусловило качественные изменения системы публичного управления. Повышение эффективности и прозрачности её деятельности преимущественно связывали с развитием концепций «электронного правительства» и «электронной демократии». Отметим то обстоятельство, что данные концепты отличаются друг от друга. Электронная демократия – это использование информационно-телекоммуникационных технологий и инфраструктуры для активизации участия граждан в общественно-политической деятельности, а электронное правительство – это использование вышеуказанных технологий и инфраструктуры для организации эффективного взаимодействия между органами власти различных уровней и гражданами как их клиентами с целью предоставления официальной информации и оказания государственных/муниципальных услуг, что предполагало сведение личного взаимодействия между заявителем и государством к минимуму [Лаврик, 2014]. В рамках проводимой административной реформы во многих странах мира в управленческой практике органов власти широко используется именно концепция «электронного правительства».

Сегодня на смену компьютеризации, интернетизации и сетевизации идет цифровизация как создание информационно-аналитических (информационно-экспертных) платформ, которые помимо интерактивности обладают аналитическими и прогностическими функциями [Зотов, 2020]. Благодаря новым цифровым технологиям система публичного управления приобретает возможность принимать решения практически в режиме реального времени. Интерактивные информационно-телекоммуникационные технологии нового поколения создают базу для реформирования электронного правительства [Dugdale, Daly, Papandrea, 2005]. Его эволюция во многом определялась возрастающим уровнем технических новаций и меняющимися концепциями публичного управления: от концепции «нового государственного управления» (New Public Management) к концепции «менеджмента пуб-

личных ценностей» (Public value management). В концепции «менеджмента публичных ценностей» акцент делается на вовлечение граждан в процесс определения спектра предоставляемых государственных/муниципальных услуг, порождения больших данных для аналитики, формирования повестки дня, принятия решений по общественно значимым проблемам. В новой концепции публичное управление базируется на системном взаимодействии основных стейкхолдеров между собой в целях организации диалога и ресурсного партнёрства по интересующему их общественно значимому вопросу. А при оказании услуг гражданам – это не только потребители, но и участники процесса формирования комплекса предоставляемых услуг [Сморгунов, 2007].

Первоначально термин «цифровое правительство» был синонимичным термину «электронное правительство» [Dawes, Gregg, Agouris, 2004]. В 2012 году в ряде западных стран (в частности США) начались реформы по переходу от электронного к цифровому правительству, которые через несколько лет приобретают всеобщий характер [Digital Government Strategies..., 2016]. Но новым содержанием понятие «цифровое правительство» наполняется при переходе от порталов к платформам [Knox, 2013; Gillespie, 2018]. Особенно подчёркивается, что цифровые платформы открывают новые возможности участия граждан в публичном управлении [Eriksson, Vogt, 2013, Chung, 2017, Castelnovo, Sorrentino, 2017, Gil-Garcia, Dawes, Pardo, 2018]. Между тем в некоторых случаях упор на технологическую составляющую трансформации публичного управления, ведущую к повышению качества и эффективности предоставления услуг, остаётся основным [Janssen, Estevez, 2013]. В итоге цифровизация публичного управления воспринимается как очередной этап внедрения современных технологий.

Изначально (в 1993–2005 годах) электронные правительства развитых стран были устроены по типу интернет-порталов, то есть многофункциональных площадок с разнообразным интерактивным сервисом, включающих в себя обширные возможности для обеспечения открытости деятельности органов власти и предоставления государственных услуг в электронной форме. Хотя, как показывает ретроспективный анализ Т.Н. Литвинова, развитие электронного правительства в России всё-таки связывалось с процессом вовлечения общественности в процесс разработки и принятия решений [Литвинова, 2018].

Если сравнивать порталы и платформы, то первые являются более узкофункциональными и ориентированными на оптимизацию механизмов реализации властных полномочий, а вторые – более многофункциональными и демократичными. Цифровая платформа, безусловно, является технологически продвинутым инструментом применения больших данных, накапливаемых в различных государственных информационных системах, в процессе принятия государственных решений. Поэтому появилась концепция «Электронное правительство 2.0», в рамках которой стали признавать, что порталы не предоставляют органам власти весь комплекс отношений с представителями заинтересованных сторон.

Сегодня в большинстве развитых стран начинает получать поддержку идея Т. О'Рейли о государстве как платформе, которое осуществляет текущий мониторинг открытых данных и алгоритмизированное на их основе регулирование государственной политики [O'Reilly, 2010]. Во многих странах, в том числе и в России, такая идея стала находить практическую реализацию и была использована как основа для нового витка административных реформ. Это обуславливает появление «платформенных исследований» как нового ключевого направления общественно-политических исследований [Leorke, 2012; Apperley, Parikka, 2018; Plantin, Lagoze, Edwards, Sandvig, 2018; Зверева, 2019].

Поскольку цифровая сетевая платформа выступает подходящей основой для проявления гражданской активности, то идея государства как платформы не может быть результативно воплощена в жизнь вне общественно-политического контекста. Платформы являются медиа инструментами (посредниками), на основе которых происходит производство решений по общественно значимым проблемам [Gillespie, 2018]. И если понимать цифро-

вую платформу как комплекс технологий, ориентированный на использование веб-приложений на одном сервере для интерактивного гражданского участия, то современное публичное управление (как участвующее управление) использует такие технологии в формате «электронного участия» (e-participation), понимаемого *«как комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении при принятии политических и управленческих решений»* [Чугунов, 2016]. Цифровые сетевые платформы – это открытые и технически нейтральные инструменты обмена ресурсами между представителями заинтересованных сторон. Поэтому акцент делается на таком аспекте взаимодействия государства с его гражданами как сотрудничество (диалог и партнёрство). Основная цель платформенного государства – *«это обеспечение для гражданских образований основы для взаимодействия с правительством или участия в государственной деятельности посредством сотрудничества»* [Chung, 2017].

Цифровые сетевые платформы создают условия для объединения концепций «электронного правительства» и «электронной демократии». Они способствуют развитию гражданского участия в повседневных делах государства так же, как и повышению качества предоставляемых услуг. Как замечает Л.В. Сморгунов: «двумя ключевыми характеристиками государства как платформы являются обеспечение максимальной человекоориентированности результатов управления и предоставления услуг и в то же время максимальной человеконезависимости процессов оказания услуг (как в сборе и обработке информации, так и в принятии решений)» [Сморгунов, 2019, С. 14]. В рамках концепции платформенного государства цифровизации публичного управления ведёт не только к росту качества оказания услуг, но и к повышению достоверности и надёжности информации о текущих общественно значимых проблемах из-за использования систем обработки больших данных, а соответственно, и к объективности принимаемых управленческих решений для разрешения проблемных ситуаций. Одновременно с этим произойдёт снижение коррупции в системе государственной службы и повышение её независимости от человеческих факторов. В системе публичного управления в планах просматривается ряд принципиальных изменений по таким направлениям, как государственные процессы (создание государственной инфраструктуры как единого сервиса для доступа к достоверным данным), государственное участие (внедрение единой цифровой платформы взаимодействия, на которой государство берет на себя роль координатора в обеспечении непрерывной обратной связи), государственная служба (передача части функционала программным системам, работающим на основе искусственного интеллекта) [Сморгунов, 2019, С.14].

В данном случае реанимируется концепция «Электронной демократии» [Белов, 2012; Пермякова, Платонов, Юмаев, 2019]. В настоящее время некоторые авторы отмечают, что главная цель электронной демократии состоит не в том, чтобы заставить граждан пользоваться информационно-телекоммуникационными технологиями при получении государственных и муниципальных услуг, а в том, чтобы научить использовать эти технологии в демократическом управлении [Лаврик, 2017]. Таким образом внедрение цифровых технологий скорее являются не отдельным объяснительным фактором развития электронной демократии, а базовым условием; возможность каждого гражданина участвовать в управлении государством в целом зависит от зрелости политических и социальных институтов общества [Маневский, 2019], от политического самосознания граждан [Eriksson, Vogt, 2013]. Таким образом, основные вопросы, которые необходимо решить, касаются принятия населением цифровых технологий публичного управления. Например, ранее проведённое исследование фиксирует, что, несмотря на общую удовлетворённость возможностями проявления личной инициативы в социальных сетях, респонденты не готовы её проявлять при решении общественно значимых вопросов. Их активность направлена на получение интересующей информации [Василенко, Зотов, Захарова, 2020].

На данном этапе цифровизации публичного управления важна оценка граждан параметров и характеристик платформенного государства, объединяющего концепции «электронного правительства» и «электронной демократии». Поэтому далее представим результаты массового и экспертного социологического исследования, которое позволит объективно оценить процесс цифровизации публичного управления.

Эмпирическая база и методы исследования

С методологической точки зрения текущее исследование будет основано на интуитивно-рациональном методе [Babintsev, Sapryka, 2013], который отдаёт приоритет эмпирическим данным и их интерпретации. Эмпирической основой исследования послужило социологическое исследование, проведенное с целью получения достоверной и обоснованной информации о мнении населения о границах общества и ответственности государства за безопасность в цифровом сетевом пространстве. Социологические исследования включали массовые и экспертные опросы. В связи с эпидемиологической ситуацией массовое обследование проводилось посредством анкетного опроса комбинированным способом: 1) онлайн-опрос с использованием сервиса Google; 2) полевой опрос с использованием личных интервью с использованием бумажной анкеты. Выборка исследования формировалась из лиц старше 18 лет, проживающих в столичных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург) и медианных по уровню информатизации регионах (Белгородская и Курская область). Выборочная совокупность в количестве 1000 респондентов квотировалась по полу и возрасту (до 30 лет, от 30 до 60 лет, старше 60 лет). Анкеты были исключены из обработки, из которых было ясно, что респонденты не имеют компьютеров, не пользуются Интернетом, ничего не могут сказать о цифровых технологиях, поскольку они не связаны с их повседневной практикой. Экспертный опрос проводился среди государственных служащих, представителей науки и образования, муниципальных служащих, членов общественных организаций и политических партий Белгородской и Курской областей. Всего было опрошено 90 экспертов.

Основные результаты и их обсуждение

Становление концепции платформенного государства (цифрового государства), объединяющей идеи электронного правительства и электронной демократии, возможно, если изначально установить существование различия в понимании этих двух феноменов в общественном сознании граждан, а также лиц, которые связаны с современным процессом публичного управления (помимо чиновников это представители гражданского общества и научного сообщества). В исследовании было получено экспертное определение содержания понятия «Электронное правительство» и «Электронная демократия». Так, среди экспертов преобладает понимание «Электронного правительства» как обеспечение высокого уровня прозрачности власти и свободный обмен информацией между государством и обществом (73 %), предоставление государственных и муниципальных услуг населению через сеть Интернет (18 %). Остальные варианты набрали менее 10 %. Так, более половины экспертов, а именно 63 % считают, что электронная демократия — это взаимодействие граждан, властей, общественных организаций на электронных площадках. Треть экспертов считает, что это право граждан свободно высказывать свои убеждения в сети Интернет. Вариант ответа «механизм избрания всех органов власти путём голосования в сети Интернет» выбрали 14 % экспертов.

Важным для нашего исследования является понимание поддержки идей продвижения в России электронной демократии и электронного правительства.

Касательно вопроса поддержки либо не поддержки идеи создания в России «электронного правительства» можно резюмировать следующее (табл. 1). Среди экспертов данную идею скорее поддерживает 52 % респондентов, 27 % полностью поддерживают. Что

касается поддержки или не поддержки среди граждан идеи создания в России «электронного правительства» для использования информационно-телекоммуникационных технологий при оказании услуг населению, можно отметить, что практически половина из них поддерживает данную идею – 35 % скорее поддерживает, 18 % полностью поддерживает.

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос о поддержке идей продвижения в России «электронной демократии» и «электронного правительства» среди экспертов и населения, %
Distribution of answers to the question about support for the ideas of promoting «electronic democracy» and «electronic government» in Russia among experts and citizens, %

Ответы	Электронное правительство		Электронная демократия	
	Эксперты	Население	Эксперты	Население
Полностью не поддерживаю.	2	20	2	18
Скорее не поддерживаю.	6	15	10	18
Скорее поддерживаю.	51	35	44	30
Полностью поддерживаю.	27	18	20	20
Затрудняюсь ответить.	15	12	24	15

Стоит отметить, что классические модели демократии «электронная демократия – электронное участие – публичное сетевое пространство» все чаще проявляются при решении проблем социально-экономического развития, что подтверждается высокой оценкой респондентов возможностей электронной демократии в расширении гражданского участия в публичном управлении [Мисников, Филатова, Чугунов, 2016]. В опросе, проведенном авторами статьи, распределение ответов на вопрос о поддержке либо не поддержке идеи продвижения в России «электронной демократии» как использования информационных технологий для расширения возможностей каждого гражданина участвовать в управлении государством показывает, что 44 % экспертов идею продвижения «электронной демократии» в России скорее поддерживают, 20 % – полностью поддерживают. Большинство жителей также скорее поддерживают данную идею (30 %), полностью поддерживают (20 %).

Оценка перспектив взаимоотношений органов власти и населения является одной из важных задач настоящего исследования. С целью их определения были заданы вопросы о том «Каким моментам во взаимоотношениях органов власти и населения будет способствовать «электронная демократия» и «электронное правительство»?».

Большинство экспертов считает, что электронная демократия будет способствовать получению информации по принимаемым властью решениям, проведению опросов и голосований по актуальным проблемам, подаче коллективных обращений и петиций, обсуждению принятых решений, выдвижению инициативных предложений/проектов решений, голосованию по принимаемым решениям (табл. 2). Население в целом согласно с мнением экспертов, хотя и оно не так оптимистично, особенно в части обсуждения и принятия решений. Так, население в первую очередь выделяет получение информации по принимаемым властью решениям, проведение опросов и голосований по актуальным проблемам и подача коллективных обращений и петиций.

Большинство опрошенных из числа лиц, привлекаемых к совершенствованию процесса публичного управления, считает, что электронное правительство будет способствовать получению информации о деятельности органов власти, упрощению жалоб на действия/бездействия власти, активизации контроля граждан за качеством услуг (табл. 3). По мнению населения, электронное правительство будет способствовать, в первую очередь, получению информации о деятельности органов власти, упрощению жалоб на действия

/бездействия власти и экономии гражданами времени. И опять взгляды граждан в сравнении с экспертами на перспективы взаимодействия с государством в формате «электронного правительства» менее оптимистичны.

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов экспертов и граждан на вопрос «Каким моментам во взаимоотношениях органов власти и населения будет способствовать “Электронная демократия”?», %
 Distribution of answers of experts and citizens to the question «What aspects of the relationship between the authorities and the population will be promoted by “E-democracy”?», %

Варианты ответов	Эксперты	Население
1. Получение информации по принимаемым властью решениям	81	57
2. Голосование по принимаемым решениям	72	45
3. Проведение опросов и голосований по актуальным проблемам	78	55
4. Подача коллективных обращений, петиций	78	49
5. Обсуждение принятых решений	76	45
6. Выдвижение инициативных предложений/проектов решений	74	43
7. Обсуждение и выработка принимаемых решений	67	35
8. Организация участия в реализации принятых решений	53	31
9. Разрешение конфликтных и спорных ситуаций	56	35
10. Контроль за ходом выполнения принятых решений	67	53

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов экспертов и граждан на вопрос «Каким моментам во взаимоотношениях органов власти и населения будет способствовать “электронное правительство”?», %
 Distribution of answers of experts and citizens to the question «What aspects of the relationship between the authorities and the population will be promoted by “E- government”?», %

Варианты ответов	Эксперты	Население
1. Получению информации о деятельности органов власти	84	50
2. Экономии гражданами времени	66	41
3. Сокращению финансовых затрат граждан	49	31
4. Повышению качества предоставления услуг	66	35
5. Упрощению жалоб на действия /бездействия власти	73	46
6. Активизация контроля граждан за качеством услуг	76	38
7. Получению услуги в любое время в любом месте	63	38
8. Организация общественной экспертизы принимаемых решений	51	21
9. Разрешению конфликтных и спорных ситуаций.	43	25
10. Контролю за ходом выполнения принятых решений.	61	39

Представим первые позиции мнение населения в зависимости от места проживания. Так, половина жителей столичных мегаполисов считает, что это приведёт к экономии гражданами времени. А половина жителей областных центров, районных центров и сельских по-

селений, считает, что электронное правительство будет способствовать получению информации о деятельности органов власти. А далее представим первые позиции во мнение населения в зависимости от возраста. По мнению более половины опрошенных молодых людей, взрослого населения и лиц пожилого возраста электронное правительство будет способствовать во взаимоотношениях органов власти и населения, в первую очередь, получению информации о деятельности органов власти. То есть видно, что во мнении всех территориальных и возрастных группах, за исключением жителей столичных мегаполисов, преобладает ориентация на информационную функцию порталов электронного правительства.

Необходимо понимание того, что выступает главным «тормозом» развития и распространения электронной демократии и электронного правительства в России (табл. 4). Для экспертов и населения были предложены следующие дестабилизирующие факторы: недостаточная активность населения, отсутствие интереса; недостаточная распространённость сети Интернет; отсутствие ответственности чиновников органов власти; отсутствие контроля со стороны граждан; малое количество диалоговых интернет-площадок / малое количество интернет-услуг; слабый уровень политической поддержки проекта; отсутствие законодательной базы; возможность преследования инакомыслящих; устаревшие технологии. Отметим, что в данном случае экспертами в качестве препятствия для развития электронного правительства и электронной демократии называется недостаточная активность населения, отсутствие интереса, то населением, напротив, отсутствие ответственности чиновников органов власти.

Таблица 4
Table 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, на сегодняшний день, что является основным «тормозом» развития и распространения «электронного правительства» и «электронной демократии» в России?» среди экспертов и населения, %

Distribution of answers to the question «What do you think, today, what is the main “brake” in the development and spread of “E-government” and “E-democracy” in Russia?» among experts and population, %

Варианты ответов	Электронное правительство		Электронная демократия	
	Эксперты	Население	Эксперты	Население
1. Недостаточная активность населения, отсутствие интереса	58	36	62	41
2. Недостаточная распространённость сети Интернет	27	17	24	16
3. Отсутствие ответственности чиновников органов власти	38	56	24	59
4. Отсутствие контроля со стороны граждан	23	23	10	27
5. Малое количество интернет-услуг / диалоговых интернет-площадок.	20	11	29	17
6. Слабый уровень политической поддержки проекта	31	23	33	19
7. Отсутствие законодательной базы.	16	33	29	38
8. Возможность преследования инакомыслящих	19	30	29	33
9. Устаревшие технологии	15	13	24	12

И в заключении представим данные об использовании электронных площадок, реализующих функционал «электронной демократии» и «электронного правительства».

Следующий вопрос связан с онлайн-площадками, посредством которых осуществляется коммуникация между гражданами и госструктурами с целью предоставления возможности принимать активное участие в развитии региона. Большинство участников опроса (74 %) ничего не слышали о подобном ресурсе в своём регионе, ещё 7 % имеют минимальную осведомлённость. Зарегистрированы и активно пользуются только 8 % респондентов, зарегистрированы, но не пользуются – 6 %.

Отметим, что среди экспертов 36 % тех, кто зарегистрировался и пользуется, и 13 % тех, кто просто прошёл регистрацию. Осведомлены о существовании подобного ресурса, но не зарегистрированы – 6 % респондентов. Гораздо более активно граждане используют портал «Госуслуги». 43 % пользователей зарегистрированы и пользуются порталом. Пятая часть опрошенных зарегистрированы, но порталом не пользуются. Ещё 8 % опрошенного населения хорошо осведомлены, но на «Госуслугах» не зарегистрированы, столько же – обладают минимальной информацией о работе портала. Ничего о нем не слышали – 21 % респондентов. И здесь интересно сравнить с участием экспертов в работе этих площадок. Среди экспертов 90 % тех, кто зарегистрировался и пользуется, и 6 % тех, кто прошёл регистрацию, но пока не пользуется.

Заключение

Повышение эффективности и прозрачности деятельности управляющей системы в начале этого века преимущественно связывали с концепциями «электронной демократии» и «электронного правительства». Но именно последняя концепция получила развитие в административной реформе РФ, поскольку она способствовала повышению качества и эффективности оказания государственных и муниципальных услуг, транспарентности органов власти. При этом в условиях цифровизации публичного управления концепция «Электронное правительство» продолжает активно развиваться. В настоящее время её эволюция во многом определяется возрастающим уровнем технических новаций и меняющимися социально-политическими условиями. С точки зрения технических инноваций, концепция претерпевает эволюцию в сторону идеи государства как платформы, которые представляют собой более сложные электронные инструменты нежели существующие порталы. Если порталы ориентируются на государство и его функционал, то платформы – на взаимодействие государства с гражданами. Поэтому в социальном плане акцент делается на новом диалого-партнёрском формате взаимодействия граждан с государством, реанимируя тем самым концепцию электронной демократии в рамках административной реформы. Но такой переход требует понимания и поддержки среди населения и лиц, привлекаемых к совершенствованию процесса публичного управления: государственных и муниципальных служащих, представителей гражданского общества и научного сообщества.

Результаты массового и экспертного опроса позволяют объективно оценить процесс цифровизации публичного управления в контексте электронного правительства и электронной демократии. Отметим, что экспертное определение данных понятий отличается: электронное правительство – это обеспечение высокого уровня транспарентности власти и свободный обмен информацией между гражданами и государством, а электронная демократия – это взаимодействие граждан, властей, общественных организаций на электронных площадках. Поддержка и продвижения в России концепций «электронной демократии» и «электронного правительства» среди экспертов и населения не является абсолютной. Большинство экспертов и населения считает, что электронная демократия будет способствовать

получению информации по принимаемым властью решениям, проведению опросов и голосований по актуальным проблемам, подаче коллективных обращений, петиций. В то же время электронное правительство будет способствовать получению информации о деятельности органов власти, упрощению жалоб на действия/бездействия власти, активизации контроля граждан за качеством услуг. Это свидетельствует о схожести для данных проектов функции информирования (обеспечения транспарентности) при отличии другого функционала. Отметим, что экспертами в качестве преобладающего фактора, «тормозящего» развитие электронного правительства и электронной демократии были названы недостаточная активность населения, отсутствие интереса, то населением, напротив, отсутствие ответственности чиновников органов власти. Данные об использовании электронных площадок, реализующих функционал «электронной демократии» и «электронного правительства», показывают большее проникновение второго проекта в цифровое сетевое пространство.

Список литературы

1. Белов В. Г. 2012. Электронная демократия в современной России. Ценности и смыслы, 4 (20): 129-138.
2. Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А. 2020. Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 20 (4): 864-876. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876
3. Зверева Г.И. 2019. Концепции «платформенного общества» в современных социокультурных исследованиях. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 8: 161-171. DOI 10.28995/2686-7249-2019-8-161-171.
4. Зотов В.В. 2020. Информационно-аналитические платформы как основа цифровизации общества. Труды 63-й Всероссийской научной конференции МФТИ. Гуманитарные науки и педагогика. М.: МФТИ: С.71-72.
5. Лаврик Н.В. 2017. Электронная демократия: мировой опыт. Вестник Забайкальского государственного университета, 23(2): 67-75. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-2-67-75
6. Литвинова Т.Н. 2018. Развитие электронного правительства в России: проблемы и перспективы. Право и управление. XXI век, 3: 60-68. DOI: 10.24833/2073-8420-2018-3-48-60-68
7. Маневский Е.В. 2019. Факторы развития электронной демократии в современном обществе. Политика и общество, 2: 15-20. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852
8. Мисников Ю.Г., Филатова О.Г., Чугунов А.В. 2016. Электронное взаимодействие власти и общества: направления и методы исследований. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 1 (239): 52-60. DOI: 10.5862/JHSS.239.6
9. Пермякова А.С., Платонов А.С., Юмаев Е.А. 2019. Особенности развития электронной демократии в Российской Федерации. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 5 (1): 104-116.
10. Сморгун Л.В. 2007. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы. Политическая наука, 4: 20-49.
11. Сморгун Л.В. 2019. Патрисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество. Власть, 27 (5): 9-19.
12. Чугунов А.В. 2016. Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации. Азимут научных исследований: экономика и управление, 4 (17): 453-459.
13. Apperley Th., Parikka J. 2018. Platform studies epistemic threshold. Games and Culture, 13 (4): 349–369. DOI: 10.1177/1555412015616509
14. Babintsev V.P., Sapryka V.A. 2013. Opportunities of sociology in the time of troubles. World Applied Sciences Journal. 26 (12): 1535-1537. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.26.12.13604.
15. Castelnovo W., Sorrentino M. 2017. The Digital Government Imperative: a ContextAware Perspective. Public Management Review, 20 (5): 709-725. DOI: 10.1080/14719037.2017.1305693

16. Chung Ch.-S. 2017. From Electronic Government to Platform Government. *Journal of Platform Technology*, 5 (3): 3-10.
17. Dawes S., Gregg V., Agouris P. 2004. Digital Government Research: Investigations at the Crossroads of Social and Information Science. *Social Science Computer Review*, 22 (1): 5-10. DOI: 10.1177/0894439303259863
18. Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study. 2016. OECD. 63 p.
19. Dugdale A., Daly A., Papandrea F., Maley M. 2005. Accessing E-government: Challenges for Citizens and Organizations. *International Review of Administrative Sciences*, 71 (1): 109-118. DOI: 10.1177/0020852305051687.
20. Eriksson K., Vogt H. 2013. On Self-service Democracy: Configurations of Individualizing Governance and Self-directed Citizenship. *European Journal of Social Theory*, 16 (2): 153-173. DOI: 10.1177/1368431012459693
21. Gil-Garcia J.R., Dawes Sh.S., Pardo T.A. 2018. Digital Government and Public Management Research: Finding the Crossroads. *Public Management Review*, 20 (5): 633-646. DOI: 10.1080/14719037.2017.1327181
22. Gillespie T. 2018. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Modernization, and the Hidden Decisions that Shape Social Media*. – New Haven, CT: Yale University Press. 296 p.
23. Janssen M., Estevez E. 2013. Lean government and platform-based governance –Doing more with less. *Government Information Quarterly*, 30: S1–S8. DOI: 10.1016/j.giq.2012.11.003.
24. Knox C. 2013. Public Administrators' Use of Social Media Platforms: Overcoming the Legitimacy Dilemma? *Administration and Society*. Vol. 20. № 10. P. 3-20. DOI: 10.1177/0095399713503463
25. Leorke D. 2012. Rebranding the platform: the limitations of 'Platform Studies'. *Digital culture and education*, 4: 257-268.
26. O'Reilly T. 2010. *Government as a Platform. Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* (ed. by D. Lathrop, L. Ruma). Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media. P. 11-40.
27. Plantin J.-Ch., Lagoze C., Edwards P.N., Sandvig Ch. 2018. Infrastructure studies meet Platform Studies in the age of Google and Facebook. *New Media and Society*. Vol. 20. № 1. P. 293-310. DOI: 10.1177/1461444816661553

References

1. Belov V.G. 2012. E-democracy in modern Russia. *Values and meanings*. 4 (20): 129-138 (in Russian).
2. Vasilenko L.A., Zotov V.V., Zakharova S.A. 2020. Social media potential for developing participatory governance. *RUDN Journal of Sociology*. 20 (4): 864-876. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876 (in Russian).
3. Zvereva G.I. 2019. The concepts of platform society in contemporary socio-cultural research. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series. 8: 161-171. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-161-171 (in Russian).
4. Zotov V. V. 2020. Information and analytical platforms as a basis for the digitalization of society. *Proceedings of the 63rd All-Russian Scientific Conference of MIPT. Humanities and Pedagogy*. Moscow: MIPT: 71–72 (in Russian).
5. Lavrik N.V. 2017. Electronic democracy: international experience. *Transbaikal State University Journal*. 23(2): 67-75. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-2-67-75 (in Russian).
6. Litvinova T.N. 2018. Development of E-government in Russia: Problems and Prospects. *Journal of Law and Administration*. 3(48): 60-68. DOI: 10.24833/2073-8420-2018-3-48-60-68 (in Russian).
7. Manevsky E. V. 2019. Factors of the development of e-democracy in modern society. *Politics and Society*. 2: 15-20. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852 (in Russian).

8. Misnikov Yu.G., Filatova O. G., Chugunov A. V. 2016. Electronic interaction between the authorities and society: areas and methods of researches. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 1 (239): 52–60. DOI: 10.5862/JHSS.239.6 (in Russian).
9. Permyakova A.S., Platonov A.S., Yumaev E.A. 2019. Features of the development of e-democracy in the Russian Federation. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. 5(1): 104–116 (in Russian).
10. Smorgunov L.V. 2007. From e-government to e-governance: Change of Paradigm. *Political science*. No. 4. P. 20–49 (in Russian).
11. Smorgunov L.V. 2019. Participatory governability: platforms and collaboration. *The Authority (Vlast')*. 27 (5): 9–19 (in Russian).
12. Chugunov A.V. 2016. E-participation as G2C feedback channel: institutionalization issues. *ASR: Economics and Management*. 4 (17): 453–459 (in Russian).
13. Apperley Th., Parikka J. 2018. Platform studies epistemic threshold. *Games and Culture*. 13 (4): 349–369. DOI: 10.1177/1555412015616509
14. Babintsev, V.P., & Sapryka, V.A. (2013) Opportunities of sociology in the time of troubles. *World Applied Sciences Journal*. 26 (12): 1535–1537. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.26.12.13604
15. Castelnovo W., Sorrentino M. 2017. The Digital Government Imperative: a Context Aware Perspective. *Public Management Review*. 20 (5): 709–725. (In Russian). DOI: 10.1080/14719037.2017.1305693
16. Chung Ch.-S. 2017. From Electronic Government to Platform Government. *Journal of Platform Technology*. 5 (3): 3–10.
17. Dawes S., Gregg V., Agouris P. 2004. Digital Government Research: Investigations at the Crossroads of Social and Information Science. *Social Science Computer Review*. 22 (1): 5–10. DOI: 10.1177/0894439303259863
18. Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study. 2016. OECD. 63 p.
19. Dugdale A., Daly A., Papandrea F., Maley M. 2005. Accessing E-government: Challenges for Citizens and Organizations. *International Review of Administrative Sciences*. 71 (1): 109–118. DOI: 10.1177/0020852305051687
20. Eriksson K., Vogt H. 2013. On Self-service Democracy: Configurations of Individualizing Governance and Self-directed Citizenship. *European Journal of Social Theory*. 16 (2): 153–173. DOI: 10.1177/1368431012459693
21. Gil-Garcia J.R., Dawes Sh.S., Pardo T.A. 2018. Digital Government and Public Management Research: Finding the Crossroads. *Public Management Review*. 20 (5): 633–646. DOI: 10.1080/14719037.2017.1327181
22. Gillespie T. 2018. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Modernization, and the Hidden Decisions that Shape Social Media*. New Haven, CT: Yale University Press. 296 p.
23. Janssen M., Estevez E. 2013. Lean government and platform-based governance –Doing more with less. *Government Information Quarterly*. 30: S1–S8. DOI: 10.1016/j.giq.2012.11.003.
24. Knox C. 2013. Public Administrators' Use of Social Media Platforms: Overcoming the Legitimacy Dilemma? *Administration and Society*. 20 (10): 3–20. DOI: 10.1177/0095399713503463
25. Leorke D. 2012. Rebranding the platform: the limitations of 'Platform Studies'. *Digital culture and education*. 4: 257–268.
26. O'Reilly T. 2010. Government as a Platform. *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* (ed. By D. Lathrop, L. Ruma). Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media. P. 11–40.
27. Plantin J.-Ch., Lagoze C., Edwards P.N., Sandvig Ch. 2018. Infrastructure studies meet Platform Studies in the age of Google and Facebook. *New Media and Society*. 20 (1): 293–310. DOI: 10.1177/1461444816661553

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии, Московского физико-технического института (национальный исследовательский университет), Долгопрудный, Россия

Захаров Виктор Михайлович, доктор социологических наук, доцент, директор института экономики и управления, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Сапрыка Виктор Александрович, доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudny, Russia

Viktor M. Zakharov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Professor of the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Viktor A. Sapryka, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head. Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.344.34

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность

Карлова Е.Н.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54а
E-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на отсутствие формальных социальных барьеров в продвижении по военной службе, существуют свидетельства неравных шансов на выбор военной профессиональной траектории и военной-профессиональной мобильности выходцев из разных социальных групп. Продуктивной, но редко применяемой в военной социологии теорией является концепция П. Бурдьё, позволяющая рассматривать военную организацию как социальное поле, в котором формируется военный габитус и накапливается военный капитал. Целью данного исследования является теоретическое обоснование понятия «военный капитал» и эмпирическая оценка значения социального происхождения и культурного капитала курсантов как социальных оснований выбора военной профессии. Исследование показало, что значительная доля курсантов до поступления в военный вуз имела начальный уровень военного капитала в его культурной, физической и социальной формах. Основными средствами продвижения по военной службе курсанты считают командно-административный, образовательный и физический капитал. Проведенное исследование показало эвристический потенциал теории П. Бурдьё для объяснения особенностей профессиональной мобильности военнослужащих внутри армейской иерархии, гражданско-военных отношений, перспектив адаптации военнослужащих после увольнения из армии.

Ключевые слова: военный капитал, военная социология, социальное происхождение, социальная мобильность, неравенство, военное образование.

Для цитирования: Карлова Е.Н. 2021. Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46 (2): 263–273. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

P. Bourdieu's theory in military sociology: Military capital and professional mobility

Ekaterina N. Karlova

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
"Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy",
54a Starykh Bolshevikov St, Voronezh, 394064, Russian Federation
E-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Abstract. Despite the absence of formal social barriers to promotion in the military service, there is evidence of unequal chances of choosing a military professional trajectory and military-professional mobility for people from different social groups. A productive but rarely used theoretical framework for military sociology is the concept of P. Bourdieu, which allows us to consider the military organization as a social field in which the military habitus is formed and military capital is accumulated. The purpose of this study is to provide a theoretical justification for the concept of "military capital" and an empirical assessment of the importance of the social origin and cultural capital of cadets as social grounds for choosing a military profession. The study is based on a questionnaire survey of military universities cadets.

The study showed a significant proportion of cadets with initial level of military capital in its cultural, physical and social forms. Military education becomes a means of social mobility for provincial young people with an average level of academic performance. Cadets consider command-administrative, educational and physical capital to be the main resources for promotion in military service. The study showed the heuristic potential of P. Bourdieu's theory for explaining the features of professional mobility of military personnel within the army hierarchy, civil-military relations, and adaptation potential of military personnel after leaving the army.

Key words: military capital, military sociology, social origin, social mobility, inequality, military education.

For citation: Karlova E.N. 2021. P. Bourdieu's theory in military sociology: military capital and professional mobility. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (2): 263–273 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

Введение

Вплоть до окончания Второй мировой войны социальное происхождение определяло перспективы продвижения человека по военной службе сначала по сословному, затем по классовому признаку. К концу XX века социальное происхождение офицеров как профессионального ядра вооруженных сил становится все ближе классовой структуре общества в целом, репрезентируя все социальные слои, за исключением беднейших и богатейших доходных групп [Moelker, Soeters, 2008]. Несмотря на то, что в настоящее время в общественном мнении военная служба считается соответствующей меритократическим принципам [Социальные лифты, 2020], существуют свидетельства классовых диспропорций и недопредставленности ряда социальных групп в офицерском корпусе, а также неравных возможностей профессиональной мобильности некоторых социально-демографических и социально-экономических групп [Roth-Dauquet, 2006; Clark et al., 2020; Карлова, 2021].

Объяснительной теорией наличия неравных шансов на выбор военной профессиональной траектории выходцам из разных социальных групп и внутриармейской профессиональной мобильности может стать концепция Пьера Бурдьё. Проблемы военной организации отдельно не разрабатывались французским социологом, но реконструируя его подход, можно рассмотреть армию как социальное поле – особое социальное пространство со своими правилами поведения, закономерностями и структурами власти, место культурного воспроизводства. Военное поле притягивает агентов, обладающих определенными социальными характеристиками и диспозициями, конгруэнтными военному полю, которые усиливаются в процессе воинской социализации и образуют военный габитус¹. В данной статье предпринимается попытка теоретического обоснования понятия «военный капитал» как совокупности специфических ресурсов, приобретаемых актором в процессе воинской социализации, а также эмпирического исследования социальных оснований выбора военной профессии в зависимости от социального происхождения и накопленного культурного капитала.

Представление о военной организации как особом социальном поле – структурированном пространстве позиций доминирования и подчинения [Шматко, 2005] согласуется с теориями гражданско-военных отношений С. Хантингтона [Huntington, 1957], М. Яновица [Janowitz, 1960], П. Фивера [Feaver, 1990] и других теоретиков, описывающих армию как закрытую, противопоставленную гражданскому обществу социальную систему, организованную в соответствии со своими собственными интересами и правилами. Теория полей

¹ Габитус в теории П.Бурдьё понимается как набор устойчивых бессознательных диспозиций, включающий индивидуальные и групповые схемы восприятия, оценивания, представления и действия, целостность мировоззрения [Бурдьё, 1998]

П. Бурдьё помогает осмыслить это противопоставление в социокультурной плоскости, а концепция капиталов как факторов социальной стратификации [Бурдьё, 2005b], может стать продуктивной теоретической платформой для осмысления социального статуса военнослужащих, который во многом определяется такими неэкономическими факторами, как особое правовое положение, стиль жизни, немонетарные социальные льготы и гарантии, при некоторых условиях – политическое влияние.

Военный капитал в исследованиях социологов

Теория П. Бурдьё оказалась плодотворной для западной военной социологии в объяснении особенностей внутриармейской иерархии, гражданско-военных отношений, перспектив адаптации военнослужащих после увольнения из армии. Опираясь на теорию П. Бурдьё, исследователи рассматривают систему военного образования как социальное поле, где в процессе интенсивной социализации формируется военный габитус и накапливается военный капитал. Так, Я. Пиндлебари [Pendlebury, 2019] фокусируется на социальном неравенстве внутри военного поля, обусловленным неравным доступом некоторых групп к накоплению военного капитала, в частности, женщин – к развитию необходимого уровня физической подготовки. П.М. Хаджджейр [Hajjar, 2005], напротив, акцентирует внимание на интегрирующей функции военного поля, которое нивелирует расовые, этнические, экономические другие различия, препятствующие социальной мобильности в гражданском обществе. Военный габитус, включающий лидерские навыки, самодисциплину, хорошие манеры, стремление к получению образования, дает возможность социальной мобильности для детей из социально незащищенных слоев населения.

Эстонские социологи [Laanepere, Kasearu, 2020] отмечают воспитание чувства единства военной корпорации путем ношения одинаковой униформы, совместного проживания и питания, сравнительно низкую ценность для военной службы экономического капитала и высокую – физического капитала. Американскими социологами [Hinojosa et al., 2019] проведено отдельное исследование роли физического капитала как инкорпорированной формы культурного капитала, используемой военнослужащими для получения статуса ветерана и доступа к другим видам капитала, предоставляемым социальным институтом военной службы. Ряд ученых [Abraham et al., 2017] сомневаются в существовании габитуса, связанного исключительно с воинской социализацией, и приводят доказательства схожести приписываемых военному габитусу характеристик с ценностями и убеждениями рабочего класса и маскулинной культуры.

Зарубежные военные социологи используют теоретические основы концепции П. Бурдьё для изучения перехода военнослужащих к гражданской жизни после увольнения. Например, британо-израильское сравнительное исследование [Kachtan, Binks, 2020] демонстрирует индивидуальный опыт восприятия военнослужащими своих шансов на конвертацию военного капитала на гражданском рынке труда. Британские ученые [Cooper et al., 2016] отмечают, что некоторые формы культурного капитала, такие как воинское звание или навыки владения оружием, не востребованы в гражданской жизни, что делает возвращение к гражданской жизни травматичным, приводит к культурной дезориентации ветеранов. Социологи также высказывают идею о том, что владение военным капиталом может влиять на социальную мобильность и карьерную траекторию внутри военной организации [Cooper et al., 2017].

Израильские социологи [Swed, Butler, 2015] считают, что «военный капитал» приобретает в процессе воинской социализации и включает в себя особые навыки (человеческий капитал), социальные связи (социальный капитал) и социальные нормы и правила по-

ведения, принятый в военной среде (культурный капитал). Военный капитал легко конвертируется в гражданской сфере, особенно в секторе высокотехнологичного предпринимательства Израиля. Другие социологи [Polin, Ehrman, 2020] пошли дальше в исследовании военного капитала и включили в анализ переменные командного опыта и типа подразделения (боевого, технологического, иного) для определения степени конвертируемости военного капитала, полученного в ходе службы по призыву. По мнению ученых, собственно военная подготовка, включающая владение оружием, дает мало полезных на гражданском рынке труда навыков, в отличие от навыков в сфере высоких технологий, приобретенных в специальных подразделениях, а также командного опыта, планирования и мотивации воинских коллективов.

В России военный капитал в большей степени конвертируется на гражданской государственной службе и государственных предприятиях. По данным А.И. Смирнова [Смирнов, 2015], особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (60 %), до 20 % военнослужащих хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского персонала МО РФ и других силовых ведомств.

Опыт эмпирических военно-социологических исследований доказывает, что особенности армии как закрытого социального института предоставляют возможности для его описания в терминах теории П. Бурдьё. В тоже время в отечественной социологии пока нет работ, рассматривающих военную организацию как социальное поле, в котором формируется военный габитус и накапливается комплекс специфических социальных активов – военный капитал. Кроме того, интерес вызывают социальные характеристики индивидов, выбирающих военную профессию, и их восприятие значимости для служебного роста различных видов военного капитала.

«Военный капитал» и его формы

Обобщая опыт применения теории П. Бурдьё в военной социологии, можно сформулировать определение военного капитала как *совокупности нематериальных ресурсов, приобретаемых во время военной службы и в процессе воинской социализации, влияющих на социально-профессиональный статус индивида в военной иерархии*. К основным видам капитала П. Бурдьё относит экономический, культурный, социальный и символический капитал [2007, с.16]. Наиболее объемный и внутренне неоднородный вид капитала – культурный, в который П. Бурдьё [2005а] включает как образовательные квалификации, так и инкорпорированные в семье манеры, вкусы, словарный запас и произношение. Развивая концепцию П. Бурдьё, В.В. Радаев [2002] выделяет дополнительные формы капитала: физический, человеческий, административный, политический. Принимая во внимание своеобразие военной профессии, заключающееся в том, что для успешной службы необходимо владеть образовательными компетенциями, обладать командирским талантом, комплексом морально-психологических и физических качеств [Карлова, 2021], целесообразно в отдельные виды военного капитала выделить следующее:

- военно-культурный капитал, включающий в инкорпорированной форме особые морально-психологические качества (патриотизм, мужество, честь, преданность воинскому долгу, личная жертва и т.д.), «мягкие навыки» дисциплинированности и товарищеских взаимоотношений в воинском коллективе, следование военным правилам поведения и этикета;
- образовательный капитал как более упорядоченное и стандартизированное, объективированное в дипломах формальное образование и военно-профессиональные компетенции в соответствии со специальностью;

- командно-административный капитал, включающий командно-штабные навыки, управленческий талант, лидерские и организаторские качества, благодаря которым военнослужащий приобретает определенный объем властных полномочий и продвигается по войсковой иерархии;
- военно-физический капитал, который представляет собой сформированную в системе физической и строевой подготовки военную выправку, качества силы, выносливости, ловкости, и т.д., а также определённый уровень физического здоровья, делающего человека годным к военной службе;
- символический капитал, включающий честь, престиж и социальное признание, связанные с героическим образом военной профессии, готовностью к самопожертвованию и боевым опытом военнослужащих;
- военно-социальный капитал, включающий социальные связи родства и дружбы представителей военной профессии, корпоративной сплоченности.

С целью проверки обоснованности выделения видов военного капитала и оценки их субъективной значимости для служебного роста, в декабре 2020 г. автором был проведен социологический опрос курсантов военных вузов Министерства обороны РФ по квотной выборке, объем выборочной совокупности составил 347 респондентов¹. Особое внимание в исследовании уделялось социальному и культурному капиталу семей курсантов и определению факторов, повышающих шансы вхождения в поле военной профессии, поскольку они обуславливают стартовый объем военного капитала будущих офицеров.

Подавляющее большинство курсантов имели то или иное представление о военной профессии и начальный уровень военного капитала в его культурной, физической и социальной формах. Отец каждого четвертого из опрошенных курсантов является военнослужащим Министерства обороны РФ (15 % респондентов – из офицерских семей, 10 % – из семей прапорщиков и рядового состава), еще 7 % курсантов имеют родителей, проходящих службу в других силовых ведомствах, 44,3 % респондентов указали, что имеют других близких родственников, проходивших военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, Росгвардии и других войсках и воинских формированиях. Почти четверть курсантов имеет собственный опыт воинской социализации: проходили службу по призыву или по контракту, учились в Суворовских училищах, кадетских корпусах и классах, участвовали во Всероссийском детско-юношеском военно-патриотическом общественном движении (ВВПОД) «Юнармия».

Профессионально-образовательный статус родителей курсантов военных вузов представлен в таблице 1. Родители курсантов имеют достаточно высокий уровень образования: 35,2 % курсантов воспитывались в семьях, где оба родителя имеют высшее образование, у 67,5 % – хотя бы один из родителей имеет диплом о высшем образовании, что соответствует образовательному уровню родителей российских школьников, поступающих в гражданские вузы [Хавенсон, Чиркина, 2018].

Источником пополнения офицерских кадров чаще всего служат сельские поселения, посёлки городского типа и небольшие города. Как видно из таблицы 2, шансы выбора военной профессии молодыми людьми, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге и столицах регионов значительно ниже. Последние чаще сомневались в военно-профессиональном выборе, чем сельчане и жители небольших городов (25 и 19 % соответственно подавали документы на поступление в гражданский вуз). Служить в армии более 20 лет собираются 50 % курсантов из числа столичных жителей и 60 % провинциалов.

¹ Опрошены курсанты ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» и ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова».

Таблица 1
 Table 1

Профессионально-образовательный статус родителей курсантов военных вузов
 (в % от числа опрошенных)
 Professional and educational status of parents of cadets of military universities
 (in % of the number of respondents)

	Отец	Мать
Профессионально-должностной статус родителей		
Руководители разного уровня	10,7	8,9
Квалифицированные специалисты с высшим образованием, работающие в частном или гос. секторе	10,7	27,8
Самозанятые и ведущие индивидуальную трудовую деятельность или частную практику	6,0	8,5
Военнослужащие и другие «силовики»	33,2	6,0
Служащие из числа технического и обслуживающего персонала	11,4	15,5
Рабочие	20,5	11,7
Пенсионеры, безработные, домохозяйки	7,4	21,5
Уровень образования родителей		
Имеют среднее профессиональное образование	40,4	31,1
Имеют высшее образование	47,5	54,2

Таблица 2
 Table 2

Сравнение распределения населения РФ и абитуриентов военных вузов
 по типам населенных пунктов (в % от числа опрошенных)
 Comparison of the distribution of the population of the Russian Federation and applicants
 to military universities by type of locality (in % of the number of respondents)

Тип населенного пункта	Доля курсантов	Распределение населения РФ ¹
Москва, Санкт-Петербург	6,1	12,8
Столица субъекта РФ	15,2	28,9
Другие города	38,8	31,3
Село, деревня, посёлок городского типа	37,6	27,0
Обособленная воинская часть вне черты населенного пункта	2,3	нет данных

Стартовый уровень культурного капитала курсантов в нашем исследовании измерялся через академическую успеваемость, предпочтительные виды досуга и увлечений в

¹ Рассчитано автором на основе: [Численность населения, 2020]

школьный период. В таблице 3 представлены результаты ЕГЭ курсантов в целом и курсантов из семей, в которых родители имеют высшее образование. Физику большинство курсантов сдаёт в диапазоне 40–66 баллов, математику – на 38–70 баллов, русский язык – 56–79 баллов¹, что позволяет отнести поступающих в военные вузы молодых людей к категории хорошистов. Вместе с тем подобные результаты ЕГЭ не позволяют молодым людям поступить на бюджетные места с средне- и высокоселективные вузы [Прахов, 2017].

Таблица 3
Table 3

Распределение курсантов по уровню полученных результатов ЕГЭ (в % от числа опрошенных)
Distribution of cadets by the level of the Unified State Exam results (in % of the number of respondents)

Оценка результатов ЕГЭ	Физика		Математика		Русский язык	
	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.
отлично	13,5	10,2	24,3	28,4	35,0	42,9
хорошо	27,6	40,7	38,8	47,8	45,9	45,9
удовлетворительно	58,9	49,2	36,9	23,9	19,0	11,2

Каждый вуз заинтересован в приёме талантливых и способных обучающихся, однако сочетание культурного капитала родителей и собственных образовательных успехов может стать причиной отказа абитуриентов от военной карьеры: каждый третий курсант, сдавший ЕГЭ выше среднего по выборке и имеющий родителей с высшим образованием, подавал документы одновременно в военный и гражданский вуз.

Подавляющее большинство семей респондентов инвестировали в развитие культурного капитала детей, лишь 7 % курсантов до поступления в вуз не посещали дополнительные образовательные, творческие или спортивные занятия. Почти 40 % респондентов занимались с репетитором для подготовки к ЕГЭ, что соответствует данным ВЦИОМ по общероссийской выборке [ЕГЭ как способ, 2019]. Обращает на себя внимание усиленные занятия спортом поступающих в военные вузы – 78 % респондентов занимались в спортивной школе или секции, в то время как, по данным ВЦИОМ, только 41 % подростков и молодежи в возрасте 13–29 лет постоянно занимаются спортом [Россия – спортивная страна, 2019]. Каждый десятый будущий курсант дополнительно к школьной программе изучал иностранные языки и совершенствовал свои навыки работы на компьютере.

Таким образом, стартовыми факторами, повышающими шансы выбора военной профессии, являются: социальное происхождение молодых людей из семьи военнослужащих и собственный опыт воинской социализации, физический капитал (здоровье и физическая подготовка), географическая удаленность места проживания от культурных и образовательных центров, школьная успеваемость на уровне «хорошо» и «удовлетворительно». Следует отметить, что в ходе исследования не было выявлено зависимости уровня результатов ЕГЭ, ожидаемой продолжительности службы в армии и уверенности в военно-профессиональном выборе от самооценки курсантами материального положения семьи и профессионально-должностного статуса родителей.

¹ Диапазон рассчитан как среднее значение ± среднее квадратичное отклонение.

Оценивая факторы, способствующие продвижению по службе после выпуска из военного вуза, курсанты отдают приоритет командирским навыкам и таланту, а также образовательному и физическому капиталу (см. рисунок). Неоднозначную оценку получил фактор продолжения образования в магистратуре и адъюнктуре: половина курсантов считает его значимым для карьерного роста в армии, другая половина – нет. Вероятно, для молодых людей продолжение образования, которое допускается только после нескольких лет службы в войсках, рассматривается как слишком отдаленная перспектива.

Оценка курсантами различных факторов продвижения по службе
(доля респондентов, считающих тот или иной фактор значимым)
Cadets' assessment of various promotion factors (percentage of respondents
who consider this or that factor significant)

Интересно, что курсанты считают второстепенной роль социального капитала в продвижении по службе, каждый второй респондент не верит в то, что социальные связи родителей и собственные связи, приобретенные во время обучения в военном вузе, будут способствовать служебному росту. Среди детей военнослужащих, особенно офицеров, оценка значимости социального капитала значительно выше (48 % надеются на собственные связи, 39 % – на связи родителей).

В ответах на вопрос о том, что значит быть военным профессионалом, курсанты указывают владение военно-учетной специальностью (73,6 %) командирские навыки (62,3 %) и морально-психологические качества (40,3 %). Каждый десятый считает обязательным для военного профессионала опыт участия в боевых действиях. Несмотря на то, что курсанты осознают важность образовательного и командно-административного капитала в продвижении по службе, в высоком уровне развития собственных соответствующих качеств уверены не все. Высокий уровень развития командно-штабных навыков отмечают 30 % респондентов, высокий уровень успеваемости по дисциплинам специальности – 36 %. Наибольших успехов курсанты достигают в физической подготовке и дисциплинированности – более половины опрошенных уверены в успешности данных аспектов обучения.

Заключение

Своеобразие военной профессии, заключающееся в определенной автономности от общества, жёсткой иерархичности, консерватизме и корпоративности позволяет военным социологам успешно применять теорию П. Бурдьё для объяснения особенностей профессиональной мобильности военнослужащих внутри армейской иерархии и стратегий их адап-

тации после увольнения из армии. В терминах теории П. Бурдьё процесс воинской социализации в военном вузе представляет собой фазу первоначального накопления военного капитала и формирования военного габитуса.

Предпринятое эмпирическое исследование показало, что, несмотря на равный доступ к военному образованию различных социально-экономических групп, социальное происхождение, культурный и социальный капитал семьи продолжают играть важную роль в военно-профессиональной ориентации. Большая доля курсантов рекрутируется из семей, имеющих военную традицию, обязательными условиями вхождения индивида в поле военной профессии является также ранняя военно-профессиональная ориентация и физический капитал. Военное образование становится социальным лифтом для молодых людей со средним уровнем академической успеваемости из провинции. Сами курсанты к ключевым ресурсам в продвижении по военной службе относят командно-административный, образовательный, физический и символический капитал. Вместе с тем уверенности в достаточном объеме военного капитала у курсантов пока нет, что связано с незавершенностью процесса воинской социализации и нахождением курсантов в самом начале военно-профессионального пути.

Список источников

1. ЕГЭ как способ поступить в вуз: удобства и сложности. Аналитический обзор ВЦИОМ от 22 мая 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-kak-sposob-postupit-v-vuz-udobstva-i-slozhnosti> (дата обращения: 23 января 2021).
2. Россия – спортивная страна! Аналитический обзор ВЦИОМ от 13 ноября 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (дата обращения: 2 февраля 2021).
3. Социальные лифты: едут или стоят? Аналитический обзор ВЦИОМ. 25 июня 2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnye-lifty-edut-ili-stoyat> (дата обращения: 2 февраля 2021).
4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики. М. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 25.01.2021) (дата обращения: 23 января 2021).

Список литературы

1. Бурдьё П. 2005. Различение: социальная критика суждения. Экономическая социология, 6(3): 25–48.
2. Бурдьё П. 2007. Социальное пространство и генезис «классов». В кн.: Социология социального пространства. Пер. с франц.; отв. ред. перевода Шматко, Н.А. СПб, Алетейя, 288 с.
3. Бурдьё П. 1998. Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии, 1(2): 44–59.
4. Бурдьё П. 2005. Формы капитала. Экономическая социология, 6 (3): 60–74.
5. Карлова Е.Н. 2021. Воспроизводство социальной структуры Вооруженных Сил в системе военного профессионального образования. Социологические исследования, 2: 81–91.
6. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. 2018. Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость. М, НИУ ВШЭ, 24 с.
7. Прахов И.А. 2017. Доступность высшего образования в условиях ЕГЭ: источники возникновения и распространения неравенства. В кн.: Образование и социальная дифференциация. Отв. ред. Карной М., Фрумин И.Д., Кармаева Н.Н. М., Изд. дом Высшей школы экономики: 282–310.
8. Радаев В.В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. Экономическая социология, 3 (4): 20–32.
9. Смирнов А.И. 2015. Трудоустройство и занятость военных пенсионеров. Вестник Института социологии, 15: 129–148.
10. Шматко Н.А. 2005. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё. В кн.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Шматко, Н.А. СПб, Алетейя: 576 с.

11. Abraham T, Cheney A.M., Curran G.M. 2017. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature. *American Journal of Men's Health*. September:1358-1365. DOI: 10.1177/1557988315596037
12. Clark S. M., Hack-Polay D., Bal P. M. 2020. Social Mobility and Promotion of Officers to Senior Ranks in the Royal Navy: Meritocracy or Class Ceiling? *Armed Forces & Society*, 1-23 DOI: 10.1177/0095327X20905118
13. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. 2016. Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence. *Armed Forces & Society*, 44 (1): 156–177.
14. Feaver P. D. 2005. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*. Harvard: Harvard University Press, 381 p.
15. Hajjar R. M. 2005. The Public Military High School A Powerful Educational Possibility. *Armed Forces & Society*, 32 (1): 44–62.
16. Hinojosa R., Hinojosa M. S., Nguyen J. 2019. Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital. *Armed Forces & Society*, 45(2): 268–290.
17. Huntington, S. P. 1957. *The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 534 p.
18. Janowitz, M. 1960. *The Professional Soldier, a Social and Political Portrait*. Glencoe, ILL.: Free Press, 464 p.
19. Kachtan D. G., Binks E. 2020. Soldiers' Perceptions and Expectations of Converting Military Capital – The Cases of Israeli and British Militaries. *Sociological Inquiry*, 1. DOI: 10.1111/soin.12397.
20. Laanepere, T., Kasearu K. 2020. Military and Civilian Field-Related Factors in Estonian Reservists' Military Service Readiness. *Armed Forces & Society*, August. DOI:10.1177/0095327X20944093.
21. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M., Engward H. A model of military to civilian transition: Bourdieu in action. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 3 (2): 53–60.
22. Moelker R., Soeters J. 2008. Van Doorn and Beyond from Teaching Sociology to Interdisciplinary, Problem-Based Learning in Dutch Officer Training. *Armed Forces & Society*, 35 (1): 36–48.
23. Pendlebury J. 2019. Bourdieu in the military: the field of officer training in three air forces. In: Soili Paananen & Antti-Tuomas Pulkka (eds.): *Processes and practices in military training and education*, Helsinki, National Defence University Department of Leadership and Military Pedagogy, 21–40.
24. Polin B. A., Ehrman C.M. 2020. The Curious Relationship Between Military Service and Entrepreneurial Intentions in Israel. *Armed Forces & Society*, 46(3): 438–453.
25. Roth-Dauquet K. Schaeffer F. 2006. *AWOL: The Unexcused Absence of America's Upper Classes from Military Service – and How It Hurts Our Country*. New York, Harper Collins, 272 p.
26. Swed O., Butler J.S. *Military Capital in the Israeli Hi-tech Industry*. 2015. *Armed Forces & Society*, 41(1): 123–141.

References

1. Bourdieu P. 2005. Razlichenie: social'naja kritika suzhdenija. [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 6(3): 25–48.
2. Bourdieu P. 2007. Social'noe prostranstvo i genezis "klassov" [The Social Space and the Genesis of Groups]. In: *Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. Ed. Shmatko, N.A. SPb., Publ. Aletejya, 288 p.
3. Bourdieu P. 1998. Struktura, gabitus, praktika [Structures, habitus, practices]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1(2): 44–59.
4. Bourdieu P. 2005. Formy kapitala [The forms of Capital]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 6(3): 60–74.
5. Karlova E.N. 2021. Vosproizvodstvo social'noj struktury Vooruzhennyh Sil v sisteme voennogo professional'nogo obrazovanija. [The reproduction of social structure of the Russian Armed Forces in military professional education]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2: 81–91.
6. Havenson T.E., Chirkina T.A. 2018. Obrazovatel'nye perehody v Rossii: social'no-jekonomicheskoe polozhenie sem'i i uspevaemost' [Educational transitions in Russia: socio-economic status of the family and academic performance]. M., Publ. NIU VShJe, 24 p. (In Russian)
7. Prahov I.A. 2017. Dostupnost' vysshego obrazovanija v uslovijah EGJe: istochniki vznikovenija i rasprostraneniya neravenstva. [Accessibility of higher education in the conditions of the Unified State Exam: sources of the emergence and spread of inequality In: *Obrazovanie i social'naja differenciacija*

[Education and social differentiation] Ed. Karnoj, M., Frumin, I. D., Karmaeva, N.N. M, Publ. Vysshj shkoly jekonomiki: 282–310. (In Russian)

8. Radaev V.V. 2002. Ponjatje kapitala, formy kapitalov i ih konvertacija [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 3 (4): 20–32. (In Russian)

9. Smirnov A.I. 2015. Trudoustrojstvo i zanjatost' voennyh pensionerov [Resettlement and Employment of Discharged Military Personnel]. *Vestnik Instituta sociologii*, 15: 129–148. (In Russian)

10. Shmatko N.A. 2005. "Social'nye prostranstva" P'era Burd'jo ["Social Spaces" by Pierre Bourdieu]. In: Burd'jo P. *Social'noe prostranstvo: polja i praktiki* [Social space: fields and practices]. Ed. Shmatko, N.A. SPb, Publ. Aletejya, 576 p. (In Russian)

11. Abraham T, Cheney A.M., Curran G.M. 2017. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature. *American Journal of Men's Health*. September:1358–1365. DOI: 10.1177/1557988315596037

12. Clark S. M., Hack-Polay D., Bal P. M. 2020. Social Mobility and Promotion of Officers to Senior Ranks in the Royal Navy: Meritocracy or Class Ceiling? *Armed Forces & Society*, 1–23 DOI: 10.1177/0095327X20905118

13. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. 2016. Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence. *Armed Forces & Society*, 44 (1): 156–177.

14. Feaver P. D. 2005. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*. Harvard: Harvard University Press, 381 p.

15. Hajjar R. M. 2005. The Public Military High School A Powerful Educational Possibility. *Armed Forces & Society*, 32 (1): 44–62.

16. Hinojosa R., Hinojosa M. S., Nguyen J. 2019. Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital. *Armed Forces & Society*, 45(2): 268–290.

17. Huntington, S. P. 1957. *The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 534 p.

18. Janowitz, M. 1960. *The Professional Soldier, a Social and Political Portrait*. Glencoe, ILL, Free Press, 464 p.

19. Kachtan D. G., Binks E. 2020. Soldiers' Perceptions and Expectations of Converting Military Capital – The Cases of Israeli and British Militaries. *Sociological Inquiry*, 1. DOI: 10.1111/soin.12397

20. Laanepere, T., Kasearu K. 2020. Military and Civilian Field-Related Factors in Estonian Reservists' Military Service Readiness. *Armed Forces & Society*, August. DOI:10.1177/0095327X20944093

21. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M., Engward H. A model of military to civilian transition: Bourdieu in action. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 3 (2): 53–60.

22. Moelker R., Soeters J. 2008. Van Doorn and Beyond From Teaching Sociology to Interdisciplinary, Problem-Based Learning in Dutch Officer Training. *Armed Forces & Society*, 35 (1): 36–48.

23. Pendlebury J. 2019. Bourdieu in the military: the field of officer training in three air forces. In: Soili Paananen & Antti-Tuomas Pulkka (eds.): *Processes and practices in military training and education*, Helsinki, National Defence University Department of Leadership and Military Pedagogy. P. 21–40.

24. Polin B. A., Ehrman C.M. 2020. The Curious Relationship Between Military Service and Entrepreneurial Intentions in Israel. *Armed Forces & Society*, 46(3): 438–453.

25. Roth-Dauquet K. Schaeffer F. 2006. *AWOL: The Unexcused Absence of America's Upper Classes from Military Service – and How It Hurts Our Country*. New York, Harper Collins, 272 p.

26. Swed O., Butler J.S. 2015. Military Capital in the Israeli Hi-tech Industry. *Armed Forces & Society*, 41(1): 123–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карлова Екатерина Николаевна, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina N. Karlova, senior researcher, Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A.Gagarin», Voronezh, Russia

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-274-285

Институты развития социально-инвестиционной модели регионального управления в контексте обеспечения культурной безопасности Юга России

Воденко К.В., Дегтярев А.К.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,

Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

E-mail: vodenkok@mail.ru, rse1985@mail.ru

Аннотация. В рамках реализации поставленной цели рассмотрена проблема создания социально-инвестиционной модели развития региона как наиболее оптимальной для укрепления общероссийского пространства. Подчеркнуто, что в современной ситуации, когда российские регионы испытывают дефицит финансовых ресурсов, а ранее существовавшая политика финансовых трансферов подвергается ревизии со стороны Федерального Центра, актуализируется вопрос об обеспечении культурной безопасности регионов, особенно очевидный на Юге России как регионе, имеющем особенности в контексте геополитического положения, истории освоения и заселения, стереотипов этногруппового и социально-группового общения.

Ключевые слова: социально-инвестиционная модель, культурная безопасность, российские регионы, Федеральный центр, Юг России, внутрирегиональные отношения, стартовые условия.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Для цитирования: Воденко К.В., Дегтярев А.К. 2021. Институты развития социально-инвестиционной модели регионального развития в контексте обеспечения культурной безопасности Юга России. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46 (2): 274–285. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-274-285

Institutions of development of a social and investment model of regional development in the context of ensuring the cultural security of the South of Russia

Konstantin V. Vodenko, Alexander K. Degtyarev

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),

132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region, 346428, Russian Federation

E-mail: avvakumova_alina@mail.ru

Abstract. The study of the soil erosion process and its determining factors is of particular importance nowadays, in conditions of an increasing anthropogenic pressure. The article describes mathematical models of soil erosion and its development, created with the aim of a detailed analysis of the main soil erosion factors contribution (topography, soil types and particle size distribution) using large-scale soil and topographic maps. The main feature of the suggested models is that they are based on qualitative data (soil erosion categories determined by large-scale soil maps). The modeling areas of agricultural lands were

determined by remote sensing data. The analysis of the models coefficients allowed to single out the most common combination of conditions conducive to the development of soil erosion processes on agricultural land within the study area (The Republic of Tatarstan). The study in prospect gives an opportunity to contain zoning of the territory according to the probability of erosion processes development. It was found that the probability of soil erosion, as well as its intensification, increases with the following indicators: slope, specific catchment area, as well as a number of derived indices (convergence-divergence flow index, profile curvature and LS-factor).

Keywords: soil map, topography, soil type, Generalized Linear Model.

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - Doctors of Sciences (MD - 1493.2020.6) on the topic "The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region".

For citation: Vodenko K. V., Degtyarev A. K. 2021. Institutions of development of a social and investment model of regional development in the context of ensuring the cultural security of the South of Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (2): 274–285 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-274-285

Введение

Культурная безопасность как система мер государственной и общественной политики направлена на предотвращение и профилактику культурных девиаций, представляющих риск для нравственно-морального и социально-психологического самочувствия общества, становится актуальной, так как от состояния «духа» общества зависит не только свобода от катастрофических и предкатастрофических предчувствий и тревог, но и чувство социального оптимизма, уверенности в будущем, которое в условиях современной «поведенческой» экономики играет немаловажную роль в социально-политической ситуации в стране.

Учитывая, что Россия является страной регионов и основное население страны, несмотря на доминанты социально-миграционных потоков, сосредоточено в региональном пространстве, нельзя отрицать значимость вопроса культурной безопасности на региональном уровне, особенно на Юге России – регионе с геополитической и этнокультурной спецификой. Полагая, что культурная безопасность является составляющей социального портрета региона, также следует считать, что регион является привлекательным или непривлекательным с точки зрения инвестиционного критерия в силу фактора социального самочувствия и моделей поведения населения региона [Vodenko, 2019].

Логика развития регионов и межрегиональных отношений в российском обществе показала влияние двух факторов. Во-первых, инвестиционный вклад в региональное развитие основывается на принятии знаковости регионального пространства: культурного «бэкграунда» региона, его образа в истории страны, уровня культурного общения населения. Можно сослаться на опыт зарубежных инвесторов, которые более охотно рассматривают инвестиционные проекты в регионах с культурной репутацией. И, напротив, если проблемные регионы с проточным населением, не обладающие культурным наследием, воспринимаются негативно, то не претендуют на роль культурных пространств. Во внутреннем аспекте выявляется значимость культурной безопасности в рамках возможностей реализации социально-инвестиционных проектов, связанных с образовательной, культурно-информационной сферами.

Во-вторых, культурная безопасность не является автономным фактором регионального развития, так как не может быть актуализирована вне состояния социально-инвестиционной модели региона. Другими словами, включение в действие человеческого капитала в ситуации, когда наращиваются культурные возможности и происходит сдвиг в сторону

культурных акций, можно ожидать позитивный эффект от перспектив развития туризма или нацеливаться на укрепление регионального патриотизма. Реальный стимул культурной безопасности в росте социально-инвестиционной модели развития заключается, на наш взгляд, в следующем: культурная безопасность включена в критерии социальной инвестиционности, работает в контексте роста культурного разнообразия, толерантности в межличностных и межгрупповых отношениях и, следовательно, ориентирует региональное сообщество на то, что культурный образ населения регионов является позитивным для перспектив построения и реализации социально-инвестиционной модели развития [Воденко, 2020а, 2020б; Vodenko, 2020].

Таким образом, при рассмотрении вопроса культурной безопасности требуется понимание не только стратегии ее обеспечения со стороны федеральных и региональных властей, а также общественных институтов и организаций, но и отношение к социальным инвестициям в контексте сохранения культурного наследия и поиска в культурной сфере стимулов для инвестиционного развития. Очевидно, что одиночные проекты, которые предпринимались в предшествующие десятилетия («Пермь – культурная столица России»), несмотря на общественную полезность, не могут создать устойчивый вектор социально-инвестиционного развития региона, так как ожидаемо приводят к «пропагандистскому» эффекту и «быстро сдуваются», оставляя впечатление незавершенности и затратности. В этом смысле актуальными являются проработка вопросов методологии, выведение теоретических принципов и положений, направленных на анализ соотношений между социально-инвестиционной моделью развития в регионах и обеспечением культурной безопасности [Норт, 1997; Кушлин, 2011].

Методология исследования

Отечественная социологическая мысль направила исследовательские усилия на проблемы регионов и регионального развития относительно недавно, с конца 90-х годов XX века, когда на фоне восстановления территориальной целостности и конституционного порядка страны стало актуальным осмысление регионального пространства, динамики и статики региональных процессов, отношений регионов и Федерального центра. В рамках структурно-функционального подхода, задающего вектор рассмотрения организационно-структурных вопросов, социально-инвестиционная модель развития региона проглядывалась слабо. На это срабатывали причины, связанные с политикой «финансовых трансфертов», и речь шла о месте региона в сложившейся иерархии межрегиональных отношений, о том, что региональное развитие определяется центробежными или центростремительными тенденциями, что инвестиционность региона основывается на перспективах экономического роста, ресурсном потенциале [Кравченко, 2015; Месхи, 2020; Региональная социология..., 2015].

В рамках социально-пространственного подхода, который можно считать шагом в анализе социально-инвестиционной модели развития, нашел отражение тот факт, что в результате действия распределительной политики Федерального центра, несмотря на внешний политико-стабилизационный эффект, выявляются риски чрезмерной зависимости от финансовой дотации Центра, вступают в действие неформальные механизмы отношений внутри властных структур, ощутимым становится коррупционный эффект и, как следствие, не формируется региональное пространство, реально разделенное по критерию социального клиентелизма. Поэтому реальный исследовательский акцент переносится на анализ региональной идентичности, «узлов» притяжения и дистанцирования в региональном пространстве различных групп регионального социума, и в таком смысле появляется необходимость определения социальной инвестиционности региона по критерию социального капитала групп регионального социума. Социально-пространственный подход определяет со-

циально-инвестиционную модель региона через интеграционные/деинтеграционные процессы (выявлено, что преобладание социальной деинтеграции над интеграцией в районах Дальнего Востока делает их зонами социального риска для долгосрочных инвестиций). Но с социально-пространственным измерением региона связывается и возможность концентрации социальных инвестиций в регионах, обладающих близостью к Федеральному Центру и одновременно имеющим профессионально-квалификационный ресурс для регионального развития [Столицы и регионы..., 2018].

Юг России в рамках социально-пространственного подхода определяется проблемным в силу множественности социокультурных, этнокультурных, внутрирегиональных различий, создающих эффект «чересполосицы» и делающих сложным процесс внутрирегиональной социально-экономической интеграции. Здесь также срабатывает спорный административный вопрос, связанный с тем, что в региональное пространство включено Нижнее Поволжье (Волгоградская и Астраханская области), ориентированное исторически и экономически на другие регионы, поэтому для социально-пространственного подхода свойственно рассматривать возможности и ограничения по консолидации регионального пространства России.

В отличие от социально-пространственного подхода в рамках структурно-деятельностного измерения социально-инвестиционная модель развития региона предполагает проекцию отношений групп регионального социума на сформировавшееся региональное пространство как позиции и диспозиции социальных групп в качестве акторов регионального социума. В исследовательском контексте на первый план выходит анализ социально-инвестиционной модели в качестве ресурсоспособности акторов регионального социума наращивать конкурентоспособность и инновационность в качестве самостоятельных стимулов регионального развития. Однако возможны исследовательские сложности, определяемые тем, что не учитываются институционально-территориальные узлы, общесоциетальная и национально-государственная идентификации, и описание готовности к социально-инвестиционному развитию выглядит неполным, так как часто не принимается во внимание специфика социального поведения такой группы, как «бюджетники», зависимой от государственных дотаций и не имеющей значимого интереса к социально-инвестиционному развитию.

Тем не менее, структурно-деятельностный подход точно диагностирует такую особенность российской повседневности, как способность населения регионального социума к социально-адаптационным стратегиям, что достаточно убедительно выявилось в процессе исследования условий кризиса. Сопоставимость с показателями социальной адаптации населения в регионах дает возможность рассматривать социально-инвестиционную модель развития в зависимости от сроков перестройки социальной адаптации к социальным инвестициям, ориентированным на будущее и не содержащим краткосрочный полезный эффект. В этом смысле структурно-деятельностный подход интересен тем, что обращает внимание на культурную безопасность, так как анализирует социальную адаптацию с точки зрения «издержек», снижения толерантности в межличностных и групповых отношениях, перспективы актуализации культурно-исторического наследия в формировании ресурса исторической памяти, возможности создания соответствующей задачам регионального развития организационной инфраструктуры, основанной на обеспечении культурной безопасности [Пахомова, Дубровина, 2017; Тополева, 2019].

Результаты исследования и их обсуждение

Следует подчеркнуть, что культурная безопасность в соотношении с социально-инвестиционной моделью развития определяется как сопутствующая цель, условие нормального функционирования регионального социума и укрепления региональной идентичности

как составной части национально-государственной идентичности. Данный фактор необходимо рассматривать обязательным, так как социальные инвестиции в России определяются целью консолидации регионов. Если ориентироваться на успех в этом направлении, следует принимать во внимание фактор укрепления межрегионального единства и движения к формированию нормально функционирующего межрегионального пространства [Воденко, Дегтярев, 2020].

Предыдущий опыт создания межрегиональных ассоциаций в 90-е годы XX века не получил позитивных импульсов, так как был связан с практиками межрегионального «бартера», с состоянием экономики при нарушении сложившихся хозяйственно-экономических связей и кризиса финансовой системы, когда действовал принцип выживания, а не развития, что ставило на второй план социально-инвестиционный аспект. Культурная безопасность не являлась приоритетом в условиях принятия конъюнктурных управленческих решений, а если выдвигалась в качестве повестки дня, то ее обсуждение определялось ориентированностью на общероссийский тренд поиска общенациональной идеологии. Следует подчеркнуть, что наступление периода обеспечения инвестиционного развития регионов сопряжено и с определением меры децентрализации государственного управления, и не в меньшей степени с вниманием к культурно-историческому контексту регионального развития, к тому, что культурная безопасность включает не только предупреждение социальных рисков, связанных с деструктивной исторической памятью и проблематичным состоянием культуры общения, а также и мобильностью регионального социума двигаться по пути социально-инвестиционного развития [Балакин, 2014; Божко, 2012].

Важный момент состоит в том, что социально-инвестиционное развитие подразумевает рост человеческого капитала, перестройку стратегии поведения населения региона в пользу «работы на будущее», большой вклад в образование. В этом смысле в российских регионах ощущается дефицит формирования референтной модели, так как регионы-доноры со спецификой «вахтовости» и «проточности» не готовы вкладывать ресурсы в долгосрочное социально-инвестиционное развитие, ориентированное на экономику с «добавленной стоимостью»; в то же время регионы-«середнячки» нацелены на социально-инвестиционное развитие как процедуру, предполагающую привлечение федеральных средств, и в таком контексте ожидание больших социально-инвестиционных проектов часто не оправдывается.

Региональные структуры регулярно заявляют о планах роста социальных инвестиций, но есть риск, что финансовые трансферы, поступающие из федерального бюджета, используются не по назначению, поскольку находятся поводы для их направления на поддержание социальной инфраструктуры, ликвидацию узких мест политики, социальную помощь, на исправление кризисной ситуации в здравоохранении, даже на расчет по накопившимся долгам в региональном бюджете. Учитывая это обстоятельство, Федеральный Центр вносит коррективы, определяемые осторожностью подхода политики финансовых трансферов. Какое это отношение имеет к культурной безопасности? На наш взгляд, проявляется взаимное недоверие не столько в вопросах определения целей социально-инвестиционного развития, где Федеральный Центр заинтересован в снятии чрезмерной финансовой нагрузки, сколько в том, что в регионах не исчезает, а часто укрепляется процесс «внутренней колонизации», выкачивания ресурсов из регионов при неполном возмещении и компенсации со стороны Федерального Центра.

Риски культурной безопасности возрастают в контексте оживления «антимосковских» настроений, подпитываемых синдромом «замкадья», пущенном в оборот в московских либеральных СМИ, и имеющих последствия в непонимании специфики социально-инвестиционного развития региона как взаимовыгодного с точки зрения прекращения депопуляции закрепления молодых кадров и импульса для развития «вторичного» и «третичного» секторов, содержащих возможность для реального роста человеческого капитала и

востребованности на уровне стратегии населения регионов. В этом смысле становится очевидным, что в перспективе модель социально-инвестиционного развития переводится в сферу культурной безопасности, формирование на уровне массовых настроений, ценностей гражданственности и профессионализма, толерантности к социально-бытовым и этнокультурным различиям и нетерпимости к криминализации и теневизации общественной и экономической жизни.

Логика формирования и развития социально-инвестиционной модели в региональном пространстве исходит из того, что в российских условиях необходима ориентация на баланс централизации и децентрализации, что культурная безопасность основывается на паритете и совместимости общенациональной и региональной идентичности, что формирование чувства малой родины предполагает признание позиции «Россия – наш общий дом», и не вызывающим возражения является фактор региональной открытости, свободного перемещения россиян, возможности трудоустройства и обживания в новом регионе.

Разумеется, российские регионы не одинаковы, они различаются по природно-климатическим и социально-экономическим условиям. Объективной является тенденция переезда из регионов со сложностями повседневной жизни в региональные образования, имеющие позитивный образ адаптации и решения жизненных проблем. Естественно, федеральные власти заинтересованы в целях национальной безопасности в оптимальном распределении демографических ресурсов на территории России в том, чтобы регионы не попадали в «демографическую ловушку», и на это нацелена запущенная недавно Федеральная программа по развитию Дальнего Востока. Пока получены очень скромные результаты, и ясно – стимул в виде «дальневосточного гектара» не является действенным, если учесть, что большинство потенциальных мигрантов настроены на проживание в локальностях с развитой социальной инфраструктурой, и в современных условиях было бы нелепо ссылаться на опыт заселения Сибири и Дальнего Востока в период столыпинских реформ, очевидного несоответствия состава переселенцев и векторов устойчивого социально-инвестиционного развития.

В современной ситуации реальным в достижении поставленных целей можно предполагать стимулирование внутренней миграции на уровне принятия согласованной с регионами политики по привлечению перспективных кадров в рамках решения внутрирегиональных и межрегиональных социально-экономических проблем. Это означает переход к содержательной модели культурной безопасности, основанной на знании и понимании культуры региона: регионы с «проточной» культурой нацелены на временное проживание, различаются от регионов с традицией оседлости. Также необходимо принимать во внимание и исторические факты заселения регионов, когда криминальная субкультура в Забайкалье имеет крепкие основания по сравнению с влиянием рисков «анархии» и безразличия в Хакасии или Бурятии.

В этом направлении необходимо продолжение политики укрепления регионов. Несмотря на определенные административные и социально-психологические издержки, функционирование новых региональных образований, таких как Камчатский край, Пермский край, Забайкальский край, дает повод для сдержанного оптимизма, поскольку свидетельствует о постепенном исчезновении рисков социально-территориальной изоляции, укрепления внутрирегиональной мобильности, целенаправленного использования финансовых ресурсов для реализации социально-инвестиционных проектов. Необходимо добиться понимания того, что отмеченный процесс не является только уделом амбиций региональных элит, но и связан с перспективами социально-инвестиционного развития [Осипов, 2007].

В силу территориальных масштабов, множественности социальных проблем в региональном пространстве России при их доминантной однотипности политика укрупнения вли-

яет и на скорость решения актуальных проблем регионального развития и способствует закреплению стратегии культурной безопасности как представляющей реальный практический интерес. Действительно, одно дело – производить часто малорезультативный мониторинг настроений в региональном социуме, связанных с синдромами «заброшенности» и «самоизоляции», другое – предотвращать риски, определяемые региональными диспропорциями.

В этом отношении вступает в действие вектор социально-инвестиционного развития, формирование условий для роста социального оптимизма, понимания того, что кризис в стране связан в основном с внутренними факторами, с тем, что в обществе настроения «жизнь будет хуже» определяют сужение возможностей социально-инвестиционного развития. Есть расхожее мнение, что причиной большинства «бед» в российских регионах является то, что население так и не научилось работать в условиях рынка. Однако по этому поводу можно привести основательные возражения, связанные с тем, что в России так и не сложился нормативный рыночный порядок, что большинство российских регионов прошли период деиндустриализации, но так и не вступили в эпоху экономики знания, что в качестве одной из главных причин можно назвать отсутствие последовательной региональной политики.

Одной из важных сторон современной жизни российских регионов является формирование социальных и культурных предпочтений, ориентированных на «приватизацию» социальной жизни, «низведению высших ценностей на бrenную землю». Иными словами, перевод целей социально-инвестиционного развития в логику повседневности, осознание взаимосвязи между региональными проектами и повышением качества жизни населения социума, предпринимаемые со стороны Федерального Центра и региональных властей действия, направленные на изменения в региональном пространстве, не инициировали волну социального энтузиазма, поскольку влияют на жизнь социально активного меньшинства, представителей экономических и общественных ассоциаций, бизнес-сообщества, интеллектуальных элит. Признавая, что эти слои определяют доминанту морально-психологического климата в регионе, нельзя абсолютизировать их влияние на состояние культурной безопасности.

Дело в том, что уровень и качество культурной безопасности определяются культурными стереотипами, формируемыми в массовых настроениях населения регионального социума. Если взять, например, Юг России, то можно сказать, что здесь проявляются стереотипы «пограничности», смежности с этнокультурными влияниями Большого Кавказа. Вероятно, на становление культурных стереотипов и отношение к культурной безопасности как сохранению и воспроизводству культурных ценностей в регионе влияют культурно-исторические факторы. На Юге России, учитывая процесс внутренней миграции, освоение региона русскими переселенцами, последствия кавказских войн, можно говорить о том, что чувство культурной безопасности часто перевешивает социально-инвестиционный фактор. Внутри регионального пространства, где локализируются исторические обиды и тревоги по поводу сохранения культурного наследия, социальные инвестиции могут рассматриваться на уровне массового сознания и массовых настроений как фактор с многими неизвестными, содержащими риски для культурной безопасности в контексте утраты традиций, обычаев, исторической памяти и в целом культурной ассимиляции [Историческая память..., 2020].

В этом контексте можно говорить, что социально-инвестиционная модель, если ее принимать как не декларируемую, а направленную на рост ресурсного потенциала региона, воспринимается на уровне готовности элит и масс региона действовать, исходя из согласования интересов и позиций большинства населения. Здесь важную роль играет социально-психологическая подготовка, осуществляемая властными и общественными институтами для формирования целей и способов социально-инвестиционного развития как содержащих потенциальное приобретение для большинства населения регионального социума. Непол-

ный эффект от реализации социально-инвестиционной модели ожидаем в условиях игнорирования уровня культурной безопасности, отношения к массовым культурным стереотипам как анахронизмам и рецидивам массового сознания старших поколений. Акцент на роль молодежи как субъекта социальных и культурных инноваций может быть заблуждением, так как следует учитывать социальную неоднородность молодежной среды, тренды демонстративной идентичности, настроения провинциализма или оторванности от региональной жизни.

Суммируя эти факторы, можно говорить о том, что культурная безопасность является разнонаправленным вектором: с одной стороны, при состоянии, характеризуемом как направленное на устойчивое региональное развитие, доминирует ориентир на будущее региона, актуализацию культурной безопасности в рамках социально-инвестиционной политики; с другой – очевидным является фактор риска, связанный с возможностями социальной и культурной изоляции групп и слоев, воспринимающих цели социально-инвестиционного развития как роста человеческого капитала, ведущий к маргинализации, утраты ими социально-статусных позиций (дохода и престижа). Это особенно касается сельского населения, поскольку в нынешних условиях традиционный труд перестал восприниматься в качестве позитивного фактора и в рамках модернизации сельскохозяйственного производства наблюдается старение и отток кадров, утрата навыков и способов ведения домашнего хозяйства и солидарности на социально-бытовом уровне.

Характерно, что особенностью понимания социально-инвестиционной модели в региональном пространстве является дискурс «постиндустриального общества», которое складывается в зарубежном пространстве, но в России является в основном «социальной химерой», существует в большей степени в воображении столичных интеллектуальных элит, чем в реальности российских регионов. В условиях необходимости перехода от адаптации к развитию социально-инвестиционная модель определяется оценкой объективных и субъективных шансов роста человеческого капитала исходя из сложившихся исторически хозяйственно-экономических и социокультурных связей. Поэтому значимость социально-инвестиционной модели для российских регионов определяется тем, чтобы не стать «несостоявшимися» по аналогу с некоторыми государствами, безнадежно отставшими в перспективах социального и политического развития, и самое главное – в рамках сохранения единого межрегионального пространства получить больше возможностей для внутрирегионального и межрегионального развития.

Как правило, в отношениях между Федеральным Центром и российскими регионами определяющими являются политические, административно-правовые и финансовые регуляторы, которые полезны в целях поддержания целостности большой страны, но при этом проявляется ограниченность наработанных схем отношений, что на наш взгляд, связано с тем, что и в Федеральном Центре сдержанно относятся к социально-инвестиционному развитию региона как росту политических амбиций региональных элит, и в региональном пространстве просматривается тенденция разделения на «центр» и «периферию», концентрацию усилий на развитие избранных «локальностей» и отношения по «остаточному принципу» с другими сегментами регионального пространства.

Не ушедшей в прошлое остается «война» по поводу перераспределения ресурсов, когда причиной является неравенство природных, социальных и демографических условий (Вологда и Череповец, Псков и Великие Луки, Красноярск и Норильск). Между тем, признавая необходимость нормализации внутрирегиональных отношений, следует задуматься о принятии социально-инвестиционной модели развития, ориентированной на становление актуального партнерства, на реализацию проектов, благодаря которым могут быть и решены накопившиеся проблемы региона, и дана возможность развития зонам социальной и

экономической депрессии. В наиболее проблемном регионе Юга России, таком как Калмыкия, очевидной представляется стратегия возрождения сельского хозяйства с опорой на переработку и развитие логистики, связанной с близостью транскаспийских маршрутов [Public Administration..., 2020].

Фактор культурной безопасности является актуальным, поскольку есть необходимость преодоления посттравматического состояния населения и освоение новых технологий и интеллектуальных продуктов в рамках межрегиональной взаимопомощи, направленной в Калмыкию специалистов и экспертов, способных помочь республике в сдвиге с мертвой точки. При этом не следует увлекаться опытом прошлого, пытаться реализовать проекты, связанные с бесперспективной затратой финансовых ресурсов и экологическими рисками (стратегия расширения поливного земледелия). Подобная схема противоречит и поддержке культурной безопасности, потому что предсказуемо приведет к этнокультурному конфликту, сопротивлению по поводу новой версии советской коллективизации, так как в массовых настроениях местного социума укоренены традиции кочевничества, расходящиеся с культурой земледельческой оседлости.

В том же контексте можно говорить и о стремлении развивать социально-инвестиционную модель в региональном пространстве, игнорируя культурные особенности таких регионов, как Горный Алтай, Хакасия, Якутия, Мари Эл. Объединяющим негативным фактором можно считать оценку культурной безопасности в качестве нулевой составляющей, то есть не влияющей на стартовые условия и возможности социально-инвестиционного развития. Однако, как мы подчеркивали выше, стратегии обеспечения социально-инвестиционного развития региона опираются на культурную безопасность, имеющую степень привлекательности или непривлекательности и для внешних инвесторов, для создания позитивного имиджа региона в отношении с Федеральным Центром и для внутрирегионального развития, где существует запрос на региональный патриотизм властных и интеллектуальных элит, на сильную региональную идентичность, которая включает принятие сложившегося культурно-исторического опыта в целях определения совокупности способов роста человеческого капитала [Павлов, 2009; Курдюков, 2013; Матюнин, 2015].

Заключение

Российские исследователи укрепились в мысли, что в практической региональной политике в стране является необходимым учет соотношения ресурсности и социальной обустроенности территорий, и в этом смысле социально-инвестиционная модель развития региона направлена на удовлетворение запроса на межрегиональную стабильность как условие сохранения и укрепления территориальной целостности России.

Выявленные связи и различия в культурной безопасности показывают, что стартовая площадка социально-инвестиционного развития региона основывается на признании и учете рисков и преимуществ, накопленных в процессе культурно-исторического развития, который имеет, безусловно, особенности в зависимости от истории освоения и заселения региона, социально-демографического и этнокультурного состава, социально-бытовых и социально-хозяйственных стереотипов, «проточного» или оседлого образа жизни, уровня региональной идентичности. Таким образом, в социально-инвестиционной модели развития могут реализоваться или не реализоваться сценарии умножения неопределенности, связанные с будущим региона, или наблюдаться процесс интеграции региона в общероссийское пространство по критерию ухода из зоны отставания на среднероссийский уровень.

Говорить о том, что социально-инвестиционная модель развития ставит амбициозные цели «выбивания в лидерство», является некорректным, так как действующая в России ресурсная модель экономики воспроизводит различия в межрегиональном пространстве в основных социально-статусных показателях (доходы населения) и в качестве негативного по-

следствия сужает возможности несырьевых регионов в реализации модели социально-инвестиционного развития, так как стимулирует отток молодых и энергичных кадров, сужая возможности на местах реализовать полезные и достижимые инвестиционные проекты. Но главный вывод состоит в том, что, несмотря на коллизии прошлого и актуальность действующей распределительной системы между регионами, воспроизводящей клиентелистскую зависимость, на уровне властных и интеллектуальных региональных элит очевиден запрос на социальные инвестиции как способ решения ключевых региональных проблем.

Список литературы

1. Балакина Г.Ф. 2014. Инструменты регулирования социально-экономического развития регионов. Региональная экономика: теория и практика, 39 (336): 2–12.
2. Божко Ю.Н. 2012. Современные подходы к управлению региональным развитием. Социально-экономические явления и процессы, 9 (43): 18–22.
3. Воденко К.В. 2020. Система высшего образования и социально-инвестиционная модель регионального развития в контексте обеспечения безопасности Юга России. Alma Mater (Вестник высшей школы), 11: 12–19.
4. Воденко К.В. 2020. Теория и методология исследования роли ресурса исторической памяти в формировании социально-инвестиционной модели регионального развития. Гуманитарий Юга России, 2: 258–267.
5. Воденко К.В., Дегтярев А.К. 2020. Роль исторической памяти в развитии социально-инвестиционной модели регионального управления. Социальные трансформации в контексте пространственного развития России: Материалы Второго Крымского социологического форума. Ростов-на-Дону, Издательство Фонд науки и образования, 647–654.
6. Историческая память в социальных процессах поликультурного региона: институциональная специфика регионального развития и потенциал в обеспечении культурной безопасности общества. 2020. Под ред. К.В. Воденко. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 134 с.
7. Кравченко С.А. 2015. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М., МГИМО-Университет, 342 с.
8. Курдюков С.И. 2013. Региональные инвестиционные проекты. Управление экономическими системами. 12 (60) [Электронный ресурс]. <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33955486> (дата обращения: 10.03.2020).
9. Кушлин В. 2011. Институциональная среда инновационной модернизации. Экономист, 11: 65–74.
10. Матюнин Л.В. 2015. Инвестиционные проекты: содержание, структура. Вестник Университета. 9: 89–91.
11. Месхи Б.Б. 2020. Региональное управление в фокусе социологической мысли. Гуманитарий Юга России, 1: 280–290.
12. Норт Д. 1997. Институциональные изменения: рамки анализа. Вопросы экономики, 3: 6–17.
13. Осипов А.К. 2007. Система регионального управления: понятие, функции и правовое обеспечение. Вестник Удмуртского университета, 6: 11–18.
14. Павлов А.Ю. 2009. Управление современными инвестиционными и социально-ориентированными инвестиционными проектами и их классификация. Известия ЮФУ. Технические науки. 3 (92): 110–115.
15. Пахомова О.А., Дубровина О.А. 2017. Системный подход к управлению социальной сферой региона. Экономика и предпринимательство, 8–1(85): 352–356.
16. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. 2015. Под ред. В. В. Маркина. М., Новый хронограф, 621 с.
17. Столицы и регионы в современной России. Мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018. Под ред. М.К. Горшков. М., Весь Мир, 312 с.
18. Тополева Т.Н. 2019. Региональное развитие: новые теории. Economics Juvenis scientia, 6: 14–17.

19. Konstantin V. Vodenko. 2019. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security. *International Journal of educational management*, 33(3): 462–469.

20. Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. 2020. E.G. Popkova and K.V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 567 p.

References

1. Balakina G.F. 2014. Instrumenty regulirovaniya social'no–ekonomicheskogo razvitiya regionov [Tools for regulating the socio–economic development of regions. *Regional economy: theory and practice*]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 39 (336): 2–12.

2. Bozhko Y.N. 2012. Sovremennye podhody k upravleniyu regional'nym razvitiem [Modern approaches to regional development management]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, 9 (43): 18–22.

3. Vodenko K.V. 2020. Sistema vysshego obrazovaniya i social'no–investicionnaya model' regional'nogo razvitiya v kontekste obespecheniya bezopasnosti Uga Rossii [The system of higher education and the socio–investment model of regional development in the context of ensuring the security of the South of Russia]. *Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly)*, 11: 12–19.

4. Vodenko K.V. 2020. Teoriya i metodologiya issledovaniya roli resursa istoricheskoy pamyati v formirovaniy social'no–investicionnoj modeli regional'nogo razvitiya [Theory and methodology of research on the role of the historical memory resource in the formation of the social and investment model of regional development]. *Gumanitarij Uga Rossii*, 2: 258–267.

5. Vodenko K.V., Degtyarev A.K. 2020. Rol' istoricheskoy pamyati v razvitii social'no–investicionnoj modeli regional'nogo upravleniya [The role of historical memory in the development of the social and investment model of regional governance]. *Social'nye transformacii v kontekste prostranstvennogo razvitiya Rossii: Materialy Vtorogo Krymskogo sociologicheskogo foruma. Rostov-naDonu: Izdatel'stvo Fond nauki i obrazovaniya*: 647–654.

6. Istoricheskaya pamyat' v social'nyh processah polikul'turnogo regiona: institucional'naya specifika regional'nogo razvitiya i potencial v obespechenii kul'turnoj bezopasnosti obshestva [Historical memory in the social processes of a multicultural region: the institutional specifics of regional development and the potential for ensuring the cultural security of society]. 2020. Ed. K.V. Vodenko. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 134 p.

7. Kravchenko S.A. 2015. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu strely vremeni: vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the arrow of time: the demand for a humanistic turn]. M., MGIMO-Universitet, 342 p.

8. Kurdyukov S.I. 2013. Regional'nye investicionnye proekty. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami [Regional investment projects. Management of economic systems]. 12 (60) [Elektronnyj resurs]. <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33955486> (data obrashcheniya: 10.03.2020).

9. Kushlin V. 2011. Institucional'naya sreda innovacionnoj modernizacii [The institutional environment of innovative modernization]. *Ekonomist*, 11: 65–74.

10. Matyunin L.V. 2015. Investicionnye proekty: sodержanie, struktura [Investment projects: content, structure]. *Vestnik Universiteta*, 9: 89–91.

11. Meskhi B.B. 2020. Regional'noe upravlenie v fokuse sociologicheskoy mysli [Regional management in the focus of sociological thought]. *Gumanitarij Uga Rossii*, 1: 280–290.

12. Nort D. 1997. Institucional'nye izmeneniya: ramki analiza [Institutional change: a framework for analysis]. *Voprosy ekonomiki*, 3: 6–17.

13. Osipov A.K. 2007. Sistema regional'nogo upravleniya: ponyatie, funkcii i pravovoe obespechenie [The system of regional management: concept, functions, and legal support]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 6: 11–18.

14. Pavlov A.Y. 2009. Upravlenie sovremennymi investicionnymi i social'no–orientirovannymi investicionnymi proektami i ih klassifikaciya [Management of modern investment and socially–oriented investment projects and their classification]. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki*, 3 (92): 110–115.

15. Pahomova O.A., Dubrovina O.A. 2017. Sistemyj podhod k upravleniyu social'noj sferej regiona [A systematic approach to the management of the social sphere of the region]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 8–1(85): 352–356.

16. Regional'naya sociologiya: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia]. 2015. Ed. V.V. Markina. M., Novyj hronograf, 621 p.

17. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii. Mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya [The capital and the regions in modern Russia. Myths and reality fifteen years later]. 2018. Pod red. M.K. Gorshkova. M., Ves' Mir, 312 p.

18. Topoleva T.N. 2019. Regional'noe razvitie: novye teorii [Regional development: new theories]. Economics Juvenis scientia. 6: 14–17.

19. Konstantin V. Vodenko. 2019. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security. International Journal of educational management, 33(3): 462–469.

20. Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. 2020. E.G. Popkova and K.V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 567 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дегтярев Александр Константинович, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander K. Degtyarev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Jurisprudence Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk, Russia

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk, Russia

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-286-297

Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика

Тюриков А.Г.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Ленинградский проспект, 49
E-mail: agtyurikov@fa.ru

Аннотация. Автор рассматривает глобальные противоречия и проблемы, обуславливающие развитие рынка труда и будущих профессий. Представлены методологические подходы и законодательная база, открывающие новые возможности для организации мониторинга рынка труда в современных условиях. По результатам проведенного экспертного опроса выявлены глобальные вызовы, стоящие перед региональными рынками труда. Описаны проблемы в основных сферах жизнедеятельности в регионах: политической, социальной и экономической. Как отмечает каждый второй из экспертов, наиболее остро перед региональными работодателями стоят три взаимосвязанные проблемы: высокая «текучесть» кадров, недостаток профессиональных компетенций сотрудников и дефицит высококвалифицированных кадров. Наибольшим спросом в материальной сфере региональной экономики сейчас пользуются специалисты в области информационных технологий (индекс востребованности – 0,61), на втором месте – «строительство» (0,57) и затем грузоперевозки и складская логистика (0,45). Среди образовательных организаций в регионах наиболее эффективны в решении кадровой политики, по мнению экспертов, региональные ВУЗы (индекс эффективности – 0,65). Эксперты сошлись во мнении, что наиболее эффективный канал поиска работы в регионе – это «сарафанное радио» (0,60), практически такой же эффективностью обладают онлайн сервисы по поиску работы (0,59) и доски объявлений в интернете (0,55).

Ключевые слова: региональный рынок труда, мониторинг, ключевые вызовы, работодатели, кадровая политика.

Благодарности: исследование выполнено по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации за счет бюджетных средств.

Для цитирования: Тюриков А.Г. 2021. Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 286–297. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-286-297

Regional labor market: challenges, problems, personnel policy

Alexander G. Tyurikov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky av., Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: agtyurikov@fa.ru

Abstract. This article examines the global contradictions and problems that determine the development of the labor market and future professions. The article presents methodological approaches and legislative framework that open up new opportunities for organizing monitoring of the labor market in modern conditions. According to the results of the expert survey, the global challenges facing the regional labor markets are identified. The article describes the problems in the main spheres of life in the regions: political, social and economic, which include the low level of well-being of the population, low efficiency of officials, lack of highly qualified personnel, unemployment, underdevelopment of small and medium-sized businesses, low quality of medical services. As every second expert notes, the most acute problems facing regional employers are three interrelated problems: high "turnover" of personnel, lack of professional

competencies of employees and a shortage of highly qualified personnel. The greatest demand in the material sphere of the regional economy is now used by specialists in the field of information technology (demand index – 0.61), in second place – "construction" (0.5676) and then cargo transportation and warehouse logistics (0.45). Among the educational organizations in the regions, regional universities are the most effective in solving personnel policy, according to experts (the efficiency index is 0.65). Experts agreed that the most effective job search channel in the region is word of mouth (0.60), while online job search services (0.5960) and online bulletin boards (0.55) are almost as effective.

Acknowledgements: the study was carried out on a state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation at the expense of budget funds.

Keywords: regional labor market, monitoring, key challenges, employers, personnel policy

For citation: Tyurikov A.G. 2021. Regional labor market: challenges, problems, personnel policy. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 286–297 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-286-297

Введение

Еще год назад сложно было представить, что рынок труда и будущих профессий так стремительно и радикально начнет меняться. Эта динамика обусловлена, с одной стороны, воздействием метавызовов – глобализации, цифровизации, пандемии, миграции, с другой стороны, готовностью прогнозировать и отвечать на эти вызовы на национальном, региональном и местном уровнях. При этом эксперты отмечают противоречие между уверенностью, что в ближайшее время цифровизация, искусственный интеллект и роботизация экономики подтолкнет к отмиранию десятки профессий и прогнозом того, что в России может образоваться дефицит квалифицированных кадров емкостью около 10 млн работников.

В этой связи особую значимость приобретают релевантность и валидность методов сбора и анализа данных о состоянии, структуре, динамике и содержанию рынка труда. Учитывая тот факт, что национальный рынок труда – это своеобразная и специфическая совокупность региональных и местных рынков, целесообразно ответить на ряд ключевых исследовательских вопросов: а) с какими вызовами, угрозами и проблемами столкнулись и будут иметь дело в ближайшей перспективе региональные рынки труда, б) на какие профессии и специальности есть и прогнозируется спрос в регионах, в) насколько эффективно функционируют на рынке труда основные актанты.

Проблематика анализа рынка труда и будущих профессий в последнее время актуализировалась в научном дискурсе зарубежных и российских исследователей. В фокусе исследований – поляризация рынка труда, рутинность работы, динамика содержания и структуры, ореол новых профессий [Goos, Manning, Salomons, 2012; Vom Lehn C, 2014; Гимпельсон, Капелюшников, 2015; Вишневская, Зудина, Лукьянова, 2017; Гимпельсон, Капелюшников, Рощин, 2017]; изменение характера рабочих мест, выявление роли и влияния технического прогресса на структурные изменения на рынке труда [Jaimovich, Siu, 2012; Cortes, 2014]; состояние и источники безработицы, вопросы ее регулирования и минимизации [Ахундова и др., 2004; Гимпельсон и др., 2012]; состояние и мобильность на российском рынке труда, методы анализа [Коровкин, 2001; Кривов, 2008; Агабекян, 2012].

Объект и методы исследования

С 2014 года в Российской Федерации с участием ведущих акторов национального и региональных рынков труда активно формируется национальная система квалификаций в соответствии с указами Президента Российской Федерации (Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597; от 18 декабря 2016 г. № 676), Федеральных законов (ФЗ от 03.07.2016 № 238-ФЗ; от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ) и другими официальными документами.

Согласно правительственным документам ряду государственных и некоммерческих организаций вменено проведение мониторинга рынка труда и будущих профессий. Под мониторингом понимается система регулярного социологического, статистического и динамического наблюдения за состоянием, структурой и динамикой рынка труда, описания его различных параметров при обязательном условии регулярного применения одних и тех же принципов выборки и одного и того же инструментария для сбора данных.

Данная статья в своем содержании и выводах опирается на результаты экспертного опроса ($n = 226$), проведенного социологами Финансового университета при Правительстве РФ совместно с экспертным советом по вопросам развития региональной и муниципальной науки Комитета по науке и образованию ГД РФ в период с 15.03.2021 по 22.04.2021.

В опросе приняли участие специалисты из 26 регионов РФ: в сферах высшего и средне-специального образования, государственного и муниципального управления, операторы-хэдхантеры, работодатели и другие.

При этом исследователи отдавали себе отчет, что какие бы конкретные методы не выбрал социолог, он должен руководствоваться фундаментальным принципом социологического мышления, точно сформулированным А. Туреном: «Предметом социологии является объяснение поведения действующих лиц посредством социальных отношений, в которых они оказываются». Наивно думать, что «можно... объяснять поведение уровнем заработной платы, типом жилища или состоянием техники. Очевидно, нужно сначала превратить эти “ситуации” в общественные отношения и, прежде всего, в уровни участия» [Турен, 1998. с. 67].

Материалы и результаты

На первом этапе экспертов попросили описать глобальные вызовы, с которыми столкнулись в настоящий момент регионы. В данных, представленных в табл. 1, проранжированы основные глобальные вызовы, на которые в первую очередь обращают внимание эксперты.

Таблица 1
Table 1

Глобальные вызовы, стоящие перед регионами
Global challenges facing the regions

Вызовы	Ранг
Социальное неравенство	1
Деиндустриализация региональной экономики	2
Низкое развитие социальной сферы в целом (финансирование, инфраструктура)	3
Неблагоприятный инвестиционный климат	4
Экономический кризис	5
Не благоприятная политико-экономическая ситуация в мире	6
Утечка мозгов, эмиграция населения	7
Нестабильная внутривнутриполитическая ситуация, рост протестных настроений	8
Цифровизация экономики	9
Угроза военных конфликтов	10

Анализ представленных данных позволяет выделить пятерку наиболее значимых вызовов, на которые необходимо дать ответ на региональном уровне. Это социальное неравенство, деиндустриализация региональных экономик, низкий уровень развития социальной сферы, неблагоприятный инвестиционный климат и экономический кризис.

На втором этапе эксперты оценивали вызовы в основных сферах жизнедеятельности регионов. Так, к вызовам в политической сфере (табл. 2) отнесены: неэффективная деятельность чиновников, нестабильная политическая ситуация и низкий уровень доверия к власти.

Таблица 2
Table 2Вызовы в политической сфере, стоящие перед регионами
Political challenges facing the regions

Вызовы	Ранг
Неэффективная работа чиновников	1
Нестабильная политическая ситуация	2
Низкий уровень доверия к власти	3
Угроза военных конфликтов	4
Отсутствие политического плюрализма	5

В социальной сфере на первые места эксперты поставили следующие вызовы: социальное неравенство, низкий уровень жизни и безработицу, прежде всего, в молодежной среде (табл. 3).

Таблица 3
Table 3Вызовы в социальной сфере, стоящие перед регионами
Social challenges facing the regions

Вызовы	Ранг
Социальное неравенство	1
Низкий уровень жизни	2
Безработица	3
Слабая помощь социально-незащищенным группам	4
Низкие зарплаты	5
Низкое качество медицинских услуг	6
Низкий уровень развития социальной сферы в целом (финансирование, инфраструктура)	7

В экономической сфере эксперты отмечают в первую очередь вызовы, обусловленные неразвитостью малого и среднего бизнеса, низким уровнем благосостояния населения и безработицей (табл. 4). При этом обращает на себя внимание тот факт, что безработица занимает ведущую позицию как в социальной, так и в экономической сфере.

Таблица 4
 Table 4

Вызовы в экономической сфере, стоящие перед регионами
 Economic challenges facing the regions

Вызовы	Ранг
Не развит малый и средний бизнес	1
Низкий уровень благосостояния населения	2
Безработица	3
Неблагоприятный инвестиционный климат	4
Деиндустриализация	5
Инфляция	6
Экономический кризис	7
Цифровизация экономики и инновационное развитие	8
Слабое развитие инфраструктуры	9

Среди основных проблем, которые наиболее актуальны для регионального развития в целом и для рынка труда в частности, эксперты выделили следующие (по мере убывания весов):

- крайне низкий уровень доходов населения;
- безработицу;
- неразвитость малого и среднего бизнеса в регионах;
- слабую помощь социально-незащищенным группам населения;
- низкое качество медицинских услуг;
- неэффективную работу чиновников и коррупцию.

Далее экспертов просили выделить и описать проблемы, с которыми в настоящий момент времени имеют дело работодатели (рис. 1).

Рис. 1. Проблемы работодателей на рынке труда
 Fig. 1. Problems of employers in the labor market

Как отмечает каждый второй из экспертов наиболее остро перед региональными работодателями стоят три взаимосвязанные проблемы: 1) высокая «текучесть» кадров; 2) недостаток профессиональных компетенций сотрудников; 3) дефицит высококвалифицированных кадров.

Главными лимитирующим факторами развития рынка труда по мнению экспертов являются экономический фактор (средний ранг – 3.9), административный фактор (3,6) и социально-демографический фактор (3,3) (рис. 2).

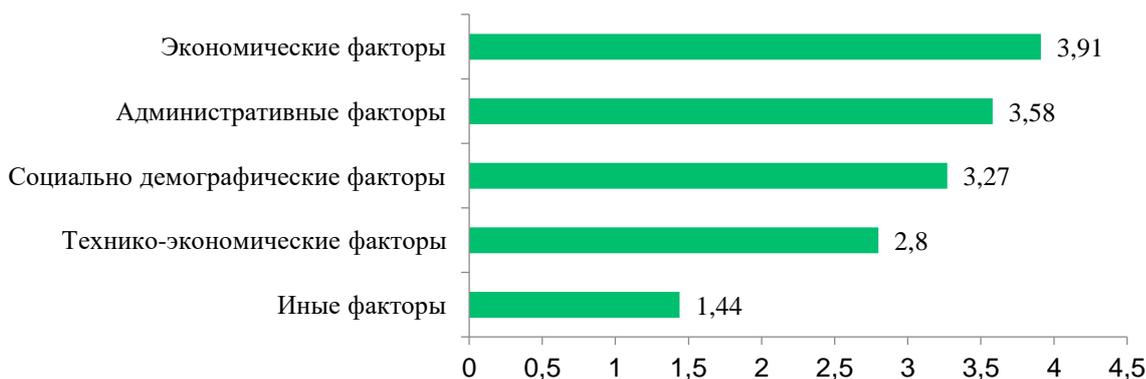

Рис. 2. Лимитирующие факторы развития регионального рынка труда
Fig. 2. Limiting factors of the regional labor market development

Наиболее сильно на региональный рынок труда влияет общая динамика неблагоприятной экономической ситуации в стране.

Экспертам предлагалось определить – а с какими актуальными проблемами сталкивается наемный работник на региональном рынке труда (см рис. 3) в их регионе.

Рис. 3. Проблемы наемных работников на рынке труда
Fig. 3. Problems of employees in the labor market

С точки зрения наемного работника особую остроту имеет проблема низкого уровня оплаты труда. О ней говорят 87,1 % экспертов. Особые опасения вызывает тот факт, что 45 % экспертов заявили о наличии высоких барьеров для трудоустройства в определенных отраслях экономики, как об одной из важнейших проблем регионального рынка труда. Также треть экспертов (32,7 %) обеспокоена наличием непреодолимых демографических

барьеров (по признаку полу, возраста, национальности и т. д.) существующих на просторах регионального рынка труда.

Каков сегодня спрос на рабочую силу на региональном рынке труда по мнению экспертов? Экспертов просили оценить спрос в материальной и нематериальной сферах деятельности. Так, в отношении востребованности кадров в отдельных отраслях материальной сферы экономики региона полученные результаты представлены на рис. 4.

Рис. 4. Спрос на рабочую силу в материальной сфере региональной экономики
 Fig. 4. Demand for labor in the material sphere of the regional economy

Согласно общероссийской тенденции наибольшим спросом в материальной сфере региональной экономики сейчас пользуются специалисты в области информационных технологий (индекс востребованности¹ – 0,6053). На второй строчке – «Строительство» (0,5676). Затем грузоперевозки и складская логистика (0,4512).

Среднюю группу составляют прочие сферы производства и промышленности (0,4239), торговля (0,4155) и машиностроительная промышленность (0,3759).

Наиболее низкий спрос на специалистов в регионах наблюдается в сферах добычи полезных ископаемых (0,2754), авиакосмической и радиоэлектронной промышленности (0,2826 и 0,3179 соответственно). Возникает гипотеза, что такой уровень востребованности обусловлен либо слабой развитостью данной сферы в регионах, либо наличием серьезных барьеров для трудоустройства.

В сфере нематериальной экономики эксперты выделили следующие отрасли с высокой потребностью в кадрах (рис. 5): во-первых, высоко востребованы специалисты в сфере здравоохранения (0,8050), во-вторых, в сфере образования (0,6925), в-третьих, в науке и научных исследованиях (0,5626).

Средние позиции по востребованности заняли такие сферы, как физическая культура и социальное обеспечение (0,5), ЖКХ (0,4786), культура и искусство (0,4004) и органы государственного управления (0,3903).

¹ Индекс востребованности варьируется от «0» до «1». Соответственно «0» означает низкую востребованность, а «1» высокую. Расчет индекса производится на основе ответов экспертов на вопрос «Оцените по 5-ти бальной шкале потребность в кадрах, которая сегодня наблюдается в следующем сферах?» по формуле $\frac{x_5*1+x_4*0,75+x_3*0,5+x_2*0,25+x_1*0}{n}$. Где 1; 0,75; 0,5; 0,25; 0 – это весовые значения, соответствующие каждому из пяти значений шкалы, x – количество респондентов, выбравших данный вариант ответа, n – общее число опрошенных экспертов.

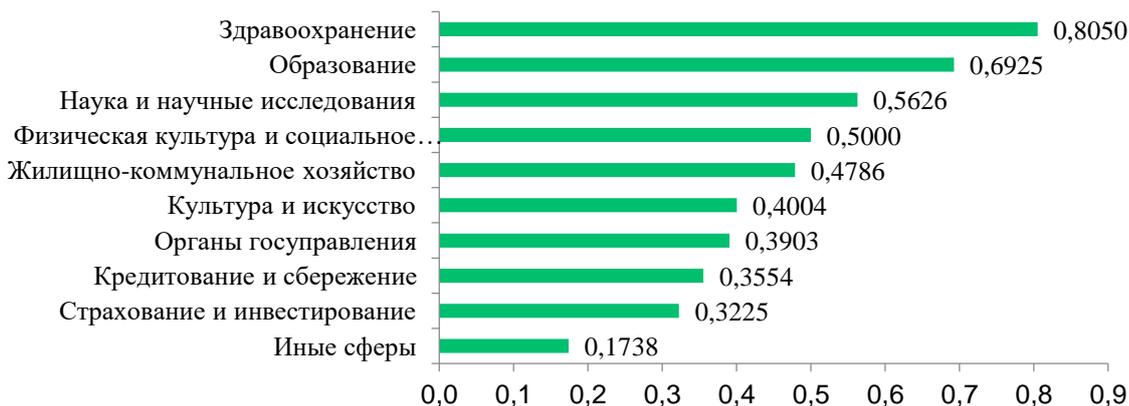

Рис. 5. Спрос на рабочую силу в нематериальной сфере региональной экономики
Fig. 5. Demand for labor in the intangible sphere of the regional economy

Интересное наблюдение, по мнению экспертов специалисты финансового сектора, в частности в сферы кредитования и сбережения, страхования и инвестирования оказываются не востребованными в регионах (0,3554 и 0,3225 соответственно).

В первую очередь на баланс спроса и предложения на рынке труда влияют образовательные организации, так как они в «идеальном случае» отталкиваясь от запросов рынка формируют образовательные программы и готовят специалистов, востребованных на рынке. От эффективности их деятельности напрямую зависит решение обозначенных экспертами выше проблем, связанных с дефицитом высококвалифицированных кадров, не достатком у сотрудников профессиональных навыков и компетенций.

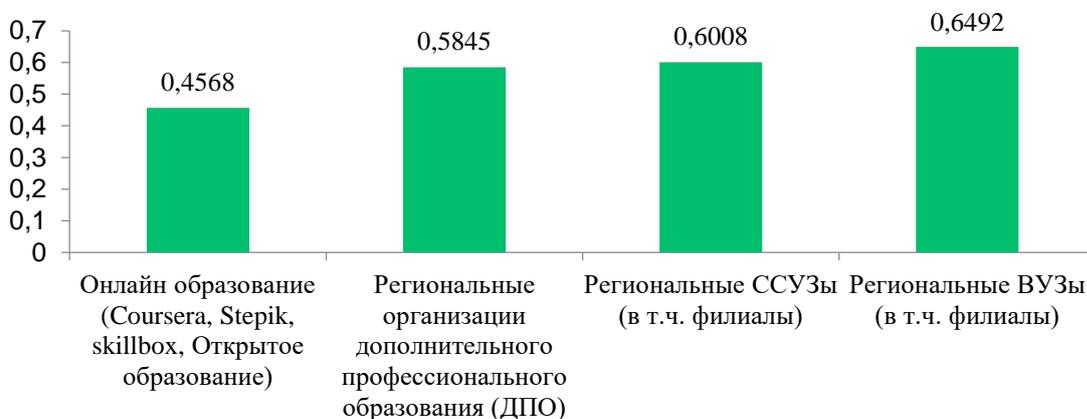

Рис. 6. Эффективность деятельности образовательных организаций в отношении кадрового обеспечения региона

Fig. 6. The effectiveness of educational organizations in terms of staffing in the region

Наиболее эффективны в решение кадровых проблем, по мнению экспертов, региональные ВУЗы (индекс эффективности¹ – 0,6492) (рис.6). Вместе с тем полученные результаты вызывают вопрос: как региональные вузы могут быть столь эффективны, если среди

¹ Методика расчета индекса эффективности аналогична методике расчета индекса востребованности (см. сноску № 1). Исключение составляет только формулировка вопроса «Оцените эффективность деятельности образовательных организаций с точки зрения решения проблем дефицита кадров на региональном рынке труда? (где «1» – низкая эффективность, а «5» – высокая эффективность)»

проблем рынка труда ключевое положение занимает проблемы дефицита высококвалифицированных сотрудников (по сути выпускников этих ВУЗов) и не соответствия профессиональных компетенций сотрудников требованиям рынка?

В оценки эффективности деятельности института дополнительного профессионального образования эксперты склонны считать, что данный вид образования является менее эффективным (0,5845), чем классическая высшая школа и среднее профессиональное образование (0,6008).

По мнению экспертов, не достигли еще пока своей должной эффективности недавно появившиеся площадки оказывающие услуги онлайн-образования. Их индекс эффективности существенно ниже прочих и составляет 0,4568.

Вторым ключевым посредником на рынке труда являются организации и площадки, обеспечивающие связь между работниками и работодателями посредством размещения вакансий о работе и резюме соискателей. Экспертам предоставлялась возможность оценить, насколько тот или иной канал трудоустройства эффективен с точки зрения решения кадровых проблем региона (рис. 7).

Рис. 7. Эффективность каналов трудоустройства в регионе
Fig. 7. Effectiveness of employment channels in the region

Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что наиболее эффективный канал поиска работы в регионе – «сарафанное радио» (0,6004) – поиск вакансий или новых сотрудников через родственников, друзей и знакомых. Практически такой же эффективностью обладают онлайн сервисы по поиску работы (0,5960) и доски объявлений в интернете (0,5540). Инновационный способ поиска временной рабочей силы – биржи фриланса занял последнее место по эффективности на региональном рынке труда (0,3395). Предпоследнее место разделяют традиционные каналы поиска работы – объявления в газетах/стендах (0,3605) и услуги регионального центра занятости (0,4202).

Обсуждение и выводы

Результаты исследования были обсуждены на заседании экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной политики Комитета по науке и образованию ГД РФ 22 апреля 2021 года в Финуниверситете. В фокусе дискуссии оказались как вызовы и проблемы развития региональных рынков труда, так и ресурсное обеспечение, кадровая политика, стратегии и программы развития регионов. К основным глобальным вызовам, стоящим перед регионами, экспертное сообщество относит: вызов национальной и региональной неопределенности, вызов разнообразия, вызов сложности и вызов, связанный с нелинейностью развития.

На региональном рынке труда сегодня самыми острыми являются три взаимосвязанные проблемы: высокая текучесть кадров, низкие профессиональные компетенции сотрудников и дефицит высококвалифицированных работников, что в свою очередь предопределяет содержание и «сыгранность» кадровой политики на уровне региона, муниципалитетов, предприятий и образовательной среды.

На одно из ведущих мест в кадровой политике выходит проблема профориентации, ее содержания и методов исследования. В этом плане целесообразно организовать и провести серию количественных и качественных исследований по направлениям:

– анализ действующих практик профориентации и трудоустройства в контексте региональных приоритетов;

– оценка эффективности системы профориентации на занятость в перспективных сферах: сильные и слабые стороны системы, направления и перспективы совершенствования.

Сегодня линейное решение, когда рынок послал сигнал, а вузы среагировали через три – пять лет, уже не работает – все гораздо сложнее, динамичнее, непредсказуемее. Поэтому на первый план выходят предрасположенность, подготовленность и готовность к изменениям, софт скилз, умение меняться, «добывать» релевантную ситуации и человеческому потенциалу информацию на рынке труда.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
2. Указ Президента Российской Федерации от 18 декабря 2016 г. № 676 «О внесении изменений в Положение о Национальном совете при Президенте РФ по профессиональным квалификациям».
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации».
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Список литературы

1. Агабекян Р.Л. 2012. Особенности трансформации российских рынков труда по видам экономической деятельности. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-rossiyskih-rynkov-truda-po-vidam-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.04.2021).
2. Ахундова О.В., Коровкин А.Г., Королев И.Б., Подорванова Ю.А. 2004. Безработица на российском рынке труда: отраслевой аспект. Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrobotitsa-na-rossiyskom-rynke-truda-otraslevoy-aspekt> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. 2012. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., Изд. дом Высшей школы экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2012/04/05/1251237418/WP3_2012_03.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
4. Вишневская Н.Т., Зудина А.А., Лукьянова А.Л. 2017. Профессии на российском рынке труда. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 159, [1] с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/kd714ks118/direct/205016549.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).
5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. 2015. «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 100 с. URL: https://www.hse.ru/data/2015/02/27/1091543859/WP3_2015_01_.pdf. (дата обращения: 10.04.2021).
6. Капелюшников Р.И. 2006. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика. — М., ГУ ВШЭ. 64 с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408194/WP3_2006_04.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

7. Кривов Е. 2008. Новые технологии исследования кадрового рынка. Анализ динамики кадрового рынка. Управление персоналом. № 15. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1701>. (дата обращения: 08.04.2021).
8. Коровкин А.Г. 2001. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М., ООО "МАКС Пресс", 320 с.
9. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под редакцией В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. 2017. С. 48–58. URL: https://lirt.hse.ru/data/2017/03/21/1170068107/Doklad_trud.pdf. (дата обращения: 12.04.2021).
10. Турен А. 1998. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., Научный мир. 204 с.
11. Cortes G., Jaimovich N., Nekarda C., Siu H. 2014. The Micro and Macro of Disappearing Routine Jobs: A Flows Approach. URL: <http://www.nber.org/papers/w20307.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).
12. Goos M, Manning A., Salomons A. 2012. Explaining Job Polarization: The Roles of Technology, Offshoring and Institutions. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983952 (дата обращения: 05.04.2021).
13. Vom Lehn C. 2014. Labor Market Polarization, the Decline of Routine Work, and Technological Change: A Quantitative Analysis. URL: https://www.economicdynamics.org/meetpapers/2015/paper_151.pdf. (дата обращения: 06.04.2021).
14. Jaimovich N., Siu H. 2012. The Trend is The Cycle: Job Polarization and Jobless Recoveries. URL: <http://www.nber.org/papers/w18334.pdf>. (дата обращения: 05.04.2021).

References

1. Aghabekyan R.L. 2012. Features of the transformation of Russian labor markets by type of economic activity. Bulletin of the Adyghe State University. Series 5: Economics. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-rossiyskih-rynkov-truda-po-vidam-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (accessed 10.04.2021).
2. Akhundova O.V., Korovkin A.G., Korolev I.B., Podorvanova Yu.A. 2004. Unemployment in the Russian labor market: the sectoral aspect. Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrobotitsa-narossiyskom-rynke-truda-otraslevoy-aspekt> (accessed 10.04.2021).
3. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Ryzhikova Z.A. 2012. The Movement of Jobs in the Russian Economy: In Search of Creative Destruction. Nat. issled. University Higher School of Economics. М., Izd. house of the Higher School of Economics. URL: https://www.hse.ru/data/2012/04/05/1251237418/WP3_2012_03.pdf (accessed 12.04.2021).
4. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A., Lukyanova A.L. 2017. Professions in the Russian Labor Market. Nat. issled. University Higher School of Economics. - М., Ed. House of the Higher School of Economics. 159 p., [1] URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/kd714ks118/direct/205016549.pdf> (accessed 12.04.2021).
5. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. 2015. "Polarization" or "Improvement"? Evolution of the structure of jobs in Russia in the 2000s. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics. 100 p. URL: https://www.hse.ru/data/2015/02/27/1091543859/WP3_2015_01_.pdf. (accessed 10.04.2021).
6. Kapelyushnikov R.I. 2006. The structure of the Russian labor force: features and dynamics. - М., GU HSE. 64 p. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408194/WP3_2006_04.pdf (accessed 08.04.2021).
7. Krivov E. 2008. New Technologies for Researching the Personnel Market. Analysis of the dynamics of the personnel market. Personnel Management. No. 15. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1701> (accessed 08.04.2021).
8. Korovkin A.G. 2001. Employment and Labor Market Dynamics: Issues of Macroeconomic Analysis and Forecasting. М., LLC "MAKS Press", 320 p.
9. Report of the Center for Labor Research and the Labor Market Research Laboratory of the Higher School of Economics. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes / Edited by V. Gimpelson, R. Kapelyushnikov and S. Roshchin. 2017. P. 48–58. URL: https://lirt.hse.ru/data/2017/03/21/1170068107/Doklad_trud.pdf (accessed 12.04.2021).

10. Touraine A. 1998. The return of the acting person. Essay of sociology. M., Scientific world. 204 p.
11. Cortes G., Jaimovich N., Nekarda C., Siu H. 2014. The Micro and Macro of Disappearing Routine Jobs: A Flows Approach. URL: <http://www.nber.org/papers/w20307.pdf> (accessed 05.04.2021)
12. Goos M, Manning A., Salomons A. 2012. Explaining Job Polarization: The Roles of Technology, Offshoring and Institutions. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983952 (accessed 05.04.2021)
13. Vom Lehn C. 2014. Labor Market Polarization, the Decline of Routine Work, and Technological Change: A Quantitative Analysis. URL: https://www.economicdynamics.org/meetpapers/2015/paper_151.pdf (accessed 06.04.2021)
14. Jaimovich N., Siu H. 2012. The Trend is The Cycle: Job Polarization and Jobless Recoveries. URL: <http://www.nber.org/papers/w18334.pdf> (accessed 05.04.2021)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тюриков Александр Георгиевич, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Tyurikov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 101.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-298-307

Репрезентации смерти в кинохорроре

Антипов М.А.

Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии Русской Православной Церкви, Россия,
440023, г. Пенза, ул. Перекоп, 4
E-mail: 210483@inbox.ru

Аннотация. Основная цель исследования состоит в выявлении характера и закономерностей воздействия на сознание и причин интереса к фильмам подобного жанра. Методологию исследования составляют социально-феноменологический и семиотический подходы, а также аналитический, синтетический и сравнительный методы. Используются философско-эстетическая литература, посвященная жанру кинохоррора, а также философские работы по социальной феноменологии, семиотике и социальной танатологии. В результате исследования выявлены закономерности восприятия образов смерти в фильмах ужасов. Сформировано представление о конструктивном потенциале кинохоррора в воздействии на психику и мировоззрение зрителей.

Ключевые слова: кинохоррор; монстр; сознание; смерть; насилие; страх; психоанализ; когнитивизм; семиотика.

Для цитирования: Антипов М.А. 2021. Репрезентации смерти в кинохорроре. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 46 (2): 298–307. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-298-307

Representations of death in the movie horror

Mikhail A. Antipov

Penza Theological Seminary of Penza Diocese of the Russian Orthodox Church,
4 Perekop St, Penza, 440023, Russia
E-mail: 210483@inbox.ru

Abstract. The problem that served as an excuse for writing this article is of interest both for modern philosophy and for psychology. In the way members of modern society perceive horror films, cognitive attitudes toward life and death are refracted. The influence of film horror as an element of mass culture is subject to a wide audience. Despite mass thanatophobia, scenes of violence and death in cinema horror are of interest to viewers. The purpose of the study is to analyze the effect of the cinema-horror on consciousness through screen images of death. Methods and approaches: comparative, semiotic, socio-phenomenological, psychoanalytic. Death as a result of violent actions of a monster (monsters) or irresistible supernatural dark forces is an indispensable element of a movie horror. Despite the horror and disgust that can cause certain scenes from horror films, they attract a certain part of the mass audience. This can be explained by the unconscious attraction to death, the desire to compensate for the fear of one's own withdrawal, the craving for the unknown and the mysterious, the desire to escape from the monotonous and boring routine and routine. The presence of death on the screen can unobtrusively contribute to the

formation of a more adequate attitude to this phenomenon, consisting in its acceptance as natural and inevitable.

Keywords: movie horror; monster; consciousness; death; violence; fear; psychoanalysis; cognitivism; semiotics.

For citation: Antipov M.A. 2021. Representations of death in the movie horror. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 298–307 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-298-307

Введение

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена, с одной стороны, онтологическим и социально-гносеологическим статусом смерти, а с другой стороны, той ролью, которую играет кинохоррор как фрагмент экранной культуры в жизни современного общества. Несмотря на ужас перед смертью в реальном мире, ее экранные воплощения в сценах гибели людей по вине атипичных и отталкивающих персонажей либо действия непреодолимых сверхъестественных сил вызывают интерес. То, что должно отталкивать, наоборот притягивает, и кроме того, используется создателями фильмов ужасов как средство повышения эмоционально-психологического воздействия картины на зрителя.

Кинохоррор понимается нами как значимый фрагмент экранной культуры, в основе которой находится экран как посредник между зрителем и заэкранной реальностью, содержащей оформленную в комплексы аудиовизуальных образов информацию, которая при транслировании оказывает воздействие на сознание реципиента.

Методология анализа кинохоррора включает социально-феноменологический и семиотический подходы. Первый позволяет рассмотреть экранные ужасы как фактор влияния на жизненный мир индивида и естественную установку сознания. Второй подход служит для выявления и описания знаково-символических средств как элементов языка кино, через который автор обращается к зрителю. Также в исследовании применялись психоаналитический и когнитивистский подходы.

Объекты и методы исследования

В социально-гуманитарном знании накоплено немало идей, концепций и теорий, объясняющих притягательность жанра хоррор, среди которых можно выделить преобладающие психоаналитические, альтернативные им когнитивистские, а также социокультурный подходы.

Характерный пример применения психоаналитического подхода к интерпретации кинохоррора – теория Робина Вуда, в которой притягательность жанра хоррор объясняется феноменом вытеснения. Как он утверждает, «истинный предмет жанра хоррор – это борьба за признание всего, что наша цивилизация вытесняет или подавляет» [Vud, 2018]. Как вытесняемое и подавляемое под воздействием цивилизации все равно прорывается в сновидениях, фантазиях, полубессознательных состояниях, так оно же пробивает себе дорогу и возвращается в произведениях жанра хоррор, который данный автор определяет как «наши коллективные кошмары» [Вуд, 2018].

Вполне успешную попытку альтернативного рассмотрения кинохоррора предпринял Ноэль Кэрролл, применив вместо психоаналитического когнитивистский подход. В своей теории Кэрролл обосновывает идею о преобладании познавательного фактора в формировании интереса к фильмам жанра хоррор, по сути сближая их с детективами и триллерами, когда сюжет строится вокруг тайны, которую приходится разгадывать главному герою или героям, а зритель становится соучастником данного процесса. Большинство фильмов ужасов «имеют когнитивную привлекательность для нас в соучастии в процессе рас-

крытия тайны» [Кэрролл, 2018]. При этом хоррор выделяется на фоне фильмов других жанров, сюжет которых также строится вокруг тайны, в нем ярко выражен ужас, направленный на вызывание страха, но «страх здесь – та цена, которую мы готовы платить за открытие для себя чего-то невозможного и неизвестного» [Кэрролл 2018].

Еще один подход к явлению кинохоррора разивает Э. Тюдор, интерпретируя его в контексте социокультурной ситуации: фильмы ужасов представляются им как продукты определенных социокультурных реалий и тенденций существования и развития общества. Автор выделяет три взаимосвязанных уровня интерпретации кинохоррора:

1. Акцентирование внимания на тематической специфике фильмов ужасов определенного временного отрезка и их рассмотрение в качестве «вербализации общественных проблем того времени» [Тюдор, 2018].

2. Объяснения, согласованные «с более макроскопическими потоками социальных изменений», ведущие к таким изменениям жанра, которые заметны только «в длительной временной перспективе» [Тюдор, 2018].

3. Рассмотрение всей дискурсивной знаково-символической системы фильмов ужасов и ее изменений в «соотнесении с социокультурной средой» [Тюдор, 2018].

Но в данных теориях, концепциях и подходах такому обязательному атрибуту фильма ужасов, равно как и литературного произведения в данном жанре, как смерть, причем смерть насильственная, виновником которой является монстр (под которым мы понимаем любое существо или сверхъестественную силу, облик и поведение которой не соответствует сформированным в обществе парадигмам сознания, которое не укладывается в рамки общепринятых, называемых рациональными и здравыми представлений), не уделяется должного внимания.

Результаты и их обсуждение

Смерть, несмотря на ее неприятие современным обществом, является одним из феноменов бытия как всего живого, так и человека в частности. Данное явление выступает важнейшим аспектом миропорядка, обеспечивая смену поколений и тем самым развитие жизни, о чем свидетельствуют мифологические представления большинства древних народов мира. Смерть связана с цикличностью развития, которая проявляется как в смене времен года и развитии природы, так и в приходе одного поколения людей на смену другим. Так, у древних египтян подобные представления отражались в мифе об Осирисе, у древних греков – в мифе о Персефоне и Деметре, у древних индусов – в образе спящего Вишну-Нараяны, наблюдающего за порождениями собственных снов.

В философии на всем протяжении ее развития смерть интерпретируется как диалектически связанная с жизнью, ее неотвратимый и закономерный итог. Подобные идеи можно встретить у таких различающихся по стилю мышления и мировоззрению философов различных эпох, как Эпикур, С. Кьеркегор, Ф. Энгельс, А. Камю, А. Шопенгауэр и других [Engels, 1969; Camus, 1989].

Отношение к смерти в обществе, основные исторические типы которого были выделены Ф. Арьесом, можно назвать амбивалентным: с одной стороны, смерть пугает, с другой стороны, она притягивает. Смерть (собственная и близкого человека) вызывает страх, и этот страх выражается в том, что человек старается избегать мыслей о собственной конечности и о смертности близких ему людей. Человек не может принять того факта, что он не вечен, что его бытие в этом мире, его деятельность когда-то окончатся. В повседневных делах, в тех или иных видах повседневной активности человек ищет убежище от смерти, не думая о том, что она рано или поздно станет и его участью. Но пугает смерть своя или кого-либо из близких, а смерть чужого может вызвать как равнодушие, так и определенный интерес. Так, в прошлые века публичные казни в городах собирали целые массы зевак, да и в наши дни, гибель человека на улице, например, выбросившегося из окна, может вызвать неподдельный интерес со стороны прохожих, которые останавливаются, чтобы мельком и украдкой взглянуть на труп.

В целом смерть по-разному отражалась в сознании людей в различные эпохи, представления о смерти формировались через различные каналы в рамках социального распределения танатологических знаний на различных уровнях. Так, в Древнем мире и в эпоху Античности вера в бессмертие души сопровождалась верой в действие слепой судьбы, рока, фатума. В средневековом обществе, центром мировоззрения в котором было христианское учение, смерть понималась как естественное окончание земной жизни; смерть, пользуясь языком Ф. Арьеса, была «прирученной» или «своей»: средневековое общество, в отличие от общества XX века, было абсолютно открыто страху смерти, не убегало от смерти [Ariès, 1992, p. 124]. В эпоху Нового времени произошла смена мировоззрения с религиозного на светское. Новое время – это время признания ценности отдельной личности и все большего развития атеистических концепций, в рамках которых отрицалась идея о бессмертии души.

В современную эпоху, когда особенное развитие получила экранная массовая культура, значительное влияние на восприятие обществом смерти стали оказывать массмедиа, и в частности кинематограф. Если в традиционном обществе люди постоянно становились свидетелями явлений смерти (болезни, эпидемии, младенческая и детская смертность, войны, голод) в реальной жизни, смерть занимала значимое место в повседневности, то в индустриальном и постиндустриальном обществах смерть является чем-то ретушируемым, таким явлением, которое кажется обывателю скорее исключением, чем правилом. Но на смену реальным образам смерти пришли ее экранные воплощения, создаваемые для усиления зрелищности фильма и силы эмоционального воздействия на зрителя.

Если взять за основу этические категории добра и зла, то смерть будет относиться ко второй: так виновником смертей невинных в фильмах ужасов могут выступать некие монстры, демоны, обезумевшие маньяки, зомби, являющиеся воплощением зла. Для сравнения, в боевиках эта роль отводится главным антагонистам (например, террористам), хотя и протагонисты, как правило, к финалу таких кинофильмов успевают лишить жизни сначала сподвижников главного злодея, а затем и его самого. В фильмах-катастрофах все несколько по-иному: здесь нет такого четкого разделения на добро и зло, так как причины массовых смертей могут заключаться в природных, техногенных, антропогенных катастрофах.

Наиболее ярко и массово смерть (при этом смерть насильственная, а именно ее представление на экране отличается наибольшей зрелищностью) представлена в таких жанрах, как хоррор, боевик, триллер, фильм-катастрофа. Смерть является неотъемлемой частью знакового антуража в хорроре, дополняя и усиливая такие элементы жанра, как неопределенность, атипичность вплоть до уродливости (монструозность), натуралистичность.

Попробуем классифицировать монстров из фильмов ужасов по источнику их происхождения:

1. Монстры, порожденные традиционным фольклором:
 - 1.1 духи, привидения и призраки;
 - 1.2 злые ведьмы, колдуньи и колдуны, черные маги;
 - 1.3 чудовищные существа, ожившие мертвецы, зомби.
2. Монстры, порожденные религиозным сознанием:
 - 2.1 дьявольские силы, демоны;
 - 2.2 смерть как сущность;
 - 2.3 приверженцы темных культов и деструктивных сект.
3. Монстры из постфольклора и городских легенд:
 - 3.1 маньяки,
 - 3.2 гипертрофированные насекомые и рептилии,
 - 3.) мутанты.
4. Монстры, порожденные антисциентизмом:
 - 4.1 созданные учеными монстры,
 - 4.2 инопланетные монстры,
 - 4.3 обезумевшие ученые.

Как указывал Ю. Лотман, «сила воздействия кино – в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации», оказывающей на зрителя «сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [Лотман, 1973, с. 29]. Образы смерти на экране усиливают подобное воздействие. Смерть, а точнее ее визуальные представления в кино, наделяется целым рядом взаимосвязанных функций относительно притягательности фильмов ужасов:

1. Повышение уровня зрелищности кинофильмов с целью увеличения коммерческой выгоды для их создателей, особенно в таких жанрах, как боевик, триллер, хоррор, иногда детектив, в меньшей степени комедия, и еще в меньшей драма и мелодрама.

2. Усиление таких функций кинематографа, как развлекательная, рекреационная, мифологическая.

3. Интенсификация эмоционально-психического воздействия на зрителей.

В контексте психоанализа притягательность сцен насильственной смерти позволяет компенсировать вытесненный страх собственной гибели, достичь катарсиса. Человек издавна стремился к тому, чего он страшится, если он чувствует себя в безопасности. Так, как уже было сказано, своя смерть или смерть близких страшна, смерть чужих не вызывает таких чувств, а смерть или массовая гибель людей за экраном вызывает еще один вид чувств. Несмотря на уверенность в том, что все происходящее – это всего-лишь имитация смерти, если зритель погружается в происходящее на экране, потусторонняя сторона экрана может если не поменяться, то смешаться у него в сознании с посюсторонней. Но действие данного эффекта обрывается ровно с финальными титрами фильма. Если страх смерти присутствует в человеке постоянно, то боязнь возникает при ее приближении (фрейдистское понимание страха и боязни). Демонстрация же смерти на экране позволяет удовлетворить интерес и любопытство в ее отношении без опасности для жизни, то есть без возникновения боязни. Тем самым как создатели кинофильмов, так и зрители играют со смертью, чувствуют, что обошли ее, сделали ее и видимой, и недостижимой для себя, словно заперли ее в клетку за экраном (это напоминает финалы множества мифов и сказок, когда наводящий на всех ужас монстр оказывается в клетке и люди потешаются над ним, а он ничего не может сделать). Кинематограф позволяет таким образом взглянуть на смерть со стороны и без боязни и тем самым, возможно, ослабить страх перед ней.

С другой стороны, психоаналитический подход наводит нас на мысль о том, что характерные для хоррора сцены насилия высвобождают «низшего порядка эмоции, которые свойственны пассивному наблюдателю подлинных катастроф, уличных происшествий, которые питали квазиэстетические и квазиспортивные эмоции посетителей римских цирков» [Лотман, 1973, с. 9]. При этом все делается производителями кинопродукции целенаправленно для создания притягательности фильмов данного жанра для зрителя с целью усиления коммерческой отдачи.

Если рассматривать «смерть на экране» в рамках когнитивитского подхода, то можно предположить, что ее притягательность обусловлена любопытством, тягой к неизвестному.

Смерть завораживает, поскольку она таинственна, и, возможно, с этим связан такой интерес определенной части населения к фильмам, относящимся как к масскульту, так и к элитарному кино, где сделана попытка в художественной форме хотя бы наметить рамки понимания данного феномена, приближения к ее сущности (здесь феномен и сущность мы используем в том значении, в котором они даны у И. Канта). Несомненно, что более детально и обоснованно рассматриваемое нами явление анализируется в научной и философской литературе в рамках такого направления, как танатология, но в силу большей доступности к кино, особенно к массовому, обращаются чаще, как и к относящейся к массовому уровню и мид-уровню художественной литературе (характерный пример произведений мид-уровня – серия произведений Бернара Вербера о загробном мире [Werber, 1994; Werber, 2004; Werber, 2015], чем к специализированным научным и философским изданиям.

В целом социальный мир отражается в сознании человека как упорядоченный, укладываемый в рамки привычного восприятия и интерпретации, основанной на господствующих в обществе нормах, ценностях, представлениях о реальном и ирреальном, рациональном и иррациональном. Как указывают представители социальной феноменологии, каждый индивид застает этот мир таким, какой он есть; и данный мир отражается и преломляется в сфере сознания личности в форме различных концептов, взглядов, ценностных установок, знаний, мировоззрения в целом. Знания, будучи социально распределенными между представителями разных социальных слоев и групп, транслируются и ретранслируются через такие каналы, как общение с родственниками и близкими друзьями, образование, информационное воздействие массмедиа, особенно телевидения и интернета. Тем самым в сознании личности формируется персональная концепция социального мира, в основе которой лежат господствующие в обществе представления, преломляющиеся с учетом индивидуально-психологических особенностей и биографически детерминированной ситуации, в которой находится каждый индивид.

Преломляя мир в сфере сознания, индивид упорядочивает и структурирует его элементы, делая его одомашненным, опривыченным (хабитуализированным), создавая тем самым для себя комфорт и уверенность в собственной безопасности по крайней мере в пределах своего жизненного мира, то есть «сцены и одновременно объекта его действий и взаимодействий» [Schütz, 1945, p. 540], всего того, что дано человеку в опыте, того, с чем он непосредственно взаимодействует, модифицируя и модифицируясь. Центральной точкой жизненного мира личности в пространственном аспекте является его тело, во временном аспекте – его осознание момента «сейчас». Вокруг этой центральной точки расположен мир рабочих операций – часть жизненного мира, находящаяся в пределах досягаемости, с которой индивид непосредственно взаимодействует.

Столкновение с явлениями смерти вырывает индивида из повседневности, нарушает привычное положение дел, лишает чувства обустроенности. Так и хоррор с непременными сценами насильственной смерти, носителем которой является монстр (понимаемый в универсальном значении как атипичное существо, не укладывающееся в привычные рамки мышления и восприятия), вырывает зрителя из одомашненного мира.

Можно предположить, что, находясь в сфере рутинных операций, – а опривычивание, в основе которого лежит типизация, ведет именно к рутине, то есть однообразности и многократной воспроизводимости одного и того же способа действий в той или иной типичной ситуации с целью экономии сил и энергии, – индивид может испытать потребность в новизне, в том, чтобы вырваться из этого рутинного мира, получить новые впечатления, испытать сильные эмоции. И здесь хоррор служит действенным средством для этого, вставая в определенной степени в один ряд с экстремальными видами спорта развлечениями и аттракционами, участием в таких формах активности, которые могут нести реальную угрозу для жизни.

Образы смерти в кинофильмах могут выступать в роли знаков как части языка кино, отсылая к каким-либо иным явлениям, идеям и предметам.

Попробуем применить семиотическую схему У. Эко в виде трехмерного изображения, на котором показано, как кадры в кино последовательно сменяют друг друга. При этом каждый кадр как синхронная фотограмма представляет «ряд кинезических фигур», состоящих из сем, знаков. А диахроническое сочетание кадров как совокупность движений открывают динамический план, «выражающий цельность значащего жеста» [Eco, 1968, p. 213]. Так, сцены гибели героев фильма «Омен», вставших по сюжету на пути Антихриста, сопровождаемые мрачной тревожной музыкой, указывают на беспомощность простых смертных перед сверхъестественными силами, олицетворяющими зло, и вызывают у зрителей чувства страха, тревоги, напряженности, возможно, мысли о жизни и смерти, актуализируют вопросы, связанные с религиозной верой. Концепты смерти, антихриста, темных сил, апокалипсиса и им подобные, формируемые в сознании кинозрителя под воздействием

сцен гибели героев данной киноленты, составляют означаемое. В сцене с суицидом няни Дэмиена в синхронии видны лица очередной жертвы дьявольских сил и очевидцев, которые заняты своими делами, в диахронии же показана неизбежность гибели вставшего на пути у темных сил и полная неожиданность произошедшего для очевидцев. С фразой «Это все для тебя!» молодая девушка совершает повешение. Кины, в синхронии на каждом кадре объединенные в кинеморфы, данного фрагмента фильма в диахронической последовательности кадр за кадром показывают стремительность данного действия и охваченность жертвы дьявольской темной силой. Кадры после гибели запечатлевают эмоции страха и ужаса на лицах свидетелей страшного события, люди вскакивают с мест, пытаются убежать, скрыться, чтобы не видеть тело только что погибшего человека. Формируется общая атмосфера неподдельного ужаса.

В сцене с гибелью репортера кадры с движущимся автомобилем чередуются с кадрами отвлекшегося на сбор рассыпавшихся стилетов журналиста. Затем камера фиксируется на его удивленном и растерянном лице, и следующие кадры показывают подбрасываемую силой инерции в воздух отрезанную голову, падающее окровавленное тело, от которого отделилась куском стекла голова. Затем следуют кадры упавшей головы с застывшей гримасой ужаса и боли, при этом нам не показывают лицо убитого, а лишь его отражение в этом стекле. Находящиеся вокруг песок, пыль и строительный мусор только усиливают гнетущий эффект. После этого показаны бегущие в страхе к месту гибели очевидцы, одна женщина в ужасе от вида покойника кричит и вжимается в плечо своего спутника. Далее камера фокусируется на трупе репортера, голова которого лежит перед распластанным телом, в кадре виден главный герой фильма, фокус переходит с трупа на него, и его движения показывают сильнейшие негативные эмоции ужаса, боли и отчаяния, которые он испытывает в данный момент времени. Синхронически кадры гибели показывают, что местом является стройка, это отсылает зрителя к идее несчастного случая. Создатели фильма тем самым транслируют идею о том, что смерть маскируется под случайность, что не лишает ее неизбежности.

Оригинально используется сцена гибели главного героя фильма «Парфюмер», где она означает его переход через допустимую грань в болезненном стремлении быть притягательным для окружающих посредством создаваемых им органических ароматических веществ, материалом для которых служат вытяжки из убитых молодых девушек. Здесь присутствуют фрейдистские мотивы о психологических травмах детства, недостатке либо полном отсутствии материнской любви. Также подобная сцена может означать полное отчаяние главного героя фильма в попытках стать по-настоящему желанным и обрести подлинную любовь. В синхронии каждый кадр представляет собой совокупность тел людей, своей мимикой и пантомимикой выражающих страстное желание буквально поглотить главного героя, разобрать его по кускам, чем и завершается данная сцена. Иными словами, кины как единицы движения, объединяемые в кинеморфы, означают безумную тягу толпы к Жану-Батисту.

В фильме «Звонок» люди гибнут от вызываемого призраком утопленной собственной матерью девочки сильнейшего ужаса, от которого неестественным образом искажается лицо и останавливается сердце. В образе призрака из колодца (синхронически представленные на кадре колодец, девочка-утопленница со спутанными, скрывающими лицо черными волосами, бледной кожей) угадывается универсальный мифоархетипический сюжет о русалках, присущий многим, в том числе и японской, народным культурам. В диахроническом измерении кинезика (последовательность движений как единичных знаков, называемых кинами) Самары, вылезавшей из колодца, перелезающей из экрана телевизора в комнату, резкая и обрывистая смена кадров, создают эффект стремительности ее перемещений к жертве. Это вызывает в сознании зрителя комплекс мыслей и представлений, предваряемых эмоциями, включающими страх и тревогу. При наложении синхронии на диахронию

получается эффект стремительного приближения Самары к жертве, что означает неизбежность смерти. Таким образом в данном фильме транслируется идея неотвратимости смерти, незащитности человека перед сверхъестественными силами, воплощенными в образе призрака по имени Самара.

Заключение

Кинохоррор с присущими ему сценами насильственной смерти, порой излишне натуралистичными и вызывающими отвращение, можно оценивать по-разному. С одной стороны, это приносящая коммерческую выгоду игра создателей «Омена», «Парфюмера», «Звонка» и подобных им кинокартин на низменных сторонах человеческой природы, представленных у З. Фрейда в форме одного из базовых влечений – «танатоса», у К.Г. Юнга связанных с архетипом тени, у Э. Фромма – с человеческой деструктивностью [Freud, 2009; Jung, 1968; Fromm, 1990.]. С другой стороны, фильмы подобного жанра, где демонстрируются сцены гибели как индивидов, так и целых групп людей, можно рассматривать в качестве средства компенсации страхов, связанных со смертью и ее возможными сверхъестественными факторами, удовлетворения любопытства относительно непознанного (чаще всего темных сторон человеческой сущности или злого начала мироздания), преодоления рутинности повседневной жизни.

Что касается часто высказываемых суждений относительно губительного влияния рассмотренных выше и аналогичных им фрагментов фильмов жанра хоррор на психику, то они истинны только для тех случаев, когда в сознании зрителя происходит спутывание заэкранного мира фильма ужасов и объективной действительности. Практически размытая, но не стертая во время просмотра в сознании зрителя граница между миром повседневности и заэкраным миром кинопроизведения после финальных титров должна вновь четко прочерчиваться. Выражаясь языком кинофильма «Звонок», все призраки должны оставаться за экраном.

Мировоззренческое значение кинохоррора можно усмотреть в том, что в его рамках наглядно, хотя и в особой, направленной на формирование у зрителей чувств ужаса, тревоги, а порой и отвращения, форме, транслируется идея о неразрывности жизни и смерти, о том, что ни один из нас не избежит финала собственного пребывания в этом мире и смерть может наступить в любой момент. Хотя причины гибели героев фильмов ужаса в большинстве случаев кажутся нам ирреальными (дьявол, призрак утопленницы или иная темная сущность), важна идея о необходимости принятия факта собственной смертности как условия достижения осмысленного существования. Это способствует полноценной жизни и комфортному уходу из нее, чему учат как древнейшие религии и философские учения, так и целый ряд направлений современной психологии и философии, например, экзистенциализм, трансперсонализм, танатотерапевтическое направление. Трансляторами такого отношения к смерти являются профессиональные философы, ученые-психологи и психотерапевты, а также священнослужители различных конфессий и представители внеконфессиональных учений, однако они могут влиять на танатологические установки лишь небольшой части общества – тех, кто интересуется саморазвитием, психологией, философией, а также тех, кого жизненная ситуация подтолкнула к обращению за психотерапевтической помощью. Кинохоррор же, будучи по преимуществу частью массовой культуры, имеет намного большую «зону покрытия», кроме этого, форма преподнесения идеи о естественности и неотвратимости смерти носит не дидактический, а опосредованный характер – через всю атрибутику данного жанра, позволяющую воздействовать скорее не только на рациональном, но и на эмоциональном уровне, а иногда и в обход сознания, апеллируя к сфере бессознательного.

Список литературы

1. Вуд Р. 2018. Ужасы: возвращение вытесненного. Электронная статья. URL: <http://www.russ.ru/pole/Uzhasy-vozvrashchenie-vytesnennogo> (Дата обращения: 23 мая 2019).

2. Гроф С., Хэлифакс Дж. 2003. Человек перед лицом смерти. Пер. с англ. М., ООО «Издательство АСТ», 239. (S. Grof, J. Halifax 1977. *The Human encounter with death*. E. P. Dutton, 240.).
3. Камю А. 1989. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. В кн.: Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. М., Политиздат: 222–318.
4. Кэрролл Н. 2018. Парадоксы ужаса. Электронная статья. URL: <http://www.russ.ru/pole/Paradoksy-uzhasa> (Дата обращения: 23 мая 2019).
5. Лотман Ю.М. 1973. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, Ээсти Раамат, 78 с.
6. Тюдор Э. 2018. Специфические удовольствия от популярного жанра. Электронная статья. URL: <http://www.russ.ru/pole/Specificheskie-udovol-stviya-ot-populyarnogo-zhanra> (Дата обращения: 23 мая 2019).
7. Фрейд З. 2017. Я и оно. Пер. с нем. М., Эксмо–Пресс, Фолио, 864. (Freud S. 2010. *Das Ich und das Es*. MARIXVERLAG, 352.).
8. Фромм Э. 2006. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с англ. М., Хранитель, АСТ, АСТ Москва, Мидгард, 624 с. (Fromm E. 1992. *The anatomy of human destructiveness*. Holt Paperbacks; Revised and Rev edition, 576 p.).
9. Фромм Э. 2006. Человек для себя. Пер. с англ. М., АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 314 с. (Fromm E. 1990. *Man for himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics*. Holt Paperbacks, 272 p.).
10. Хайдеггер М. 2015. Бытие и время. Пер. с нем. М., Академический проект, 460. (Martin Heidegger 2006. *Sein und Zeit*. De Gruyter, 458.).
11. Эко У. 1998. Отсутствующая структура. Введение в семиологию Пер. с итал. СПб., ТОО ТК «Петрополис», 432 с. (Eco U. 1968. *La struttura assente: Introduzione alla ricerca semiologica*. Milano: Bompiani, 446 p.).
12. Энгельс Ф. 1969. Диалектика природы. Пер. с нем. М., Политиздат, 1969, 358 с. (Engels F. *Dialektik der Natur*. 1969 Marx/Engels: (vgl. MEW Bd. 20, S. 0 ff.)).
13. Юнг К.Г. 2017. Человек и его символы. Пер. с англ. М., Серебряные нити, 352 с. (Jung K.G. 1968 *Man and His Symbols*. Dell Publishing Co., Inc., 415.).
14. Ariès Ph. 1977. *L'Homme devant la mort*. Seuil, 640 p.
15. Schütz Alfred Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego». 1942. *Philosophy and Phenomenological Research*, March: 323–347.
16. Schütz, A. 1945. On multiple realities. *Philosophy and Phenomenological Research*, 5 (4), 533–576.)
17. Werber B. 2015. *L'Empire des anges*. Albin Michel, 448 p.
18. Werber B. 2004. *Nous les dieux*. Albin Michel, 467p.
19. Werber B. 1994. *Les Thanatonautes*. Le Livre de Poche, 510 p.

References

1. Vud R. 2018. Uzhasy: vozvrashhenie vytesnennogo [Horror: the return of the repressed]. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Uzhasy-vozvrashchenie-vytesnennogo> (accessed 23 may 2019).
2. Grof S., Hjelifaks Dzh. 2003. Chelovek pered licom smerti [The Human encounter with death]. Moscow, ООО АСТ, 239 p. (S. Grof, J. Halifax 1977. *The Human encounter with death*. E. P. Dutton, 240 p.).
3. Camus A. 1989. The Myth of Sisyphus. Essay about the absurd. In: *Sumerki bogov*. F. Nicshe, Z. Frejd, Je. Fromm i dr. [Twilight of the Gods. F. Nietzsche, Z. Freud, Je. Fromm and others]. Moscow, Politizdat: 222–318.
4. Kjeroll N. 2018. Paradoksy uzhasa [Horror paradoxes]. Available at: URL: <http://www.russ.ru/pole/Paradoksy-uzhasa> (accessed 23 maja 2019).
5. Lotman Ju.M. 1973. Semiotika kino i problemy kinojestetiki [Semiotics of cinema and problems of film aesthetics]. Tallin, Jejesti Raamat, 78 p.
6. Tjudor Je. 2018. Specificheskie udovol'stviya ot populjarnogo zhanra [Specific pleasures of the popular genre]. Available at: URL: <http://www.russ.ru/pole/Specificheskie-udovol-stviya-ot-populyarnogo-zhanra> (accessed 23 maja 2019).
7. Frejd Z. 2009. Ja i ono [Das Ich und das Es]. М., Jeksmo–Press, Folio, 864 p. (Freud S. 2010. *Das Ich und das Es*. MARIXVERLAG, 352 p.).

8. Fromm Je. 2006. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, Hranitel', AST, Midgard, 624 p. (Fromm E. 1992. The anatomy of human destructiveness. Holt Paperbacks; Revised and Rev edition, 576 p.).
9. Fromm Je. 2006. Chelovek dlja sebja [The Man for himself]. Moscow, AST: AST MOSKVA: HRANITEL', 314 p. (Fromm E. 1990. Man for himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics. Holt Paperbacks, 272 p.).
10. Hajdegger M. 2015. Bytie i vremja [Sein und Zeit]. M., Akademicheskij proekt, 460. (Martin Heidegger 2006. Sein und Zeit. De Gruyter, 458 p.).
11. Jeko. U. 1998. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju [La struttura assente: Introduzione alla ricerca semiologica.] SPB., TOO TK «Petropolis», 432 p. (Eco U. 1968. La struttura assente: Introduzione alla ricerca semiologica. Milano: Bompiani, 446 p.).
12. Jengel's F. 1969. Dialektika prirody. [Dialektik der Natur]. M., Politizdat, 358 p. (Engels: Dialektik der Natur. Marx/Engels: (vgl. MEW Bd. 20, S. 0 ff.)).
13. Jung K.G. 2017. Chelovek i ego simvolj. [Man and His Symbols]. M., Serebrjanye niti, 352 p. (Jung K.G. 1968. Man and His Symbols. Dell Publishing Co., Inc., 415 p.).
14. Ariès Ph. 1977. L'Homme devant la mort. Seuil, 640 p.
15. Schütz Alfred Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego». 1942. Philosophy and Phenomenological Research, March: 323–347.
16. Schütz, A. 1945. On multiple realities. Philosophy and Phenomenological Research, 5 (4), 533–576.
17. Werber B. 2015. L'Empire des anges. Albin Michel, 448 p.
18. Werber B. 2004. Nous les dieux. Albin Michel, 467 p.
19. Werber B. 1994. Les Thanatonautes. Le Livre de Poche, 510 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии Русской Православной Церкви, Пенза, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Antipov, PhD, Associate Professor, Department of Church History and Philosophy, Penza Theological Seminary of the Russian Orthodox Church, Penza, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 261.5.

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

Право теолога быть... (аспекты «теологического существования» в концепции К. Барта)

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о сущности теологического знания и перспективы становления современного теолога. Предметом рассмотрения становится теологическая концепция К. Барта и его понимание структурной специфики процесса оформления теологического взгляда на мир, детально анализируется маршрут теологического роста Барта. В качестве определяющих точек становятся его предисловия к различным изданиям «Послания к Римлянам», предстающие в виде своеобразного теологического дневника. Детальный анализ каждого предисловия на фоне духовно-исторических событий позволяет увидеть специфику теологического развития концепции Барта. Важными аспектами теории теологического существования, согласно Барту, являются вызовы, стоящие перед теологом: одиночество, чувство стыда, ответственность и другие. В перечень качеств, присущих теологу, К. Барт включал такие черты, как созидательный характер теологического исследования, парадоксальность, метафизическое удивление, верность теологическому призванию, готовность к риску теологического поиска.

Ключевые слова: К. Барт, христианская теология, современная теология, теологическое существование, качества теолога, перспективы теологии, ответственность теологии.

Для цитирования: Колесников С.А. 2021. Право теолога быть... (аспекты «теологического существования» в концепции К. Барта). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (2): 308–318. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

The theologian's right to be... (aspects of "theological existence" in the concept of K. Bart)

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russian Federation
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract: The article considers the question about the nature of theological knowledge and perspectives of development of the modern theologian. The subject of consideration is the theological concept of K. Bart and his understanding of the structural specificity of the process of registration of the theological view of the world. From Bart's point of view, the initial impulse to the theological interpretation of the world is important. The article analyzes in detail the route of Bart's theological growth. As the defining points are his Preface to various publications "Epistles to the Romans", appearing in the form of a kind of theological

diary. A detailed analysis of each Preface against the background of spiritual and historical events allows us to see the specifics of the theological development of Bart's concept. Each mentioned year of writing the Preface is organically included in the Preface itself: it is not just the date of writing this text, it is the text itself, standing out against the background of a pulsating era. Bart's Preface should be considered as stages of theological growth. The theologian, according to Bart, listens to what is pronounced in it, the experience of this listening is the experience of the theological attitude. The more accurate this experience is, the richer the gamma of tonalities transmitted by the theologian. The surprise at how unusual an external reality can become, illuminated by the theological worldview, is closely related to the surprise of the changes taking place within the theologian himself. K. Barth proposed a new understanding of truth and error in the theological study, assumed the inherent right of the theologian to make a mistake. Important aspects of the theory of theological existence, according to Bart, are the challenges facing the theologian: loneliness, shame, responsibility, and others. In the list of qualities inherent in the theologian, K. Barth included such features as the creative nature of theological research, paradoxical, metaphysical surprise, loyalty to the theological vocation, willingness to risk a theological search.

Key words: K. Barth, Christian theology, modern theology, theological existence, qualities of the theologian, prospects of theology, responsibility of theology.

For citation: Kolesnikov S.A. 2021. The theologian's right to be... (aspects of "theological existence" in the concept of K. Bart). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 308–318 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-308-318

Вопрос о сущности теологического знания и траектории духовно-душевного пути теолога являлся одним из ключевых для теологической концепции Карла Барта.

Теологическая призванность к открытию истины, когда «истина становится присвоением, внутренним, субъективностью, и главное здесь – экзистирюя, полностью погрузиться в субъективность» (С. Кьеркегор) [Кьеркегор, 2005, с. 209], становится таковой, только соединившись с парадоксально-субъективной потаенностью, личной прикрепленностью к тайне. Сам Барт так фиксировал траекторию приближения к истине: «Как понимающий я должен дойти до той точки, где я нахожусь практически только перед загадкой *предмета*, а не перед загадкой *документа* как такового, где я почти забываю, что я – не автор, где я практически полностью понял, что могу дать автору говорить от моего имени и сам могу говорить от его имени» [Барт, 2016, с. XXXV]. Именно в этой хроно-точке происходит созидательный взрыв: взрыв рождения подлинного теолога.

Генезисное триединство – парадоксальность, богословствование взрывом и серьезность/резвение – определяли для Карла Барта «родовую карту» теолога [Колесников, 2019]. Однако раскрытие понимания Бартом структурной специфики дальнейшего процесса становления теолога становится возможным только при рассмотрении последствий первоимпульса теологического существования.

Исследовательский фокус большинства работ, посвященных аналитике теологических воззрений К. Барта, направлен прежде всего на его зрелый период, период «Церковной догматики» (примеры тому – исследования В. Дж. Бромили [Bromiley, 1979], Дж. Хансгера [Hunsinger, 1991]) – на рассмотрение теологического акци̇ Барта. Но не менее важен начальный этап формирования К. Барта как теолога: именно здесь мы присутствуем при поиске не столько теологической концепции – этим Барт будет заниматься позднее – сколько получаем возможность увидеть, как «разворачивается», «прорастает» теологический талант из обозначенного триединого богословского «зерна».

Для понимания сущности изначального посыла к теологической деятельности не столь важно, *что* Барт говорит как теолог; важнее, что он – пусть даже завуалировано – *говорит* о теологе. Снятие этой «вуали» и должно помочь понять, каким виделся Барту – и раннему («Послание к римлянам»), и зрелому («Толкование на Послания Римлянам»), и

позднему («Церковная догматика» в ее многотомности) – контур теологического призвания (или призывания?..).

Детонации мировых потрясений начала XX века вошли в резонанс новорожденного тео-мировоззрения К. Барта и определили само появление его как теолога. Но динамика его последующего богословского «прорастания» должна была импульсироваться внешними целями, и такой задачей, найденной самим теологом и одновременно поставленной перед ним эпохой (не в этом ли промыслительном совпадении состоит каждая теологическая «удача»?), стало противостояние тому, что один из первых исследователей в СССР теологии К. Барта А. Казем-Бек назвал «переходом от Богочеловечества к человекобожию». Вектор пути теолога как преодоление «абсурда, который в наши дни уже называется “арелигиозным христианством” (надо помнить, что “арелигиозное христианство” знаменует не приход к христианству, а уход от него)», сама возможность отрывания от открывшейся богословской призванности, стали первопричинами той духовной трагедией, которая «потрясла христианское сознание юного Карла Барта» [Казем-Бек, 1972, с. 53].

Знаковыми точками в «маршрутизации» теологического роста Барта становятся его предисловия к различным изданиям «Послания к Римлянам» (1918, особенно 1921, 1922, 1924, 1926, 1928 годов), представляющие в виде своеобразного теологического дневника. Детальный анализ каждого предисловия на фоне духовно-исторических событий мог бы дать развернутую хроно- и био-графику вычерчивания К. Бартом своего богословского маршрута. Каждый упомянутый год написания предисловий органически входит в само предисловие: это не просто дата написания данного текста, это сам текст, рельефно выступающий на фоне пульсирующей эпохи. Предисловия Барта надо рассматривать не как авторско-личностную корректуру тех или иных позиций, а в качестве этапов теологического возрастания.

Путь становления теолога, согласно Барту, на каждом этапе импульсируется особым религиозно-интеллектуальным «взрывом», порождаемым верой. Г. Кюнг определял параметры этой импульсации как «прыжок»: «Что означают слова Ансельма “*credo, ut intelligam*”? У Барта нет сомнений: “Я верю, чтобы понимать”. Приоритет принадлежит “вере”. С самого начала, полагал он, христианин должен совершить прыжок, погрузиться в самую суть дела! Не так, как у Шлейермахера, — прежде попытаться понять (найти исторические, философские, антропологические, психологические предпосылки веры), а уж затем верить... А, скорее, наоборот – сначала поверить, чтобы потом понять веру, исследуя ее “возможности”» [Кюнг, 2000, с. 340]. Эта цепь «взрывов-скачков» оказывается связующим *religare*, составляющим неразрывный поток теологической преемственности – от Ансельма Кентерберийского до Карла Барта – поток форм богословских экзистенциалей, определяющих специфику мироощущения теолога.

В контексте преемственности теологической экзистенции актуализируется проблема специфики самого теологического существования, тех параметров, которые определяют своеобразие восприятия бытия теологом. Очевидно, что теологическому «бытию-впереди-себя» (М. Хайдеггер) соответствует ряд условий, условно константных для каждого, кто выбирает христианско-богословский способ осмысления мира, опыт проживания в мире. Это некое поле, контуры которого относительно стабильны даже в различных исторических реалиях, некая полисемантическая константа, позволяющая считать данный тип познания мира именно теологическим. Конечно, речь не идет о последующих результатах теологических исследований: здесь начинается пространство риска, эпистемологической относительности. Однако перво-поле теологичности формируется общими принципами, результатом взаимодействия которых и становится появление теолога.

Теолог прежде всего аудио-ориентирован, настроен на сакральный звук, на вслушивание в то, что апостол называл *fides ex auditu*, «вера – от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17). Теолог вслушивается в то, что в нем произносится, – и опыт этого вслушивания в резонансы глубинных созвучий, происходящих в теологе, и есть опыт теологического мироощущения. Чем более выверен этот опыт, тем богаче гамма тональностей,

передаваемых теологом. Показательно, что в «Церковной догматике» Барт – уже зрелый теолог – актуализирует тему теологического вслушивания: «...Благодать строго личного, свободного слова Божьего, приходящего к своей цели в равным образом личном, свободном слышании его человеком, слышании веры, которая может быть, со своей стороны, понята только как благодать» [Барт, 2007, с. 34]. По существу, Барт выделяет особый «физиологизм» теологии, в частности, его дистантно-звуковой параметр (где и «дистанция», и «звук» предстают трансценденциями в преемственном духе еще с Ф. Суаресом), который и определяет своеобразие «теологического слуха».

Теологический слух способен на мелодику, гармонию, полифонию, архитектонику восприятия сакральной аудио-информации, но вместе с тем – что особенно важно для Барта! – способен расслышать Божественное «Нет» как ситуацию аудио-пустоты, ситуацию умолкания Слова и воспринять это молчание – собственно отсутствие звука – как важный (а для Барта – важнейший!) сигнал, меняющий всю картину теологической экзистенции. П. Тиллих в работе, посвященной богословию К. Барта, отмечал приоритетное значение такого «нет»: «Если, таким образом, культуру всесторонне подвергнуть Кризису и приять в ней лишь то, что имеет критический характер, то Суд, т. е. Божественное «нет» имеет не менее, но, напротив, еще больше значение для религии» [Тиллих, 1995, с. 151]. Готовность идти на сакрально значимый «звук», и тем более на отсутствие такого «звука» – существенно-значимая теологическая экзистенциалия.

Аудио-задачей теологии, таким образом, становится передача с минимальными «транспортными» искажениями смыслов сакрального звучания. На артикуляционной особенностях теологии Барта акцентировал внимание Т. Торренс: «Карл Барт попытался дать свежую артикуляцию к христианской вере как богословию Слова Божьего, артикуляцию, которая ломает рамки привычных форм человеческого мышления, использующих как стародавние, так и моднейшие мысли в качестве инструментов и орудия мысли и речи» [Torrance, 1962, с. 179]. В этом определении хотелось бы отметить вневременной характер теологической артикуляции, преодолевающей «стародавние» и «модные» варианты теологических концепций. Сам Барт четко выделял сверх-хронологический характер своих построений: «Я не отрицаю известную аналогию моего метода по отношению к древнему учению о вербальной инспирации» [Барт, 2016, с. 88]. Вербально-артикуляционная форма и преодолевающее временной характер богословского миропостижения становятся залогом подлинной теологичности: в соединении этих параметров обнаруживается процесс осознания себя теологом.

Следствием этого осознания становится удивление перед открывающейся перспективой духовного преображения. Религиозно окрашенное удивление, по Барту, есть непременное условие становления и развития теолога. Упомянутая вербальная инспирация – во-одушевление, о-духотворенность, услышанные в себе и выраженные своими словами, – предстает как реально воплощенная, «материализованная», ситуация удивленности тем, что происходит вокруг и внутри теолога. «Факт личности Иисуса Христа, – пишет Барт в "Толковании на Послание Римлянам", – так чудесен и одновременно так реален. Павел находится перед этим фактом без каких бы то ни было оговорок, совершенно *удивленный*, и он пребывает перед ним именно как перед этим решительным *фактом*, перед Иисусом Христом» [Барт, 2010, с. 54]. Удивление перед тем, какой необычной способна стать внешняя реальность, освещенная теологическими хромограммами, оказывается тесно связанным с удивлением от происходящих изменений внутри самого теолога.

Важнейшим моментом теологического удивления становится открытие способности к верности – как Бога, так и теолога. Возрастание удивления начинается из пространства пересечения верности Бога и теолога: «...Возвешенный через Иисуса Христа суд происходит из верности, он есть слово верности Божьей, и обращен к доверию и вере иудеев и греков, которые слышат его» [Барт, 2010, с. 18]. Единство Божественной и человеческой вер-

ности, удивлённость собственной верностью, чудесное превращение теологического «дискурса» в говорение верностью и о верности – все это определяет импульсацию теологического роста.

Теологическое удивление верности обнаруживает специфику развития богослова: этот процесс не явлен как алгоритмический «сайнс-конструкт», где происходит надстраивание научно-инструментарных возможностей, это скорее процесс органического возрастания, своеобразный «блокчейн», где удивление как константа (по сути – сама верность!) на каждом этапе развития теолога выступает гарантом подлинной теологичности. Теолог, находящийся в постоянном удивлении перед непрерывающейся ни «внутри», ни «снаружи» верностью – верностью, распределенной своей взрывно-импульсирующей энергией по «узлам данных», но в одновременно выстраивающей единую цепочку теологических смыслов, – оказывается (что удивительно для него самого!) соответствующим требованиям подлинной теологичности.

В предисловии к третьему изданию «Посланию Римлянам» (1922) К. Барт подчеркнул заостряет тему верности теолога, причем задает филологическую тональность этой верности. Если не возникает верности между теологом и текстом, которому он должен быть верен, тогда такой псевдо-теолог «как безответственный зритель находится *рядом* с конгломератом духа и духов, который означает для него текст. Ему незнакомо беспокойство по поводу смысла текста, поскольку он не знает отношения верности к нему, поскольку он, если даже он определенным образом проходит вместе с ним некоторый путь, все же никоим образом не отважился полностью зависеть от него». И далее Барт сознательно радикально формулирует: «Я считаю абсолютно невозможным по достоинству оценить писателя, действительно вновь заставить говорить писателя, если не... войти в эти отношения верности с ним» [Барт, 2016, с. XLIV].

Но взрыво-отрицательная часть определения того, кем должен быть теолог не составляет основную тезу Барта – иначе бы он не был бы Карлом Бартом! Он дает и взрыво-созидательную характеристику богословствования. Говоря о теологе-комментаторе, Барт фиксирует специфику «спрессования», «взрывосваривания» теолога и его заветной темы: «Тогда он будет писать свой комментарий не о *Павле*, но, конечно (часто вздыхая и покачивая головой), до последнего слова с Павлом» [Барт, 2016, с. XLIV]. В этой неразрывности, связанности (*religare*) и рождается теологическая верность. И если «праведник будет жить верностью!» (Авв. 2:4), то теолог обязан стремиться к такой верности.

Весь теологический текст Барта – имея ввиду, конечно, весь корпус текстов, написанных за всю его жизнь, – как раз и есть пример такой верности. Нет параметрической возможности проиллюстрировать этот тезис, но можно утверждать: на каждом этапе своей деятельности Барт выстраивает свои отношения с создаваемым теологическим текстом именно на принципе верности. Он демонстрирует особый тип тео-филологической верности, включающей в себя – уже даже не отмечая само сращение теологии и филологии – и одновременно его образуя, практически весь духовно-культурный опыт. Текстуальная вселенная Барта, основанная на вышеобозначенных принципах, выступает как Вселенная образования – но образования нового теологического знания с новым пониманием призвания теолога к универсальности этого знания.

Здесь надо отметить еще один парадокс К. Барта: с одной стороны, он достаточно моно-тематичен (прежде всего это паулизм), но с другой – практически демонстрирует универсализм научной тематики. В этом парадоксе раскрывается еще один «параметр» теолога: возможность – и обязанность – быть разным. Показательный акцент Барта (см. подр. [Барт, 2010, с. 14]) на теме «дары различны» (1 Кор. 12:4), соотнесенный с «профессиограммой» теолога, предполагает у каждого теолога свой дар, что обеспечивает в целом универсальную разветвленность теологии.

Христианская теология имеет право быть разной, скорее даже обязана быть разной (студенческая шутка о теологии как обширном познавательном спектре от геологии до ихтиологии имеет под собой весьма серьезные основания), но при этом должна оставаться христианской. Ведь сам Барт мог быть разным («Сначала Барт был решительным сторонником теологии модерна... Однако позже Барт стал самым непримиримым критиком той парадигмы Просвещения и модерна» (Х. Кюнг) [Кюнг, 2000, с. 332]), но это и означало универсальность, прежде всего теологическую универсальность.

Вместе с тем К. Барт чутко улавливал хрупкую органичность подобного универсализма. Живой, трепетный, рожденный или нерожденный случай лежит в основании теологического мироощущения. В диссертации А.В. Ворохобова подчеркивается именно эвентологический аспект теологии Барта: «Осмысление Бартом Откровения эволюционировало от диалектического к актуалистически-аналогическому и, в целом, было сосредоточено не на понимании бытия, а на событии случая, что остается неизменным во всех стадиях развития теолога» [Ворохобов, 2009, с. 198]. Случай становится поворотным моментом в становлении теолога, ожидание этого случая, готовность откликнуться на зов явленного случая и в случае – вот «профессиональная» черта теолога. Случайно ли призвание к теологии, случайна ли моя теологическая верность, соответствую ли я как теолог уровню открывшегося случая... – сложный комплекс вопросов, определяющих профессиограмму теолога.

Сам Барт по этому поводу говорил: «В теологии никогда не знаешь, кто кого: он меня или я его» [Кюнг, 2000, с. 321]. Риск быть (или не быть) теологом, своеобразная вне-академичность теологии (не в этом ли одна из причин сложных процессов вписывания в современные конфигурации российских вузов теологических подразделений?), взятие на себя права на ошибку и само перетолкование (в стиле бартовских толкований) понятия ошибки – все это придает случаю особое место в теологическом пространстве. И теолог должен уметь координировать себя в этом пространстве, помня о значимости случая, и быть готовым к ошибке.

Ведь урок теологии для современного научного сообщества может выразиться еще и в новом понимании просчетов: можно иметь право на ошибку и даже наличие обязанности быть ошибающимся. Воспитательная роль теологии способна проявиться в формировании нового знания об ошибке – (bag-слово?) – нового отношения к ошибке, в том числе и как опыта смирения в интеллектуальной сфере.

Тема случайности, которую видел у апостола Павла К. Барт («Мысль Павла о миссии не имеет ничего общего с числами, большими или малыми: речь идет о том, чтобы разметать повсюду искры, дабы из каждой искры разгорелся грядущий пожар всего мира» [Барт, 2010, с. 15]), становится центральной для понимания теологом своей личной ответственности за верный или неверный результат. И в то же время открывает вне-массовый, скорее анти-массовый, характер теологии, несводимый к количественно-цифровым параметрам. Теология, настаивает Барт, квази-цифрова, преодолевает цифру: каждый теолог есть уникальный проект, исключительный случай, представляющий собой искру как антитезу цифре.

И эта исключительность определяет формат долженствования теологического поиска. Перед теологом встает обязанность – в силу его верности теологическому призыванию – соответствовать, стремится соответствовать высотам этого призывания: «В то время как теолог существует в сегодняшнем мире просто как человек сегодняшнего дня, разделяющий все тяготы со своими современниками, это Слово уже требует его к ответу, обращается к нему, затрагивает его, вонзает ему (Деян 2:37) жало в сердце» [Барт, 2006, с. 72]. Пораженность своей верностью, разрывная способность открывания миру прорисовывают экзистенциально-профессиональный профиль теолога, выгравированный «затронутостью», выступающей в форме «единственной в своем роде актуальности, даже агрессивности предмета, с которым имеет дело теолог» [Барт, 2006, с. 76]. Профиль теолога возникает в свете

того – «агрессивного!» – теологического слова, к которому он «прикреплен» и которое само затрагивает его. Готовность к такой сложной задаче – профессиональный долг богослова.

Но тема агрессивности возникает у Барта неслучайно. Вокруг этого понятия собирается практически весь параметрический комплекс характеристик теологического существования, и собирание это осуществляется с главной целью: подчеркнуть риск теологического существования.

Классическое описание «рискового поведения», в том числе и ситуации риска теолога, определяется группой факторов: «характер задачи, ситуационные воздействия, личностные характеристики, влияние межгрупповых взаимодействий» [Солнцева, 2007, с. 231]. Однако специфику теологического риска определяет фундаментальный риск веры, который, согласно П. Тиллиху, есть «величайший риск, на который человек способен пойти» [Тиллих, 1995, с. 142], «экзистенциальный риск, риск, который ставит на карту смысл и существование наших жизней» [Тиллих, 1995, с. 257]. Взрывы агрессивно-испытывающей («...Доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?») (Иов. 2:10) среды, детонирующих сознание теолога парадоксами и проверяющих степень серьезности/трезвости его позиций, как раз и формируют фон риска, на который решается теолог. У Барта есть четкое представление о степени рискованности теологического поиска, который может закончиться как победой, так и поражением: «...всякое серьезное рассуждение, касающееся человеческих слов о Боге, вынуждено исходить из того, что в действительности дело обстоит совершенно иначе и что совершенно невозможно интерпретировать человеческие слова вообще как слова о Боге» [Барт, 2007, с. 3]. Опыт риска, которым обладает теология, придает ее построением максимально напряженный характер, принимающим на себя прессинг мощных экзистенциальных вызовов.

Именно вызовы, деформирующие теологическое существование, и методика противостояния этим вызовам становятся одними из важных направлений концепции «теологического существования» К. Барта.

Таким вызовом-реакцией для теолога на выполнение/невыполнение своей экзистенциально-профессиональной задачи, согласно К. Барту, является феномен стыда. В «Толковании Послания Римлянам» есть знаковый фрагмент: «Никто не должен подумать, что он (Павел) (не смог или не захотел прийти потому, что он стыдится того испытания, которое именно Рим как впечатляющий центр языческого мира должен был означать для его благовестия. Он не боится, что Евангелие проиграет сосредоточенным в столице мира культуре и бескультурью, что оно потерпит поражение у господствующих там сил духовности и бездуховности, гуманизма и пошлости и что это заставит его устыдиться. Однако в основании этого его «непостыжения» находится не уверенность в своей собственной силе духа, красноречии, знании людей. Он потому «не стыдится», не боится всего Рима, поскольку... Евангелие само есть *сила*, причем *сила Божья* и посему безусловно превосходящая все прочие силы» [Барт, 2010, с. 16]. Стыд и теология предстают соположенными через прикосновение к духовной силе – как и преодоление стыда через теологическую верность силе. Занятия теологией предстают как преодоление стыда, как обретение права для теологического слова выйти на свет общественного внимания. В аспекте раскрытия-взрыва личности теолога происходит преодоление стыда, обретается голос, как некогда сам Барт, будучи молодым проповедником, искал свою верную теологическую тональность в рабочих недоверчивых кварталах, обнаружив, что «философское богословие либерального протестантизма, к которому он привык в студенческие годы, здесь бесполезно» [Барт, 2016, с. XIX]. В этой точке столкновения-взрыва «мира рабочих и мира Библии» сам Барт обретал опыт стыда и его преодоления...

Вместе с тем тема теологической стыдливости, разворачиваясь, начинает превращать стыд из изнурительного вызова в мощный богословский ресурс («...есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать» (Сир. 4:25)), становится оружием уже самого теолога: «...Я не стыжусь Евангелия перед лицом сил всемирной столицы Рима потому, что

Евангелие как всемогущее спасительное дело Божье выражается и как осуждение человека Богом, поскольку совершенно ясно, что не я должен стыдиться Евангелия, но во всей своей массе собравшийся в Риме языческий мир должен стыдиться себя самого перед лицом Евангелия» [Барт, 2010, с. 21]. Взрыво-активная направленность стыда «выкапывает» некий рубеж, через который обязан перейти теолог: от собственной стыдливости к стыду как средству обличения. По существу, можно, в контексте позиции К. Барта, говорить о теологии стыда, о религиозном процессе обретения права уже не только стыдиться, а и стыдить, усовещивать.

Но стыд – только один из аспектов теологического риска. К числу вызовов Барт добавляет одиночество, обреченность теолога на одиночество: «...Именно из-за нравственно-практического беспокойства, прямо и косвенно порождаемого теологией, она в целом никогда не сможет стать популярной: ни среди детей мира сего, ни среди набожных. Кто занимается теологией, и занимается всерьез, тот именно в этой области должен быть готов и способен выдерживать и переносить одиночество» [Барт, 2006, с. 106]. Протестантское одиночество, усиленное без-церковностью и дистанцией с традицией, конечно, у Барта множится еще и отголосками нищестанствующих мономаней, однако интеллектуальное одиночество теолога, особенно в современной ситуации, может быть принято как фактор риска, к которому должен быть готов теолог.

Обратная сторона теологической уединенности, о чем предупреждает Барт – чрезмерная открытость: «...Богословская гипертрофия, как и всякая гипертрофия, слишком легко приводит к пресыщению, – в данном случае к тому, что на старом языке монашества называлось смертным грехом *taedium spirituale*, духовной скуки, от которой до скепсиса лишь один шаг» [Барт, 2006, с. 116]. Выгорание теолога как профессиональное, так и духовное, возникающее из подобного пресыщения, – еще один подводный камень теологии. Перед теологом дамокловым мечом всегда висит вопрос смысла и предмета его профессиональной деятельности, вопрос, что он представляет собой как профессионал. Барт трезво и безапелляционно напоминает об этом трагичном и одновременно самоироничном вопрошании: «Что такое профессор теологии? — насмешливо спрашивал Кьеркегор и столь же насмешливо отвечал: он есть профессор в науке о том, как другого распяли. Так вот, именно за это он должен платить» [Барт, 2006, с. 137]. Как раз вопрос расплаты за право быть теологом, «платы» за проживание в формате теологического существования тревожит К. Барта.

И ответом становится понятие теологической скромности: «Теологи, – и это тоже принадлежит, между прочим, к «экзистенциализмам» теологии, – могут быть только малыми, скромными» [Барт, 2006, с. 139]. В этой установке на «скромность» просматривается весь комплекс теологических экзистенциалий, фиксируемых Бартом: предел теологических изысканий, потенциал внутренних и внешних ресурсов теологии, уровень теологических претензий и амбиций, возможности и потребности роста личности теолога, властные полномочия теологического сообщества...

В теологической скромности заложен и принцип теологического познания таким, каким он виделся К. Барту: скромность по отношению к результатам теологических дискуссий вытекает и определяет смиренное признание собственной неправоты и признание потаенности мира. Скромность теолога в заявлениях о собственной индивидуальной правоте, мера этой правоты определяют понимание Бартом принципиальной возможности построения конкретной теологической системы. Именно в свете заявленной скромности необходимо рассматривать такие заявления: «Сегодня говорят о присущей бартовской теологии "чрезмерной страсти к основанию нового учения" (Э. Юнгель)» [Кюнг, 2000, с. 351]. Однако вряд ли будет правомерным говорить о «страстности» К. Барта в создании некоего концептуального проекта, скорее это учительное наставление в том деле, которому он посвятил свою жизнь, в конкретном и рискованном («Риск веры основан на том, что элемент

безусловного может лишь тогда стать предметом предельного интереса, когда он предстает в конкретном воплощении» [Тиллих, 1995, с. 256]) деянии, которое называется теологией.

Заключение

«Теология Карла Барта – и он сам как пример "теологического существования"» [Кюннг, 2000, с. 336] позволяют затронуть проблему параметров и ценностей современной теологии в ее экзистенциальном аспекте. Органическое слияние теологии и экзистенции, которое осуществил в своей профессиональной деятельности К. Барт, определили систему ценностей «теологического существования»: созидательно-взрывчатый характер богословствования, парадоксальность, трезвение, аудио-сакральность, метафизическое удивление, верность теологическому призыванию, готовность к риску теологического поиска.

Но весь этот параметрический комплекс теологической «физиогномики» приобретает свою значимость только в свете главной богословской задачи – миссии благовествования. Трагедия и величие подлинной теологии в том, что она, с одной стороны, лишена (или не позволяет себе) директивности по отношению к богословски осмысляемому Слову, но, с другой – призывается Словом, созидается Словом. В этом разрыве, «просвете» (М. Хайдеггер) становятся более четкими цели миссии теологического благовествования, направленной на обоснование институционального и авторитетного присутствия Слова в современном мире.

Напряженность теологической миссии усиливается еще и тем, что его выбор провиденциален, выбор теологом своей миссии означает соприкосновение с Промыслом – здесь то и начинается самый острый момент: только Божественное способно определить теологическую миссию как благодатную. Но само стремление к благодатной реальности, само стремление в благодатную реальность придает теологической миссии духовный смысл и оправдание.

Специфика теологического существования Барта еще и в том, что он акцентирует личностную ответственность теолога перед абсолютными категориями. Личностные обертоны теологического повествования, направленные вовне, резонируют внутри, изменяя уже самого теолога. «Барт считает, – пишет А.В. Ворохобов, – что теология должна говорить не просто о Боге вообще, но лишь о личностном троичном Боге и его природе, сущностными характеристиками которой являются самосущность, самодвижимость, любовь и свобода. Для теолога действие Абсолюта *ad extra* идентично его *opera ad intra*» [Ворохобов, 2009, с. 14]. Личное предстояние в каждом теологическом посыле перед личностным абсолютом есть непреходящая теологическая ситуация и неизбежный теологический способ проживания.

Теологическая задача предстает как воплощение опыта долженствования – «Богословие Барта призывает нас не принимать мир таким, какой он есть, но принять мир таким, каким он должен быть» [Jenson, 1963, p. 187], – но это не радио-опыт, здесь скорее актуальна потаенность бытийного долженствования. Теологическое познание мистериально: каким должен быть мир – полностью неизвестно, но сама неокончателность, открытость теологического вопрошания формирует особый тип миропознания и мироизменения, основанного на деонтологических принципах. Соединенность бытия и долга возникает только в теологическом знании-проживании и только в нем способно найти свое воплощение.

Уникальность теологической экзистенции, по Барту, еще и в том потенциале любви, который непредставим ни в какой другой дисциплине миропознания. Миссия, рождающаяся в любви и любовью, придает теологическим построениям исключительный эпистемологический ракурс. В «Толковании на послание филиппийцам» К. Барт фиксирует познавательность любви: «Павел говорит: любовь должна возрастать, но я *прошу* за вас, чтобы она возрастала *в познании и всестороннем понимании*, дабы различать, что важно. Оба понятия – «принципиальная ясность мысли» и «практически-конкретная способность суждения» – указывают на то, что речь идет о «возрастании» надежности любви к ее *Предмету*.

Чтобы любовь все лучше понимала сама себя...» [Барт, 2010, с. 202]. Теология, тем самым, являет пример результативной эпистемологии любви, где конкретным итогом научного исследования – что невозможно ни в каком ином гносеологическом варианте! – становится выход к благодати.

Благодать выступает условием подлинности теологического выбора. Стремление к благодати и определило всю динамику развития теологических взглядов К. Барта: «Вдохновляясь примером Ансельма, архиепископа Кентерберийского, Барт смягчает свою гносеологическую непримиримость, от абсолютной несовместимости человеческих представлений с истинным знанием о Боге он переходит к признанию принципиальной возможности постижения Бога через веру в Него и в благодать Его Откровения, следовательно, и к возможности самого богословия как выражения этого самооткровения Бога» [Православная энциклопедия...]. Право быть теологом, рожденное благодатью, разрешение самому себе стать теологом, понимание того, что *можно* быть теологом и что можно *быть* теологом – таков урок богословской смелости, преподнесенный Карлом Бартом.

Список литературы

1. Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М., Центр Нарния, 190 с.
2. Барт К. 2016. Послание к Римлянам. М.: Издательство ББИ, 520 с.
3. Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М., ББИ св. апостола Андрея, 306 с.
4. Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 542 с.
5. Кюнг Х. 2000. Великие христианские мыслители. СПб., Алетейя, 442 с.
6. Вороховов А. В. 2009. Религиозно-философские взгляды Карла Барта и Рудольфа Бульмана: сравнительный анализ: дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 24 с.
7. Казем-Бек А. 1972. Христианский путь Карла Барта. Журнал Московской Патриархии, 9: 53–60.
8. Колесников С.А. 2019. Миссия теолога в диалектической философии религии Карла Барта. Научные ведомости Белгородского государственного университета, Т. 4, 2: 56–68.
9. Кьеркегор С. 2005. Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 680 с.
10. Православная энциклопедия. Карл Барт. 2018. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77620.html> (дата обращения 04.06.2019).
11. Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л. 2007. Психологические механизмы и модели «рискового поведения». Труды ИСА РАН. Т. 31: 231–244.
12. Тиллих П. 1925. Диалектическая теология. Путь, 1 (сентябрь): 148–154.
13. Тиллих П. 1995. Теология культуры. М.: Юрист, 479 с.
14. Bromiley Geoffrey W. 1979. Introduction to the Theology of Karl Barth. Edinburgh: T&T CLARK, 253 p.
15. Hunsinger, George. 1991. How to read Karl Barth. The Shape of His Theology. New York, Oxford: Oxford University Press, 298 p.
16. Jenson R.W. 1963. Alfa and Omega. A Study in the Theology of Karl Barth. New York: Nelson & Sons, 176 p.
17. Torrance Thomas F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press, 231 p.

References

1. Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical theology]. Moscow, Centr Narniya, 190 p.
2. Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogma.]. v. I. Moscow, BBI, 520 p.
3. Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to Romans and Philippians]. Moscow, BBI, 306 p.
4. Bart K. 2016. Poslanie k Rimlyanam [The Epistle to the Romans]. Moscow, BBI, 542 p.

5. Kung H. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St.Petersburg, Aletejya, 449 p.
6. Vorohobov A. V. 2009. Religiozno-filosofskie vzglyady Karla Barta i Rudol'fa Bul'tmana: sravnitel'nyj analiz [A Religious-philosophical views of Karl Barth and Rudolf Bultmann: a comparative analysis]: Abstract. dis. ... cand. filosof. sciences. Nizhnij Novgorod, 24 p
7. Kazem-Bek A. 1972. Hristianskij put' Karla Barta [the Christian way of Karl Bart]. Zhurnal Moskovskoj Patriarhii, 9: 53–60.
8. Kolesnikov S.A. 2019. Missiya teologa v dialekticheskoj filosofii religii Karla Barta [The theologian in the dialectical philosophy of Karl Barth's religion]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, v. 4, 2: 56–68.
9. K'erkegor S. 2005. Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k filosofskim kroham [Concluding unscientific PostScript to philosophical crumbs]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ, 680 p.
10. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Karl Bart. 2018. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/77620.html> (accessed: 04.06.2019).
11. Solnceva G. N., Smolyan G. L. 2007. Psihologicheskie mekhanizmy i modeli «riskovogo povedeniya» [Psychological mechanisms and models of "risk behavior"]. Trudy ISA RAN, v. 31: 231–244.
12. Tillih P. 1925. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology]. Put', 1: 148-154.
13. Tillih P. 1995. Teologiya kul'tury [Theology of culture]. Moscow, YUrist, 479 p.
14. Bromiley Geoffrey W. 1979. Introduction to the Theology of Karl Barth. Edinburgh, T&T CLARK, 253 p.
15. Hunsinger, George. 1991. How to read Karl Barth. The Shape of His Theology. New York, Oxford, Oxford University Press, 298 p.
16. Jenson R.W. 1963. Alfa and Omega. A Study in the Theology of Karl Barth. New York, Nelson & Sons, 176 p.
17. Torrance Thomas F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910–1931. London, SCM Press, 231 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod, Russia

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-319-326

Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна

Медведев В.Н., Резник С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1258271@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс проникновения религии ислама в страны Западной Европы, исследованы причины исламизации Европы. Авторы отмечают, что процесс исламизации Европы, начавшийся в эпоху Средневековья, продолжается и в наши дни. Исламский фактор по-прежнему оказывает серьезное влияние на политическую, социальную, культурную и ментальную сферы жизни европейского общества. Анализ последних событий в странах Западной Европы, связанных с атаками исламских террористов, приводит авторов к выводу о том, что в современной Европе действует глобальная антисистема в лице международного исламского терроризма. Опираясь на исследования Л.Н. Гумилева, В.М. Корявцева, В.Л. Махнача и др., посвященных проблематике роли антисистем в духовной и социальной жизни общества, авторы исследуют специфику современных глобальных антисистем, а также взаимосвязь сетевых структур международного исламского терроризма и новых глобальных антисистем.

Ключевые слова: антисистема, терроризм, мультикультурализм, евроислам, сетевые структуры терроризма, новые глобальные антисистемы.

Для цитирования: Медведев В.Н., Резник С.В. 2021. Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 319–326. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-319-326

Radical Islam in modern Europe: anti-systems in the postmodern structure

Vitaly N. Medvedev, Sergey V. Reznik

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: 1258271@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Abstract. In the article, the authors consider the process of penetration of the religion of Islam into the countries of Western Europe, and investigate the reasons for the Islamization of Europe. The authors note that the process of Islamization of Europe, which began in the middle Ages, continues today. The Islamic factor continues to have a serious impact on the political, social, cultural and mental spheres of European society. Analysis of recent events in Western Europe related to attacks by Islamic terrorists leads the authors to the conclusion that in modern Europe there is a global anti-system in the face of international Islamic terrorism. Based on the research of L. N. Gumilyov, V. M. Koryavtsev, V. L. Makhnach and others on the role of anti-systems in the spiritual and social life of society, the authors study the specifics of modern global anti-systems, as well as the relationship between the network structures of international Islamic terrorism and new global anti-systems.

Keywords: anti-system, terrorism, multiculturalism, Euro-Islam, network structures of terrorism, new global anti-systems.

For citation: Medvedev V.N., Reznik S.V. 2021. Radical Islam in modern Europe: anti-systems in the postmodern structure. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(2): 319–326 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-319-326

Введение

Процесс так называемой исламизации Европы начался еще в эпоху Средневековья, когда она испытала сильное влияние со стороны арабо-исламской цивилизации. Без принятых достижений арабо-исламской культуры Европа не могла совершить технологический и культурный рывок, который произошел в эпоху Возрождения. Влияние арабо-исламской культуры прослеживается во многих областях науки и культуры.

Во второй половине XX в. западноевропейские страны испытали на себе мощный приток мигрантов. Вскоре из-за упадка промышленности столкнувшись с безработицей и бедностью, многие из них пополнили ряды радикальных и экстремистских движений. В целом все страны Европы с мусульманским населением можно разделить на две группы: к первой относятся государства, в которых мусульманское население появилось как результат контактов с исламской цивилизацией в периоды Средневековья и Нового времени; ко вторым – те, в которые ислам проник в начале XX в. в результате политики по привлечению рабочей силы.

В первом случае ислам стал частью культуры этих государств, сформировав устойчивую национальную идентичность, позволившую им органично войти в состав членов европейского общества. К числу таких государств относят Албанию, Боснию и Герцеговину, Польшу, Латвию, Литву, Эстонию и другие.

Во втором случае ислам не является частью культуры принявших их государств, что и стало основой конфликтов на этнической и религиозной почве. Одной из причин данных конфликтов можно назвать попытки интегрировать мусульман в европейское общество без изменения характера самого общества. К их числу следует отнести Францию, Великобританию, Германию, Бельгию, Нидерланды, Норвегию, Италию и другие.

В наши дни численный прирост мусульман также серьезно влияет на политическую, социальную, культурную и ментальную сферы жизни Европы, где ислам стал второй по величине религией после христианства. В этой связи некоторые западные исследователи заговорили о постепенном превращении Европы в «Еврабию».

Третья волна

Результатом борьбы за сферу влияния в начале XX века между западными странами и арабским Востоком стало установление контроля европейцев над всем ближневосточным регионом. Как отмечает британский историк и востоковед Льюис Б., «с точки зрения фанатично и решительно настроенных мусульманских меньшинств, уже началась третья волна атак на Европу. Она имеет множество форм, но прежде всего это миграция и террор» [Льюис Б., 2007].

Острая потребность в рабочей силе после Второй мировой войны вызвала поток мигрантов в Европу, что в значительной мере способствовало экономическому развитию европейских государств. Вскоре ситуация изменилась. Переизбыток рабочей силы в 70-е годы XX столетия сделали миграцию серьезной проблемой для Старого Света. В 80-90-е годы XX в. миграционные потоки приобрели стихийный характер. Таким образом, ислам для Европы является далеко не новым явлением, и данная проблема не может разрешиться без консолидации политических усилий всех заинтересованных стран.

Международный исламский терроризм как глобальная антисистема

В конце XX – начале XXI вв. как религия ислама, так и сами мусульмане стали значимым фактором и одним из актуальнейших вопросов для европейских стран. Как отмечает отечественный исследователь И.А. Мальковская, «похоже, именно незападный мир бросает

транскультурный вызов, активно формируя на Западе поликультурное общество на свой манер. <...> Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада, в котором «прецедент» плюрализма стал делом его рук. <...> Французы, немцы, англичане, голландцы все отчетливее видят островки и острова неевропейской культуры на европейской земле» [2005, с. 12].

В странах ЕС был предпринят ряд мер в области политики интеграции иммигрантов, в частности были разработаны принципы, на которых последняя должна осуществляться: «взаимная любезность, т. е. шаг навстречу друг другу всех мигрантов и остальных людей, проживающих в странах – членах Европейского Союза; уважение основных европейских ценностей со стороны мигрантов; базовые знания языка и истории принимающего общества; равноправный доступ к общественным институтам, частным товарам и услугам; частые встречи между мигрантами и гражданами стран; межкультурный диалог, культурно-просветительская работа, интеграционно-дружественные условия; уважение многообразия культур и право на свободу вероисповедания; приобщение к интеграционным мероприятиям во всех важных политических ведомствах и на всех уровнях общественного управления и служб» [Сейтахметова, Жандосова и др., 2013, с. 75]. Тем не менее, указанные принципы по сути являются моральными императивами, и решительных шагов для реализации предпринято не было.

Предположения о том, что стремление к благосостоянию и самореализации подтолкнет иммигрантов-мусульман к интеграции и восприятию западноевропейской системы ценностей, не оправдались. Напротив, в среде мусульман усилилась тенденция к культурной самоизоляции. Какие же причины заставляют мусульман сопротивляться процессу интеграции в европейскую культуру?

Ряд исследователей, как, например, германский политик и член Социал-демократической партии Тило Саррацин, приходят к выводу о том, что причины кроются в низкой конкурентоспособности иммигрантов в системе образования, сфере занятости и трудоустройства, интенсивном росте численности иммигрантов, а также их сильной привязанности к родной культуре [Sarrazin, 2012]. По нашему мнению, поиск причин, препятствующих их ассимиляции, только в данных сферах является слишком поверхностным.

Ситуация в области религиозной политики в разных странах Западной Европы имеет свои особенности. Например, власти Германии стараются подавлять «язык ненависти», прилагая усилия по сохранению благосостояния мусульман. Похожая ситуация прослеживается в Великобритании, где либерально настроенные политики даже были готовы отказаться от рождественских елок, только бы не провоцировать межрелигиозный конфликт. Несколько иначе дело обстоит во Франции.

Следует вспомнить атаку исламских террористов на редакцию скандального журнала Charlie Ebdо после публикации карикатур на пророка Мухаммеда, а также убийство этническим чеченцем Абдуллахом Анзоровым учителя Самюэля Пати, показавшего на уроке те самые карикатуры, которые спровоцировали в 2015 г. убийство десяти сотрудников редакции журнала и двух полицейских.

Как и в первом, так и во втором случаях позиция официального Парижа оказалась крайне жесткой и провокационной. Обезглавленному религиозным фанатиком учителю по-смертно была присвоена высшая награда страны – орден Почетного легиона. Тем самым, с точки зрения мусульман, человека, оскорбившего пророка и сеявшего религиозную рознь, сделали национальным героем. Кроме того, министр внутренних дел Жеральд Дарманен отправился с визитом в Москву с целью убедить власти РФ принять назад «чеченских беженцев». Таким образом мигрантам-мусульманам продемонстрировали, что скорее отправят их обратно, чем пожертвуют своими принципами.

Все вышперечисленное формирует в исламском обществе мнение, что власти видят корень зла не в карикатурах, оскорбляющих чувства верующих, а в мусульманах. Слова президента Э. Макрона «во Франции можно критиковать руководителей, президента, богохульствовать и так далее» вызвали бурную реакцию не только внутри страны, но и далеко

за ее пределами. С критикой политики Э. Макрона выступили лидеры Турции, Пакистана, Чечни. Глава Чечни Рамзан Кадыров назвал Э. Макрона террористом за проведение акции в память об убитом учителе Самюэле Пати. Массовые антифранцузские митинги прошли в Бангладеш. В самой Франции прокатилась волна террористических атак: беспорядки во время церемонии почтения памяти убитого учителя в Нанте; нападение вооруженного ножом религиозного фанатика на посетителей базилики Нотр-Дам-де-Нис в Ницце; вооруженное нападение на прихожан греческой православной церкви в Лионе. В Саудовской Аравии произошло нападение на консульство Франции.

На рубеже XX–XXI вв. «в западном обществе появилось понимание того, что иммигранты-мусульмане предпочитают по собственной воле либо под влиянием определенных обстоятельств не ассимилироваться. Наоборот, они привносят собственные устои и традиции в уличную культуру и, пользуясь западной терминологией, требуют расширения собственных прав с целью консервации этой самобытности» [Цуркан, 2014, с. 132].

Теория мультикультурализма и концепция интеграции мусульман в европейское общество не оправдали ожиданий. Это подтверждают как заявления западноевропейских лидеров (А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози), так и события в современной Европе, описанные выше. Ряд западных журналистов и писателей высказали мнение, что если западноевропейские власти не смогут взять ситуацию под контроль, это может привести к изменению этно-конфессионального состава Европы, и в конечном итоге к формированию новой этнокультурной идентичности. Движущей силой в этом процессе выступают именно исламские радикалы.

Безусловно, говорить об угрозе исламизации Европы в больших масштабах было бы преувеличением. Факты из жизни мусульман Европы свидетельствуют о том, что помимо «относительного благосостояния на Западе у них появилась возможность выбора пределов собственной религиозности, которого они были лишены на родине. И большая часть выбрала "ислам как культурную принадлежность", то есть они продолжают идентифицировать себя в качестве мусульман, но перестают принимать участие в отправлении религиозного культа, что подтверждается статистическими выкладками» [Цуркан, 2014, с. 134].

Следует также отметить стремление примирить культурные устои европейской жизни с нормами ислама, что получило название «модернизация ислама». Сотрудник Оксфордского центра исследований ислама Тарик Рамадан как автор идей «евроислама» приводит ряд аргументов в пользу возможности интеграции мусульман в европейское сообщество, делая упор на то, что в соответствии с принципами ислама домом должно считать то место, где можно беспрепятственно исполнять религиозные предписания.

При том, что идеи евроислама и получили отклик среди части мусульман, нельзя не учитывать тот факт, что в самой Европе имеются сторонники радикальных идей. Хотя авторы концепций модернизации ислама Бессам Тиби и Тарик Рамадан склонны утверждать, что сторонники радикального ислама не имеют широкой поддержки, а количество радикалов сводится к цифре 0,5 %, однако большинство исследователей склоняются к мысли о том, что именно они пользуются большей популярностью у мусульман.

Ситуация осложняется тем фактом, что в рядах сторонников радикального ислама оказались не только иммигранты второго поколения, но и этнические европейцы. Как правило, неопиты в своем стремлении доказать приверженность идее и самоутвердиться в террористической организации оказываются в большей степени подвержены идеологиям радикализма и терроризма.

Исходя из изложенного, можно говорить о том, что в современной Европе действует глобальная антисистема в лице международного исламского терроризма. Проблематике антисистем посвящены работы таких авторов, как Л.Н. Гумилев, В.М. Корявцев, В.Л. Махнач. Впервые термин «антисистема» использовал Л.Н. Гумилев, который определил его как системную целостность людей с негативным мироощущением [2004, с. 518]. В работах С.И. Сулимова, И.В. Черниговских определена специфика антисистемы и ее основное от-

личие от субкультуры и контркультуры. Субкультура есть неотъемлемая часть любой культуры, тогда как контркультура и антисистема представляют собой случайные образования. В отличие от контркультуры, являющейся по сути попыткой создания новой культуры с опорой не принятые в данном обществе ценности, антисистема всегда имеет синкретическое происхождение и ориентирована на противоречивые идеалы коренного переустройства мира [Сулимов, Черниговских, 2012].

Необходимо также отметить тесную связь антисистем и терроризма. Рассмотрению террористической практики антисистем посвящена работа С.И. Сулимова, И.В. Черниговских, Р.А. Черенкова [2012]. Авторы отмечают, что антисистемы возникают в момент кризиса социально-культурной системы. По их мнению, причиной, по которой антисистемы подобные МТО «ИГ» и близкие к ней прибегают к террористическим методам, является практическая несостоятельность их религиозно-философских или социально-политических доктринальных установок.

Специфика новых антисистем

Отечественный историк В.Л. Махнач отмечает специфику новых антисистем: «Они существенно отличаются от прежних тем, что их ненависть обращена не на мироздание вообще, а на конкретную культуру. Именно с такими антисистемами мы имеем дело с XIV века по сию пору» [Махнач, 2008]. Идеология и практика современного исламского терроризма обращена непосредственно против западной культуры.

Необходимо отметить еще одну специфическую черту новых антисистем: «Рождаясь всегда как "гибрид" несовместимых традиций, антисистема в итоге воплощается в создании синтетических квази-религиозных образований, сект, ересей, оккультных практик, а на их основе – подрывных и деструктивных организаций. Различные антисистемы могут иметь различный диапазон действия, будучи настроенными на уничтожение конкретной традиции-системы либо же многих позитивных традиций-систем» [Аверьянов В.В., 2017]. То же самое сейчас наблюдается в современном мире. Как на Западе, так и в сердце исламского мира (Сирия, Ирак) действует глобальная антисистема в лице МТО «ИГ» и близких ей по идеологии террористических организаций, которые по своей сути представляют квази-религиозные образования, имеющие мало общего с классическим исламом и использующих религию для реализации своих политических целей.

Антисистема существует как сетевая структура, внутри которой может действовать множество разных организаций, ячеек и т. д. Один из элементов данной сети может одновременно использоваться в деятельности множества структурных образований, характеристики которых сходны с сетевыми структурами участников глобального джихада. Подробный анализ сетевых структур терроризма был осуществлен западным исследователем М. Сейджманом [2008, с. 216].

Еще одна характерная черта, которая роднит сетевые структуры международного исламского терроризма и новые глобальные антисистемы: «антисистема представляет собой псевдоэтническую целостность, поскольку стремится к подмене и отрицанию любой этнической традиции, внедряя в сознание своих членов собственную жизнеотрицающую идеологию, которая однако не может принять собственно форму традиции и привести к формированию на основе антисистемы полноценного этноса, поскольку антисистема отрицает традицию как таковую...» [Корявцев М.П., 2004]. Современные террористические организации исламистского типа объединяют в своих рядах представителей различных народов. Ярчайшим примером попытки создания такой псевдоэтнической целостности является МТО «ИГ», ряды которой регулярно пополнялись не только представителями народов, традиционно исповедующих ислам, но и этническими европейцами.

МТО «ИГ» возвещая устами своих лидеров о строительстве «идеального исламского государства» являет собой пример типичной антисистемы нового типа. Ведь антисистема

«вечно стремясь к светлому (или темному – в зависимости от конкретной реализации) будущему никогда его не достигает, уничтожая саму себя, поскольку антисистема, разрушая другие системы, сама является также системной целостностью, и, следовательно, подлежит уничтожению с позиций собственной идеологии, которая благодаря этому исчезает вместе с антисистемой» [Корявцев, 2004]. Таким образом, антисистема создает своего рода иллюзию мечты о светлом будущем (новом халифате, идеальном теократическом государстве и т.д.). Формируется «не положительная, а отрицательная идентичность, имитация идентичности или идентичность-функция – аналог идентичности вируса или злокачественной опухоли, смысл и срок существования которой исчерпывается разрушением более совершенных систем «организма-хозяина»» [Аверьянов В.В., 2017].

Структура МТО «ИГ» в Сирии и Ираке сравнима с описанной Л.Н. Гумилевым химерой Хазарского каганата. Лидеры самопровозглашенного халифата подчиняются управлению из других государств, а основная масса рекрутов состоит из представителей народов, которые порвали со своими традициями. Таким образом, труды Л.Н. Гумилева в наше время не только не утратили своей актуальности, но и приобрели новое, актуальное звучание.

Следствием террористических атак во Франции, в Австрии явился акцент их руководства на непримиримую борьбу с терроризмом. К примеру, французский государственный деятель, лидер политической партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен призвала силой изгнать исламизм из страны. Депутат итальянского парламента от правой партии «Лига Севера» Андреа Пикелли призвал посмотреть правде в глаза и не пытаться всегда оставаться политкорректными. Следует отметить, что европейские политики все же четко представляют разницу между понятиями «ислам» и «исламизм». Вместе с тем остается открытым вопрос понимания этой разницы проживающими в Европе мусульманами.

Сложный выбор Европы

В настоящий период Европа оказалась перед сложным выбором, когда в стремлении противостоять терроризму есть вероятность подрыва незыблемости базовых принципов, которыми гордится западная цивилизация. В создавшихся условиях сама свобода слова стала камнем преткновения. Возникает вопрос о её границах. Где заканчивается свобода слова и начинается пропаганда религиозного терроризма или оскорбление чувств верующих?

Серьезная опасность антисистем в лице международного терроризма заключается не только в том, что террористические акты могут посеять среди населения Европы страх и недоверие к властям, но и вызвать настроения ксенофобии и исламофобии. Уже сейчас в странах ЕС набирают популярность партии, призывающие к пересмотру политики в отношении иммигрантов и декларирующие откровенно антиисламские лозунги, что выгодно прежде всего самим джихадистам, в целях провоцирования конфликтных ситуаций между коренными европейцами и мусульманским меньшинством.

Необходимо отметить также тот факт, что антисистема существует как целое, а, следовательно, нельзя отождествлять с антисистемой отдельных ее членов, как и возлагать на них всю полноту ответственности за ее действия. Современная Европа не может, да и не будет бороться с антисистемой средневековыми методами, т.е. путем физического уничтожения всех её членов. Поскольку антисистема с точки зрения теории антисистем Л.Н. Гумилева все же является равноправным продуктом процесса этногенеза, как например этнос или химера, поэтому следует стремиться не к уничтожению антисистем, а к поиску путей их нейтрализации на начальных стадиях возникновения и недопущения возникновения условий, при которых это становится возможным.

Заключение

В основополагающей для теории антисистем работе Л.Н. Гумилева «Этносфера: история людей и история природы» отмечено, что антисистемы могут побеждать политически и экономически, но не идеологически. Причина заключается в том, что в силу природных

закономерностей негативное мироощущение не может стать доминирующим для большинства людей. В нынешних условиях антисистемы скорее всего займут выжидательную тактику до момента, когда возникнут условия для их самореализации, например, ситуация социальной нестабильности.

Исходя из вышеизложенного, следует резюмировать, что одной из основных причин радикализации ислама в современной Европе является действие глобальной антисистемы в лице международного исламского терроризма, основными характерными чертами которой являются: направленность идеологии и практики современных антисистем против конкретной культуры, в данном случае западной; возникновение и существование в форме квазирелигиозного образования, не имеющего ничего общего с классическим исламом и использующего религию для реализации своих политических целей; формирование отрицательной идентичности (идентичности вируса), смысл существования которой заключается в дискредитации и разрушении более естественных и совершенных систем.

Список литературы

1. В.В. Аверьянов, А.В. Елисеев, А.Ю. Комогорцев, М.В. Медоваров. 2017. Русская цивилизация против антисистем. Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/14417#a4> (дата доступа: 25.12.2020)
2. Бат Йеор (Жизель Литман) 1985. Зимми: христиане и евреи под властью ислама. Fairleigh Dickinson University Press. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=12810&p=1>. (дата доступа: 25.12.2020)
3. Гумилёв, Л.Н. 1993. Этносфера: история людей и история природы. М., Прогресс, Изд. «Пангея», 543 с.
4. Корявцев М.П. 2004. Философия антисистем. Опыт приложения теории этногенеза. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20040528142549/http://antisys.narod.ru/antisys.html#11>(дата доступа: 25.12.2020)
5. Льюис Б. 2007. Последнее наступление ислама?: борьба за мировое господство между христианством и исламом. Россия в глобальной политике, 5: 162–172. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/poslednee-nastuplenie-islama/> (дата доступа: 25.12.2020)
6. Мальковская И.А. 2005. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. СОЦИС, 12 (260): 3–12.
7. Махнач В.Л., Елишев С.О. 2008. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М., ОЛМА Медиа Групп, 288 с.
8. Сейджман М. 2008. Сетевые структуры терроризма. М., Идея-Пресс, 218 с.
9. Сулимов С.И., Черниговских И.В. 2012. Антисистема и контркультура. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 8-1 (22): 194–198.
10. Сулимов С.И., Черниговских И.В., Черенков Р.А. 2019. Антисистемность и терроризм: проблема взаимосвязи. Наука. Искусство. Культура, 3 (23): 115–126.
11. Трухачёв В.В. 2020. Франция споткнулась о несовместимость ценностей. Режим доступа: <https://vz-ru.turbopages.org/vz.ru/s/opinions/2020/10/30/1067851.html> (дата доступа: 25.12.2020)
12. Сейтахметова Н.Л., Жандосова Ш.М., Курмангалиева Г.К., Соловьева Г.Г., Мансурова А.С., Назарбетова А.К. 2013. Евроислам как диалогическая стратегия современности (к философскому вопросу о диалоге культур) – Алматы, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 162 с.
13. Цуркан А.А. 2014. Европа: исламский радикализм vs. модернизация религии. Современная Европа, 2(58): 131–142.
14. Sarrazin T. 2012. Germany: self-destruction. М., Reid Group, 464 p.

References

1. V.V. Aver'yanov, A.V. Eliseev, A.YU. Komogorcev, M.V. Medovarov. 2017. Russkaya civilizaciya protiv antisistem. [Russian Civilization against Anti-systems]. Access mode: <https://izborsk-club.ru/14417#a4>

2. Bat-Jeor (ZHizel' Litman) 1985. Zimmi: hristiane i evrei pod vlast'yu islama. [Zimmi: Christians and Jews under the rule of Islam]. Fairleigh Dickinson University Press. Access mode: <https://www.litmir.me/br/?b=12810&p=1-> (in Russian)
3. Gumilev L. N. 1993. Etnosfera: istoriya lyudej i istoriya prirody [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]. Moscow, Progress, Publishing house "Pangea", 543 p.
4. Koryavcev M.P. 2004. Filosofiya antisistem. Opyt prilozheniya teorii etnogeneza [The philosophy of anti-systems. Experience in applying the theory of ethnogenesis]. Access mode: <https://web.archive.org/web/20040528142549/http://antisys.narod.ru/antisys.html#11>
5. Lewis B. 2007. Poslednee nastuplenie islama?: bor'ba za mirovye gospodstvo mezhdru hristianstvom i islamom. [Islam's latest offensive?: the struggle for world domination between Christianity and Islam]. Rossiya v global'noj politike, 5: 162-172. Access mode: <https://globalaffairs.ru/articles/poslednee-nastuplenie-islama/> (in Russian)
6. Mal'kovskaya, I.A. 2005. Globalizaciya i transkul'turnyj vyzov nezapadnogo mira. [Globalization and the transcultural challenge of the non-Western world]. SOCIS, 12(260): 3–12.
7. Mahnach V.L., Elishev S.O. 2008. Politika. Osnovnye ponyatiya: spravochnik, slovar' [Politics. Basic concepts: handbook, dictionary]. Moscow, OLMA Media Group, 288 p.
8. Sejdzhman M. 2008. Setevye struktury terrorizma [Network structures of terrorism]. Moscow, Publ. Ideya-Press, 218 p. (in Russian)
9. Sulimov S.I., CHernigovskih I.V. 2012. Antisistema i kontrkul'tura. [Anti-system and counterculture]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 8-1 (22): 194–198.
10. Sulimov, S.I., CHernigovskih, I.V., CHerenkov, R.A. 2019. Antisistemnost' i terrorizm: problema vzaimosvyazi. [Anti-systemism and terrorism: the problem of interrelation]. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Vypusk 3 (23): 115-126.
11. Truhachyov V.V. 2020. Franciya spotknulas' o nesovmestimost' cennostej. [France stumbled on the incompatibility of values]. Access mode: <https://vz-ru.turbopages.org/vz.ru/s/opinions/2020/10/30/1067851.html>
12. Seitakhmetova N. L., Zhandosova Sh. M., Kurmangalieva G. K., Solovyova G. G., Mansurova A. S., Nazarbetova A. K. 2013. Evroislam kak dialogicheskaya strategiya sovremennosti (k filosofskomu voprosu o dialoge kul'tur). [Euro-Islam as a dialogic strategy of modernity (on the philosophical question of the Dialogue of cultures)]. Almaty, Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 162 p.
13. Tsurkan A. A. 2014. Evropa: islamskij radikalizm vs. modernizaciya religii. [Europe: Islamic Radicalism vs. modernization of religion]. Sovremennaya Evropa, 2(58): 131–142.
14. Sarrazin T. 2012. Germany: self-destruction. M., Reid Group, 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медведев Виталий Николаевич, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Резник Сергей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly N. Medvedev, Postgraduate student, Department of philosophy and theology, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

Sergey V. Reznik, PhD, associate Professor of the Department of philosophy and theology, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-327-335

Принципы механизма реализации национальных интересов: система и особенности

¹⁾Беляев В.П., ²⁾Бидова Б.Б.

¹⁾ Юго-Западный государственный университет, Россия, 305040,
г. Курск, ул. 50 лет Октября, 96

²⁾ Чеченский государственный университет,
Россия, 364093, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32
E-mail: belvp46@mail.ru

Аннотация. В основу формирования и характеристики принципов механизма реализации национальных интересов авторами положены принципы права, правовые принципы, принципы механизма государства и его аппарата, а также официальные документы и судебная практика. В систему принципов механизма реализации национальных интересов вошли общеправовые (включая конституционные) и специальные (межотраслевые, отраслевые и институциональные) принципы; все они охарактеризованы. Конституционными принципами механизма реализации национальных интересов выступают приоритет прав и свобод человека и гражданина; народовластие; федерализм; разделение властей; законность: в качестве специальных – принципы системности и комплексности применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности.

Ключевые слова: начало, основания, правило, принципы, правовая основа, система, механизм, национальные интересы

Для цитирования: Беляев В.П., Бидова Б.Б. 2021. Принципы механизма реализации национальных интересов: система и особенности. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права. 46 (2): 327–335. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-327-335

Principles of the national interest mechanism: system and features

¹⁾ Valery P. Belyaev, ²⁾ Bela B. Bidova

¹⁾ Southwestern State University,
96 50 years of October St, Kursk, 305040, Russian Federation

²⁾ Chechen State University,
32 A. Sheripova St, Grozny, 364093, Russian Federation
E-mail: belvp46@mail.ru

Abstract. The authors base the formation and characterization of the principles of the mechanism for implementing national interests on the principles of law, legal principles, principles of the mechanism of the state and its apparatus, as well as official documents and judicial practice. The system of principles of

the mechanism for the realization of national interests includes general legal (including constitutional) and special (intersectoral, sectoral and institutional) principles; all of them are characterized. The constitutional principles of the mechanism for the realization of national interests are: priority of human and civil rights and freedoms; popular power; federalism; separation of powers; legality. The principles of systematic and complex application by federal authorities, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, other state bodies, local self-government bodies of political, organizational, socio-economic, information, legal and other security measures are special.

Keywords: beginning, grounds, rule, principles, legal framework, system, mechanism, national interests

For citation: Belyaev V.P., Bidova B.B. 2021. Principles of mechanism of realization of national interests: system and peculiarities. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 45 (2): 327–335 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-327-335

Введение

Общеправовую характеристику принципов механизма реализации национальных интересов предварим несколькими замечаниями.

Во-первых, с нашей точки зрения, принципы не следует включать в элементный состав (структуру) исследуемого механизма. Вместе с тем общеправовой подход к изучению механизма реализации национальных интересов и его полная характеристика обуславливают необходимость изучения его принципов.

Во-вторых, поскольку механизм реализации национальных интересов – это правовая категория (явление, образование, но – правовое), то, безусловно, в основу его функционирования должны быть положены именно правовые принципы (принципы права). Заметим, что относительно соотношения этих понятий разделяем точку зрения А.Л. Захарова, который отмечает, что «некорректно разделять принципы права и правовые принципы», он считает их синонимами [Захаров, 2003, с. 19].

В-третьих, своеобразие (оригинальность) изучаемого механизма заключается в том, что реализация национальных интересов посредством данного механизма осуществляется как на основе принципов права (правовых принципов), так и с учетом принципов механизма государства, государственного механизма (аппарата), поскольку государство является основным субъектом механизма реализации национальных интересов, а также его механизм сопряжен с механизмом реализации национальных интересов [Беляева, 2020].

Понятие и система принципов механизма реализации национальных интересов

Отметим, что принципы вообще – это начало, основание, основное правило, руководящее начало и т.д. В методологическом плане при формировании системы принципов механизма реализации национальных интересов таковыми следует считать руководящие идеи, базовые положения и основные начала, определяющие регламентированные нормами права основные направления деятельности государства (государственно-властных органов), общественных институтов и т.д. Правовые принципы, принципы права, принципы государства и его механизма (аппарата) фактически составляют правовую основу для формулирования и формирования системы принципов данного механизма.

В систему принципов механизма реализации национальных интересов (как совокупной общности каждого в отдельности) должны входить те, которые имеют соответствующую специфику, особенности и т.п.

Проведенный обзор научных подходов и собственное мнение позволяет сформулировать следующее определение: принципы механизма реализации национальных интересов – это исходные начала, определяющие идеи, основные (базовые) положения, создающие целеполагание, направленность и процедурно-процессуальный порядок деятельности гос-

ударства, государственно-властных и общественных организаций и институтов в направлении создания необходимых условий для удовлетворения объективно значимых потребностей личности, общества и государства, их защищенности и перспективного устойчивого развития, то есть успешной реализации национальных интересов.

Отталкиваясь от такого определения, приступим к формированию системы принципов механизма реализации национальных интересов и их характеристике. В систему указанных принципов считаем возможным включить следующие.

Во-первых, общие принципы (назовем их общеправовыми) как наиболее главные, базовые положения, ведущие начала механизма реализации национальных интересов. Ряд общих принципов, таких как законность, равноправие граждан и другие, получили свое закрепление в Конституции РФ, отсюда и их название – конституционные принципы. К примеру, в Постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации» сформулирована следующая правовая позиция Конституционного Суда РФ: «Общие принципы права, в том числе воплощенные в Конституции Российской Федерации, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки правомерности всех нормативных актов... Конституционный Суд Российской Федерации не может отрицать возможность прямого применения иными судами... общих принципов права»¹.

Во-вторых, специальные принципы, представленные тремя основными уровнями – межотраслевым, отраслевым и институциональным, исходя из принятого в теории права подхода к классификации принципов права.

Конституционные принципы механизма реализации национальных интересов

В соответствии с изложенным в систему принципов механизма реализации национальных интересов, прежде всего, включим конституционные принципы, связанные исключительно с текстом Конституции РФ.

Заметим, что на сегодняшний день общеизвестен приоритет интересов личности как одного из элементов содержания национальных интересов. Поэтому вначале назовем принципы конституционно-правового статуса личности, имеющие непосредственное отношение к реализации (и механизму) интересов личности (субъектов права): а) всеобщность и неотчуждаемость прав и свобод (ст. 17 Конституции РФ); б) принцип непосредственного действия прав и свобод (ст. 18 Конституции РФ); в) принцип равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ); г) принцип государственной защиты прав и свобод (ст. 45 Конституции РФ).

Наряду с названными принципами, с учетом того, что интересы личности должны соотноситься с интересами государства, а последнее (вместе с его властными органами), в свою очередь, является одним из основных субъектов механизма реализации национальных интересов, вычленим из системы конституционных принципов те, которые относятся конкретно к реализации национальных интересов. Такими принципами выступают: а) приоритет прав и свобод человека и гражданина; б) народовластие; в) федерализм; г) разделение властей; д) законность.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 5. Ст. 403.

Несколько подробнее остановимся на рассмотрении такого важнейшего принципа, как законность.

В теории права законность, ее сущность, состоит в том, что всеми органами государства и должностными лицами при исполнении своих полномочий должны строжайшим образом соблюдаться требования закона; каждому гражданину должны быть гарантированы неприкосновенность, реализация своего правового статуса и неотвратимость юридической ответственности за любое правонарушение [Шершеневич, 2005].

Законность заключается в трех основных аспектах: а) обеспечении и гарантированности со стороны государства и его органов; б) направленности на соблюдение прав и свобод граждан и их объединений; в) общественно-полезном результате – создании необходимых условий для благополучного существования общества. Фактически все три названные аспекты обуславливают успешную реализацию национальных интересов, функционирование их механизма. Причем и сама законность, в свою очередь, основывается на таких принципах, как гуманизм, справедливость, верховенство закона, неотвратимость ответственности и других.

Относительно механизма реализации национальных интересов принцип законности находим в подавляющем большинстве нормативно-правовых актов, устанавливающих состояние защищенности интересов личности, общества и государства в экономической, экологической, военной, информационной и иных сферах; он также реализуется в правоприменительной деятельности государственных органов, обеспечивающих защиту и охрану прав и свобод граждан.

О взаимосвязи законности и интересов сказал Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020: «У нас не может быть какой-то своей доморощенной законности в одном и в другом регионе, а значит, прокурор – это сквозная верховная власть, следящая за исполнением этих законов вне зависимости ни от каких обстоятельств регионального характера. Убежден, большая независимость прокуратуры от местных властей, безусловно, в интересах граждан, в каком бы субъекте они ни проживали. Уважаемые коллеги, давайте руководствоваться прежде всего их интересами – интересами наших людей; ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система – Конституционный и Верховный Суды»¹.

Характеристику конституционных принципов механизма реализации национальных интересов закончим суждением Г.А. Гаджиева о том, что «государство, которое радикально меняет свои представления о содержании конституционных принципов и, что гораздо опаснее, старается приспособить их к текущей политической ситуации, не может считаться сильным» [Гаджиев, 2004, с. 9].

Специальные принципы механизма реализации национальных интересов

Механизм реализации национальных интересов функционирует и на основе иных принципов (нами они названы специальными), закрепленных, в частности, в Законе «О безопасности» (Закона РФ от 5 марта 1992 г. с последующими редакциями) и получивших свое развитие в федеральном законодательстве.

В их числе назовем принципы системности и комплексности применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ Дата доступа: 15.04.2021.

Принцип системности означает целенаправленную согласованную деятельность соответствующих субъектов по прогнозированию, определению национальных угроз, планированию мер по их преодолению, созданию условий для состояния защищенности жизненно важных потребностей и интересов, в том числе и как основы для дальнейшего устойчивого развития и применению контрольных мероприятий по факту реализации данных мер. В науке отмечается, что системность отвечает за структурированность проблемы и ее решения по вертикали и характеризуется субординационными связями; комплексность рассматривает проблему «по горизонтали» и тяготеет к координационным связям [Огарков, 2017, с. 28].

Комплексность, в свою очередь, отвечает за полноту, всесторонность и взаимосвязанность функционирования всех составляющих компонентов механизма реализации национальных интересов, согласованность направленности соответствующей деятельности.

Роль и значение этих принципов для функционирования рассматриваемого механизма заключается в том, что они создают реальные предпосылки для обеспечения защищенности жизненно важных потребностей личности, общества и государства и их устойчивого развития. Характерно, что данное требование впервые получило законодательное закрепление и свидетельствует, с одной стороны, о принципиально новом государственном подходе к оценке угроз национальной безопасности, и, следовательно, защищенности национальных интересов, и с другой – о необходимости консолидации деятельности всех государственных и общественных структур для создания условий для обеспечения потребностей личности, общества и государства, то есть реализации национальных интересов.

Еще одним принципом механизма реализации национальных интересов выступает приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности; применительно к теме настоящего исследования – обеспечения защищенности национальных интересов личности, общества и государства.

Данный принцип практически реализуется в повседневной деятельности государства и его органов и выражается в последовательном решении соответствующих задач: «прогнозировании возможных угроз безопасности; выявлении, анализе и оценке возникших реальных угроз безопасности; принятии решений и организации деятельности по реагированию на возникшие угрозы; организации деятельности по предупреждению возможных угроз (превентивные меры); постоянном совершенствовании системы обеспечения безопасности – состояния защищенности национальных интересов» [Беляев, Чапчиков, 2018, с. 164].

Характерно, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015 года) как раз и включает в себя систему предупредительных мер, подлежащих реализации в процессе повседневной, непрерывной и регулярной работы всех государственных органов и институтов гражданского общества в целях предотвращения угроз национальным интересам для обеспечения соответствующих условий их эффективной реализации.

Следующий принцип – взаимодействие в обеспечении защищенности национальных интересов, думается, нуждается в определенной корректировке. Речь должна идти не только о взаимодействии, но и о координации деятельности всех субъектов механизма реализации национальных интересов – Президента РФ, палат Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Совета Безопасности РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления, международных организаций, общественных объединений и граждан.

При рассмотрении принципов механизма реализации национальных интересов обратим внимание на тот факт, что Закон «О безопасности» в новой редакции 2010 года не закрепил в системе принципов обеспечения безопасности такие важнейшие из них, как соблюдение жизненно важных интересов личности, общества и государства и взаимную ответственность, которые прежде существовали (Закон 1992 года) [Belyaev, 2018, p. 912–916].

По нашему мнению, отсутствие данных законоположений (принципов) может способствовать отстранению граждан и институтов гражданского общества от решения жизненно важных вопросов обеспечения защищенности своих потребностей и интересов, концентрации власти исключительно в руках государства, что недопустимо в условиях демократического правового государства.

В правовой науке высказано мнение и о таком принципе, как принцип выражения в праве воли и интересов народа, который «является одним из наиболее социально значимых идеалов современного цивилизованного права. Он требует, чтобы выраженная в нормах законодательства государственная воля максимально соответствовала бы потребностям и интересам классов, социальных слоев гражданского общества. Это сообщает праву черты легитимности, повышает его социальную чувствительность и общий престиж. Современный образ права как средства и результата социального компромисса, сложившегося в процессе демократического правотворчества, позволяет говорить о сложной, многоступенчатой процедуре отражения и закрепления в законодательстве воли и интересов широких слоев населения» [Воппенко, 2009, с. 63]. В таком подходе к сущности названного принципа учтены и потребности, и интересы, и их закрепление в законодательстве, что позволяет включить его в систему принципов изучаемого механизма.

В качестве принципа механизма реализации национальных интересов назовем и принцип оптимального и рационального соотношения потребностей и интересов. Речь идет о выработке на основе права оптимального баланса имеющихся в обществе потребностей, причем объективных, и национальных интересов. Только сбалансированность насущных объективных потребностей и национальных интересов, отсутствие дисбаланса между ними, должные научное прогнозирование и соответствующий мониторинг способны обеспечить эффективность механизма реализации национальных интересов [Беляев и др., 2019].

В систему принципов механизма реализации национальных интересов включим и соблюдение (достижение) баланса интересов личности, общества и государства [Матузов, 2010]. Думается, что суть этого принципа предельно ясна (также этому вопросу в настоящей работе внимание уделялось), а его значимость подчеркнута в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.», где отмечена необходимость соблюдения баланса между законными интересами лица, права и свободы которого ограничены, и законными интересами иных лиц, государства и общества¹.

Принцип взаимной ответственности государства и личности характерен для правового государства; в противном случае он будет носить характер декларации, лозунга, и в механизме реализации национальных интересов станет простой формальностью [Belyaeva, 2019].

Содержание этого принципа, пусть и не в конкретно названной формулировке, вытекает из ст. 2, 18, 45, 46, 52, 53, 55 Конституции РФ. Сюда же можно присовокупить практически сложившуюся судебную систему обжалования действий и бездействия органов власти и должностных лиц, а также возможности прокурорского надзора и возмещения ущерба (вреда) личности, причиненного незаконной деятельностью государственных органов и их должностных лиц.

Особо укажем на такой принцип, как принцип справедливости, который имеет самое непосредственное значение (влияние) для успешной «работы» механизма реализации национальных интересов. По своей значимости его можно причислить к разряду конституционных (хотя в Конституции РФ справедливость упоминается только в ее преамбуле); в нем взаимосвязаны нравственная и правовая сущность.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.» [Электронный ресурс]. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70304382/> Дата доступа: 15.04.2021.

Конкретную и четкую формулировку сущности этого принципа предлагает Т.В. Милушева: «Принцип справедливости обладает высшей степенью нормативной обобщенности, в какой-то мере предопределяет содержание других принципов, носит универсальный характер и в связи с этим оказывает регулирующее воздействие на все сфер общественных отношений. <...> Иными словами, справедливость проявляется в других ценностях, но устанавливает их иерархию и соотношение между ними. Конкретное преломление тех или иных ценностей подлежит проверке на предмет справедливости» [Милушева, 2010, с. 203].

Вспомним и такие слова президента РФ В.В. Путина: «...Говоря о справедливости, следует иметь в виду не печально известную формулу "все отнять и поделить", а открытие широкий и равных возможностей для всех. Успеха – для всех. Лучшей жизни – для всех»¹.

В заключение укажем и на принцип неотвратимости юридической ответственности, сущность которого заключается в обязательном установлении (и применении) мер юридической ответственности за любые противоправные деяния, обязательное соблюдение правовых норм и неотвратимое реагирование уполномоченных субъектов на совершение правонарушения и применение к правонарушителю соответствующих мер юридической ответственности.

Назначение этого принципа состоит в обязанности субъекта права соблюдать санкционированные государством правила поведения; в случае нарушения этих правил любой субъект, независимо от своего социального статуса, должен понести (претерпеть) соответствующие меры юридической ответственности. При этом надо иметь в виду, что юридическая безответственность снижает эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности, поскольку правонарушение, как и лицо, его совершившее, уклоняется от мер юридической ответственности.

Как представляется, сформированная и охарактеризованная система основных и специальных принципов механизма реализации национальных интересов позволяет ему эффективно функционировать в направлении их достижения, осуществления, претворения в жизнь.

Заключение

Заканчивая формирование и характеристику системы принципов механизма реализации национальных интересов, подчеркнем, что они имеют объективный характер, хотя и не всегда создаются правом, но основываются на закономерностях развития общества и правовых отношений в нем. Особая роль принципов в механизме реализации национальных интересов детерминирована тем, что их соблюдение (использование, применение) выступает одновременно и оценкой результатов соответствующего механизма, и эталоном оценки действующего законодательства, а также перспективным ориентиром дальнейших правовых преобразований в направлении повышения эффективности правового обеспечения национальных интересов.

Список литературы

1. Беляева Г.С. 2020. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов. Вестник Чеченского государственного университета, 2: 138–143.
2. Захаров А.Л. 2003. Межотраслевые принципы права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: 130–137.
3. Шершеневич Г.Ф. 2005. О чувстве законности. Российский юридический журнал, 4: 29–35.
4. Гаджиев Г.А. 2004. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). Москва, Юристъ, 286 с.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2005. 26 апреля.

5. Огарков А.А. 2017. Принципы управления. Волгоград, Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. 57 с.
6. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. 2018. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения: общетеоретический ракурс. Москва, Юстицинформ. 258 с.
7. Вoppenko Н. Н. 2009. Очерки общей теории права. Волгоград, Издательство ВолГУ. 898 с.
8. Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б., 2019. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции. Право и государство: теория и практика, 8 (176): 52–54.
9. Матузов Н.И. 2010. Принципы права как объект научного исследования. В кн.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права: 11–28.
10. Милушева Т.В. 2010. Принцип справедливости в контексте правового ограничения государственной власти. В кн.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права: 199–217.
11. Belyaev V.P., Chapchikov S.Y., Belyaeva G.S., Butova E.V., Krylova Y.A., 2018. Conceptual foundations of legal security and its provision: evolution of approaches. Journal of Advanced Research in Law and Economics, 3: 912–916.
12. Belyaeva G.S., Dyumina A.A., Kuksin I.N., Belyaev V.P., Bidova B.B., 2019 Peculiarities of national interests institutionalization in the north american tradition: history and modernity. Humanities and Social Sciences Reviews, 4: 805–808.

References

1. Belyaeva G.S. 2020. K voprosu o mekhanizme obespecheniya realizacii nacional'nyh interesov [On the National Interest Enforcement Mechanism]. Vestnik CHEchenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2: 138–143.
2. Zaharov A.L. 2003. Mezhotraslevye principy prava [Cross-sectoral principles of law]: dis. ... kand. jurid. nauk. Samara: 130–137 (in Russian).
3. SHershenevich G.F. 2005. O chuvstve zakonnosti [About a sense of legality]. Rossijskij juridicheskij zhurnal, 4: 29–35.
4. Gadzhiev G.A. 2004. Konstitucionnye principy rynochnoj ekonomiki (Razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii) [Constitutional principles of a market economy (Development of the foundations of civil law in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moskva, Publ. YUrist", 286 p.
5. Ogarkov A.A. 2017. Principy upravleniya [Management Principles]. Volgograd, Publ. Volgogradskogo instituta upravleniya – filiala RANHiGS. 507 p.
6. Belyaev V. P., CHapchikov S. YU. 2018. Nacional'naya bezopasnost' i mekhanizm ee obespecheniya: obshcheteoreticheskij rakurs [National Security and Its Mechanism: A General Theoretical Perspective]. Moskva, Publ. YUsticinform. 258 p.
7. Voplenko N. N. 2009. Ocherki obshchej teorii prava [Essays on the general theory of law]. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU. 898 p.
8. Belyaev V.P., Belyaeva G.S., Bidova B.B., 2019. K voprosu o ponyatii nacional'nyh interesov i osobennostyah ih juridicheskogo zakrepleniya v severoamerikanskoj tradicii [On the concept of national interests and the peculiarities of their legal consolidation in the North American tradition]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 8 (176): 52–54.
9. Matuzov N.I. 2010. Principy prava kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya. [Principles of law as an object of scientific research] In: Principy rossijskogo prava: obshcheteoreticheskij i otraslevoj aspekty [Principles of Russian law: general and sectoral aspects]. Ed. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. Saratov, Publ. Saratovskogo gosudarstvennoj akademii prava: 11–28.
10. Milusheva T.V. 2010. Princip spravedlivosti v kontekste pravovogo ogranicheniya gosudarstvennoj vlasti. [The principle of fairness in the context of the legal limitation of state power]. In: Principy rossijskogo prava: obshcheteoreticheskij i otraslevoj aspekty [Principles of Russian law: general and sectoral aspects] / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. Saratov, Publ. Saratovskogo gosudarstvennoj akademii prava: 199–217.

11. Belyaev V.P., Chapchikov S.Y., Belyaeva G.S., Butova E.V., Krylova Y.A., 2018. Conceptual foundations of legal security and its provision: evolution of approaches. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 3: 912–916.

12. Belyaeva G.S., Dyumina A.A., Kuksin I.N., Belyaev V.P., Bidova B.B., 2019. Peculiarities of national interests institutionalization in the north american tradition: history and modernity. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 4: 805–808.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Валерий Петрович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Бидова Бэла Бертовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery P. Belyaev, Professor, Doctor of Law, Professor, Department of State Theory and History and Law, Southwestern State University, Kursk, Russia

Bela B. Bidova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Chechen State University, Grozny, Russia

УДК 342.565.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-336-342

Новое правовое регулирование института конституционной жалобы в Российской Федерации: тенденции и проблемы

Брежнев О.В.

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Россия, 305044, г. Курск, ул. Станционная, 9
E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция относительно тенденций, связанных с совершенствованием законодательного регулирования института конституционной жалобы в РФ. Автором выстраивается логическая цепь рассуждений, включающая в себя характеристику произошедших изменений регламентации исследуемого института, определение соответствующих позитивных и негативных следствий таких изменений на основе диалектической методологии. Сделаны выводы о последовательной реализации законодателем подхода к конституционной жалобе как особому, экстраординарному средству защиты прав и свобод граждан, который реализуется субсидиарно: лишь тогда, когда иные способы защиты (в т. ч. судебной) не привели к восстановлению нарушенных прав. Одновременно обосновывается точка зрения о том, что правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся интерпретации отдельных элементов института конституционной жалобы, выраженные в его решениях, также служат своеобразным ориентиром для законодателя при разработке новых норм в исследуемой области.

Ключевые слова: конституция, конституционная жалоба, законодательство, правосудие, контроль, права, свободы, защита.

Для цитирования: Брежнев О.В. 2021. Новое правовое регулирование института конституционной жалобы в Российской Федерации: тенденции и проблемы. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(2): 336–342. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-336-342

New legal regulation of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation: trends and problems

Oleg V. Brezhnev

Kursk Academy of State and Municipal Service,
9 Stacionnaya St, Kursk, 305044, Russia
E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of sources, the article presents the author's position on the trends associated with the improvement of legislative regulation of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation. The author build a logical chain of reasoning, which includes a characteristic of the changes that have occurred in the regulation of the institution under study, the determination of the corresponding positive and negative consequences of such changes on the basis of dialectical methodology. Conclusions are made about the consistent implementation by the legislator of the approach to a constitutional complaint as a special, extraordinary means of protecting the rights and freedoms of citizens, which is implemented subsidiary: only when other methods of protection (including judicial) did not lead to the restoration of violated rights. At the same time, the point of view is substantiated

that the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the interpretation of individual elements of the institution of constitutional complaint, expressed in its decisions, also serve as a kind of guideline for the legislator when developing new norms in the area under study.

Keywords: constitution, constitutional complaint, legislation, justice, control, rights, freedoms, protection.

For citation: Brezhnev O.V. 2021. New legal regulation of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation: trends and problems. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(2): 336–342 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-336-342

Введение

Защита основных прав и свобод человека и гражданина является одной из целей деятельности высшего судебного органа конституционного контроля - Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Достижение данной цели обеспечивается реализацией всех полномочий КС РФ. Но при этом Конституция РФ (п. «а» ч. 4 ст. 125) и Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о КС РФ) предусматривают специальное полномочие по рассмотрению жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан законами или иными нормативными актами, примененными в конкретном деле. Совокупность правовых норм, регламентирующих содержание и порядок реализации этого полномочия, образует институт конституционной жалобы [Петина, 2017].

Данный институт имеет двойственную правовую природу: с одной стороны, он обеспечивает защиту прав конкретного лица, являющегося заявителем, открывая возможность пересмотра принятых в отношении его конкретных судебных актов, а с другой стороны, способствует устранению из системы законодательства дефектных норм, конституционно-правовому истолкованию положений нормативных актов, т.е. решению задач, выходящих за рамки вопросов, затрагивающих судьбу индивида или объединения граждан, подавшего жалобу, и имеющих, таким образом, общее значение. Жалобы составляют до 98 % от числа всех обращений, поступающих в КС РФ.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также принятый в его развитие Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» существенно реформировали институт конституционной жалобы [Чепунов, Болдырева, 2021]. Рассмотрим основные направления этого реформирования.

Расширение предмета конституционной жалобы

Ранее допускалась подача в КС РФ жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан исключительно законом, примененным в конкретном деле. Иными словами, в жалобе могла оспариваться конституционность норм только федерального конституционного закона, федерального закона, конституции (устава) и закона субъекта РФ.

Однако КС РФ сформулировал несколько правовых позиций, фактически расширяющих предмет конституционной жалобы. Он признавал допустимыми жалобы в отношении тех формально подзаконных нормативных правовых актов, которые по юридической силе тождественны закону. Например, указа Президента РФ, восполняющего пробелы в законодательном регулировании (по смыслу правовой позиции, изложенной в Постановлении КС РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П), постановления Государственной Думы об объявлении амнистии (Постановление КС РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П).

В Постановлении КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П была выражена правовая позиция, в соответствии с которой граждане вправе оспаривать в КС РФ конституционность норм постановлений Правительства РФ, находящихся в системном единстве с соответствующими нормами федерального закона, при условии, что в данном федеральном законе непосредственно предусмотрены полномочия Правительства РФ по изданию нормативных правовых актов по вопросам, не получившим содержательной регламентации в федеральном законе.

Конституционные изменения 2020 г. признают возможность подачи жалобы не только в отношении законов, но и нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, а также подзаконных нормативных актов законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ с оговоркой о том, что эти акты (как и оспариваемые законы субъектов РФ) должны быть изданы по предметам ведения РФ или совместного ведения РФ и субъектов РФ [Брежнев, 2020].

Данная новелла, с одной стороны, расширяет возможности защиты прав граждан в КС РФ, но с другой – усиливает «конкуренцию» конституционной и административной судебных юрисдикций, ибо подзаконные нормативные акты высших органов власти могут являться предметом оспаривания и в судах общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства [Велиева, Пресняков, 2020]. Эта «конкуренция» может стать особенно заметной с учетом того, что конституционные поправки 2020 г. фактически упразднили конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Уточнение круга лиц, которые вправе обращаться с конституционными жалобами

Ранее в ФКЗ о КС РФ (ч. 1 ст. 96) прямо предусматривалось право на обращение с конституционной жалобой граждан, их объединений, а также «иных органов и лиц, указанных в федеральном законе» (к ним относились Генеральный прокурор РФ и Уполномоченный по правам человека в РФ). КС РФ сформулировал ряд правовых позиций, существенно расширивших круг лиц, уполномоченных на подобное обращение. Он, в частности, признал такое право за: иностранными гражданами и лицами без гражданства (Постановление от 17 февраля 1998 г. № 6-П); коммерческими организациями, обладающими статусом юридического лица, в т.ч. акционерными обществами, товариществами с ограниченной ответственностью (Постановление от 24 октября 1996 г. № 17-П); государственными унитарными предприятиями (Постановление от 12 октября 1998 г. № 24-П); образовательными учреждениями высшего образования (Постановление от 22 июня 2009 г. № 10-П); органами местного самоуправления (Постановление от 2 апреля 2002 г. № 7-П).

Внесение поправок от 9 ноября 2020 г. в ФКЗ о КС РФ обеспечивает «имплементацию» данных правовых позиций КС РФ в «ткань» законодательства о конституционном судопроизводстве. Теперь закон четко разделяет заявителей-жалобщиков на тех, кто обращается в защиту своих прав и свобод, нарушенных примененным нормативным актом (граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления), и тех, кто направляет жалобу в интересах иных граждан и юридических лиц (Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, предусмотренные федеральными законами (по правам ребенка, по защите прав предпринимателей), иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом, общероссийские организации, которые могут представлять интересы граждан и юридических лиц).

Модификация условий допустимости конституционной жалобы

Специальные условия допустимости конституционной жалобы предусмотрены ст. 97 ФКЗ о КС РФ. Реформа конституционного судопроизводства изменила их перечень и модифицировала содержание.

Первое условие связано с наличием признаков нарушения прав и свобод заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба. Ранее данное условие формулировалось иначе: если оспариваемый в жалобе закон *затрагивает* права и свободы граждан. Причем КС РФ воспринимал данное условие в системном единстве с нормой ч. 1 ст. 96 ФКЗ о КС РФ, которая указывала, что с конституционной жалобой обращаются граждане, «*чьи права и свободы нарушаются*» (в нынешней редакции ФКЗ о КС РФ – «по их мнению, нарушаются»). Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, КС РФ, как правило, констатировал, что оспариваемая норма *не нарушает* прав заявителя, хотя понятия «затрагивает» и «нарушает» применительно к правам и свободам граждан существенно отличаются по смыслу. Нынешние редакции положений ч. 1 ст. 96 и п. 1 ст. 97 ФКЗ о КС РФ более удачно сформулированы: они устраняют вышеуказанное противоречие.

Второе условие существенных изменений не претерпело: речь идет о том, что жалоба может быть подана в отношении нормативного правового акта, примененного в конкретном деле с участием заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба. Хотя теперь ФКЗ о КС РФ прямо не указывает на то, что соответствующее дело должно быть завершено в суде, это логически вытекает из содержания других условий допустимости [Вилова, 2020].

Третье условие касается срока подачи обращения в КС РФ: жалоба может быть подана в течение 1 года после принятия судебного решения, которым исчерпываются внутригосударственные средства судебной защиты, а в случае, если в пересмотре дела судом, решение которого обычно исчерпывает такие средства по соответствующей категории дел, было отказано в связи с пропуском срока обжалования – не позднее 1 года после принятия последнего судебного решения, в котором был применен соответствующий нормативный акт. Годичный пресекательный срок подачи жалобы появился в российском конституционном судопроизводстве в 2014 г. Сейчас порядок его исчисления несколько уточнен. К сожалению, в данном случае не предусмотрена возможность восстановления пропущенного срока.

Наконец, четвертое условие является новым: оно требует исчерпанности всех внутригосударственных средств судебной защиты [Татаринев, 2021]. Это означает, по общему правилу, необходимость до обращения в КС РФ подачи «кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции или в случае, если вступившие в силу судебные акты по данной категории дел подлежат обжалованию только в надзорном порядке, надзорной жалобы». Иными словами, по судебному делу, в связи с правоприменением по которому имеется намерение обратиться в КС РФ с жалобой, требуется до такого обращения, как минимум, подать вторую кассационную жалобу, а если речь идет о решении Верховного Суда РФ, принятом в первой инстанции, – направить надзорную жалобу. При этом КС РФ вправе отступить от этого правила в том случае, если придет к выводу о том, что «иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается». Обратим внимание также на то, что в соответствии с ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ в течение 6 месяцев с момента вступления в силу данного Закона действует более простое правило определения исчерпанности внутригосударственных средств судебной защиты, предполагающее, что для соблюдения данного условия достаточно просто подачи любой кассационной или (в случае с решением Верховного Суда РФ) надзорной жалобы.

Усиление средств обеспечения производства по конституционной жалобе

Как и ранее, в ФКЗ о КС РФ (ч. 1 ст. 98) предусмотрено, что КС РФ, приняв к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод граждан, уведомляет об этом суд, принявший последнее судебное постановление по делу заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба, а по требованию такого лица – орган, осуществляющий исполнение этого

постановления, и суд, рассматривающий дело, для которого оно может иметь значение. Соответствующий суд вправе, хотя и не обязан приостановить исполнение судебного постановления или производство по делу до принятия решения КС РФ.

Теперь ФКЗ о КС РФ (ч. 2 ст. 98) предусматривает правомочие КС РФ в случае, если продолжение исполнения судебного решения по делу заявителя может привести к невозможности восстановления его прав, в определении о принятии жалобы к рассмотрению указать на необходимость приостановления исполнения судебного решения до вынесения постановления КС РФ и пересмотра конкретного дела, в котором был применен оспариваемый нормативный акт. Такое указание КС РФ приобретает уже обязательный характер для судов и органов, исполняющих судебные решения.

Таким образом, у КС РФ появилось более эффективное средство обеспечения производства по конституционной жалобе, создающее условия для последующего восстановления нарушенных прав граждан.

Совершенствование механизма исполнения постановления КС РФ по жалобе гражданина

По итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного правового акта в связи с жалобой гражданина КС РФ принимает одно из следующих постановлений: о признании оспариваемого акта или его части соответствующими Конституции РФ; о признании его соответствующим Конституции РФ в данном КС РФ истолковании; о признании его не соответствующим Конституции РФ (ч. 1 ст. 87, ч. 1 ст. 100 ФКЗ о КС РФ). Правовые последствия принятия каждого из этих решений соответственно носят такой же характер, как и по делам, связанным с запросами государственных органов и должностных лиц: сохранение юридической силы акта; возможность применения акта только с учетом его конституционно-правового смысла; утрата юридической силы акта [Винокуров, 2020].

Что касается воздействия постановления КС РФ на судьбу того судебного дела, в связи с которым последовало обращение в высший судебный орган конституционного контроля, то новое законодательное регулирование существенно усилило пределы усмотрения КС РФ в этой части (ст. 100 ФКЗ о КС РФ): в постановлении может быть указано на необходимость пересмотра дела заявителя в обычном порядке (ч. 2) либо возможность такого пересмотра после внесения изменений в правовое регулирование (ч. 3), а если пересмотр сам по себе не приведет к восстановлению нарушенных прав заявителя (ч. 4) – КС РФ вправе установить возможность использования в этих целях компенсаторных механизмов (форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором применен оспариваемый акт). Ранее КС РФ уже фактически использовал эти правомочия в своей практике, теперь они законодательно закреплены [Балаян, Сычев, 2020].

Отметим, что в отличие от ранее действовавшего регулирования, ФКЗ о КС РФ (ч. 3 ст. 79) теперь четко устанавливает те случаи, когда подлежат пересмотру судебные акты, связанные с применением неконституционной нормы или нормативного положения в истолковании, отличном от содержащегося в постановлении КС РФ, принятые в отношении лиц, не являвшихся заявителями в КС РФ: если соответствующее судебное решение не вступило в законную силу и подлежит проверке в апелляционной инстанции; при пересмотре дела в кассационной или надзорной инстанции в связи с кассационными или надзорными жалобами, представлениями, поданными по иным основаниям; если неконституционные положения послужили основанием для привлечения гражданина к уголовной или административной ответственности и др. [Ермаков, 2020]

Заключение

Оценивая новое правовое регулирование института конституционной жалобы в РФ, необходимо отметить две тенденции, которые отчетливо прослеживаются в процессе совершенствования законодательства в данной области.

Во-первых, реализуется подход к институту конституционной жалобы как особому, экстраординарному средству защиты прав и свобод граждан, который применяется субсидиарно: лишь тогда, когда иные способы защиты (в т.ч. в судах общей юрисдикции и арбитражных судах) не привели к восстановлению нарушенных прав, т.е. оказались неэффективными. При этом расширились правозащитные возможности самого института конституционной жалобы, как в части круга оспариваемых актов, так и в отношении субъектов, уполномоченных на обращение в КС РФ.

Во-вторых, законодатель закрепляет нормативно те полномочия КС РФ в исследуемой области, которые уже нашли отражение в практике его деятельности, согласуются с подходами, выраженными в его решениях. Таким образом, именно понимание КС РФ своей роли и предназначения в конкретном социально-историческом контексте выступает в качестве основы преобразований в сфере конституционного правосудия [Небрятенко, 2020].

Список литературы

1. Балаян Э.Ю., Сычев С.С. 2020. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан. *Российская юстиция*, 10: 31-33.
2. Брежнев О.В. 2020. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России. *Конституционное и муниципальное право*, 7: 3-6.
3. Велиева Д.С., Пресняков М.В. 2021. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 г.: «кто будет сторожить сторожей». *Конституционное и муниципальное право*, 1: 12-22.
4. Вилова М.Г. 2020. Конституционное право на судебную защиту и некоторые принципы права: актуальные подходы к их соотношению. *Государственная власть и местное самоуправление*, 7: 3-7.
5. Винокуров В.А. 2020. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации: правовые пробелы и новые задачи. *Конституционное и муниципальное право*, 6: 24-29.
6. Ермаков Э.Ю. 2020. Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования. *Российский судья*, 7: 30-35.
7. Небрятенко О.О. 2020. Правовая доктрина в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. *Российский судья*, 11: 27-31.
8. Петина М.М. 2017. Конституционная жалоба в системе средств защиты прав человека в России. *Актуальные проблемы российского права*, 12: 171-178.
9. Татаринов С.А. 2021. О конституционных новеллах регулирования статуса Конституционного Суда Российской Федерации. *Государственная власть и местное самоуправление*, 1: 39-44.
10. Чепунов О.И., Болдырева Е.В. 2021. К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 1: 170-178.

References

1. Balayan E.YU., Sychev S.S. 2020. Ispolnenie reshenij Konstitucionnogo Suda RF po zhalobam na narusheniya konstitucionnyh prav i svobod grazhdan [Execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on complaints of violations of the constitutional rights and freedoms of citizens]. *Rossijskaya yusticiya*, 10: 31-33.
2. Brezhnev O.V. 2020. Konstitucionnaya reforma 2020 g. i razvitie konstitucionnogo pravosudiya v Rossii [Constitutional reform in 2020 and the development of constitutional justice in Russia]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 7: 3-6.

3. Velieva D.S., Presnyakov M.V. 2021. Reforma Konstitucionnogo Suda RF 2020 g.: «kto budet storozhit' storozhej» [Reform of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2020: «who will guard the watchmen»]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 1: 12-22.
4. Vilova M.G. 2020. Konstitucionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu i nekotorye principy prava: aktual'nye podhody k ih sootnosheniyu [Constitutional right to judicial protection and some principles of law: current approaches to their correlation]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 7: 3-7.
5. Vinokurov V.A. 2020. Deyatel'nost' Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: pravovye probely i novye zadachi [Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation: legal gaps and new challenges]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 6: 24-29.
6. Ermakov E.YU. 2020. YUridicheskie posledstviya sudebnogo normokontrolya trebuyut dal'nejshego sovershenstvovaniya [The legal consequences of judicial regulatory control require further improvement]. Rossijskij sud'ya, 7: 30-35.
7. Nebratenko O.O. 2020. Pravovaya doktrina v deyatelnosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [Legal doctrine in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Rossijskij sud'ya, 11: 27-31.
8. Petina M.M. 2017. Konstitucionnaya zhaloba v sisteme sredstv zashchity prav cheloveka v Rossii [Constitutional complaint in the system of means of protection of human rights in Russia]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 12: 171-178.
9. Tatarinov S.A. 2021. O konstitucionnyh novellah regulirovaniya statusa Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [On Constitutional Novelties regulating the Status of the Constitutional Court of the Russian Federation.]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 1: 39-44.
10. Снепун О.И., Болдырева Е.В. 2021. On the issue of constitutional and legal improvement of public power. NOMOTHETIKA: Filosofia. Sociologia. Pravo, 1: 170-178. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брежнев Олег Викторович, заведующий кафедрой конституционного и гражданского права ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы», доктор юридических наук, профессор, г. Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Brezhnev, Head of the Department of Constitutional and Civil Law of the State Educational Autonomous Institution of Higher Education of the Kursk Region "Kursk Academy of State and Municipal Service", Doctor of Law, Professor, Kursk, Russia

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-343-352

Правовая аксиология русского консерватизма XIX века: потенциал влияния на современную правовую идеологию

¹Кузубова А.Ю., ²Сафронова Е.В.

¹ Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: angelinakuzubova@mail.ru; elena_safronova_2010@mail.ru

Аннотация. Авторы обратились к изучению юридической природы современной правовой идеологии в контексте ее соответствия традиционным правовым ценностям отечественной культуры. Несмотря на всю важность, потенциал влияния правовых ценностей русского консерватизма на современную правовую идеологию остается мало изученным. Анализируя соотношение категорий «правовая идеология» и «позитивное право», авторы отмечают вариантность их сочетаний: в истории права преобладают факты противостояний правовых идеологий и систем позитивного права. Подчеркивается, что конфликт ценностей, ценностный вакуум могут повлечь гораздо более разрушительные последствия, нежели принятие официальной правовой идеологии, перспективы провозглашения которой порождают многочисленные споры. В результате исследования сделан вывод о необходимости институциональной комплементарности системы позитивного права и правовой идеологии, воплощающей традиционные правовые ценности.

Ключевые слова: правовые ценности, русский консерватизм, правовая идеология, правосознание, политико-правовая доктрина.

Для цитирования: Кузубова А.Ю., Сафронова Е.В. 2021. Правовая аксиология русского консерватизма XIX века: потенциал влияния на современную правовую идеологию. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 343–352. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-343-352

Legal axiology of Russian Conservatism of the XIX century: the potential of influence on modern legal ideology

¹Angelina Yu. Kuzubova, ²Elena V. Safronova

¹ Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St, Voronezh, 394043, Russia

² Belgorod National Research University,

85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation

E-mail: angelinakuzubova@mail.ru; elena_safronova_2010@mail.ru

Abstract. The authors turned to the study of the legal nature of modern legal ideology in the context of its compliance with the traditional legal values of Russian culture. Despite its importance, the potential influence of the legal values of Russian conservatism on modern legal ideology remains poorly understood. Analyzing the correlation of the categories "legal ideology" and "positive law", the authors note the variety of their combinations: in the history of law, the facts of the confrontation of legal ideologies and systems of positive law prevail. It is emphasized that the conflict of values, the value vacuum can lead to much more destructive consequences than the adoption of an official legal ideology, the prospects for the proclamation of which give rise to numerous disputes. As a result of the conducted research, it is concluded that the

institutional complementarity of the system of positive law and legal ideology embodying traditional legal values is necessary.

Keywords: legal values, Russian conservatism, legal ideology, legal consciousness, political and legal doctrine.

For citation: Kuzubova A. Yu., Safronova E. V. 2021. Legal axiology of Russian conservatism of the XIX century: the potential of influence on modern legal ideology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (2): 343–352 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-343-352

Введение

Исследование механизмов функционирования правовых ценностей предполагает обращение к проблематике современной правовой идеологии в контексте ее влияния на правовую сферу. Именно государственно-правовые идеологии тысячелетиями обуславливали эволюцию государств и обществ, продуцируя идеи и ценности, воздействующие на разные уровни правосознания. Освоение правовой действительности предопределено аксиологическими приоритетами, и задачей правовой идеологии является направление субъекта через формирование его мировоззрения. Основное значение правовой идеологии заключено в ее способности придавать ценностям и идеям общезначимый характер и тем самым создавать модели социально полезного поведения. Несмотря на важность изучения мировоззренческих основ правовой жизни, обращение к ценностным аспектам правовой идеологии происходит не так часто. Исключением являются работы Р.И. Байгутлина, Г.А. Бурнашева, В.Ю. Мельникова и некоторых других авторов [Байгутлин, 2013; Мельников, 2016; Бурнашев, 2018].

Российская действительность на фоне разрушения советской системы парадоксальным образом восприняла марксистскую концепцию идеологии как «ложного сознания». В условиях объявленной деидеологизации была уничтожена ценностная матрица социалистической государственности, при этом, в рамках требований ст. 13 Конституции Российской Федерации, любая государственная или обязательная идеология оказались под запретом, что дестабилизировало правовые начала общества. Подобный вакуум в отражении и оценивании правовых явлений в едином русле порождает проблемы в формулировании правовых ценностей, вызывает трудности в восприятии и претворении в жизнь адекватных эпохе идеалов, целей и ориентиров. К тому же сохраняется опасность заполнения возникших пустот правовыми антиценностями как определяемыми культурой формами негативного отношения субъекта к правовой системе общества, которые обуславливают юридическую оценку событий и выбор соответствующих форм поведения.

Эклектичность, фрагментарность представлений о праве не способствуют гармоничному развитию правовой системы, ведь формирование правового мышления должно исходить из определенных ценностей-ориентиров. Представляется, что сильное государство должно формулировать и транслировать правовую идеологию, отражающую национальные идеи о праве и правовой системе общества. Функционирование правовых ценностей через включение в правосознание и деяния субъектов обеспечивается в значительной степени правовой идеологией. Без указанного механизма возникают проблемы с легитимацией позитивного права, затрудняется трансформация правовых ценностей в нормативные установки и соответствующие им модели правомерного поведения. Весьма точным нам представляется высказывание А.В. Полякова, который заметил: «Право не существует вне человеческого сознания, право становится правом, лишь "преломляясь" сквозь сознание социального субъекта... Только через свое когнитивное осмысление и ценностную интерпретацию правовые тексты получают правовую легитимацию и трансформируются в нормативные установления, способные воздействовать на волю и, соответственно, на поведение субъектов, определяя его как правовое» [Поляков, 2004, с. 385]. По нашему мнению, Россия

испытывает потребность в создании современной правовой идеологии, ориентированной на совершенствование способов правовой социализации, достижение высокого уровня правовой культуры, согласование индивидуальных и социальных начал, разума и духа, права и правды, что предопределяет актуальность обращения к изучению юридической природы современной правовой идеологии в контексте ее соответствия традиционным правовым ценностям отечественной культуры.

Правовая идеология и ее аксиологическая структура

Некоторые авторы под правовой идеологией понимают «систематизированные представления о правовой действительности, в основе которых лежат определенные ценностные послышки» [Поляков, Тимошина, 2005, с. 159]. Т.В. Синюкова считает, что правовая идеология характеризуется целенаправленным, «научным либо философским осмыслением права как целостного социального института, не в отдельных его проявлениях, а в качестве самостоятельного элемента общества» [Синюкова, 2002, с. 614]. Правовая идеология как элемент правосознания представляет собой вместилище правовых идей, выражающих определенную систему ценностей. В функциональном аспекте это механизм, преобразующий правовые идеи и ценности в нормативные установки. В широком смысле это совокупность теорий, концепций, доктрин о праве и правовом развитии, способствующих формированию правовых ценностей и выработке определенных правовых установок, а также механизмов, внедряющих указанные концепты в общественное сознание. Такая идеология направлена на легитимацию государственной власти и существующего правопорядка, формирование юридического мировоззрения, создание единого образа окружающей правовой действительности, обеспечение национальной безопасности и т.п. При официальной поддержке правовая идеология может не только формулировать цели развития правовой системы, но и разрабатывать соответствующие правовые конструкции, определяющие матрицу юридической практики.

Генезис и развитие юридического мировоззрения происходит через приращение сознания правовыми представлениями, правовыми ценностями, понятиями и идеями. Правовая идеология, действуя посредством функционирования системы правовых ценностей, запускает процессы правовой оценки, что приводит к формированию правовых суждений. Вместе с тем, анализируя соотношение категорий «правовая идеология» и «позитивное право», необходимо отметить вариантность их сочетаний: от полного расхождения компонентов до максимального включения. Истории права известны, в большей степени, примеры противостояний правовых идеологий и систем позитивного права. Напротив, полное воплощение той системы идей и ценностей, которые образуют содержание правовой идеологии, в правовых нормах и институтах принципиально невозможно. Контекст и специфика субъективной интерпретации предопределяют разнообразие подходов в трактовке идеологических компонентов.

Аксиологическая структура правовой идеологии представлена несколькими уровнями: можно выделить своеобразный ярус фундаментальных правовых ценностей, выражающих основные концепты идеологии. Именно здесь происходит синтез нравственных и правовых ценностей, обуславливающий легитимацию правовых идей со стороны нравственных и религиозных императивов. Следующий уровень выражен правовыми ценностями, относящимися к функционированию институтов позитивного права. Данный срез представлен преимущественно профессиональным и доктринальным правосознанием специальных субъектов. Доктринальное правосознание строится на доктринах, в которых формулируется определенное понимание права, носящее конструирующий характер. Профессиональное правосознание выражено в представлениях о праве, убеждениях юристов, сформированных специальными знаниями и опытом практической деятельности. Такое право-

сознание носит логико-нормативный характер, четкую предметную направленность, особые формы внешнего выражения. В-третьих, можно выделить уровень массовый или обыденный, основанный на восприятии видимых концептов права в контексте культурно-исторических, социально-политических, национальных и иных особенностей бытия. Обыденный уровень является одновременно самым эклектичным, реактивным и в то же время сохраняющим и транслирующим архетипы национального правосознания, что обеспечивает передачу идейно-ценностных компонентов последующим поколениям.

Дифференциация правовых идеологий возможна по различным основаниям. Во-первых, можно выделить официальные правовые идеологии, воплощенные в институтах и нормах позитивного права, и неофициальные правовые идеологии, имеющие с ними расхождения. Во-вторых, разграничение правовых идеологий происходит по лежащим в их основаниях учениям и ценностям, закладывающим алгоритмы восприятия социальных феноменов. В сущности, речь идет об онтологических конструкциях, представляющих собой попытки наиболее общего описания универсума, места человека в нем, смысла существования человека. Довольно распространенной является классификация правовых идеологий в контексте разграничения типов правопонимания, во-первых, на естественно-правовые и позитивистские, во-вторых – на этатистские, социологические, психологические и др.

Коллизия основных правовых ценностей русского консерватизма и европейского либерализма

Обращение к компаративному анализу теоретических основ правовых ценностей отечественного консерватизма и европейского либерализма XIX века позволяет критически осмыслить сложившуюся монополию системы европейских правовых ценностей, акцентировать внимание на присутствии существенных отличий аксиологических базисов правовых систем, восходящих из разных культурно-религиозных традиций. Ценностные слои правовой идеологии, представленные главными правовыми идеями и ценностями, определяют своеобразие указанных систем. Выстраиваемые иерархии, особенности сочетания аксиологических компонентов формируют контуры и содержание идеологий.

Краеугольным камнем либеральной парадигмы выступает частный интерес: в атомизированном западном обществе происходит олицетворение права в его исключительно юридическом смысле (в нормативном выражении) и права как формы стихийной жизни общества. Условия исторического развития стран Запада обусловили формирование представлений о праве как первооснове общества, охраняющей собственность и различные формы хозяйственной деятельности. Экономические предпосылки в значительной степени способствовали созданию учения о правовом государстве. Исходным началом, генерирующим размышления о свободе, в частности о свободе волеизъявления, в консервативной политико-правовой доктрине была тема отрицания антропоцентризма. Данное начало предопределило негативное отношение к идее абсолютизации прав человека, свойственной либеральному правопониманию. Указанные и иные отличия позволяют отнести либеральную правовую идеологию к типу персонцентристских, а консервативную – к типу социоцентристских идеологий (ориентированных на коллективные формы диалога с властью). Правовая идеология либерализма исходит из первичности идей свободы, прав личности, частного блага, тогда как в консервативном направлении доминируют ценности справедливости, правды, ответственности и порядка [Кузубова, 2021, с. 21].

Инициированные в начале 1990-х годов XX века в России процессы деидеологизации на самом деле имели своей целью закрепление исключительности и безальтернативности либеральной идеологии. Объявление либеральной демократии и ее ценностей в качестве единственно верной модели, к которой всем народам и государствам необходимо стремиться, лишило человечество выбора и заставило принести в жертву духовные ценности,

заменяя их экономическими потребностями и интересами. В обществе потребления культура и нравственные идеи отошли на задний план, ведь либерализм «освободил» человека от нравственных императивов и духовных идеалов.

Правовая идеология представляет собой модель окружающей правовой действительности через формирование своеобразного каркаса общественного правосознания. Современную отечественную правовую идеологию мы можем определить как мировоззрение либерального типа. Положения Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, идентифицируют Россию как демократическое федеративное правовое государство. Высшей ценностью провозглашаются права человека, что, наряду с концептами свободы личности, идеями правового государства, демократии, гарантиями защиты частной собственности, ограничением влияния государства и церкви на общество, предопределяет либеральную сущность отечественного Основного закона. В отечественной юридической науке монополия либеральной правовой идеологии привела к тому, что идея прав человека девальвировала диалектически взаимосвязанную категорию обязанности, тем самым ослабив практическое действие этих остро нуждающихся в согласовании феноменов.

В тексте Основного закона наша страна определяется как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Но указанные характеристики не соответствуют матрице правовой реальности как в ретроспективном, так и в перспективном аспекте, что нивелирует ценностный потенциал конституционных положений. Несовпадение декларируемых положений с отражением правовой действительности порождает противоречия. Главной проблемой обновленной Конституции РФ остается отсутствие объединяющей идеи, способной выстроить смыслообразующую логически непротиворечивую композицию, устраивающую российское общество. Конфликт ценностей, ценностный вакуум может привести к гораздо более разрушительным последствиям, нежели принятие официальной государственной идеологии, перспективы институционального закрепления которой порождает многочисленные споры.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации наше государство лишено возможности создания, введения и защиты государственной идеологии, а значит, ответственность за подобные действия переложена на иных субъектов правоотношений. Но кому по силам такое бремя? Такие задачи априори не решаемы частными субъектами, тем более в условиях официального провозглашения приоритета правового и нравственного индивидуализма. Делегирование права выбора идеологических моделей развития институтам гражданского общества в условиях полного отсутствия законодательно оформленных ориентиров затрудняет решение указанной задачи. Да и сами надежды на саморегуляцию гражданского общества, способную минимизировать вмешательство государства, представляются несвоевременными.

Долгий процесс борьбы за права и свободы человека увенчался успехом: эти ценности обрели всемерное закрепление, приоритет и защиту, но в этой битве мы понесли потери – исчезла сама личность с ее уникальным миром. Остались только наборы требований, направленных на создание минимума необходимых жизненных условий человеческого существования [Лукашева, 1979, с. 22]. Вместе с тем в центре сферы осуществления прав и свобод должен пребывать человек, воспринимающий нормы права, осознающий правовые ценности и тем самым генерирующий правореализационные механизмы. Новая реальность должна рождаться в синтезе общечеловеческих ценностей и русской духовной культуры вокруг личности, органично сочетающей нравственные и правовые ценности, частью унаследованные через традицию от предков, частью исходящие из современного образа жизни. Приведение в порядок правового поля достижимо не в контексте усиления нормативного

регулирования всех сфер жизни, а через обращение к человеческому в человеке, что возможно с опорой на аксиологию русского консерватизма. Свобода в консервативной политико-правовой доктрине рассматривалась как внутренний выбор, творческий синтез сознательного и бессознательного, не привязанный к формально-юридическим категориям и процессам, проявляющийся в возможности свободно приобретать и нести юридические обязанности. Консервативное понимание свободы отличалось бинарностью, проявляющейся в разграничении содержательного компонента и эмпирической реальности. Целостность и единство внутренней и внешней свободы, по мнению идеологов консерватизма, подтверждала тезис о том, что право не следует выводить из одной идеи свободной воли человека, данный феномен необходимо соотносить с традицией, культурой общества, его нравственно-религиозными ценностями.

Не следует редуцировать подходы к свободе, выработанные мыслителями отечественного консерватизма XIX века, ведь они не отрицали ценность свободы. Речь шла о необходимости слияния и гармонизации свободы и нравственности в личностном бытии и о том, что контуры свободы предопределены нравственными и правовыми ценностями. Свобода в консервативном понимании означала устремленность личности и идентифицируемой с ней культурной общности к развитию в соответствии с идеалами правды и справедливости. Мы можем констатировать, что в доктрине русского консерватизма исследуемого периода была актуализирована задача этизации свободы. Предложена концепция развитой свободы с перемещением внимания с прав и свобод на ответственность. Последняя определялась как формируемая в процессе нравственного становления через компоненты совести, вины, долженствования, справедливости модель сложных взаимоотношений между личностью, обществом, государством. В консервативной политико-правовой доктрине на первое место выдвигалась внутренняя (позитивная) ответственность, тогда как ретроспективной ответственности в виде государственного принуждения уделялось меньшее внимание [Кузубова, 2020, с. 148]. Ведь ответственный человек по внутреннему убеждению, вне принудительных механизмов исполняет свои обязанности.

В ядре правовых ценностей особое место исторически отводится справедливости, что обусловило необходимость уточнения подходов к данной категории в контексте консервативного правопонимания и потенциала воздействия на содержание современной правовой идеологии. Либеральная политико-правовая доктрина XIX века в восприятии справедливости делала акцент на равенстве, одинаковых критериях в обеспечении прав, свобод, установлении обязанностей. Консервативная парадигма исследуемого периода отождествляла справедливость с необходимым воплощением нравственности в праве, стремлением к общему благу на фоне гармоничного сочетания прав и обязанностей. Рациональное познание справедливости через нормативные предписания не представлялось возможным, ведь это сфера действия христианской морали. Из такого восприятия феномена справедливости вытекало отношение к закону как потенциальному отражению не только начал добра, но и зла. Действительно, система существующих социальных ценностей (в том числе правовых) не всегда находит воплощение в законе, законодательство часто меняется, не исполняется, нарушается, в силу чего уровень содержания справедливости в позитивном праве меняется. Доктрина консерватизма актуализировала проблему несправедливости принудительного уравнивания людей. Обращалось внимание на недопустимость одинаковости, невозможности регуляции всех сфер жизни с помощью общественного договора. Можно согласиться с этим, действительно, закон должен учитывать конкретные жизненные обстоятельства и специфику субъекта, что особенно актуально в процессе его реализации на практике.

В системе правовых ценностей и принципов регулирования справедливость должна иметь несомненный приоритет. Необходимо уходить от позитивистских трактовок, умаляющих значение справедливости, в контексте которых подчинение несправедливому закону представляется более предпочтительным, чем нарушение такого закона. Законодательство можно считать правовым только при условии воплощения в нем идеи справедливости. При

этом сама справедливость должна пониматься как основанное на социально-правовом опыте пропорциональное воздаяние за дела, сближающее идеал и правовую реальность.

Одним из несомненных достоинств консервативной политико-правовой доктрины является создание особого концептуального подхода к личности, для которой сверхважно подчинение интересам общества и государства, актуально бытие в качестве части коллективного целого. Уникальность характера русского человека является следствием исторически сложившегося синтеза православной культуры и традиционного патриархального уклада жизни. Такая личность отдает предпочтение духовно-нравственным началам в контексте оценки правовых явлений с точки зрения их соответствия справедливости, девальвируя роль формально-юридических начал. Это постоянное противостояние «Закона» и «Благодати», «внешней» и «внутренней» правды. Отсутствие диалога позитивного права с надправовыми ценностями справедливости, правды, свободы, к сожалению, оборачивается попранием закона в индивидуальном правосознании. Решение указанной проблемы возможно только через последовательное развитие, воспитание правосознания в духе традиций отечественной правовой аксиологии.

Именно в правосознании конкуренция права и закона обретает черты скептического отношения к праву, девальвации его социальной ценности. В периоды коренных переломов, разрушения традиционных социальных форм и институтов на первое место всегда выходят правовые ценности и идеалы, максимально включающие в себя понятные и близкие каждому нравственные начала. Деформация ценностных ориентаций личности неизбежна в условиях продолжающегося противостояния правовых и нравственных, государственных и индивидуальных ценностей. В структуре правосознания особое место, наряду с рациональным уровнем в виде правовой идеологии, волевым уровнем, воплощенным в виде правовой психологии, занимает уровень правовой аксиологии в виде ценностно-правовых ориентаций личности. Если исключить последний компонент – начинают проявляться сбои в развитии всего правосознания. Ценностная аксиосфера на личностном и коллективном уровне детерминирует все виды правосознания. В свою очередь, синтез правовых и нравственных ценностей в структуре правосознания обеспечивает правильный выбор в контексте социального взаимодействия.

Неправовое содержание российского правового сознания обусловлено исторически сложившимся ограниченным распространением правовых отношений в общественной жизни. Абсолютизация роли правового компонента в механизме социального регулирования является процессом с неоднозначными последствиями. Расцвет юриспруденции, проникновения нормативного регулирования во все сферы общественной жизни, к сожалению, является следствием восполнения дефицита нравственности. Как писал К.Н. Леонтьев, «репрессивные меры не могут быть сами по себе целью; они – только временный прием для того, чтобы люди "не мешали" приготовить что-нибудь более прочное в будущем» [Леонтьев, 2003, с. 556]. Утрата правом его нравственного измерения привела к его ассоциированию с принуждением, силой, бездушным инструментом механического регулирования. Именно перекося в сторону «буквы» закона неоднократно приводил к репрессивным практикам, о чем свидетельствуют факты отечественной и зарубежной истории.

Современные либеральные правоидеологические тенденции транслируют установки о сверхценности права на фоне обусловленности норм нравственности, представлений о добре и зле именно правом. Подобные теории подрывают сложившиеся традиционные иерархии ценностей, дестабилизируют правовые ценностные ориентации личности. Лакуны в правосознании являются следствием искусственной компрометации существующих правовых ценностей при отсутствии новых идей, принимаемых обществом. Невозможность понять и принять многие либеральные правовые ценности неизбежно усиливает социальную напряженность.

Постоянно расширяется предмет правового регулирования общественных отношений, происходит детальная регламентация многих сфер, появляются новые отрасли и институты права. Усложнение происходит посредством увеличения числа нормативно-правовых актов. Но количество законов не способно перейти в качество правового регулирования, тем более через разрастание массива законов и подзаконных актов, неизбежно ведущее к сложностям функционирования. Как бы технически не был совершенен закон, его воздействие на обыденное правосознание несопоставимо с влиянием разделяемых значительной частью общества идей и ценностей. Сама легитимация права, осознание его ценности также происходит через действие правовой идеологии на общественное и профессиональное сознание в контексте аксиологических базисов. Тем самым закрепляются представления о положительном значении правового регулирования, его инструментальной значимости и безальтернативности.

Мы согласны с тезисом, что не все сферы жизни человека и общества подлежат законодательной регламентации, но в то же время нельзя умалять возможности права, идеализируя потенциал иных регуляторов общественных отношений. К сожалению, современный уровень развития социальных систем не позволяет ослабить упорядочивающую функцию права. Даже мораль и нравственность нуждаются в защите со стороны права и государства, что особенно востребовано в сложные периоды истории.

Заключение

Правовая идеология должна быть внутренне непротиворечивой, исключая коллизии и неверные интерпретации. Обеспечение стабильного развития возможно только в условиях сохранения с помощью юридических и неюридических механизмов сложившихся в обществе традиционных ценностей. Вариант – официально-правовое закрепление в качестве юридических категорий базовых ценностей идеологии. При этом в центре должна стоять объединяющая общество национальная идея. На современном этапе главные ценности традиционной правовой идеологии – правда, долженствование, справедливость, порядок – во-первых, не получили адекватного их значению научного осмысления, во-вторых, не нашли отражения в нормативно-правовых актах.

Взаимовлияние и взаимозависимость правовых ценностей и правовой идеологии не вызывают никаких сомнений. Право в своем историческом развитии обеспечивает охрану конкретных правовых ценностей. Специфический культурный код русского человека включает и своеобразные правовые ценности, весьма точно выявленные и отраженные в отечественной консервативно-правовой доктрине. Мыслители консерватизма акцентировали внимание на том, что разрушение нравственно-правовых ценностей русского человека неизбежно обернется гибелью государства. Рассматривая проблематику правосознания, И.А. Ильин указывал: «Необходимо приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души [Ильин, 1993, с. 31]. Указанное представляется достижимым путем синтеза правовой идеологии, воплощающей традиционные правовые ценности, адекватные потребностям времени, и системы позитивного права.

В контексте бытия феноменов права актуально соединение идеи и формы. Необходима комплементарность действия системы позитивного права и «живущих» в правосознании идей и ценностей, в противном случае неизбежна низкая эффективность работы правовых институтов. Правовые ценности должны выступать «дорожной картой» на всех стадиях правового регулирования: правотворчества, возникновения, изменения, прекращения правоотношения, реализации права, только тогда механизм правового регулирования станет подлинно действенным.

Список литературы

1. Байгутлин Р.И. 2013. Ценностно-идеологический фактор в правовом регулировании. Вестник Челябинского государственного университета. Право, 27 (318): 5–10.
2. Бурнашев Г.А. 2018. Ценностные аспекты правовой культуры и правовой идеологии, их влияние на правоприменительную политику. Молодой ученый, 48 (234): 107–110.
3. Ильин И.А. 1993. О сущности правосознания. М., Рарог, 235 с.
4. Кузубова А.Ю. 2021. Правовые ценности как критерий дифференциации политико-правовых доктрин русского консерватизма и европейского либерализма XIX века. Пробелы в российском законодательстве, 14 (1): 18–24.
5. Кузубова А.Ю. 2020. Правовые ценности русского консерватизма XIX века: монография. М., Юрлитинформ, 208 с.
6. Леонтьев К.Н. 2003. Чем и как либерализм наш вреден. В кн.: Храм и церковь. М., Издательство АСТ: 531–556.
7. Лукашева Е.А. 1979. Права человека и культура. В кн.: Конституция СССР и правовое положение личности. М., Изд-во ИГиП АН СССР: 19–31.
8. Мельников В.Ю. 2016. Право на конституционную правовую идеологию государства. Юридические исследования, 3: 1–6.
9. Поляков А.В. 2004. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 863 с.
10. Поляков А.В., Тимошина Е.В. 2005. Общая теория права. СПб., Издательский Дом С. -Петербур. гос. ун-та, 472 с.
11. Синюкова Т.В. 2001. Правосознание и правовое воспитание. В кн.: Теория государства и права: учебное пособие. М., Юрист: 611–625.

References

1. Baygutlin R.I. 2013. Tsennostno-ideologicheskii faktor v pravovom regulirovanii [The value-ideological factor in legal regulation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo, 27 (318): 5–10.
2. Burnashev G.A. 2018. Tsennostnye aspekty pravovoy kul'tury i pravovoy ideologii, ikh vliyanie na pravoprimeritel'nyuyu politiku [Value aspects of legal culture and legal ideology, their impact on law enforcement policy]. Molodoy uchenyy, 48 (234): 107–110.
3. Il'in I.A. 1993. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. M., Publ. Rarog, 235 p.
4. Kuzubova A.Yu. 2021. Pravovye tsennosti kak kriteriy differentsiatsii politiko-pravovykh doktrin russkogo konservatizma i evropeyskogo liberalizma XIX veka [Legal values as a criterion for differentiating the political and legal doctrines of Russian conservatism and European liberalism of the XIX century]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve, 14 (1): 18–24.
5. Kuzubova A.Yu. 2020. Pravovye tsennosti russkogo konservatizma XIX veka: monografiya [Legal values of Russian conservatism of the XIX century: monograph]. M., Publ. Yurlitinform, 208 p.
6. Leont'ev K.N. 2003. Chem i kak liberalizm nash vreden. [What and how our liberalism is harmful]. In: Khram i tserkov' [The Temple and the Church]. M., Publ. AST: 531–556.
7. Lukasheva E.A. 1979. Prava cheloveka i kul'tura. [Human rights and culture]. In: Konstitutsiya SSSR i pravovoe polozhenie lichnosti [The Constitution of the USSR and the legal status of the individual]. M., Publ. IGI P AN SSSR: 19–31.
8. Mel'nikov V.Yu. 2016. Pravo na konstitutsionnyuyu pravovuyu ideologiyu gosudarstva [The right to the constitutional legal ideology of the state]. Yuridicheskie issledovaniya, 3: 1–6.
9. Polyakov A.V. 2004. Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda [General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach]. SPb., Publ. S.-Peterb. gos. un-ta, 863 p.
10. Polyakov A.V., Timoshina E.V. 2005. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]: Uchebnik. SPb., Publ. S. -Peterb. gos. un-ta, 472 p.
11. Sinyukova T.V. 2001. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie. [Legal awareness and legal education]. In: Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. M., Publ. Yurist: 611–625.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузубова Ангелина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж, Россия

Сафронова Елена Викторовна, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Angelina Yu. Kuzubova, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Elena V. Safronova, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-353-360

Разграничение вопросов факта и права: сравнительно-правовое исследование

Куксин И.Н., Зеленин Н.Ю.

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Аннотация. Идея разграничения вопросов факта и права в западной доктрине на протяжении веков детальнейшим образом исследовалась не только правоведами, но и правоприменителями, в частности судами высоких инстанций. Это связано с тем, что вопросы о фактических обстоятельствах в этой правовой системе традиционно разрешались присяжными, тогда как вопросы права относились к компетенции судей. Авторы исходят из того, что изучение сущности разграничения вопросов факта и права – необходимый элемент формирования современного и логичного профессионального правопонимания, поскольку проблемы и споры по этой теме остаются актуальными как в части конкретного правоприменения, так и в части абстрактного понимания сущности исследуемых явлений. В статье дана краткая сравнительно-правовая характеристика примеров использования концепта разграничения вопросов факта и права в различных правовых порядках.

Keywords: вопросы факта и права, пределы пересмотра судебных решений, иностранное право, преюдиция.

Для цитирования: Куксин И.Н., Зеленин Н.Ю. 2021. В Разграничение вопросов факта и права: сравнительно-правовое исследование. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права. 46 (2): 353–360. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-353-360

Distinguishing issues of fact and law: a comparative legal study

Ivan N. Kuksin, Nikita Y. Zelenin

Moscow City Pedagogical University,
4, building 1 2nd Sel'skokhozyaistvennyi passage, 129226, Moscow, Russian Federation
E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract. The idea of distinguishing between questions of fact and law in Western doctrine has been studied in great detail for centuries not only by legal scholars, but also by law enforcement officials, in particular by high courts. This is due to the fact that questions of factual circumstances in this legal system were traditionally decided by juries, while questions of law were the responsibility of judges. The authors proceed from the fact that the study of the essence of the differentiation of issues of fact and law is a necessary element of the formation of a modern and logical professional legal understanding, since problems and disputes on this topic remain relevant, both in terms of specific law enforcement and in terms of an abstract understanding of the essence of the phenomena under study. The article provides a brief comparative legal description of examples of the use of the concept of distinguishing issues of fact and law in various legal systems.

Keywords: questions of fact and law, limits of judicial review, foreign law, prejudice.

For citation: Kuksin I.N., Zelenin N.Yu. 2021. Distinguishing issues of fact and law: a comparative legal study. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (2): 353–360 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-353-360

Введение

Отечественная правовая наука многие годы отличается фундаментальным подходом к изучению права. Анализ и изучение наиболее общих закономерностей и тенденций происхождения, развития и функционирования государства и права в их постоянном взаимодействии – одно из значимых для отечественной юриспруденции направлений. В то же время, по мнению авторов, имеется достаточно условий, чтобы констатировать некоторую степень разобщенности фундаментальной юридической науки и правоприменительной практики в современной России. Будучи наследником как имперской, так и советской юриспруденции, отечественный правовой порядок динамично изменяется и вырабатывает свои собственные черты, что позволяет воспринимать его как молодую правовую систему. В силу этого возникает потребность в изучении некоторых правовых проблем путем перехода от частного к общему, от отраслевого знания к общетеоретическому, позволяющему разрабатывать удобные и практически применимые алгоритмы, которые могут быть приняты в правоприменении.

В этой связи перспективными представляются компаративистские исследования как внутренне-исторические, так и с учетом опыта зарубежных коллег. Восприятие удачных научных и практических решений, их теоретическое осмысление и инкорпорирование в профессиональную деятельность – комплексная работа, позволяющая обращаться к юридическим механизмам как на уровне теоретической абстракции, так и в контексте реализации права.

Концепт разграничения вопросов факта и права

Одним из перспективных инструментов такого развития может быть осмысление концепта разграничения вопросов факта и права.

Концепт разграничения вопросов факта и права (*law-fact distinction*) – правовая идея, конструкция, тесно связанная с историей суда присяжных и на протяжении веков разрабатываемая в англо-американской юриспруденции. Однако, будучи рожденной в английском праве, это концепция оказала влияние на современное содержание процессуальных правил любой в той или иной степени развитой правовой системы.

Как было отмечено, осознанное и институциональное разграничение между вопросами факта (*issues of fact*) и вопросами права (*issues of law*) тесно связано с историей суда присяжных в Англии. Именно в рамках возникновения и развития этого института происходило концептуальное разграничение исследуемых понятий. Указанное положение объективно связано с тем, что вопросы о фактических обстоятельствах в этой правовой системе традиционно разрешались присяжными, тогда как вопросы права относились к компетенции судей.

Четкое и широко известное правововедам разграничение исследуемых понятий прослеживается к середине XVI века и связано с работами Э. Кока, самого известного и выдающегося правоведа своей эпохи и одного из самых известных юристов всех времен, с деятельностью которого связывают фактическое создание системы общего права [Weiner, 1966, с. 1867]. Обсуждаемая проблема была одной из его излюбленных тем. Он в своих работах, основываясь на известной латинской максиме, утверждал, что самый обычный метод разрешения вопросов факта – двенадцатью такими мужчинами, так как "*ad questionem facti non respondent iudices, ad questionem juris non respondent juratores*" (вопросы факта не решают судьи, вопросы права не решают присяжные) [Coke, 1832, p. 155]. Такое разделение известно и современному российскому праву, и закреплено оно в положениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 299 «Вопросы, разрешаемые судом» и ст. 334 «Полномочия судьи и присяжных заседателей»¹).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021 с изм. от 13.04.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2021. № 15 (Часть I). Ст. 2434.

В начале XXI века суд с участием присяжных заседателей не утратил своей значимости и продолжает действовать во многих государствах: в свыше 20 странах общего права и в 20 зависимых от них территориях; в более 15 странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, двух скандинавских государства и ряде стран со смешанной правовой системой [Попаденко, Красильникова, 2019, с. 16].

Однако концепт, появившийся в связи с фактоустановительной функцией присяжных, не ограничивается пределами этого института. Помимо названного, он проявляется в различных сферах:

– Правила пересмотра судебных постановлений.

В России суды кассационных инстанций (в отличие от апелляционного производства) по общему правилу не вправе переустанавливать фактические обстоятельства, то есть проверяют ошибки в вопросах права, но не вопросах факта. Подобные правила относятся к любой из процессуальных отраслей и закреплены, например, в ч. 1, 3 ст. 286, п. 2 ч. 1 ст. 287, ч. 2 ст. 287 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹; ч. 1 ст. 379.6, ч. 1 ст. 379.7, ч. 3 ст. 390 Гражданского процессуального кодекса РФ²; п. 1 ст. 389.15, п. 1 ст. 389.16 и ч. 1 ст. 401.15 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Таким образом, российский законодатель на нормативном уровне ограничивает полномочия высших судов в вопросах установления фактических обстоятельств дела.

В иных правопорядках действует похожие правила. Например, в американской судебной системе вопросы факта по существу разрешаются судьями первой инстанции либо присяжными. К установленным таким образом фактам судья первой инстанции (trial judge) применяет нормы статутного и прецедентного права. Апелляционный суд по общему правилу исправляет ошибки нижестоящих судов в вопросах права [Будылин, 2014, с. 86]. Другим образом определить вопрос факта апелляционный суд может лишь тогда, когда нижестоящим судом он разрешен очевидным образом необоснованно, то есть имеется явная ошибка³. Логика в том, что явная и очевидная ошибка в разрешении вопроса факта является по своей сути нарушением требования права.

При этом важной отличительной особенностью правовой системы США является наличие так называемых стандартов пересмотра судебных решений (standard of review). Так, при проведении апелляционного судопроизводства к вопросам факта и права применяются различные стандарты пересмотра, то есть некоторые правила, устанавливающие пределы вмешательства апелляционной коллегии в усмотрение нижестоящего судьи, степень почтительности (deference) к его выводам.

Большинство судов при пересмотре используют четыре основных стандарта: de novo (заново, без учета выводов нижестоящего суда – обычно применим к вопросам права), clear error (явная ошибка, как мы указывали выше, применим наиболее часто для вопросов факта), substantial evidence (существенное доказательство – стандарт, применяемый к вердикту присяжных, который подлежит пересмотру тогда и только тогда, когда он вообще не подкреплен сколько-нибудь существенными доказательствами), abuse of discretion (специальный стандарт, который можно перевести как злоупотребление усмотрением; такой стандарт применяется, когда процессуальная оценка фактов судов первой инстанции совершена произвольно и ни на чем не основана, например, необоснованное признание доказательства неотносимым или недопустимым) [Casey, Camara, Wright, 2001, с. 279–384].

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020 с изм. от 02.03.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

³ Federal Rules of Civil Procedure. Rule 52(a).

Таким образом, при наличии некоторых процессуальных различий, обусловленных иной структурой судебной системы, по своей сути сравниваемые правопорядки подчинены единому принципу, в соответствии с которым вопросы факта и права разграничиваются, а высокие суды пересматривают дела в части ошибок в разрешении вопросов права, но не пересматривают установленные фактические обстоятельства, если только не имеется явной ошибки или нарушений права в части процедуры установления и разрешения вопросов факта.

– **Вопросы установления содержания иностранного права.**

В отечественной правовой науке первой половины XX века отсутствовало единое мнение относительно квалификации иностранного права и обязанности установления его содержания. Одни ученые признавали, что суд должен устанавливать содержание иностранного права *ex officio* [Яблочков, 1909], некоторые другие утверждали, что к иностранному праву и его содержанию нужно относиться как к фактическому обстоятельству [Казанский, 1902].

Сегодня иностранное право в правовой науке России вполне однозначно трактуется как право, обязанность по установлению содержания которого по общему правилу возложена на суд, которому стороны вправе оказывать содействие. Суд должен применять иностранное право именно как правовые нормы и в соответствии с духом той правовой системы, частью которой они являются [Абова, Богуславский, Светланов, 2005, с. 309].

Отношение иностранных правопорядков к вопросам применения нормы иностранного права как факта или как права существенно отличается не только в разрезе правовых семей, но даже в пределах семьи общего права.

В Англии формирование традиционного подхода к вопросам иностранного права восходит к XVIII веку [Hausmann, 2008]. Такой подход применяется и сегодня: в Англии положения иностранного права являются «вопросом факта» и подлежат доказыванию сторонами [O'Brien, 1999, с. 145].

Подобным образом иностранное право квалифицировалось в правовой системе Соединенных Штатов Америки. Однако принцип квалификации иностранного права в качестве вопросов факта и соответственно определения того, что в судебном разбирательстве его содержание должно быть доказано сторонами, в законодательстве и практике США трансформировался и приобрел многие черты континентального подхода. В соответствии с ним содержание нормы иностранного права рассматривается в качестве правового вопроса. Так, в 1960-х годах на федеральном, а затем и региональном уровнях отказались от этого традиционного английского правила, объявив положения иностранного права «вопросом права» [Michalski, 2011].

Что касается правопорядков семьи романо-германского права, то, например, в правовой доктрине Германии признается, что содержание действующих в другом государстве норм требует доказывания только в том случае, если оно не может быть известно суду. Кроме того, при установлении содержания иностранного права немецкие суды не ограничены представленными сторонами доказательствами [Елисеев, 2004, с. 31].

Основываясь на сказанном, можно утверждать, что квалификация иностранного права – это теоретическое осмысление сущности иностранного права при его применении в стране суда с точки зрения его отнесения к правовой категории или к фактическому обстоятельству, в зависимости от которого определяется субъект доказывания (установления содержания) права.

– **Пределы преюдициальности судебных решений.**

Отделение вопросов факта от вопросов права имеет значение для преюдициальности судебных актов в условиях процессуальных ограничений деятельности публичных властных субъектов [Макогон 2013, 2014, 2017].

Российский правоприменитель, используя преюдицию, обычно обращается к двум наборам статей для правового обоснования. Во-первых, это общие положения-принципы об обязательности судебных актов: ч. 2 ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ,

ч. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 16 Кодекса административного судопроизводства РФ¹, ст. 392 Уголовно-процессуального права РФ. Во-вторых, используются специальные нормы об освобождении от доказывания: чч. 2–4 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ, чч. 2–4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, чч. 2–3 ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 90 Уголовно-процессуального права РФ. При применении указанных положений судами используется один и тот же набор терминов – обязательность и преюдиция.

Оба набора статей обосновывают недопустимость пересмотра установленных иным судом обстоятельств, связаны с принципом правовой определенности. Однако представляется, что в сопоставимых наборах идет речь о разных проявлениях обязательности судебных актов. Так, в общих положениях (ч. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 2 ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 16 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 392 Уголовно-процессуального кодекса РФ) говорится именно о свойстве обязательности судебного акта, свойстве не персонифицированном. Вспоминая теоретическую классификацию М.А. Гурвича, можно говорить о положительной стороне преюдиции [Гурвич, 1976, с. 161-162]. Это свойство основано на принципе правовой определенности и заключается в обязанности неустановленного круга лица (в том числе государственных органов) соотносить свое поведение с судебным актом до той степени, куда он не затрагивает их субъективные права и законные интересы. В ином случае такие лица приобретают право на самостоятельное участие в процессе. Объективные пределы общей обязательности не ограничиваются фактическими обстоятельствами, но структурно ограничены исключительно резолютивной частью судебного акта.

Говоря о положениях разделов о доказывании (чч. 2–4 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ, чч. 2–4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, чч. 2–3 ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ), мы подразумеваем собственно преюдицию, обязательно обладающую субъективными пределами и проявляющуюся только по вопросам факта (установленным обстоятельствам). Структурно источником преюдиции наиболее часто будет выступать мотивировочная часть судебного акта, поскольку именно там должны устанавливаться и определяться фактические обстоятельства.

По мнению авторов, несмотря на то, что отечественное право традиционно имеет более тесную связь с романо-германской семьей, правила преюдиции, определенные в российском законе, более подходят на англо-американские.

Преюдиция в странах общего права тесно связана с правилами доказывания. Общее правило преюдициальности носит название *res judicata* (иногда его называют *res judicata* в широком смысле). Доктрина *res judicata* (в широком смысле) распадается на две составляющие: *Claim preclusion* (запрет на иск). Это относится к судебному решению в целом и означает запрет на рассмотрение споров между теми же лицами по тем же основаниям, фактически является полным аналогом известного нам свойства исключительности судебного решения. *Issue preclusion* – эта доктрина относится к отдельным вопросам факта (*issue*), разрешенным судами ранее. Нередко можно увидеть аналогичный термин: «*estoppel by judgment*» [Friedenthal, Kane, Miller, 2005, с. 645-646].

Сравнивая *issue preclusion* с *claim preclusion*, можно говорить, что одна одновременно и шире, и уже другой. Шире, поскольку *issue preclusion* применяется не только по тождественным искам, но и по иным делам, в то время как *claim preclusion* (исключительно) касается только одинаковых дел. Более узким *issue preclusion* по отношению к *claim preclusion* является потому, что оно касается только вопросов факта и не предрешает вопросы права [Smith, 2006, с. 43].

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

По нашему мнению, именно доктрина *issue preclusion* наиболее похожа на установленные российским законодателем преюдициальные правила (ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Таким образом, говоря о преюдиции, следует различать преюдициальное значение судебного решения в целом, с одной стороны, и отдельных установленных им фактов и высказанных в нем правовых позиций, с другой.

Различие между объективными пределами обязательности и преюдициальности (преюдиция только по вопросам факта; обязательность по всему существу вопросов, связанных с резолюцией судебного акта) как раз и обосновывает связь между этим институтом и концептом разграничения вопросов факта и права. Правильно определить объективные пределы преюдиции невозможно без понимания грани между правовым выводом и выводом об установленном фактическом обстоятельстве. Сегодня суды нередко допускают терминологическую неточность, называя нефактические выводы обязательными или преюдициальными, одновременно разрабатывая позицию, при которой признается, что преюдиция распространяется только на факты, но не их правовые оценки. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации распространяет пределы преюдициальности судебного решения на выводы суда о правоотношениях: лицо, ранее участвующее в деле о взыскании задолженности, не вправе оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты, в частности факт прекращения поручительства¹. Верховный Суд ошибочно, по мнению авторов, называет правовой вывод о прекращении поручительства фактом (это определенно является вопросом права), однако указанное само по себе не влияет на существо и правильность принятого решения.

Заключение

Идея разграничения вопросов факта и права существует в сознании юристов разных правовых систем. Это общеправовой принцип, рецепированный правовым сознанием ученых и практиков всего мира. Разграничение вопросов факта и права с той или иной степенью осознанности проявляется как в отечественном законодательстве, так и в праве иностранных государств. Изучаемая концепция непосредственно связана с практикой правоприменения. Она объективно проявляется в деятельности судов, нередко упоминается в текстах судебных решений. При этом обнаруживается, что с позиции теоретического осмысления названная тема практически мало исследована, в частности, в отечественной доктрине. С одной стороны, указанное обуславливается функциональным подходом в преодолении возникающих сложностей и вопросов, однако справедливо и то, что в условиях отсутствия какого-либо алгоритма разграничения вопросов факта и права эффективность использования этой концепции падает, а задача разрешения пограничных вопросов выполняется правоприменителем *ad hoc* (в рамках разрешения конкретного вопроса и спора), что не всегда обеспечивает consistency принимаемых решений. Более четкое понимание причин и порядка разграничения вопросов факта и права в юриспруденции необходимо для дальнейшего совершения правовых институтов, в которых это разграничение проявляется. Когда отделению вопросов факта от вопросов права дается больше внимания, процесс правоприменения и выработки правовой позиции становится понятнее, логичнее, предсказуемее как для участников правоприменительного процесса, так и для правоприменителя.

Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации №30-КГ20-1-К5. Банк судебных решений. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1905686.html (дата обращения 16.01.2021 г.).

Список литературы

1. Абова Т.Е., Богуславский М.М., Светланов А.Г. 2005. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М., Издательство Юрайт, 1069 с.
2. Будылин С.Л. 2014. Вопрос права или вопрос факта? Доказывание и кассация. Вестник ФАС Уральского округа, 2 (30): 79-124.
3. Гурвич М.А. 1976. Судебное решение: Теоретические проблемы. М., Юридическая литература, 175 с.
4. Елисеев Н.Г. 2004. Гражданское процессуальное право зарубежных стран. М., Проспект, 602 с.
5. Казанский П. 1902. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса, «Экон.» тип., 532 с.
6. Макогон Б.В. 2014. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 6 (49): 74–80.
7. Макогон Б.В. 2017. Методологически опорная трактовка юридического процесса. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1 (80): 32–35.
8. Макогон Б.В. 2013. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. Москва, Издательский дом «Юр-ВАК», 207 с.
9. Попаденко Е.В., Красильникова Е.В. 2019. Суд присяжных. М, Юрайт, 169 с.
10. Яблочков Т.М. 1909. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль: Типография Губернского Правления. 212 с.
11. Casey K., Camara J., Wright N. 2001. Standards of Appellate Review in the Federal Circuit: Substance and Semantics. Federal Circuit Bar Journal, Vol. 11: 1–83.
12. Coke E. 1832. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, a Commentary upon Littleton. 19th ed. Vol. 1. London. 788 p.
13. Diane Vaksdal Smith. 2006. Finality of Judgment: Issue Preclusion, Claim Preclusion, and Law of the Case. The Colorado Lawyer. July. URL: https://www.researchgate.net/publication/242782015_Finality_of_Judgment_Issue_Preclusion_Claim_Preclusion_and_Law_of_the_Case (дата обращения 11.03.2021).
14. Friedenthal J.H., Kane M.K., Miller A.R. 1999. Civil procedure. Fourth Edition. Hornbook series. Thomson/West. 896.
15. Hausmann R. 2008. Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis. The European Legal Forum, № 1. I-1 – I-60.
16. Michalski R. 2011. Pleading and Proving Foreign Law in the Age of Plausibility Pleading. Buffalo Law Review, Vol. 59: 1207–1266.
17. O'Brien J. 1999. Conflict of Laws. London. 652 p.
18. Weiner S.A. 1966. The Civil Jury Trial and the Law-Fact Distinction. California Law Review, Vol. 54: 1867–1940.

References

1. Abova T.E., Boguslavskij M.M., Svetlanov A.G. 2005. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation]. M., Publ. YUrajt. 1069.
2. Budylin S.L. 2014. Vopros prava ili vopros fakta? Dokazyvanie i kassaciya [A question of law or a question of fact? Proof and cassation]. Vestnik FAS Ural'skogo okruga, 2: 79–124. (In Russian)
3. Gurvich M.A. 1976. Sudebnoe reshenie: Teoreticheskie problem [Judicial decision: Theoretical problems]. M., Publ. YUridicheskaya literatura, 175 p.
4. Eliseev N.G. 2004. Grazhdanskoe processual'noe pravo zarubezhnyh stran [Civil procedural law of foreign countries]. M., Publ. Prospekt, 602 p.
5. Kazanskij P. 1902. Uchebnik mezhdunarodnogo prava publichnogo i grazhdanskogo [Textbook of International public and Civil law]. Odessa, Publ. «Ekon.» tip., 532 p.
6. Makogon B.V. 2014. Komponent yuridicheskoy otvetstvennosti v processual'no-ogranichitel'noj deyatel'nosti publichnyh vlastnyh sub"ektov [The component of legal responsibility in the procedural and

restrictive activities of public authorities]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 6 (49): 74–80.

7. Makogon B.V. 2017. Metodologicheski opornaya traktovka yuridicheskogo processa [Methodological reference interpretation of the legal process]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 1(80): 32–35. (In Russian)

8. Makogon B.V. 2013. Processual'no-pravovye ogranicheniya kak atribut deyatelnosti vlastnyh sub"ektov. Monografiya [Procedural and legal restrictions as an attribute of the activities of power subjects. Monograph]. Moscow, Publ. "YUr-VAK". 207 p.

9. Popadenko E.V., Krasil'nikova E.V. 2019. Sud prisyazhnyh [Trial by jury]. M., Publ. YUrajt. 169 p.

10. Yablochkov T.M. 1909. Kurs mezhdunarodnogo grazhdanskogo processual'nogo prava [Course of International Civil Procedure Law]. Publ. YAroslavl': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 212 p.

11. Casey K., Camara J., Wright N. 2001. Standards of Appellate Review in the Federal Circuit: Substance and Semantics. *Federal Circuit Bar Journal*, Vol. 11: 1–83.

12. Coke E. 1832. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, a Commentary upon Littleton. 19th ed. Vol. 1. London. 788 p.

13. Diane Vaksdal Smith. 2006. Finality of Judgment: Issue Preclusion, Claim Preclusion, and Law of the Case. *The Colorado Lawyer*. July. URL: https://www.researchgate.net/publication/242782015_Finality_of_Judgment_Issue_Preclusion_Claim_Pr_eclusion_and_Law_of_the_Case (Date Accessed 11.03.2021).

14. Friedenthal J.H., Kane M.K., Miller A.R. 1999. Civil procedure. Fourth Edition. Hornbook series. Thomson/West. 896.

15. Hausmann R. 2008. Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis. *The European Legal Forum*, № 1: I-1 – I-60.

16. Michalski R. 2011. Pleading and Proving Foreign Law in the Age of Plausibility Pleading. *Buffalo Law Review*, Vol. 59: 1207–1266.

17. O'Brien J. 1999. *Conflict of Laws*. London. 652 p.

18. Weiner S.A. 1966. The Civil Jury Trial and the Law-Fact Distinction. *California Law Review*, Vol. 54: 1867–1940.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куксин Иван Николаевич, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Зеленин Никита Юрьевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan N. Kuksin, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law and Management, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

Nikita Y. Zelenin, PhD Student, Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law and Management, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-361-367

Органика общей и правовой глобализации

Макогон Б.В., Беляева Г.С., Мирошников Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: makogon@bsu.edu.ru, belyaeva_g@bsu.edu.ru, miroshnikov@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлена авторская позиция по проблематике современных представлений о качествах процесса глобализации и соответствующей правовой ипостаси. Принимая во внимание как общие характеристики глобализации, так и те, которые обусловлены современным ее периодом и правовым измерением, авторами рассмотрена сущность глобализации с учетом теории пределов, конфликтологии; определена органика взаимодействия в закольцованной глобализационно-правовой системе, а также диалектики глобализации, выражающейся в единстве и борьбе противоположных тенденций и сил. Сделаны выводы о положительных и отрицательных следствиях глобализационных процессов, а также о роли фундаментальных юридических знаний и представлений в охране и защите интересов современной государственности. В заключение авторами оформлено представление об угрозах телеологической коррупции при формировании концептуальных начал государственно-правового развития современного государства в условиях глобализации и сопутствующих процессов, требующих аналитико-синтезной оценки.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, процесс правовой глобализации, интеграция.

Для цитирования: Макогон Б.В., Беляева Г.С., Мирошников Е.В. 2021. Органика общей и правовой глобализации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (2): 361–367. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-361-367

Organics of general and law globalization

Boris V. Makogon, Galina S. Belyaeva, Evgeny V. Miroshnikov

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation

E-mail: makogon@bsu.edu.ru, belyaeva_g@bsu.edu.ru, miroshnikov@bsu.edu.ru

Abstract. This article presents the author's position on the problems of modern ideas about the qualities of the globalization process and the corresponding legal hypostasis. With respect to both general globalization characteristics and those that were occasioned by its modern period and legal dimension. The authors consider the essence of globalization, taking into account the theory of limits and conflictology. They also determine the organics of interaction in the looped globalization-legal system. Moreover, the authors designate the dialectics of globalization, expressed in the unity and struggle of opposing tendencies and forces. The conclusions about the positive and negative consequences of globalization processes are drawn in this article, as well as the role of fundamental legal knowledge and ideas in the safety and protection of the modern statehood interests. In conclusion, the authors formulated an idea of the threats of teleological corruption in the formation of conceptual principles of state and legal development of a modern state in the context of globalization and related processes that require analytical and synthesis assessment.

Keywords: globalization, law globalization, process of law globalization, integration.

For citation: Makogon B.V., Belyaeva G.S., Miroshnikov E.V. 2021. Organics of general and law globalization. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (4): 361–367 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-361-367

Введение

Смело заметим, что глобализация определила предыдущее столетие. Две мировые войны, формирование новых финансово-экономических стандартов, вначале попытки, затем действительно создание жизнеспособной международно-правовой системы, которую можно назвать конститутивной, мировое соперничество, на фоне развития технологий перешедшее в гибридное русло, – все это явилось катализаторами, и драйверами, и следствиями/сателлитами глобализации. Сформировавшиеся и продолжающие развиваться нормативные комплексы, претендующие на звание источника суверенитета, государственности, их институтов, человечности, словно обнаружив в современности новый импульс, как волны лавин обрушиваются на государства, их объединения, целые сферы отношений и установки, требуя подчинения и вызывая как таковое, так и обратные реакции.

При этом в каждом периоде уместно говорить о невиданных по своим масштабам трансформациях, что еще раз подтверждает наше отношение к глобализации как к процессу, включающему в себя систему процессов, интенсивность и степень агрессии которого коррелирует с движением цивилизации по пути эволюции, революций и точек бифуркации. Последние, став одним из символов века, закончившего тысячелетие (существует даже отношение к предыдущему столетию как к веку бифуркаций), в нынешнем столетии уже приобрели более массовый, акселерационный характер.

Глобальная интеграция: стремление, конфликт, круговорот

Отношения представляются всегда реактивными, вопрос лишь в силе реакций, не в последнюю очередь определяющейся силой, объемом, системностью и продолжительностью воздействия.

Глобальные системы информационного обмена и теперь уже полноценного созидания продолжают трансформировать мир с перманентно усиливающимся ускорением; представляются одновременно и средой, и средствами, и инструментами, а зачастую даже аксиологическими ориентирами развития. Четвертая технологическая революция, о которой слишком многие всерьез стали говорить уже на завершающем этапе периода первоначального накопления соответствующего капитала, принесла не только блага, поддержку и возможности, но и ресурсы, соблазны для продвижения политики безоговорочного лидерства и даже диктата в глобализирующемся мире.

Государства в стремлении воплотить в жизнь не только свой потенциал, но и амбиции, тяготеют к сближению финансово-экономических, общесоциальных, культурных, правовых систем; как материальные, так и идеальные, институциональные международные площадки становятся полями утверждения политической воли, демонстрации силы, обозначения мест и ролей в глобальном пространстве не только настоящем и перспективном, но, как это ни парадоксально, и в прошлом.

Суть глобализации – в стремлении к интеграции, на фоне которого процессы конвергенции органически встречаются с глобальной дивергенцией. Такая реактивность, уже упомянутая выше, видится логичной и согласующейся с концептуальными положениями теории систем.

Существует мнение, в соответствии с которым глобализация предполагает «глобализирование» одних субъектов другими в целях установления неких общностей для первых

[Бауман, 2004]. Такой подход представляется довольно интересным в виду того, что в целом иллюстрирует расслоение мирового сообщества и дальнейшее укрепление такового, даже, возможно, формальное закрепление, что является одним из наиболее актуальных следствий и в то же время двигателем глобализации. При этом представленная позиция может быть уязвимой и одновременно справедливой.

Поясним, что, по нашему мнению, в таких рамках глобализация трактуется чрезмерно узко; тот факт, что субъекты, обладающие такими возможностями, стремятся теми или иными способами и средствами навязать свои правила игры другим, видится именно одним из проявлений глобализации как процесса, основанного на конфликте, ориентированного, в том числе, на указанное. И, конечно же, мы не можем вести речь об установлении в рамках глобализации общностей в прямом их понимании, то есть полностью одного и того же для всех глобализируемых, ведь тогда будет явная коррупция современной гибридной методологии расширения зон влияния, что не отразит реалии сегодняшней ступени развития человечества.

Глобализация – это процесс [Макогон, 2017], который не является конечным, поскольку в случае достижения уровня глобальности в сто процентов, абсолютной унификации социальных связей и их регулирования всеми типами норм, устремлений, мотивационных составляющих, доктрин, сфер существования материальных и идеальных объектов, систем их взаимодействия и саморегулирования произойдет утрата конфликта как элемента, обеспечивающего стабильность и жизнеспособность системы, на котором, по нашему мнению, основаны глобализационные процессы.

Конечно, человеческое общество стремится к интеграции, унификации и гармонизации нормативных систем для упрощения своей эволюции, обмена, совершенствования. Однако, по указанным выше причинам, абсолюта достичь не может. Он представляется объектом, являющимся пределом последовательности событий и действий, которые соответствуют отношениям, складывающимся в процессе глобализации. Соответственно, считаем методологически оправданным вести речь не о некоторой теоретической высшей его точке в будущем, а о наивысшем его плато. На такое плато глобализация может выйти через субъективные и объективные пути, идущие рука об руку.

Субъективный путь определен стремлением субъектов к доминированию на мировой арене. Он комплексный, включает в себя экономическую, политическую, военную, культурную, возможно, в некотором смысле, религиозную телеологию, и в нем усматриваются не только очевидные негативные стороны, но и позитивные аспекты, связанные с управлением глобализацией для нивелирования ее отрицательных сателлитов, таких как безработица, бедность, болезни, экологические проблемы и сопряженные с ними государственные и «правозащитные риски» [Новикова, Анисимов, 2008], смешанность «правозащитных приоритетов» [Мархгейм, Новикова, 2008], «горячие» войны и другое.

Путь объективный – суть естественный процесс сближения и диффузии, провоцируемый комплексом факторов культурной и экономической природы, обусловленный установками на совершенствование среды жизнедеятельности. Он представляется долгосрочным, его интенсивность различается в зависимости от исторических периодов, неравномерна и не зависит от оперативных действий каких-либо субъектов для решения текущих задач и целеполагания как деятельности.

Распространена позиция о преимущественно негативной оценке глобализации. Действительно, современные информационные системы дали возможности для формирования масштабного и крепкого культа западничества, поглощения исконно национальных культур, агрессивной трансформации языков, однополярной санкционной риторики для управления целыми сферами отношений и самоутверждения внеконкурентного лидерства. Глобализация порождает глобальные проблемы, решение которых в принципе не представляется возможным без усложнения международных отношений и соответствующей методологии.

То есть глобализацию сопровождают свойственные ей сложности, преодолению которых нужна глобализация. Именно поэтому выше мы указали, что рассмотренные объективный и субъективный пути идут рука об руку. Международный терроризм, существование экологических оазисов за счет менее благополучных территорий, трансформация парадигм правопонимания и правового сознания именно на глобальном уровне, тенденция к трактовке, в том числе в межгосударственных и сопряженных отношениях, правоприменения как юридического процесса усмотрения, пересмотр признаков социального государства в угоду глобализации и тотальной цифровизации, сдвиги в функционировании национальных систем конституционного контроля, расширение пространства и свободы использования института правовых ограничений [Макогон, 2013б], киберугрозы при усиливающейся зависимости человечества от непрерывной работы технологий – все это мы уверенно относим к негативным следствиям глобализации, при этом уточняя, что не считаем их непреодолимыми при конструктивном межгосударственном диалоге на международных площадках, система которых, конечно, нуждается в обновлении. Последнее – считаем критичным.

Правовая ипостась глобализации

Особое значение в условиях глобализирующегося мира приобретает право, на которое возлагаются критичные системные задачи, с одной стороны, по легально-формальному закреплению соответствующих глобализационных тенденций, обеспечению вхождения современных государств в мировое сообщество; с другой – задачи по управлению глобализационными процессами применительно к конкретному государству, по их сдерживанию и направлению в определенное русло, дабы не допустить негативных последствий, связанных в целом с аккультурацией [Иванец, Червонюк, 2003; Рубанов, 1994], с нестыковкой национальных культур и возможностей с воспринимаемыми мировыми веяниями, а также с опасностью попадания в невозвратную, без мощных шоков, зависимость от наиболее, в популярном понимании, развитых стран, заняв место своеобразного придатка в мировом сообществе.

Правовая ипостась глобализации многогранна и отражает все рассмотренные выше характеристики. По аналогии с объективным и субъективным путями определим, что она может рассматриваться как процесс воздействия глобализации на международное и национальное право, а также в обратном порядке. В последнем контексте нами трактуются, к примеру, изменения в законодательстве и доктринах, ограничивающие юрисдикцию международных судебных органов; весь механизм правовой гармонизации, отличный от унификации.

Таким образом, через юридическую процессуальную форму [Макогон, 2013а], включающую стадии производства, режим, процессы глобализации транспонируются в государственно-правовую действительность с выражено ограничительными [Беляева, 2011] свойствами [Беляева, 2013].

Соответственно, возрастание именно значения глобальных правовых тенденций для национального и международного права коррелирует с глобализацией самого права [Макогон, 2007]; правовые системы по целому ряду параметров сближаются, ведется дискуссия о формировании «глобальной правовой системы» [Боголюбов С. А. и др., 2004]. Право, по нашему представлению, являющееся той формой, которая способна упорядочить отношения, складывающиеся в любых сферах – от экономической и военно-политической экспансии до определения принципов сотрудничества в формировании мироустройства, видится аккумулятором знаний о глобализации и источником власти по управлению ее процессами.

Конечно, в современном витке глобализации можно отметить тенденцию к возрастанию дивергенционных процессов в праве. Однако полагаем, что такие процессы, протекающие с большей или меньшей интенсивностью, можно наблюдать в различные истори-

ческие периоды. Глобальную правовую дивергенцию мы связываем с устойчивой жизнеспособностью института государственного суверенитета, обеспечивающего уникальность государственности любой страны. К тому же суверенитет можно интерпретировать как ключевую идейно-идеологическую составляющую организации жизни общества и стабильного функционирования единой системы публичной власти. И здесь усматривается важное ограничение в отношении глобализации, суть которого кроется в понимании того, что тон международному праву задается наиболее экономически сильными державами и преимущественно в собственных интересах. Важно, что это далеко не всегда негативно. Но правовая система сдерживания реализации намерений абсолютизации международного права – необходимый элемент правовой политики и правовой жизни в интенсивно глобализирующемся мире.

Заключение

Глобализация органически противоречива. Поддерживая экономический рост, распространение демократии, обмен технологическим опытом, расширяя международное сотрудничество, она влечет риски для устойчивости государственного суверенитета, поглощение национальных культур при одностороннем распространении культурных ценностей, углубление неравенства, зависимости не всегда взаимной, автоматическое проецирование кризисов, возникающих в отдельно взятой стране, на весь мир, угрозу искусственного установления пределов развития государств.

По мере усложнения национальной и глобальной систем к политическим и правовым решениям государств предъявляются все более развернутые требования, которые не представляется возможным в необходимой и достаточной степени удовлетворить без активного участия науки и адекватного научного обобщения.

Учитывая, что в актуальных реалиях процесс глобализации в значительной мере протекает под стараниями управления им, определения его ориентиров и содержания, думается, именно фундаментальная юридическая наука обладает ресурсом для исключения коррупции телеологических предпочтений, нивелирования рассмотренных негативных следствий, эффективного соотнесения возможностей и планируемых государственно-правовых трансформаций.

Кроме того, уместными представляются обоснованные программы развития государств в рамках глобализации. Прогрессивная эволюция государственности, формы сотрудничества с другими странами, совершенствование законодательства и его применения, повышение авторитета закона и ликвидация деформаций правосознания – все это входит в область научной деятельности.

В глобализирующемся мире превалирует не идеологизация уже принятых решений, а уважение к теории, философии, понимание их возрастающей роли в обществе; не нарекания, а стимулирование творческой активности ученых, формулирование широкого и перспективного социального заказа, привлечение науки к разработке и гуманитарной экспертизе важнейших правовых, экономических и социально-политических проектов, – вот принципы отношения практики (политики) к теории (науке).

В рамках заявленной проблематики считаем контрпродуктивным тотальную приоритизацию узкоспециализированных направлений исследований и следование исключительно им в процессе принятия таргетирующих, программных, прогностических и управленческих решений. Для корректности целеполагания «тоннельный» подход в разрешении государственно и общественно значимых дел в условиях глобализации не может быть оправдан необходимостью решения оперативных задач.

Действительно, возможно, иногда велик соблазн действовать рывками. Но рывки по определению темпорально и результативно ограничены, могут вызывать агонию и истощение. При этом рывки телеологии представляются несущими куда большую угрозу, ведь именно они обладают всем потенциалом, чтобы превратить кризис в идеологию, которая

прочно и надолго может укрепиться уже в государственно-правовой, социальной, национальной традиции.

Список литературы

1. Бауман З. 2004. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 188 с.
2. Беляева Г.С. 2011. Необходимость и формы ограничения государственной власти: постановка проблемы. Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право, 14 (109): 114–118.
3. Беляева Г.С. 2013. К вопросу о понятии правового режима ограничения. Проблемы экономики и юридической практики, 4: 10–12.
4. Боголюбов С. А. и др. Глобализация и развитие законодательства. Очерки. 2004. Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М., 464 с.
5. Иванец Г.И., Червонюк В.И. 2003. Глобализация, государство, право. Государство и право, 8: 87–94.
6. Макогон Б.В. 2017. Методологически опорная трактовка юридического процесса. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1 (80): 32–35.
7. Макогон Б.В. 2013а. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 4 (60): 17–22.
8. Макогон Б.В. 2007. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере. История государства и права, 3: 2–4.
9. Макогон Б.В. 2013б. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 8 (39): 40–46.
10. Маркгейм М.В., Новикова А.Е. 2008. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ. История государства и права, 6: 38–40.
11. Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. Адвокатская практика, 4: 5–7.
12. Рубанов А.А. 1994. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 287 с.

References

1. Bauman Z. 2004. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obschestva [Globalization. Consequences for the individual and society]. M., 188 p.
2. Belyaeva G.S. 2011. Neobkhodimost' i formy ogranicheniya gosudarstvennoy vlasti: postanovka problem [Necessity and forms of restriction of state power: problem statement]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofia. Sotsiologiya. Pravo, 14 (109): 114–118.
3. Belyaeva G.S. 2013. K voprosu o ponyatii pravovogo rezhyma ogranicheniya [On the concept of the restriction legal regime]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy prartiki, 4: 10–12.
4. Bogolyubov S. A. et al. Globalizatsiya i razvitie zakonodatelstva. Ocherki [Globalization and the development of legislation. Essays]. 2004. Ed. YU.A. Tikhomirov, A.S. Pigolkin. M., 464 p.
5. Ivanec G.I., Chervonjuk V.I. 2003. Globalizacija, gosudarstvo, pravo [Globalization, state, law]. Gosudarstvo i pravo, 8: 87–94.
6. Makogon B.V. 2017. Metodologicheski opornaja traktovka juridicheskogo processa [Methodologically supporting interpretation of the legal process]. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 1 (80): 32–35.
7. Makogon B.V. 2013. Nauchnaya konstruktsiya yuridicheskoy protsessual'noj formy i ee vidy [Scientific construction of the legal procedural form and its types]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 4 (60): 17–22.
8. Makogon B.V. 2007. Obshhaja harakteristika processov globalizacii v pravovoj sfere [General characteristics of the processes of globalization in the legal sphere]. Istorija gosudarstva i prava, 3: 2–4.
9. Makogon B.V. (2). 2013. Ponjatie i processual'nye vidy pravovyh ogranichenij [Concept and procedural types of legal restrictions]. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 8 (39): 40–46.
10. Markhgeym, M.V., Novikova A.E. 2008. Pravozashhitnye prioritety v vozzrenijah otechestvennyh predstavitelej liberal'noj i konservativnoj nauchnyh shkol [Human rights priorities in the

views of domestic representatives of the liberal and conservative scientific schools]. *Istorija gosudarstva i prava*, 6: 38–40.

11. Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. *Ekologicheskie pravozashchitnye riski: problemy teorii i praktiki* [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. *Advokatskaya praktika*, 4: 5–7.

12. Rubanov A.A. 1994. *Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodejstvija nacional'nyh pravovyh sistem* [Theoretical foundations of international interaction of national legal systems]. M., 287 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макогон Борис Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Беляева Галина Серафимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Мирошников Евгений Васильевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boris V. Makogon, doctor of law, associate professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Galina S. Belyaeva, doctor of law, professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Evgeny V. Miroshnikov, candidate of economics, associate professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.52; 342.53

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-368-375

Типичные сферы конституционного взаимодействия палат бикамеральных парламентов стран Африки

Мархгейм М.В., Безуглая А. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: markheim@bsu.edu.ru; minasyan@bsu.edu.ru

Аннотация. По своей значимости и уровню формализации взаимодействие публичных конституционных субъектов претендует на статус конституционного принципа, который наиболее последовательно реализуется в бикамеральных парламентах. Конституционное взаимодействие палат парламентов исследовалось ранее на примерах фокусных групп стран СНГ, Азии, Европы. Выявленные закономерности составили матрицу для проведения аналогичного анализа по странам Африки. Авторами сделан акцент на выявлении универсальных (типичных) сфер взаимодействия палат парламентов. Исследование показало, что в числе таковых – законодательная сфера, предполагающая консолидированное участие палат в разработке и принятии законодательства, проведении совместных заседаний по различным поводам; контрольная сфера, представленная тремя сегментами: кадрово-контрольным (связан с отрешением от должности главы государства и премьер-министра), организационно-контрольным (касается участия палат в формировании совместных комиссий и органов власти) и финансово-контрольным (затрагивает вопросы принятия палатами парламента государственного бюджета).

Ключевые слова: конституция, взаимодействие палат парламента, универсальные сферы взаимодействия палат парламента, южноафриканский регион.

Благодарности: исследование проведено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова», соглашение № 075-15-2020-411 от 16.03.2020

Для цитирования: Мархгейм М.В., Безуглая А.А. 2021. Типичные сферы конституционного взаимодействия палат бикамеральных парламентов стран Африки. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 368–375. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-368-375

Typical areas of constitutional interaction between the Chambers of bicameral parliaments of African countries

Marina V. Markheyim, Anna A. Bezuglya

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: markheim@bsu.edu.ru; minasyan@bsu.edu.ru

Abstract. By its significance and level of formalization, the interaction of public constitutional subjects claims to be a constitutional principle, which is most consistently implemented in bicameral parliaments. The constitutional interaction of the chambers of parliaments was studied earlier on the examples of focus groups of the CIS countries, Asia, and Europe. The identified patterns formed a certain matrix for conducting a similar analysis for African countries. By its significance and level of formalization, interaction claims to be a constitutional principle. This principle is most consistently implemented in bicameral parliaments. The constitutional interaction of the chambers of parliaments was studied earlier on

the examples of the CIS countries, Asia, and Europe. The identified patterns formed a certain matrix for conducting a similar analysis for African countries. This article presents the results of a comparative legal analysis of the constitutional acts of African countries regarding the consolidation in them of the spheres of interaction between the chambers of parliaments. The study showed that among the universal spheres of interaction between the chambers of parliament is the legislative sphere, which presupposes the consolidated participation of the chambers in the development and adoption of legislation; the control sphere, represented by a set of three segments: personnel and control (associated with the dismissal of the head of state and prime minister), organizational and control (concerns the participation of chambers in the formation of joint commissions and government bodies) and financial control (concerns the adoption by the chambers of parliament state budget).

Keywords: constitution, interaction of chambers of parliament, typical spheres of interaction of chambers of parliament, South African region.

Acknowledgements: the study was conducted with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation, project number-MK-1377.2020.6, project topic "The integral role of interaction between the Chambers of Parliament in ensuring the constitutional right to freedom of speech", agreement No. 075-15-2020-411 of 16.03.2020.

For citation: Markhgeym M.V., Bezuglya A.A. 2021. Typical areas of constitutional interaction between the Chambers of bicameral parliaments of African countries. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (2): 368–375 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-368-375

Введение

Взаимодействие публичных конституционных субъектов является верным способом обеспечения единства публичного пространства государства и устойчивости государственного механизма. По своей значимости и уровню формализации взаимодействие претендует на статус конституционного принципа [Мархгейм, 2018: 56]. Данный принцип наиболее последовательно реализуется в бикамеральных парламентах. Конституционное взаимодействие палат парламентов исследовалось ранее на примерах иных фокусных групп государств, как то: страны СНГ [Мархгейм, Безуглая, 2020], Азии [Стус и др., 2019], Европы [Полухин, Минасян, 2018]. Выявленные закономерности составили определенную матрицу для проведения аналогичного анализа по странам Африки.

Выявление конституционных форм взаимодействия палат парламента обусловлено, в первую очередь, тем, что парламент выступает в качестве единого органа, императивно уполномоченного не только принимать законодательные акты от имени государства, но и участвовать в реализации различных функций последнего (контрольной, международной, кадровой, безопасности и др.) Такая конституционная прерогатива парламента детерминирует интерес к его исследованию, особенно в ходе рассмотрения деятельности бикамеральных парламентов, поскольку только благодаря взаимодействию обеих палат реализуется, прежде всего, законодательная власть в государстве. В качестве примера возможно привести положения ст. 35 Конституции Габона [Хабриева, 2018: 593]: «Законодательная власть представлена Парламентом, который состоит из двух палат: Национального собрания и Сената». Аналогичные формулировки содержатся в п (а) ст. 106 Конституции Эсватини (Свазиленда) – «высшая законодательная власть в Свазиленде принадлежит Королю-в-Парламенте», в ст. 100 Конституции Демократической республики Конго [Хабриева, 2018: 676]: «Законодательная власть состоит из Парламента, состоящего из двух палат: Национального Собрания и Сената». Подобные примеры нашли отражение и в иных конституционных актах: ст. 147 Конституции Бурунди, ст. 50 Конституции Зимбабве, ст. 93 Конституции Кении, ст. 64 Конституции Ранды и др.

Весьма оригинальными (в контексте конституционного интерпретирования законодательной власти) являются положения ст. 44 Конституции Намибии: «Законодательная

власть в Намибии принадлежит Национальному Собранию». Следует отметить, что наряду с Национальным Собранием в парламент входит и вторая палата – Национальный Совет (ч. 2 (а) ст. 146 Конституции Намибии). Подчеркнем, что такой подход по сравнению с иными бикамеральными парламентами государств, например, Европы и Азии, является исключением, нежели правилом [Никонова, Минасян, 2017; Dzybova et al, 2018; Minasyan, 2019].

Законодательная сфера взаимодействия палат бикамеральных парламентов

Проведенный анализ 20 конституций стран Африки, имеющих бикамеральный парламент, позволил сформулировать вывод о наличии универсальных (типичных) сфер взаимодействия палат парламентов.

Наряду с иными государствами [Минасян, Никонова, 2016; Минасян, Никонова, 2016; Полухин, Минасян, 2018; Стус и др., 2019] к числу универсальных сфер взаимодействия в странах Африки ожидаемо относится законодательная сфера. Согласно конституционным положениям ст. 78 Конституции Лесото законопроект принимается посредством его прохождения «через обе палаты Парламента». Уточним, что в названном конституционном акте закреплено внесение законопроекта только в нижнюю палату парламента – Национальное Собрание.

Так, в ст. 36 Конституции Габона закреплено право Парламента (исходя из контекста конституционного акта, речь идет о двух палатах) «голосовать за законы». Отмечено, что «Любой законопроект... последовательно рассматривается в обеих палатах Парламента». Следует отметить, что конституционные роли относительно внесения законопроекта в конкретную палату не установлены. Такой подход законодателя разделяют и иные рассматриваемые парламента (например, ст. 130 Конституции Демократической Республики Конго, ст. 147 Конституции Конго). Исключения составляют только финансовые законопроекты (ст. 54 Конституции Габона).

Конституция Эсватини в ст. 107 закрепляет положения о том, что законопроекты принимаются обеими палатами Парламента. При этом отмечены случаи, когда законопроект должен быть принят исключительно на совместном заседании (ст. ст. 115 (3), 116 (1), 117). Уточним, что конституировано право направления законопроекта в обе палаты парламента, за исключением финансовых и иных законопроектов, затрагивающих вопросы статуса, полномочий, назначения высших органов государства, национальных земель, обычаев и др. (ст. 110 и ст. 115 (6) Конституции Эсватини). Следует отметить, что палаты Парламента обладают правом принятия поправок к Конституции. Подобные законопроекты должны быть внесены только на совместное заседание палат, где будет решаться вопрос об их принятии или отклонении. Исходя из положений ст. 245, можно сформулировать вывод о том, что изменения в основной закон этой страны могут быть внесены как путем совместного волеизъявления парламентариев обеих палат парламента, так и посредством вынесения законопроекта на референдум.

Следует заметить, что законотворческие функции парламента затрагивают и систему прав человека. Нетипичными для фокусной группы стран являются полномочия палат парламента в части дополнительной регламентации требований как для лиц – граждан Лесото, так и лиц, претендующих на приобретение гражданства. Так, согласно ст. 42 Конституции Лесото Парламент вправе «установить порядок и правила лишения гражданства Лесото любого лица», за исключением двух категорий: граждан Лесото в силу рождения и граждан «Лесото по происхождению, при условии, что, будучи лишенными гражданства, эти лица станут лицами без гражданства».

В качестве продуктивного, на наш взгляд, отличия от иных рассматриваемых конституционных актов, Конституция ЮАР в качестве обязанности палат парламента закрепляет создание комитета «по общим правилам процедуры для разработки регламента и правил совместной работы Собрания и Совета» (ст. 45). Помимо прочего, палаты создают совместные комитеты для «ежегодного пересмотра Конституции», «по вопросам общего регламента» и др. Подчеркнем, что формирование перечисленных выше комитетов, как представляется, направлено на повышение эффективности работы парламентариев. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода является обязательное создание согласительной комиссии, которая формируется в случае отклонения палатой принятого законопроекта (ст. 76). Согласительная комиссия действует в течение 30 дней с момента отклонения законопроекта одной из палат и состоит из парламентариев обеих палат парламента (ст. 78). Конституировано, что «согласительная комиссия одобряет вариант законопроекта или выносит решение по вопросу, если их поддерживают» не менее пяти представителей от каждой палаты парламента. Полагаем, что такое правило отражает не только специфику принятия решений в бикамеральном парламенте, но и подчеркивает общность деятельности палат парламента. Формирование согласительных комиссий конституировано и в ст. 58а Конституции Габона, ст. 113 Демократической Республики Конго, ст. 148 и ст. 150 Конституции Конго.

В ходе исследования было установлено, что законодательная сфера взаимодействия палат парламента выражается в различных формах, например, совместном заседании палат. Анализ данной формы сотрудничества палат рассматриваемой группы государств позволил установить поводы для их проведения, в числе которых:

– церемониальные (участие в процедуре инаугурации главы государства (ст. 12 Конституции Габона, ст. 77 Конституции Конго, ст. 53 Конституции Либерии, ст. ст. 37, 45 Конституции Экваториальной Гвинеи) или членов Конституционного Суда (ст. 90 Конституции Габона)). Полагаем необходимым подчеркнуть, что Конституция Экваториальной Гвинеи закрепляет положение о формировании «Совета Чести» (состоит из членов Бюро палат Парламента, Верховного суда и Конституционного трибунала), необходимого для процедуры инаугурации Президента. Такой подход является нераспространенным в практике конституционной формализации как стран Африки, так и стран европейского и азиатского регионов;

– заслушивание посланий главы государства (ст. 24 Конституции Габона, ч. 3 ст. 119 Конституции Демократической Республики Конго, ст. 94 Конституции Конго);

– участие палат парламента в предъявлении обвинения главе государства (ст. 166 Конституции Демократической Республики Конго, ст. 95 Конституции Конго, ст. 43 Конституции Либерии) и Премьер-Министру (ст. 166 Конституции Демократической Республики Конго);

– ратификация назначения Вице-президента (ст. 33 Конституции Экваториальной Гвинеи);

– пересмотр Конституции (ч. 1 ст. 119 Конституции Демократической Республики Конго);

– одобрение решения главы государства относительно введения чрезвычайного или особого положения (ч. 2 ст. 119 Конституции Демократической Республики Конго, ст. 23 (8) Конституции Лесото, ст. 86 и 88 Конституции Либерии, Приложение Первое Конституции Эсватини, ст. 37 Конституции ЮАР), продления чрезвычайного или осадного положений в стране (ст. 157 Конституции Конго), а также объявления войны (ч. 2 ст. 119 Конституции Демократической Республики Конго и ст. 156 Конституции Конго, «VIII» ст. 32 Конституции Мадагаскара);

– назначение членов соответствующих органов власти (например, членов Конституционного Суда – ст. 158 Конституции Демократической Республики Конго).

Контрольная сфера взаимодействия палат бикамеральных парламентов

Типичной сферой сотрудничества палат парламентов исследуемой группы стран является контрольная. Анализ конституционных актов южноафриканских государств с бикамеральным парламентом дал основания для вывода о наличии трех сегментов взаимодействия его палат – кадрово-контрольной, организационно-контрольной и финансово-контрольной.

Первый сегмент реализуется в связи с отрешением от должности главы государства (импичмент), а также в связи с выражением недоверия министрам. Так, согласно положениям ст. 53 Конституции Лесото, палаты парламента на отдельных заседаниях принимают решение о пребывании лица в должности Короля. Данное решение основывается на докладе, полученном от Премьер-министра. Уточним, что конституционно приоритет отдается резолюции Национального Собрания. Король слагает свои полномочия уже в том случае, если такое решение принято одной из палат. Институт импичмента закреплен и в Конституции Намибии. В ст. 29 отмечается, что глава государства может быть отстранен от должности только при наличии постановления, принятого обеими палатами парламента квалифицированным (более 2/3) большинством голосов. Заметим, что в ЮАР отстранение Президента от должности (ст. 89) не решается палатами совместно. Это конституционная прерогатива принадлежит Национальному Собранию.

Кадрово-контрольный сегмент также связан с отстранением от должности Премьер-министра. Конституция Эсватини закрепляет, что в случае рассмотрения вопроса об освобождении от должности Премьер-министра глава государства создает комиссию, членами которой являются, в том числе, Спикер Палаты или Председатель Сената (ст. 68 Конституции Эсватини). Отметим также, что конституирована коллективная ответственность Кабинета перед парламентом (ст. 69). Аналогичная формулировка содержится в ст. 88 Конституции Лесото и ст. 92 Конституции ЮАР.

Организационно-контрольный сегмент является разновидностью контрольной сферы взаимодействия палат парламентов. Прежде всего он реализуется в связи с правом палат создавать совместные постоянно действующие комиссии [Минасян, 2017; Минасян, Никонова, 2017] или комитеты, а также различные органы власти. О создании согласительных комиссий речь велась нами ранее, поэтому полагаем уместным обратиться к анализу иных типов комиссий/комитетов. В ст. 129 Конституции Эсватини закрепляется возможность палат парламента создавать «сессионные комитеты и иные комитеты, необходимые для эффективного осуществления функций палаты». Уточнено, что функциональные полномочия комитетов зависят от Парламента и могут предусматривать также расследование и контроль за деятельностью «министерств и департаментов». Следует отметить, что в странах Центральной Африки предусматривается право палат парламента на формирование смешанной комиссии для взаимодействия с Народным Защитником в (ст. 124 Конституции Экваториальной Гвинеи).

Конституция Лесото в ст. 127 закрепляет за парламентом право «учреждать суды, подчиненные Высокому Суду, военно-полевые суды и трибуналы, и любой подобный суд или трибунал».

Разновидностью организационно-контрольного сегмента является формирование системы местных органов власти палатами парламента. Такие полномочия конституционно адресованы парламентам Лесото и Эсватини (ст. 106 и ст. 218 соответственно). Заметим, что местный (локальный) уровень власти в современных государствах традиционно формируется без участия парламента.

Третьим сегментом контрольной сферы является финансово-контрольная. Она затрагивает, прежде всего, государственный бюджет (ст. 48 Конституции Габона, ст. 126 Демократической Республики Конго, ст. 124 Конституции Конго, ст. 70 Конституции Экваториальной

Гвиней), систему налогов и сборов, создание разнообразных внебюджетных фондов и т.д. Следует отметить, что данный сегмент контрольной сферы взаимодействия палат парламентов может быть отнесен и к законодательной сфере, поскольку реализуется в форме принятия законодательного акта (например, ст. 79–80, ст. 111 Конституции Лесото, ст. 77 Конституции Намибии, ст. 110–111 Конституции Эсватини, ст. 73–77 Конституции ЮАР).

Заклучение

Суверенное решение государства о конституировании структуры парламента обусловливает и отражение в основном законе механизмов и сфер взаимодействия его палат. Ранее выявленные закономерности в конституционном закреплении взаимодействия палат парламента стран Азии, Европы, СНГ позволили более предметно проанализировать конституционные подходы тех стран Африки, которые имеют бикамеральный парламент. По итогам анализа выявлены типичные (универсальные) сферы взаимодействия палат парламента.

В качестве базовой сферы взаимодействия палат парламента указанной группы стран выступает законодательная, реализуемая в форме принятия законов, в том числе финансовых (касаются принятия государственного бюджета), и проведения совместных заседаний по различным поводам.

Универсальной сферой сотрудничества палат парламента исследуемой группы стран является также контрольная. Анализ конституционных актов указанной группы стран дал основания для вывода, что она представлена совокупностью трех разновидностей: кадрово-контрольной (реализуется в связи с отрешением от должности главы государства и выражением недоверия министрам (Намибия, ЮАР), отстранением от должности Премьер-министра (Эсватини)); организационно-контрольной (осуществляется в связи с правом палат создавать совместно действующие комиссии и комитеты, а также формировать различные органы власти (Эсватини, Лесото)) и финансово-контрольной (касается установления системы налогов и сборов, государственного бюджета, налоговых льгот и др. (Лесото, Намибия, Эсватини, ЮАР)).

Список источников

1. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 3. Южная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. 2018. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 992 с.
2. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 1. Северная и Центральная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. 2018. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 927 с.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. 2018. Взаимодействие как конституционный принцип. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1 (92): 54–56.
2. Мархгейм М.В., Безуглая А.А. 2020. Конституционно-правовой опыт взаимодействия бикамеральных парламента стран СНГ в сфере продовольственной безопасности. Социально-политические науки, Т. 10, 5: 43–49.
3. Минасян А.А. 2017. «Согласительное» взаимодействие палат Федерального Собрания Российской Федерации. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2 (81): 88–91.
4. Минасян А.А., Никонова Л.И. 2016. Взаимодействие палат зарубежных парламента в законодательной сфере. В. кн.: Конституционализация России: проблемы теории и современной практики. Под ред. Мархгейм М.В. Белгород: 86–90.
5. Минасян А.А., Никонова Л.И. 2017. Комитеты и комиссии палат зарубежных парламента: структурно-функциональная характеристика. В. кн.: Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: материалы IV международной

научно-теоретической конференции «Мальцевские чтения» памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича. Белгород, 28 апреля 2017 г. Белгород: 89–93.

6. Минасян А.А., Никонова Л.И. 2016. Конституционные сферы и формы взаимодействия палат парламентов: зарубежный опыт. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 11 (78): 82–87.

7. Полухин О.Н., Минасян А.А. 2018. Типичные конституционные формы взаимодействия палат парламентов стран Европы. Современное общество и право, 6 (37): 41–45.

8. Стус Н.В., Никонова Л.И., Минасян А.А. 2019. Взаимодействие палат парламентов в странах Азии. Право и государство: теория и практика, 8 (176): 13–15.

9. Minasyan A.A., Markhgeym M.V., Plohih A.N., Lepeshkina O.V., Rasskazov V.L. 2019. Typical constitutional spheres of interaction among parliament chambers in the Asian countries. REVISTA INCLUSIONES. VOLUMEN 6. NÚMEROE SPECIAL–ABRIL/JUNIO: 99–105.

10. Nikonova L.I., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional Spheres and Forms of Interaction among Chamber in Modern Parliaments. Journal of Politics and Law, Vol. 10, 4: 201–206.

11. Dzybova S.G., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Plohih A.N., Stus N.V. 2018. Typical constitutional forms of interaction between the foreign parliament chambers. Revista Amazonia Investiga, Vol. 7, 12: 181–186.

References

1. Marhgejm M.V. 2018. Vzaimodejstvie kak konstitucionnyj princip [Interaction as a constitutional principle]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 1 (92): 54–56.

2. Marhgejm M.V., Bezuglaya A.A. 2020. Konstitucionno-pravovoj opyt vzaimodejstviya bikameral'nyh parlamentov stran SNG v sfere prodovol'stvennoj bezopasnosti [Constitutional and legal experience of interaction of bicameral parliaments of the CIS countries in the field of food security]. Social'no-politicheskie nauki, 10 (5): 43–49.

3. Minasyan A.A. 2017. "Soglasitel'noe" vzaimodejstvie palat Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ["Conciliatory" interaction of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 2 (81): 88–91.

4. Minasyan A.A., Nikonova L.I. 2016. Vzaimodejstvie palat zarubezhnyh parlamentov v zakonodatel'noj sfere [Interaction of the Chambers of foreign parliaments in the legislative sphere]. In: Konstitucionalizaciya Rossii: problemy teorii i sovremennoj praktiki. [Constitutionalization of Russia: problems of Theory and Modern Practice]. Ed. Markheim M. V. Belgorod: 86–90.

5. Minasyan A.A., Nikonova L.I. 2017. Komitety i komissii palat zarubezhnyh parlamentov: strukturno-funkcional'naya harakteristika [Committees and commissions of the Chambers of foreign Parliaments: structural and functional characteristics]. In: Pravo i gosudarstvo v sovremennom mire: sostoyanie, problemy, tendencii razvitiya. [Law and the State in the Modern World: State, Problems, Development Trends]. Materials of the IV International Scientific and Theoretical Conference "Maltsev Readings" in memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Gennady Maltsev. Belgorod, April 28, 2017. Belgorod: 89–93.

6. Minasyan A.A., Nikonova L.I. 2016. Konstitucionnye sfery i formy vzaimodejstviya palat parlamentov: zarubezhnyj opyt [Constitutional spheres and forms of interaction between the Chambers of Parliaments: foreign experience]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 11 (78): 82–87.

7. Poluhin O.N., Minasyan A.A. 2018. Tipichnye konstitucionnye formy vzaimodejstviya palat parlamentov stran Evropy [Typical constitutional forms of interaction between the Chambers of Parliaments of European countries]. Sovremennoe obshchestvo i pravo, 6 (37): 41–45.

8. Stus N.V., Nikonova L.I., Minasyan A.A. 2019. Vzaimodejstvie palat parlamentov v stranah Azii [Interaction of the Chambers of Parliaments in Asia]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 8 (176): 13–15.

9. Minasyan A.A., Markhgeym M.V., Plohih A.N., Lepeshkina O.V., Rasskazov V.L. 2019. Typical constitutional spheres of interaction among parliament chambers in the Asian countries. REVISTA INCLUSIONES. 2019. VOLUMEN 6. NÚMEROE SPECIAL–ABRIL/JUNIO: 99–105.

10. Nikonova L.I., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional Spheres and Forms of Interaction among Chamber in Modern Parliaments. Journal of Politics and Law, Vol. 10, 4: 201–206.

11. Dzybova S.G., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Plohih A.N., Stus N.V. 2018. Typical constitutional forms of interaction between the foreign parliament chambers. Revista Amazonia Investiga, Vol. 7, 12: 181–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мархгейм Марина Васильевна, профессор, доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Безуглая Анна Артуровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Markhgeym, Professor, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Anna A. Bezuglya, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-376-384

Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт

Стус Н.В.

Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский филиал,
Россия, 350002, г. Краснодар, ул. Им. Леваневского, дом 187/1
E-mail: ninastus@mail.ru

Аннотация. Статья 32 Конституции России предусматривает право граждан на участие в отправлении правосудия. В настоящее время в российской правосудии реализуются две формы такого участия – суд присяжных и арбитражные заседатели. Подсудность дел суду присяжных значительно сокращена. Дел с участием арбитражных заседателей рассматривается ничтожно малое количество. В связи с этим авторами исследован вопрос о возможности использования других моделей участия народа в отправлении правосудия: введение суда народных (судебных) заседателей; расширение возможности рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей; возрождение института общественных защитников и общественных обвинителей; реформирование суда присяжных.

Ключевые слова: народные заседатели, арбитражные заседатели, общественный защитник, суд присяжных.

Для цитирования: Стус Н.В. 2021. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 376–384. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-376-384

People's power resources in the development of justice: domestic experience

Nina V. Stus

Russian State University of Justice, North-Caucasian Branch,
187/1 Levanevsky St, Krasnodar, 350002, Russian Federation
E-mail: ninastus@mail.ru

Abstract. Article 32 of the Russian Constitution provides for the right of citizens to participate in the administration of justice. Currently, the Russian justice system implements two forms of such participation – trial by jury and arbitration assessors. The jurisdiction of cases to the jury is significantly reduced. A negligible number of cases involving arbitration assessors are considered. In this regard, the article examines the possibility of using other models of people's participation in the administration of justice: the introduction of the court of people's (judicial) assessors; the expansion of the possibility of considering cases with the participation of arbitration assessors; the revival of the institution of public defenders and public prosecutors; the reform of the jury court. The article presents the results of the analysis of doctrinal and legal sources, taking into account the ongoing judicial reform. It is reasonable that in the future, the people's power resource will be fully involved in the administration of justice, and the changes will be of an essential nature, aimed at further constitutionalization of the judiciary as a sphere of state activity.

Keywords: people's assessors, arbitration assessors, public defender, jury trial.

For citation: Stus N. V. 2021. People's power resources in the development of justice: domestic experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 376–384 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-376-384

Введение

В соответствии с положениями ч. 1 и 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в нашей стране является многонациональный народ, а согласно ст. 33 граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. В настоящее время единственной хорошо известной формой участия представителей народа в осуществлении правосудия в судах общей юрисдикции является институт присяжных заседателей. Однако Конституция России не ограничивает возможность участия народа в «отправлении правосудия только рассмотрением уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, что позволяет законодателю расширить сферы привлечения к осуществлению судопроизводства на любом его этапе присяжных (народных) заседателей» [Belkin, 2009, p. 196], а также заседателей-специалистов, какими были арбитражные заседатели. При этом такая форма участия народных представителей может иметь место как в уголовном, так и в гражданском, административном судопроизводстве.

По мнению ряда исследователей, участие граждан в отправлении правосудия является межотраслевым принципом судопроизводства. «Участие граждан в отправлении правосудия имеет особую конституционно-правовую значимость, определяет качественные характеристики судебной власти, является основополагающим принципом отношений между демократическим государством и гражданами, представляет собой форму реализации суверенитета народа, позволяет ему непосредственно осуществлять свою власть, выполняет функцию общественного контроля над правосудием» [Лакоба, 2018, с. 40].

Принцип участия граждан в осуществлении правосудия и две формы такого участия (в качестве присяжных и арбитражных заседателей) закреплены в ст. 8 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹. Данное положение нашло развитие в отраслевых процессуальных законах, подробно регламентирующих основания, условия и порядок рассмотрения некоторых категорий дел с участием непрофессиональных судей. Вместе с тем ни один отраслевой процессуальный кодекс не закрепляет положение об участии граждан в осуществлении правосудия в качестве принципа соответствующего вида судопроизводства. Уголовно-процессуальный кодекс РФ подробно регулирует порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей в специальном XII разделе, упоминая этот состав суда в главе о принципах лишь применительно к свободе оценки доказательств². Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит положение о рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции в ст. 17 «Единоличное и коллегиальное рассмотрение дел» и ст. 19 «Привлечение к рассмотрению дел арбитражных заседателей», которые находятся не в главе 1, содержащей принципы арбитражного судопроизводства, а в главе 2, посвященной составу суда³. С учетом конституционного характера участия народного элемента в рассмотрении и разрешении дел судом как формы непосредственного народовластия данное положение имеет все основания для признания межотраслевым принципом судопроизводства. Но для полного уяснения вопроса о необходимости привлечения представителей народа к отправлению правосудия обратимся к отечественному опыту реализации данного принципа, включая и правозащитный аспект [Мархгейм, Новикова, 2008, с. 38-40].

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 13.04.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2021. № 15 (Часть I). Ст. 2434.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

Генезис народного представительства при отправлении правосудия

Общество и его представители всегда присутствовали в отправлении правосудия. Правосудие изначально предстает как компонент общества и лишь в дальнейшем, пройдя в своем развитии библейский, общинный и другие этапы, становится компонентом государства [Гегель, 1990].

В правосудии России представительство народа при отправлении правосудия имеет свою длительную историю. В связи с этим необходимо вспомнить суд Одрин в Новгороде. В суде Одрин, помимо председателя, присутствовали десять заседателей: каждый конец города (а их было всего пять) избирал по одному именитому гражданину [Памятники русского права, 1953]. Кроме этого, каждая из тяжущихся сторон назначала в суд Одрин одного посредника, называемого приставом, который имел право принимать участие в судебном разбирательстве. Таким образом, этот суд состоял из двенадцати членов и председателя. Эти заседатели, присутствующие на суде Одрин, назывались докладчиками, так как присутствовали при докладе или слушании дел, однако имели право решающего голоса, а княжеский тиун был только выразителем их мнения [Куницын, 1843].

В последующем представительство народа осуществлялось посредством участия судных мужей и целовальников. Хотя они и не были судьями в полном смысле, но являлись «оберегателями правды на суде», свидетелями, удостоверяющими своей подписью правильность и достоверность судебного протокола. При этом не могли выражать свое мнение о виновности или невиновности подсудимого.

Безусловно, наиболее значительным этапом участия выборных представителей в отправлении правосудия мы связываем с проведением судебной реформы 1864 года – введением суда присяжных. После 1917 года суд присяжных перестал действовать, сменив свое наименование на суд с участием народных заседателей. Принятый 30 ноября 1918 года Декрет ВЦИК «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» в ст. 1 провозглашал, что «в пределах РСФСР учреждается единый народный суд в составе: 1) одного постоянного судьи; 2) двух или шести очередных судей народных заседателей¹. В ст. 7 установлено: «Народный суд действует в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей при рассмотрении уголовных дел: о посягательствах на человеческую жизнь, причинение тяжких ран или увечье, изнасилование, разбой подделка денежных знаков и документов, взяточничество и спекуляция монопольными и нормированными продуктами потребления.

Декрет в ЦИК от 21 декабря 1920 года вводит в действие Положение о народном суде РСФСР и вновь подтверждает положение о шести народных заседателях². Принятый в 1922 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР закрепил положение о шести народных заседателях и в ч. 2 ст. 26 установил, что «преступления, предусмотренные ст. ст. 142–150, 160–162, 166–171, 183 и 197 Уголовного кодекса, рассматриваются исключительно в составе народного судьи и шести народных заседателей»³. Однако Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года уже не предусматривал рассмотрение уголовных дел в расширенной коллегии народных заседателей при рассмотрении некоторых преступлений.

Институт народных заседателей в гражданском судопроизводстве просуществовал до 1 февраля 2003 года⁴, а в уголовном – до 1 января 2004 года⁵. Однако упразднению института

¹ СУ РСФСР. 1918. Ст. 889. № 85: 812.

² СУ РСФСР. 1920. Ст. 407. № 83: 342.

³ Народный комиссариат юстиции. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922, 20–21: 207.

⁴ Федеральный закон от 14.11.2002 № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4531; 2019. № 18. Ст. 2224.

⁵ Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4924.

народных заседателей в гражданском процессе предшествовало введение института арбитражных заседателей. На первый взгляд вызывает недоумение введение института, который на тот момент потерял свою значимость как форма участия представителей народа в отправлении правосудия. Но законодатель наполнил содержание этого института новым смыслом, сформулировав в законе иные требования к арбитражным заседателям. Так, в силу п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» к арбитражным заседателям предъявляются следующие требования: достижение возраста 25 лет, но не старше 70 лет; безупречная репутация; наличие высшего образования; наличие не менее 5 лет стажа работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности¹.

«Именно качественный состав арбитражных заседателей являлся важнейшей характеристикой, отличавшей их от прежних народных заседателей.

То есть, теперь народный-арбитражный заседатель – это судья – специалист в определенной сфере общественно-экономических отношений» [Зайков, 2019, с. 55].

Очень ярко этот новый принцип отбора представителей общества для участия в отправлении правосудия охарактеризовал в интернет-конференции Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ В.Ф. Яковлев: «Штатный судья – это юрист, и не более. А ведь для того чтобы рассмотреть сложнейший предпринимательский спор, например, в сфере банковской и кредитной деятельности, расчетной деятельности, с применением, скажем, категории ценных бумаг, надо досконально знать эту сферу отношений, с которыми в данном случае соприкасаешься. Не всегда юрист способен разобраться в тонкостях этого дела. Арбитражные заседатели – это не представители народа, не люди с улицы, а специалисты, которые должны знать соответствующее предпринимательское дело»².

К сожалению, в настоящее время число дел, рассматриваемых с участием арбитражных заседателей, невелико. В научной среде этот вопрос тщательно анализируется. По мнению Д.Е. Зайкова, низкий уровень «вовлеченности арбитражных заседателей в рассмотрение дел обусловлен несколькими причинами: внутренними противоречиями законодательства, отсутствием четкого определения категорий дел, которые могут рассматриваться с участием арбитражных заседателей, нежеланием судей арбитражных судов рассматривать дела с участием арбитражных заседателей. По его мнению, изменение ст. 19 Арбитражного процессуального кодекса РФ в части предоставления сторонам права на рассмотрение их дела с участием арбитражных заседателей, с исключением дискреции судей по этому вопросу позволит вдохнуть новую жизнь в институт арбитражных заседателей и обеспечить участие граждан в осуществлении правосудия в арбитражных судах» [Зайков, 2019, с. 55].

Аналогичную точку зрения высказывает Р.М. Джавахян, анализируя статистические данные о ежегодном снижении количества дел, рассмотренных с участием арбитражных заседателей. «При этом необходима кардинальная модернизация этого института, которую необходимо начать с изменения порядка формирования и утверждения списков арбитражных заседателей, приостановления и прекращения их полномочий судами, поскольку указанный порядок ставит арбитражных заседателей в зависимость от судов, препятствует формированию самостоятельной позиции по рассматриваемым делам» [Джавахян, 2017, с. 45].

Рассматривая вопросы отечественного опыта в реализации конституционного принципа участия народа в отправлении правосудия, необходимо остановиться на переходном

¹ Федеральный закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

² Яковлев В.Ф. Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ. Интернет-конференция «Новые задачи арбитражной системы России» от 18.12.2002 // <http://viperson.ru/articles/yakovlev-novyue-zadachi-arbitrazhnoy-sistemy-rossii> (дата обращения 11.02.2021).

периоде, когда в ряде субъектов Российской Федерации уже действовал суд присяжных, но продолжал существовать институт народных заседателей.

Так, с 1 ноября 1993 года суд присяжных был учрежден в пяти субъектах Российской Федерации и еще в четырех субъектах с 1 января 1994 года. С возрождением суда присяжных на территории девяти субъектов Российской Федерации уголовное судопроизводство России изменило не только форму, но и содержание. Впервые в уголовно-процессуальный закон были включены принципы состязательности, презумпции невиновности, право не свидетельствовать против себя, исключение из судебного разбирательства доказательств, полученных с нарушением закона.

Две существовавшие на тот момент модели участия граждан в рассмотрении уголовных дел принципиальным образом отличались: присяжные заседатели принимали решение самостоятельно в совещательной комнате, а народные заседатели вместе с профессиональным судьей. Однако введение института присяжных заседателей существенно повлияло на содержание уголовного судопроизводства в целом, заменив процесс розыскной на состязательный, наполнив новым смыслом роли государственного обвинителя и защитника.

Указанный период времени со всей очевидностью свидетельствует о возможности одновременного существования различных по своей сути форм участия граждан в отправлении правосудия в зависимости от сложности дела, уровня суда, его рассматривающего, волеизъявления обвиняемого.

Современный период народного представительства при отправлении правосудия

В настоящее время уголовные дела с участием присяжных заседателей, подсудные суду присяжных, подразделены на несколько групп в зависимости от того, в совершении каких преступлений предъявлено обвинение. Дела, отнесенные к подсудности суда присяжных, немногочисленны, и сложность таких дел может быть различной в зависимости от фактических обстоятельств, количественного состава обвиняемых и множественности эпизодов.

При обсуждении вопроса о расширении полномочий суда присяжных традиционно звучит мнение о громоздкости этой процедуры, трудностях при формировании коллегии присяжных, длительности процесса.

Представляется, что разрешение этого вопроса возможно с возвращением к незаслуженно отвергнутой форме участия граждан в отправлении правосудия – участию народных заседателей, которых можно назвать «судебными» заседателями. Это изменение в законе послужило бы как фактором укрепления и развития демократических основ правосудия, так и укрепило бы доверие общества к суду.

Следует также заметить, что в настоящее время не все категории лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступлений, подсудных суду присяжных, имеют право на рассмотрение дела таким судом. Такого права лишены несовершеннолетние обвиняемые, так как им не может быть назначено наказание в виде смертной казни и пожизненного лишения свободы. Данное положение было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, и в Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П было указано, что «в системе действующего законодательства у лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет, отсутствует право на суд присяжных»¹. В такой ситуации возможность рассмотрения дел с участием народных заседателей может быть альтернативой суду присяжных, поскольку дела в отношении несовершеннолетних представляют особую сложность, исходя

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920.

из необходимости оценки всей совокупности доказательств по делу с обязательной оценкой личности обвиняемого, условий совершения преступления.

В этой связи также необходимо обратить внимание на возможность привлечения граждан к участию в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних в различном качестве, начиная от законного представителя, специалиста, психолога, эксперта.

Обсуждая вопрос о необходимости возвращения института народных заседателей в уголовное судопроизводство, остановимся на вопросе избрания и продлении меры пресечения единолично судьей. Ходатайство об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей рассматривается, как правило, дежурным судьей с участием дежурного адвоката. Следователь представляет минимум материалов в подтверждение своего ходатайства, за исключением разве только случаев задержания подозреваемого на месте совершения преступления. Результаты оперативно-розыскных мероприятий не приобщены к материалам дела. При таких обстоятельствах суд в лице единственного председательствующего судьи должен принять решение, которое в дальнейшем во многом может определить ход расследования, а иногда судьбу и саму жизнь подозреваемого. При этом необходимо учитывать нежелание судьи вступать в конфронтацию со следствием и прокуратурой, опасение коррупционных обвинений и других неблагоприятных последствий.

Помимо того, что мера пресечения избирается единолично судьей, в апелляционном порядке жалобы на постановление об избрании меры пресечения также в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом рассматриваются судьей единолично, в то время как все гражданские дела рассматриваются в апелляционном порядке коллегиально. Отдаленное по времени кассационное рассмотрение жалобы на постановление об избрании меры пресечения в большинстве случаев не всегда является своевременным и эффективным. При этом также следует иметь в виду, что следователь вправе сам отменить или изменить избранную судом меру пресечения.

В настоящее время в наибольшей степени участие граждан в отправлении правосудия реализуется посредством суда присяжных. Однако полный отказ от иных, кроме суда присяжных, форм участия народа при отправлении правосудия вряд ли оправдан. Пассивность народных заседателей не является неизменным спутником правосудия с их участием. Активность народных заседателей может быть повышена соответствующей организацией процесса, процедурой формирования корпуса народных заседателей из числа социально активных граждан, а также работой по правовому просвещению, нацеленной на повышение уровня правосознания граждан, осознание ими общественной важности роли народных судей при осуществлении правосудия.

Не вдаваясь в процессуальные особенности рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, все же отметим, что наибольшую сложность представляет составление вопросного листа, в котором перед присяжными ставятся не только три основных вопроса о доказанности события преступления, совершения его именно подсудимым и его виновности, но и так называемые альтернативные вопросы по различным версиям обстоятельств совершения преступления. Нередко это приводит к тому, что присяжные заседатели, не будучи профессиональными юристами, путаются в вариантах возможных ответов и правовых последствиях. Содержание вопросного листа должно быть простым и лаконичным, понятным для присяжных.

Внесение изменений в действующий уголовно-процессуальный закон в этой части позволит избежать досадных ошибок и отмены приговоров, постановленных на основании противоречивых вердиктов присяжных заседателей.

Необходимо признать, что, несмотря на наличие определенных трудностей и внутренних противоречий, суд присяжных является на сегодняшний день единственной реальной действующей формой непосредственного участия граждан в отправлении правосудия, что соответствует процессам глобализации в современном праве [Макогон, 2007, 2012].

В связи с этим инициативы по расширению подсудности дел такому суду являются своевременными, и крайне необходима их скорейшая реализация.

Обосновывая возвращение института народных заседателей в российское правосудие, отметим, что такая модель участия граждан в отправлении правосудия является традиционной, понятной и достаточно эффективной. При решении вопросов в совещательной комнате профессиональным судьей и представителями народа достигим некий баланс, который позволит с наибольшей степенью вероятности принять не только законное, обоснованное, но и справедливое решение.

Участие народных заседателей в рассмотрении административных споров значительно укрепит позицию суда и в некотором смысле защитит от возможности ощущения силы «административного ресурса». Одновременно гражданин в споре с властью может рассчитывать на полную объективность состава суда, поскольку в состав его входят такие же граждане.

«Незаслуженно предана забвению такая форма участия граждан в осуществлении правосудия, как участие в судебном разбирательстве общественных обвинителей и общественных защитников. В ст. 250 старого УПК РФ было предусмотрено участие этих представителей общественности (представители общественного объединения или профессионального союза. Они были наделены достаточно большим объемом прав при рассмотрении уголовных дел: представлять доказательства, принимать участие в их исследовании, заявлять отводы и ходатайства, участвовать в прениях.

После вступления в силу нового Уголовно-процессуального кодекса институт общественных защитников и обвинителей претерпел столь существенные изменения, что можно говорить о фактическом упразднении этого института» [Очередыко, 2018, с. 243]. Так, теперь, в соответствии с ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ, по усмотрению суда к участию в деле может быть допущен наряду с адвокатом защитник из числа родственников обвиняемого или иных лиц, не являющихся при этом адвокатами.

Представляется, что возвращение в уголовное судопроизводство утраченного института общественных обвинителей и защитников не только будет новым шагом в реализации конституционного принципа участия граждан в осуществлении правосудия, но также послужит серьезным фактором в реализации права на защиту обвиняемого, обеспечения прав потерпевших, повышения доверия к суду.

Рассматривая вопрос о допуске общественного защитника и общественного обвинителя к участию в уголовном судопроизводстве, необходимо обратить внимание на момент, когда вышеназванные представители общественности могут быть допущены к участию в деле.

Общеизвестно, что при отсутствии у подозреваемого, обвиняемого, подсудимого денежных средств, а подчас по совету следователя, дознавателя, к участию в деле допускают дежурного адвоката. Возможность участия общественного защитника в уголовном судопроизводстве с момента допуска адвоката значительно бы повлияла на аспект охраны достоинства личности [Butko et al., 2017], укрепило бы право подозреваемого, обвиняемого на защиту, поскольку такого защитника он мог бы выбрать по собственному усмотрению, с учетом степени доверия указанному лицу, не будучи скован финансовым положением.

Безусловно, такая новация требует серьезной правовой регламентации, поскольку необходимо четко определить, кто может быть допущен к участию в деле в качестве общественного защитника и с каким объемом полномочий. Но эффективность этого института позволит избежать судебных ошибок с момента избрания меры пресечения и до принятия окончательного решения по делу. Институт общественных обвинителей может стать серьезным и действенным индикатором отношения общества к совершенным преступлениям. А при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей позиция общественного обвинителя может играть серьезную роль в оценке доказательств, представляемых государственным обвинителем, которого нередко присяжные заседатели воспринимают как должностное лицо, которое действуют по приказу.

Несмотря на довольно длительную историю суда присяжных, в современной России не утихают споры по поводу его необходимости. Результатом стало введение суда присяжных в районных городских и гарнизонных судах.

Представляется, что, несмотря на определенные сложности формирования коллегии присяжных в небольших городах, суд присяжных именно в такой местности, действуя от лица общества, не только осуждает или оправдывает подсудимого, но и выполняет очень важную воспитательную роль. Преступление получает публичную огласку и, соответственно, подсудимый подвергается осуждению не только со стороны государства (признание лица виновным и назначение наказания профессиональным судьей), но и общества.

Заключение

В ст.ст. 3, 10 и 11 Конституции РФ устанавливаются принципы народовластия и разделения властей. Представляется, что в различные периоды осуществления судебной реформы в современной России отсутствовал системный подход к реализации принципа народовластия в сфере судебной власти. Но судебная реформа продолжается, и прослеживаемый вектор реформирования дает основания надеяться, что народовластный ресурс будет задействован при отправлении правосудия в полной мере, а изменения будут носить сущностный характер, направленный на дальнейшую конституционализацию судебной власти как сферы государственной деятельности.

Список литературы

1. Гегель. 1990. Философия права. М., Мысль, 53 с.
2. Джавахян Р.М. 2017. Совершенствование форм участия граждан в осуществлении правосудия как механизм конституционного преобразования судебной власти. Российский юридический журнал, 2: 45–54.
3. Зайков Д.Е. 2019. Институт арбитражных заседателей: современное состояние и перспективы. Российская юстиция, 7: 55–57.
4. Куницын А.П. 1843. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб, 33 с.
5. Лакоба А.Д. 2018. О некоторых аспектах судебной защиты прав человека и права граждан на участие в отправлении правосудия. Адвокатская практика, 4: 40–42.
6. Макогон Б.В. 2007. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере. История государства и права, 3: 2–4.
7. Макогон Б.В. 2012. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации. Общество и право, 2 (39): 36–41.
8. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. 2008. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ. История государства и права, 6: 38–40.
9. Очередыко В.П. 2018. Развитие форм участия граждан в отправлении правосудия в России. Ленинградский юридический журнал, 3(53): 243–252.
10. Памятники русского права. Вып. 2. 1953. М., Госюриздат, 218 с.
11. Belkin A. 2009. Disputed merits and undoubted shortcomings of the jury. Russian law: theory and practice, 2: 196–203.
12. Butko, L.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Pozharova, L.A., Tonkov, E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. Journal of History Culture and Art Research, Vol. 6, 4: 296–303.

References

1. Gegel'. 1990. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. M.: Mysl', seriya «Filosofskoe nasledie», 53. (In Russian)
2. Dzhavahyan R.M. 2017. Sovershenstvovanie form uchastiya grazhdan v osushchestvlenii pravosudiya kak mekhanizm konstitucionnogo preobrazovaniya sudebnoj vlasti [Improving the forms of

citizens' participation in the administration of justice as a mechanism for the constitutional transformation of the judiciary]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2: 45–54. (In Russian)

3. Zajkov D.E. 2019. Institut arbitrazhnyh zasedatelej: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Institute of Arbitration Assessors: current state and prospects]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 7: 55–57. (In Russian)

4. Kunicyn A.P. 1843. Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii [Historical depiction of ancient judicial proceedings in Russia]. SPb, 33. (In Russian)

5. Lakoba A.D. 2018. O nekotoryh aspektah sudebnoj zashchity prav cheloveka i prava grazhdan na uchastie v otpravlenii pravosudiya [On some aspects of judicial protection of human rights and the right of citizens to participate in the administration of justice]. *Advokatskaya praktika* [Law Practice], 4: 40–42. (In Russian)

6. Makogon B.V. 2007. Obshchaya harakteristika processov globalizacii v pravovoj sfere [General characteristics of the processes of globalization in the legal sphere]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 3: 2–4. (In Russian)

7. Makogon B.V. 2012. Sposoby internacionalizacionnogo nacional'nogo prava v usloviyah globalizacii [Methods of internationalization of national law in the context of globalization]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2 (39): 36–41. (In Russian)

8. Markhejm M.V., Novikova A.E. 2008. Pravozashchitnye priority v vozzreniyah otechestvennyh predstavitelej liberal'noj i konservativnoj nauchnyh shkol [Human rights priorities in the views of Russian representatives of liberal and conservative scientific schools]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 6: 38–40. (In Russian)

9. Ochered'ko V.P. 2018. Razvitie form uchastiya grazhdan v otpravlenii pravosudiya v Rossii [Development of forms of citizen participation in the administration of justice in Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal], 3(53): 243–252. (In Russian)

10. Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. 1953. M.: Vyp. 2, 218. (In Russian)

11. Belkin A. 2009. Disputed merits and undoubted shortcomings of the jury. *Russian law: theory and practice*, 2: 196–203.

12. Butko, L.V., Markhejm, M.V., Novikova, A.E., Pozharova, L.A., Tonkov, E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. *Journal of History Culture and Art Research*, T. 6, 4: 296–303

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стус Нина Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina V. Stus, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», Krasnodar, Russia

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-385-391

Специальные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти

Тресков А.П.

Ростовский государственный университет путей сообщения,
Россия, 344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2,
e-mail: altreskov@yandex.ru

Аннотация. Представлено обоснование программно-целевого метода в качестве разновидности конституционно-правовых гарантий реализации принципов судебной власти. Осуществлен анализ современных нормативных правовых актов, содержащих нормы, обладающие заявленным гарантным потенциалом. Установлено, что с самого начала централизованного применения в России программно-целевого метода его действие распространяется и на судебную власть. Данное подтверждено самостоятельными федеральными целевыми программами развития судебной системы России, а также институциональным включением Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В серии федеральных целевых программ развития судебной системы России с 2002 года традиционным стало сопряжение показателей эффективности запланированных мероприятий с принципами судебной власти. В качестве предложения, связанного с укреплением специальных конституционно-правовых гарантий реализации принципов судебной власти, автором высказан тезис о рекомендательной преемственности специальных федеральных целевых программ, а также специализации в рамках ведомственных разновидностей.

Ключевые слова: принципы судебной власти, конституционно-правовые гарантии, программно-целевой метод, открытость, гласность.

Для цитирования: Тресков А.П. 2021. Специальные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (2): 385–391. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-385-391

Special constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of the judiciary

Alexey P. Treskov

Rostov state University of railway engineering,
2 Rostov Shooting Regiment of the National Militia square,
Rostov-on-don, 344038, Russian Federation
e-mail: altreskov@yandex.ru

Annotation. The article presents the rationale for the program-target method as a kind of constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of the judiciary. The author analyzes modern normative legal acts containing norms that have the declared guarantee potential. It is established that from the very beginning of the centralized application of the program-target method in Russia, its effect extends to the judiciary. This is confirmed by independent federal targeted programs for the development of the Russian judicial system, as well as the institutional inclusion of the Judicial Department under the Supreme

Court of the Russian Federation. In a series of federal targeted programs for the development of the Russian judicial system, since 2002, it has become traditional to combine the performance indicators of planned measures with the principles of the judiciary. As a suggestion related to the strengthening of special constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of the judiciary, the author makes a thesis about the recommendatory continuity of special federal target programs, as well as specialization within departmental varieties.

Keywords: principles of judicial power, constitutional and legal guarantees, program-target method, openness, transparency.

For citation: Treskov A.P. 2021. Special constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of the judiciary. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (2): 385–391 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-385-391

Введение

В соответствии с пунктом «е» ст. 71 Конституции в ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

В ходе проведения «административной реформы, формирования электронного правительства, определения перспектив социально-экономического развития Российской Федерации государством признана эффективность использования программно-целевого метода. Практика формирования и реализации государственной политики органами власти показала, что применение данного метода характеризуется рядом преимуществ по отношению к иным методам, хотя возможно возникновение недостатков и рисков (например, недостаточное ресурсное обеспечение мероприятий программы; необъективный мониторинг мероприятий; недостатки в работе исполнителей при реализации мероприятий программы)» [Пузыревская, 2009, с. 17].

Мы солидарны с позицией Р.А. Кардашова в части объяснения широкого внимания к программно-целевому управлению тем, что оно «чрезвычайно эффективно позволяет преодолеть весь объем существующих недостатков как функционального, так и отраслевого принципов управления» [Кардашов, 2006, с. 41-45].

Уточним, что на диссертационном уровне «федеральная программа уже была обоснована в качестве интегральной формы гарантирования конституционных прав личности в контексте п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации» [Корнюшкина, 2017, с. 7; Корнюшкина, 2018, с. 77]. Полагаем, современный программно-целевой метод управления наряду с иными конституционно-правовым ресурсами [Шеломанова, 2013; Татарова, 2015; Базарова, 2016] обладает гарантным потенциалом и применительно к принципам судебной власти, реализуемым с учетом процессуально-ограничительного тренда правового регулирования [Макогон, 2013; Макогон et al., 2019]. В рамках данной работы авторское внимание уделено характеристике федеральных программ, гарантирующих реализацию принципов судебной власти в Российской Федерации.

Генезис реализации программно-целевого метода управления судебной властью

С самого начала централизованного применения в России программно-целевого метода [Доценко, 2008; Фоков, 2006; Пузыревская, 2009] его действие распространяется и на

судебную власть. Данное подтверждается самостоятельными федеральными целевыми программами развития судебной системы России¹, а также институциональным включением Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации².

Принятое ведомственным приказом от 16 сентября 2005 г. № 109 Положение определило следующее:

– порядок разработки, утверждения и реализации ведомственных целевых программ, направленных на осуществление Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации государственной политики в сфере деятельности, установленной Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ, обеспечение достижения целей и задач социально-экономического развития, повышение результативности расходов федерального бюджета.

– понятие ведомственной целевой программы как утвержденного (планируемого к утверждению) либо выделяемого в аналитических целях Судебным департаментом комплекса мероприятий (направлений расходования бюджетных средств), направленных на решение конкретной тактической задачи Судебного департамента (п. 2 Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации);

– порядок разработки, утверждения, реализации и контроля за ходом выполнения ведомственной целевой программы.

После подведения итогов реализации первой федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг., а также в целях дальнейшей реализации судебной реформы и повышения эффективности деятельности судебной власти в Российской Федерации Правительство утвердило Постановление от 21 сентября 2006 г. № 583 в части продолжения данной программы в 2007–2011 гг.

В отмеченном хронологическом периоде традиционным стало достижение показателей эффективности программных мероприятий развития судебной системы России в корреляции с принципами судебной власти. В частности, реализация принципа доступности правосудия была связана с созданием всех видов судов и судей, предусмотренных законодательством; увеличением штатной численности судей и работников аппаратов судов до расчетных показателей; приведением служебных площадей судов в соответствие с установленными требованиями.

Гарантированию самостоятельности судов и независимости судей в рамках реализации специальных федеральных целевых программ способствовало повышение заработной платы. Необходимое социальное обеспечение, в том числе улучшение жилищных условий судей, обеспечило материальную основу независимости судьи, позволившую беспристрастно рассматривать дела по спорам и жалобам граждан.

«Надлежащее материально-техническое обеспечение и информатизация судов общей юрисдикции позволили избежать зависимости от государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления» [Доценко, 2008, с. 18]. Одновременно решается и задача гласности правосудия. В этой связи необходимо отдельно отметить программные мероприятия по информатизации судов, в результате которых была создана основа для широкомасштабного внедрения автоматизированной системы

¹ См.: постановления Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002-2006 годы» (ред. от 06.02.2004) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623; 2004. № 7. Ст. 520; от 21.09.2006 № 583 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2012 годы» (ред. от 01.11.2012) // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248; 2012. № 45. Ст. 6263;

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16.09.2005 № 109 «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации». Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.03.2021).

более чем в 2 000 судов общей юрисдикции. Дальнейшее развитие связано уже с приданием системе статуса Государственной автоматизированной системы Российской Федерации (ГАС) «Правосудие»¹.

В настоящее время ГАС «Правосудие» – это территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, обеспечивающая информационную и технологическую поддержку судопроизводства на принципах поддержания требуемого баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации.

Современный этап применения программно-целевого метода, гарантирующего реализацию принципов судебной власти

Уточним, что действующая в настоящее время федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»² является третьей по счету. Эффективность решения проблем в деятельности судебной системы программно-целевыми методами подтверждена положительным опытом реализации федеральных целевых программ 2002–2006 гг. и 2007–2012 гг. В этой связи, по мнению разработчиков, использование программного метода представляется наиболее целесообразным для дальнейшего развития существующей судебной системы с целью обеспечения ее соответствия требованиям правового государства.

По мнению Ю.В. Доценко, «преемственность в разработке и реализации федеральных целевых программ о развитии судебной системы России является условием системного подхода к организационному обеспечению деятельности федеральных судов общей юрисдикции, направленным на повышение эффективности отправления правосудия» [Доценко, 2008, с. 18]. Полагаем, подобный подход в преемственности также является гарантией реализации принципов судебной власти в России.

Исходя из целевых установок и задач федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», видно, что они, как и в предыдущем периоде, коррелируются с принципами судебной власти. Так, одна из целей программы состоит в совершенствовании судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Расценивая судебную защиту прав и законных интересов граждан и организаций в качестве принципа судебной власти правозащитной обусловленности, считаем, что обозначенная в программе цель соответствует и правозащитным конституционным ценностям, и соответствующему предназначению судебной власти.

Что касается задач, то они коррелируются с принципами судостроительства и судопроизводства. В числе таких:

- обеспечение открытости и доступности правосудия;
- создание необходимых условий для осуществления правосудия;
- обеспечение независимости судебной власти.

Решение заявленных задач связано с выполнением комплекса мероприятий по следующим направлениям:

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16.02.2007 № 20 «Об эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Правосудие"». Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 12.04.2011 № 68. Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.03.2021).

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» (ред. от 29.12.2020) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13; 2021. № 2 (часть I). Ст. 402.

- информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы;
- оснащение зданий судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности, а также обеспечение судей мобильными устройствами тревожной сигнализации, действующей вне зданий судов;
- внедрение современных информационных технологий в сфере судебно-экспертной деятельности, включая укрепление их материально-технической базы и оснащение лабораторий судебной экспертизы современной приборной базой;
- обеспечение судей жилыми помещениями, предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилых помещений для судей федеральных судов и мировых судей, предоставление работникам аппаратов судов и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и его территориальных органов субсидий на приобретение жилых помещений. Как видим, данный комплекс мероприятий направлен на обеспечение принципов правового статуса судей.

Исходя из требований времени значительное внимание последовательно уделяется внедрению автоматизированных систем в деятельность органов судебной власти, что приводит к значительному сокращению нарушений процессуальных сроков рассмотрения дел и споров, сокращению количества незавершенных дел, обеспечению удобного и быстрого доступа к информации и повышению качества и эффективности работы аппаратов судов.

Именно в рамках реализации мероприятий федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» по информатизации судебной системы должны быть обеспечены открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов Российской Федерации в части:

- предоставления возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная со дня обращения в суд до окончания судебного процесса;
- снижения нагрузки на судей и работников аппаратов судов посредством оптимизации деятельности судебного делопроизводства и деятельности судов Российской Федерации по отправлению правосудия.

Заключение

Подчеркнем, что достижение правозащитной цели федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» соответствует конституционно установленной ориентации Российского государства и в частности органов судебной власти. Решение поставленных задач направлено на совершенствование каталога принципов судебной власти (судоустройство, судопроизводство, принципы правового статуса судей), что гарантирует их реализацию на новом качественном уровне. В этой связи нами всемерно поддерживается реализуемый в государстве программно-целевой метод.

Исходя из результатов завершенных федеральных программ развития судебной системы России последние обоснованно расценивать как специальные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти. Полагаем, укреплению таких гарантий будет способствовать не только сложившаяся преемственность, но и специализация в рамках ведомственных разновидностей, тем более что нормативная правовая база (Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 и Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16.09.2005 № 109) предусматривает такого рода специализацию.

Список литературы

1. Базарова Д.Б. 2016. Принцип уважения чести и достоинства личности как важнейшая процессуальная гарантия в уголовном судопроизводстве. *Российский следователь*, 20: 53–56.
2. Доценко Ю.В. 2008. Преемственность Федеральных целевых программ «Развитие судебной системы России» как условие эффективности системного подхода к организационному обеспечению деятельности федеральных судов общей юрисдикции. *Администратор суда*, 1: 18–26.
3. Кардашов Р.А. 2006. Программно-целевой подход проектирования организационной структуры. *Российский следователь*, 6: 41–45.
4. Корнюшкина А.Ю. 2018. Федеральная программа в системе конституционных гарантий субъективных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 23 с.
5. Корнюшкина А.Ю. 2017. Федеральная целевая программа как нормативная разновидность юридических гарантий субъективных прав личности в России. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 7: 77–81.
6. Макогон Б.В. 2013. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Москва, Издательский дом «Юр-ВАК», 210 с.
7. Пузыревская Е.Г. 2009. Ведомственные целевые программы как механизм эффективной реализации государственной политики. *Государственная власть и местное самоуправление*, 9: 17–21.
8. Татарова А.Д. 2015. Правовые гарантии реализации принципа самостоятельности судебной власти. *Современное право*, 7: 84–88.
9. Фоков А.П. 2006. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы». *Российский судья*, 12: 2 с.
10. Шеломанова Л.В. 2013. Конституционно-правовые гарантии реализации принципа независимости судей. *Российская юстиция*, 9: 41–43.
11. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. *Revista Inclusiones*. S2-5 (6): 395–401.

References

1. Bazarova D.B. 2016. Princip uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti kak vazhnejshaya processual'naya garantiya v ugovolnom sudoproizvodstve [The principle of respect for the honor and dignity of the individual as the most important procedural guarantee in criminal proceedings]. *Rossiiskij sledovatel'*, 20: 53–56.
2. Docenko YU.V. 2008. Preemstvennost' Federal'nyh celevykh programm «Razvitie sudebnoj sistemy Rossii» kak uslovie effektivnosti sistemnogo podhoda k organizacionnomu obespecheniyu deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchej yurisdikcii [Continuity of Federal Target Programs "Development of the Russian Judicial System" as a condition for the effectiveness of a systematic approach to the organizational support of the activities of federal courts of general jurisdiction]. *Administrator suda*, 1: 18–26.
3. Kardashov R.A. 2006. Programmno-celevoj podhod proektirovaniya organizacionnoj struktury [A program-oriented approach to designing an organizational structure]. *Rossiiskij sledovatel'*, 6: 41–45.
4. Korniyushkina A.YU. 2018. Federal'naya programma v sisteme konstitucionnykh garantij sub"ektivnykh prav [Federal program in the system of constitutional guarantees of subjective rights]: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 23 p.
5. Korniyushkina A.YU. 2017. Federal'naya celevaya programma kak normativnaya raznovidnost' yuridicheskikh garantij sub"ektivnykh prav lichnosti v Rossii [Federal target program as a normative type of legal guarantees of subjective rights of the individual in Russia]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 7: 77–81.
6. Makogon B.V. 2013. Processual'no-pravovye ogranicheniya kak atribut deyatel'nosti vlastnykh sub"ektov [Procedural and legal restrictions as an attribute of the activities of power subjects]. *Monografiya*. M., publ. YUr-VAK, 210 p.
7. Puzyrevskaya E.G. 2009. Vedomstvennye celevye programmy kak mekhanizm effektivnoj realizacii gosudarstvennoj politiki [Departmental target programs as a mechanism for effective implementation of state policy]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 9: 17–21.

8. Tatarova A.D. 2015. Pravovye garantii realizacii principa samostoyatel'nosti sudebnoj vlasti [Legal guarantees for the implementation of the principle of independence of the judiciary]. *Sovremennoe parvo*, 7: 84–88.

9. Fokov A.P. 2006. Federal'naya celevaya programma "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii na 2007–2011 gody" [Federal target program "Development of the Russian judicial system for 2007–2011"]. *Rossijskij sud'ya*, 12: 2 p.

10. Shelomanova L.V. 2013. Konstitucionno-pravovye garantii realizacii principa nezavisimosti sudej [Constitutional and legal guarantees of the implementation of the principle of independence of judges]. *Rossijskaya yusticiya*, 9: 41–43.

11. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. *Revista Inclusiones*. S2-5 (6): 395–401.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тресков Алексей Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, федеральный судья в отставке, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey P. Treskov, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov State University of Railway Transport, Retired Federal Judge, Rostov-on-Don, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 140.8; УДК 321.8

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л. М. Волкова и Ф. Г. Крашенинникова «Облачная демократия»

Егоров Н.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Политическое представительство – одна из центральных проблем политической философии. Представительная демократия повсеместно использовалась и используется государствами в XXI веке. Однако существуют современные теоретические модели, тяготеющие к противоположенной форме демократии – прямому народовластию. Одна из таких моделей – облачная демократия, описанная в одноименной книге-манифесте Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова. Цель исследования – проанализировать теоретический синтез элементов прямой и представительной демократии, предложенный в книге «Облачная демократия». Эта книга упоминалась в научной литературе, но до сих пор не становилась объектом подробных исследований. На материале тезисов книги «Облачная демократия» приведены основания современной критики прямой и представительной демократии. Сделан вывод о том, что облачная демократия, переосмысливая институты представительства, предлагает принципиально новые возможности делегирования власти и отказа от делегирования.

Ключевые слова: политическая философия, прямая демократия, представительная демократия, политическое представительство, политическое участие, волеизъявление, политические институты, политическая субъектность, технооптимизм.

Для цитирования: Егоров Н.С. 2021. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л. М. Волкова и Ф. Г. Крашенинникова «Облачная демократия». НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 46 (2): 392–400. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Cloud democracy as a synthesis of two forms of democracy: political and textual analysis of the book "Cloud democracy" by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov

Nikita S. Yegorov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: jivaturik@yandex.ru

Abstract. Political representation is one of the central problems of political philosophy. Representative democracy has been widely used and is being used by States in the twenty-first century. However, there are

modern theoretical models that tend to the opposite form of democracy – direct democracy. One of these models is cloud democracy, described in the self-titled manifesto book by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov. The purpose of the study is to analyze the theoretical synthesis of elements of direct and representative democracy, proposed in the book "Cloud democracy". This book has been mentioned in the scientific literature, but has not yet been the subject of the issue. The article considers the democratic mechanisms of cloud democracy; describes the forms of political participation suggested by L.M. Volkov and F. G. Krasheninnikov; provided the connection of the democratic mechanisms of cloud democracy with information technologies. The modern criticism of direct and representative democracy is considered. The study concludes that cloud democracy offers fundamentally new opportunities for delegating power and less delegation.

Keywords: political philosophy, cloud democracy, direct democracy, representative democracy, political representation, political participation, expression of will, political institutions, political subjectivity, techno-optimism.

For citation: Yegorov N.S. 2021. Cloud democracy as a synthesis of two forms of democracy: political and textual analysis of the book "Cloud democracy" by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 392–400 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Облачная демократия – это форма политического самоуправления граждан в масштабах государств, которая строится на повсеместном использовании интернет-технологий; форма демократии, которая возникнет с развитием сетевого общества [Волков, Крашенинников, 2013, с. 97]. Модель облачной демократии описывается в одноименной книге-манифесте Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова. В этой книге авторы размышляют над проблемами и перспективами прямой и представительной демократии, предлагая свою концепцию синтеза прямого и представительного народовластия.

В связи с публицистическим характером книги «Облачная демократия», мы не находим в ней анализа работ теоретиков прямой и представительной демократии. Исторические прецеденты прямой демократии и демократии вообще описаны схематично. Авторы не рассматривают, а скорее упоминают роль эпохи Просвещения, Ж.-Ж. Руссо, Великой французской революции и создания США в процессе становлении демократии. Теоретики демократии Нового времени в лице Дж. Локка, Б. Спинозы и др. остаются за пределами внимания авторов, как будто между Античностью и эпохой Просвещения демократической мысли не существовало. Современные модели демократии, в частности схожая с облачной демократией *delegative democracy* [Ford, 2002], авторами не рассматриваются. Тем не менее «Облачная демократия» – это ценный политологический текст, упоминаемый и в публицистической, и в научной литературе. Модель облачной демократии – это оригинальный образ будущего, описанный авторами на институциональном уровне.

Сделаем еще одно дополнение. Некоторые исследователи считают деление на прямую и представительную демократию недостаточным. В частности, Д. Хелд не применяет в своих работах такую оппозицию, аргументируя это существованием принципиально различных теорий внутри прямой и представительной демократии [Хелд, 2014]. Тем не менее Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников упоминают в своем тексте только две основные формы народовластия, и мы в ходе своего анализа также будем придерживаться этого деления.

Каковы основания современной критики представительной демократии? Есть ли будущее у прямой демократии и какие проблемы ей предстоит решить? Чтобы ответить на эти вопросы вместе с авторами «Облачной демократии», мы рассмотрим представительную демократию как одну из двух основных форм демократического участия граждан в политической жизни, а затем проанализируем взгляд авторов на проблемы прямой демократии.

Политическое представительство – одна из центральных проблем политической философии. Представитель представляет (репрезентует) граждан и замещает их в выполнении

определенных функций. По Т. Гоббсу, представитель (person artificial – искусственная личность) действует по полномочию доверителя, и доверитель является собственником действий представителя [Гоббс, 1991, с. 124].

В современной теории представительства наблюдается тенденция считать государство в целом представителем всей совокупности его граждан [Анкерсмит, 2014, с. 43]. В рамках такого подхода назначенный президентом посол является представителем в той же мере, что и депутат, избранный народом. Однако мы вслед за Дж. Сатори [Satori, 1968] будем считать представителями только избранных лиц.

Народ делегируют свои права представителям посредством выборов, а представители получают политические полномочия – мандат. Недостижимой целью этой процедуры (по мнению сторонников миметической теории представительства) является создание народа в миниатюре. Авторы «Облачной демократии» представляют этот процесс таким образом: «берется 140 млн человек и делается снимок, который "весит" 450 байт. Просто потому, что лучше снимок аппарата не позволяет сделать» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 60].

В реальности граждане не считают себя представленными в законодательных органах власти. Только 24 % опрошенных россиян считают, что Государственная Дума вполне заслуживает доверия, столько же вполне доверяют Совету Федерации, 16 % вполне доверяют политическим партиям [Институциональное доверие, 2019]. Показатели доверия представительных органов власти уступают показателям доверия президенту, правительству и суду, а политические партии обладают самым низким уровнем доверия среди основных институтов российского общества [Институциональное доверие, 2019].

Положение о неэффективности представительной демократии стало отправной точкой рассуждений Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова о демократии будущего. Авторы так пишут о современных политиках: «Получив от избирателей свой мандат, они становятся самостоятельны и самодостаточны до следующих выборов» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 43]. Представительная демократия демонстрирует низкий уровень связи между депутатом и избирателем, который за него голосовал: «как только человек проголосовал, он уже не имеет отношения ко всему происходящему далее <...> Избранные им люди перед ним никак формально не отчитываются» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 56]. Депутат в некотором смысле становится автономной единицей, так как избиратели не могут отозвать свой голос за депутата в любое время.

Представительная демократия редко дает гражданину право быть субъектом принятия политических решений: «фактически гражданин пользуется своим правом один раз в несколько лет» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 56]. М. Вебер так высказывается об этой редкой возможности обретения политической субъектности: «Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т.д.» [Вебер, 2017, с. 261]. В то же время М. Вебер считал невозможным расширение политического участия граждан до уровня прямой демократии в масштабах государства: «Демос в смысле массы людей никогда не управляет в больших социальных образованиях самостоятельно, наоборот, является объектом управления и определяет лишь вид господствующей элиты-управленцев и степень влияния на нее» [Weber, 1980, p. 568]. И тем не менее современный уровень развития технологий ставит перед нами смелый вопрос: «Можем ли мы радикально увеличить количество тех самых "случаев", в которых рядовой гражданин имеет возможность принимать политические решения вместо "элиты-управленцев"?».

Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают всеобщее распространение представительной демократии в современном мире вынужденной мерой, аппроксимацией демократии. Согласно авторам, эта форма политической организации общества «представляет собой общественный компромисс между идеалами прямой демократии и тем, что возможно

в условиях реального мира» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 44]. Представительная демократия, по мнению авторов, используется государствами в следствие технологической невозможности прямой демократии: «генезис форм представительной демократии во многом обусловлен постоянной необходимостью преодолевать одни и те же технологические ограничения реального мира» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 30]. Надо сказать, что такого подхода придерживались многие теоретики демократии, в частности отцы-основатели США: А. Гамильтон, Д. Джей, Д. Мэдисон. Т. Джефферсон считал «чистую демократию» (pure democracy) первой по значимости формой демократического правления, а представительство избранных народом агентов он относил к народному правлению «второй степени чистоты» [Падовер, 1992, с. 42].

Ж.-Ж. Руссо, сторонник прямого народовластия, писал: «Суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собраньи» [Руссо, 200, с. 276] Идеи Ж.-Ж. Руссо получили широкий резонанс в Европе и в Новом Свете [Руденко, 2012].

Однако на практике прямая демократия со времен античной Греции не использовалась почти нигде. Представительная демократия и представительство вообще долгое время являлась единственной альтернативой монархической власти и воспринималась многими прогрессивными мыслителями как единственно возможная форма демократии.

В современном мире мы наблюдаем иную ситуацию. О непосредственной власти народа говорят не только теоретики и футуристы, но и Конституция Российской Федерации: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Под непосредственным осуществлением власти понимаются выборы в органы исполнительной власти и референдумы [Ершов, 2014]. Однако на федеральном уровне референдумы в России не проводились со времен принятия Конституции, а выборы в органы исполнительной власти – это определенная разновидность делегирования полномочий.

Какие глобальные изменения, произошедшие в недавнем прошлом и происходящие в настоящем, актуализируют прямую демократию?

Во-первых, в следствие возникновения всеобщей грамотности, урбанизации, отмены тяжелых форм личной зависимости и уничтожения сословий уходит в прошлое статусная дифференциация, характерная для предыдущих эпох. В доиндустриальном мире естественным было деление общества на свободных, грамотных, богатых, образованных руководителей и неграмотных подчиненных. Имея в виду контекст дихотомии монархии и демократии, авторы пишут: «Совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор так легко можно склонить к любым формам единовластия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 18]. Это высказывание актуально и в контексте дихотомии форм демократии. Мы можем сказать: «Совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор представляли богатые и умные». В современном мире граждане не видят разницы между собой и людьми, осуществляющими политическое руководство. Ф. Анекрмит пишет: «Различие между государством, политической партией и представителем, с одной стороны, и обществом и гражданином (или представляемым), с другой, сегодня все больше теряет очевидность, какой оно традиционно обладало» [Анкерсмит, 2014, с. 72]. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности существования политического истеблишмента.

Во-вторых, следует отметить изменения, произошедшие в информационной сфере. Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают одной из ключевых предпосылок появления прямой демократии в современном мире новые информационные возможности граждан: «В любой стране мира, в том числе и в России, имея доступ к Интернету, человек может получить максимально полную информацию. Более того, он может получить доступ к экспертным мнениям, альтернативным официальным точкам зрения» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 72].

Авторы рассматривают доступ к информации как ключевой фактор изменения восприятия политики: «Одним из важнейших явлений современной общественной жизни можно считать трансформацию публичности» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 68].

В-третьих, уровень развития технологий позволяет использовать новые способы реализации прав граждан. Авторы «Облачной демократии» считают, что уже сейчас многие процедуры не необходимы, ибо порождены преодоленным на сегодняшний день техническим несовершенством [Волков, Крашенинников, 2013, с. 83]. Современные технологии в виде таких технологических новшеств, как электронная подпись, – главный источник оптимизма авторов по отношению к перспективам прямой демократии: «Примерно до 2005 года нельзя было предложить никакую другую технологическую альтернативу, и человечеству ничего не оставалось, кроме как принимать представительную демократию <...> Однако сейчас такая технологическая альтернатива появилась» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 86]. Таким образом, новая технологическая парадигма представляется основным импульсом будущего демонтажа институтов представительной демократии. Е.М. Шульман пишет: «Развитие информационных технологий может в будущем вернуть общество к истокам полисной демократии, но на новом синтетическом уровне – в соответствии с известным гегелевским законом диалектического развития» [Шульман, 2014, с. 136]. С этой же постановкой проблемы мы сталкиваемся в работах Б.В. Маркова: «Интернет решает и техническую проблему прямой политической партиципации: кажется, снова может быть возрождена <...> античная агора» [Марков, 2001].

Нельзя не упомянуть и об общественном отношении к технологическим новшествам, которое является значимым фактором при внедрении технологий в политическую сферу.

Результаты социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного коллективом Московской школы социально-экономических наук показали, что 48 % опрошенных россиян являются технооптимистами [Публичный отчет, 2017, с. 22], 21 % опрошенных положительно высказали позитивное отношение к роботу-судье [Публичный отчет, 2017, с. 17]. Далее мы читаем: «Технологии в таком случае <...> в будущем смогут заменить институты, которым технооптимисты не доверяют...» [Публичный отчет, 2017, с. 30]. В этом смысле логика авторов «Облачной демократии» полностью согласуется с логикой технооптимистов. Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова считают «замену институтов» одной из главных целей реализации своей политической модели.

Однако хотя авторы полагают, что уже сейчас существует технологическая возможность организовать прямое участие граждан в принятии решений, они настаивают на том, что «полностью отбрасывать все наработки представительной демократии не стоит» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 96]. Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинников конструируют свою модель, синтезируя две формы демократии: «Технология позволяет нам совместить все лучшее, что было в теории и практике прямой и представительной демократии, в принципиально новой форме организации народовластия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 96]. Тем не менее приоритет отдается прямой форме народовластия. Сами авторы пишут, что «облачная демократия не является ни прямой, ни представительной – она берет лучшие черты у обеих этих моделей» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 111].

Модель облачной демократии предполагает наличие некоей «государственной сети», которая совмещает в себе функции социальной сети, интернет-банка и системы электронного голосования. Необходимым условием вхождения в сеть является строгая аутентификация личности. Граждане в «государственной сети» могут голосовать напрямую.

Однако идеальная модель всеобщей политической субъектности в реальном мире имеет ряд препятствий, главное из которых – отсутствие компетентности. Отдельный среднестатистический гражданин не обладает знаниями эксперта по всем вопросам. Этот тезис можно проиллюстрировать примером голосования 2014 года на платформе «Активный

гражданин». Жители Москвы проголосовали против ограничения скорости до 40 километров внутри Бульварного кольца; при этом эксперты в области урбанистики однозначно высказывались и высказываются за ограничение скорости по причине устойчивой корреляции между скоростью дорожного движения и смертностью на дорогах [Кузнецов и др., 2019; Щербанин, 2009]. Критики прямой демократии указывают на несоответствие желаний обывателей с целесообразностью. По мнению Ф.Р. Анкерсмита, «прямая демократия "бесчестит" демократию, отдавая ее во власть неограниченных, беспредельных желаний коллективного политического "либидо"» [Анкерсмит, 2014, с. 401]. В этом смысле политическое представительство выполняет важную функцию конвертации желания в рациональное.

Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников признают проблему компетентности: «Мы осознаем, что <...> подавляющее большинство людей совершенно некомпетентно» [2013, с. 55]. Поэтому в условиях облачной демократии граждане не только голосуют напрямую, но и делегируют свои голоса. Любой пользователь сети может в реальном времени аккумулялировать голоса других граждан. Чем выше уровень его активности, тем выше уровень публичности его личной информации. На уровне страны, регионов и муниципалитетов существуют рейтинги (топы) пользователей, имеющих поддержку большого числа граждан. «Первые 500 или 1000 граждан составляют государственный совет, первые 300 наиболее авторитетных по объему делегирования жителей региона автоматически формируют региональные советы, первые 100 самых авторитетных жителей города – муниципальные советы» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 98]. Рейтинги, а следовательно, и составы советов меняются в режиме реального времени. Кандидаты на должности судьи и полицейского должны сдать квалификационный минимум, после чего их назначает совет [Волков, Крашенинников, 2013, с. 101].

Правительства разных уровней утверждаются советами на определенный срок. Партии представляют собой сообщества по интересам без бюрократических структур, поэтому они могут быстро возникать и исчезать во время тех или иных общественных дискуссий.

Существует полное и частичное делегирование, т.е. гражданин может доверить другому человеку, эксперту, голосовать от его имени по любым вопросам или по определенному кругу вопросов. «Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегирования по каким-то экспертным вопросам — то есть быть таким вот человеком-партией» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 101]. Таким образом, по каждому вопросу на каждом уровне власти гражданин может принимать решение самостоятельно, либо привлекать других людей, чтобы быть их представителем, либо делегировать собственные голоса [Волков, Крашенинников, 2013, с. 131].

У человека всегда есть возможность отказаться от делегирования – «голосовать по всем вопросам самостоятельно, и в этом смысле это прямая демократия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 136]. Граждане, не избранные в органы власти, могут быть вовлечены не только в реализацию решений, но и в их принятие. Решения в таком случае приобретают максимальную легитимность, так как народ – источник власти – непосредственно ее реализует; сущность понятия «самоуправление» раскрывается в полной мере: объект и субъект управления совпадают. В такой гипотетической модели мы имеем уникальную ситуацию: вместе с правом на политическое решение, ответственность за него распределяется на граждан, а не на политиков. Понятие вины не персонифицируется в отдельных людях.

Положительным свойством своей модели авторы считают системную устойчивость, которая возникает в результате вовлечение максимального количества участников и увеличения частоты замеров состояния системы [Волков, Крашенинников, 2013, с. 103]. Если с первой частью этого тезиса нам легко согласиться, то вторая часть представляется нам спорной. Действительно, Интернет открывает новую возможность преодоления провинциализма и разделенности [Макаров, 2001] и работает как инструмент политической инклюзии (предоставления полномочий гражданского участия [Даль, 2003, с. 12-14]), что позволяет учитывать интересы всех граждан. Е.М. Шульман пишет: «развивающиеся технологии

передачи информации и так называемая «новая социальность» (гражданская активность посредством различных электронных средств обмена данными) способны действительно вовлечь в правотворчество широкие массы заинтересованных граждан, сделав его демократичным в первоначальном смысле этого термина» [Шульман, 2014, с. 132].

Но способствуют ли перманентные замеры (голосования) устойчивости системы? Не провоцируют ли замеры нарастание конфликтов, неразрешимых в заданных условиях? Эта проблема составляет одну из линий критики прямой демократии: «прямая демократия игнорирует конфликт и наивно верит в некую предустановленную гармонию в политической сфере» [Анкерсмит, 2014, с. 401]. Д. Хелд так пишет об этом недостатке прямой демократии: «Ее способ политического представительства препятствует возможности политической дискуссии, переговоров и компромисса» [Хелд, 2014, с. 219]. Представительная демократия в отличие от прямой демократии в чистом виде и модели облачной демократии предполагает больше совещательных возможностей для создания политических коалиций и достигаются эти возможности как раз из-за перерывов между «замерами системы». В пользу авторов нужно сказать, что они, несмотря на свою приверженность принципу «подвижной демократии», устанавливают некоторые ограничения: «на практике должен устанавливаться некий "порог чувствительности": скажем, мандат будет отзываться только при падении уровня поддержки ниже 25 %» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 125].

Другим преимуществом облачной демократии Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают легкость в реализации избирательных прав: «Предлагаемая система облачной демократии будет очень простой в использовании, в ней не будет барьеров для пассивного или активного участия в политической жизни» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 109]. Прогнозируемую легкость политического участия, обеспечиваемую информационными технологиями, мы можем косвенно подтвердить примерами из современного Интернета. Механизмы онлайн-голосований давно используются в социальных сетях. Кроме того, работает инструмент подписки (аналог делегирования права голоса эксперту). Интерактивность – конститутивный признак современного Интернета и в то же время «интерактивность – краеугольный камень облачной демократии» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 136]. Функционал современных социальных сетей дает нам основания полагать, что техническая часть модели облачной демократии вполне осуществима.

На ряду с технологическим оптимизмом мы можем найти в книге и другие, не столь благоприятные для облачной демократии, прогнозы. В частности, авторы пишут о том, что России еще предстоит решить проблему цифрового неравенства (эта проблема не решена и на сегодняшний день), поэтому наша страна не будет среди пионеров на пути внедрения электронных демократических технологий [Волков, Крашенинников, 2013, с. 151].

Последняя глава книги, повествующая о практике облачной демократии, во многом сводится к констатации того факта, что интернет-система «Демократия-2», выражавшая идеалы облачной демократии и предназначенная «для создания альтернативной легитимности подлинной гражданской политической жизни в России» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 171], не смогла добиться своих основных целей. На данный момент система не функционирует. В зарубежных странах также практически не существует действующих электронных систем, близких по духу облачной демократии. Один из немногочисленных примеров – канадская система IserveU [IserveU], работающая с 2015 года. В целом внедрение технологий электронной демократии в мире идет медленнее, чем ожидалось. Однако остается несомненным тот факт, что в новой политической реальности информационные технологии будут занимать все большее место.

Подводя итог, скажем о том, что книга «Облачная демократия» не теряет своей актуальности. Она выражает текущий запрос общества на политическое участие: «Идеология прямой электронной демократии – это идеология участия каждого гражданина в принятии решений» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 149]. Тема прямого народовластия появляется и в политической жизни современной России: 5 марта 2020 года в России была создана

Партия прямой демократии, которая декларирует своей целью участие в выборах в Государственную думу [На учредительном..., 2020].

Предложенная Л.М. Волковым и Ф.Г. Крашенинниковым модель облачной демократии актуализировала проблему несовершенства институтов представительной демократии. Переосмысливая эти институты, облачная демократия предложила возможность делегирования власти и отказа от делегирования. Новые демократические механизмы, описанные авторами, можно считать успешной теоретической попыткой совместить лучшие стороны прямой и представительной демократии.

Список литературы

1. Анкерсмит Р. 2014. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., ИД Высшей школы экономики, 432 с.
2. Вебер М. Власть и политика. М., РИПОЛ классик, 432 с.
3. Волков Л.М., Крашенинников Ф.Г. 2013. Облачная демократия. М., Екатеринбург, Кабинетный учёный, 240 с.
4. Гоббс Т. 1991. Левиафан. М., Мысль, 545 с.
5. Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 576 с.
6. Ершов В.А. 2014. Постатейный комментарий к Конституции РФ. М., РОСБУХ, 160 с.
7. Институциональное доверие. 2019. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/10/Doverie-1.pdf> (дата обращения: 26 марта 2020).
8. Кузнецов В.В., Горбатенко Д.С., Порташников О.М. 2019. Смертность в дорожно-транспортных происшествиях, возможные пути предотвращения. Вестник Московского университета МВД России, 2: 255–259.
9. Марков Б.В. 2001. Человек и глобализация мира. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира, 1: 100–122. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/chelovek-i-globalizaciya-mira> (дата обращения: 26 марта 2020).
10. На учредительном съезде в Москве создана Партия прямой демократии. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7907893> (дата обращения: 26 марта 2020).
11. Падовер С. 1992. Томас Джефферсон о демократии. СПб., Рес Гумана, 334 с.
12. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 26 марта 2020).
13. Руденко В.Н. 2012. «Чистая демократия» и ее атрибуты. Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 10, 3: 120–126.
14. Руссо Ж.-Ж. 2000. Об общественном договоре. М., Канон-Пресс, 544 с.
15. Хелд Д. 2014. Модели демократии. М., ИД «Дело» РАНХиГС, 544 с.
16. Шульман Е.М. 2014. Законотворчество как политический процесс. М., Московская школа гражданского просвещения, 184 с.
17. Щербанин Ю.А. 2009. Безопасность на автодорогах: зарубежный опыт, подходы, пути решения. Транспорт Российской Федерации, 1: 31–33.
18. IserveU. URL: <https://www.iserveu.ca> (accessed 26 March 2020).
19. Ford B. 2002 Delegational democracy. Unpublished manuscript. Available at <https://bford.info/deleg/deleg.pdf> (accessed 26 March 2020).
20. Satori, G., 1968. Representational Systems. International Encyclopedia of the Social Sciences, 13: 465–474.
21. Weber M. 1980. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. Mohr, 945 с.

References

1. Ankersmit R. 2014. Jesteticheskaja politika. Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti. [Aesthetic politics: political philosophy beyond fact and value]. Moscow, Publ. Vysshej shkoly jekonomiki, 432 p.

2. Weber M. Vlast' i politika. [Power and politics]. Moscow, Publ. RIPOL klassik, 432 p.
3. Volkov L.M., Krasheninnikov F.G. 2013. Oblachnaja demokratija. [Cloud democracy]. Moscow, Ekaterinburg, Publ. Kabinetnyj uchjonyj, 240 p.
4. Gobbs T. 1991. Leviatan. Moscow, Publ. Mysl', 545 p.
5. Dahl. R. 2003. Demokratija i ee kritiki. [Democracy and its critics]. Moscow, Publ. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 576 p.
6. Ershov V.A. 2014. Postatejnyj kommentarij k Konstitucii RF. [Article-by-article commentary on the Russian constitution]. Moscow, Publ. ROSBUH, 160 p.
7. Institucional'noe doverie. [Institutional trust]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/10/Doverie-1.pdf> (accessed 26 March 2020).
8. Kuznecov V.V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. 2019. Deaths in road transport accidents, possible ways of prevention. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2: 255–259 (in Russian).
9. Markov B.V. 2001. Chelovek i globalizacija mira. [Man and the globalization of the world]. Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizacii mira, 1: 100–122. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/chelovek-i-globalizaciya-mira> (accessed 26 March 2020). (in Russian).
10. Na uchreditel'nom sezde v Moskve sozdana Partija prjamoj demokratii. [At the founding congress in Moscow, the Direct Democracy Party was created]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7907893> (accessed 26 March 2020).
11. Padover S. 1992. Thomas Jefferson o demokratii. [Thomas Jefferson about democracy]. Sankt-Peterburg, Publ. Res Gumana, 334 p.
12. Publichnyj otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija povedencheskih i institucional'nyh predposylok tehnologicheskogo razvitija regionov RF. [A public report on the results of a sociological study of the behavioral and institutional prerequisites for the technological development of the regions of the Russian Federation]. 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf
13. Rudenko V.N. 2012. "Pure democracy" and its attributes. Vestnik NGU. Filosofija? 10(3): 120–126. (in Russian).
14. Russo Zh.-Zh. 2000. Ob obshhestvennom dogovore. [The Social Contract]. Moscow, Publ. Kanon-Press, 544 p.
15. Held D. 2014. Modeli demokratii. [Models of Democracy]. Moscow, Publ. Delo RANHiGS, 544 p.
16. Shul'man E.M. 2014. Zakonotvorchestvo kak politicheskij process. [Lawmaking as a political process]. Moscow, Publ. Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija, 184 p.
17. Shherbanin Ju.A. 2009. Bezopasnost' na avtodorogah: zarubezhnyj opyt, podhody, puti reshenija. [Road safety: foreign experience, approaches, solutions]. Transport Rossijskoj Federacii, 1: 31–33 (in Russian).
18. IserveU. URL: <https://www.iserveu.ca/> (accessed 26 March 2020).
19. Ford B. 2002. Delegative democracy. Unpublished manuscript. Available at <https://bford.info/deleg/deleg.pdf> (accessed 26 March 2020)
20. Satori, G., 1968. Representational Systems. International Encyclopedia of the Social Sciences, 13: 465–474.
21. Weber M. 1980. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie [Economy and society: outline of Understanding Sociology]. Mohr, 945 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Никита Сергеевич, магистр философии, Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Egorov, Master of Philosophy, Belgorod State University, Belgorod, Russia

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 34:007; 34.01; 342; 341; 004.8; 004.9; 006; 007; 681.5
DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-401-405

**Цифровизация в управлении и регулировании.
Рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой
«Право и цифра: Машиночитаемое право,
цифровые модели-двойники, цифровая формализация
и цифровая онто-инженерия в праве» (М. : Буки Веди, 2021., 174 с.)**

Морева С.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (ГУАП),
ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия
E-mail: sweetmoreva@yandex.ru

Аннотация. Рецензент обращает внимание на высококачественные авторские объяснения сути, возможности и целеполагания применения цифровых методов и технологий в праве. По мнению рецензента, заслуживает внимания и представляет интерес множество авторских концептов и прикладных решений в вопросах применения цифровых моделей-двойников и технологий дополненной реальности, иных цифровых инструментальных онтологий в праве и правовой деятельности. По мнению рецензента, авторы существенно продвинули исследования в сфере машиночитаемого и машиноисполняемого права. Рецензент делает вывод о том, что указанный учебник может быть полезен всем, кто интересуется обозначенным тематическим горизонтом, от студентов вузов до научных работников и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций.

Ключевые слова: цифровые онтологии в праве, цифровые технологии в правовой деятельности, право, машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, машиночитаемое и машиноисполняемое право.

Для цитирования: Морева С.Л. 2021. Цифровизация в управлении и регулировании. Рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой «Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве» (М. : Буки Веди, 2021., 174 с.). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 401–405. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-401-405

**Digitalization in control and regulation.
Review on the textbook of I.V. Ponkin and A.I. Lapteva
"Law and digit: Machine-readable Law, digital twin models, digital
formalization, digital onto-engineering in Law" (M. : Buki Vedi, 2021., 174 p.)**

Svetlana L. Moreva

Saint-Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation (SUAI),
67 Bolshaya Morskaia St, Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation

Abstract. The reviewer draws attention to the author's high-quality explanations of the essence, possibilities and goal-setting of the use of digital methods and technologies in law. According to the reviewer, many author's concepts and applied solutions in the application of digital twin models and

augmented reality technologies, other digital instrumental ontologies in law and legal activity deserve attention and are of interest. According to the reviewer, the authors have significantly advanced research in the field of machine-readable and machine-executable law. The reviewer concludes that this textbook can be useful to everyone who is interested in the indicated thematic horizon, from university students to researchers and faculty of educational organizations.

Keywords: digital ontologies in law, digital technologies in legal activity, law, machine-readable law, digital twin models, machine-readable and machine-executable law.

For citation: Moreva S.L. 2021. Digitalization in control and regulation review on the textbook of I.V. Ponkin and A. I. Lapteva "Law and digit: Machine-readable Law, digital twin models, digital formalization, digital engineering in Law" (M. : Buki Vedi, 2021., 174 p.). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 401–405 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-401-405

Почти полтора столетия назад в книге «Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России», вышедшей в 1882 г. под редакцией крупнейшего в свое время специалиста по военной юриспруденции и историка военного права, начальника Военно-Юридической академии генерал-лейтенанта Павла Осиповича Бобровского были написаны слова вполне актуальные и для дня сегодняшнего: «Теоретические познания сей благородной науки (т.е. науки юридической, правоведения) занимают все душевные наши способности, а практика производит в действие все наши добродетели... Без теоретического, систематического преподавания наук правоведения нельзя, помощью одних практических приёмов и упражнений в канцеляриях над делопроизводством, понимать смысл, дух закона и уметь его применять, то есть невозможно достигать желаемого прочного успеха. Не нужно самообольщения в воспитании и образовании молодого поколения. Это дело рискованное в деле образования юристов, если желательно хранить силу законов. Ибо кто же не знает в наше время известной истины, что "сколько бы ни совершенны были законы, но высшие цели правосудия не будут достигнуты, если отправление его будет вверяться людям, не имеющим ни возможности, ни сил познать эти законы". А на соблюдении закона, как учит история, основывается благостояние государства в его прошедшем, настоящем и будущем»¹. Ни добавить, ни убавить, всё идеально точно. И в новых условиях цифровизации юристов, управленцев, экономистов, инженеров следует учить, уж по крайней мере, с учётом реалий, учить работать в этих новых онтологических условиях.

В 2021 году Фонд содействия инновациям (группа ВЭБ.РФ) в перечень приоритетных направлений включил программы грантовой поддержки в рамках федеральных проектов «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Искусственный интеллект», «Цифровые технологии» и других госпрограмм. На реализацию мероприятий федерального проекта «Цифровые технологии» Фонд, как запланировано, направит 940 млн рублей². То есть государство всячески, масштабно и активно стимулирует развития прорывных цифровых инноваций.

Но вопрос в том, есть ли в наличии тот пул юристов, которые готовы обслуживать эти инновации и регуляторные инструменты, позволяющие обеспечивать их задействование (речь даже не о профессионалах высокого класса, а о хотя бы удовлетворительно раз-

¹ Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. 1882. – С.-Петербург, Тип. В. С. Балашева. – 173 с.

² Государство субсидирует бизнесу вывод инноваций на рынок // <https://economy.gov.ru/material/news/gosudarstvo_subsidiruet_biznesu_vyvod_innovaciy_na_rynok.html> (дата обращения 21.04.2021).

бирающихся в цифровых онтологиях в праве, в машиночитаемом праве, в цифровых правах, в цифровом моделировании в праве, в смарт-контрактах и иных цифровых инновациях в юридической области). Поскольку таких юристов уже скоро понадобится очень много, закономерен и следующий вопрос: где и по каким учебникам и программам таких юристов готовить?

На сегодня выбор в нашей стране не шибко велик, даже, прямо скажем, скуден: учебник достаточно обширного коллектива авторов МГЮА им. О.Е. Кутафина «Цифровое право»¹ [Блажеев, Егорова, 2020] и учебник «Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве»². Как раз второму из указанных изданий мы и хотели бы уделить внимание в настоящей рецензии. Его отличие в том, что это предельно сухой в изложении труд, акцентированно инструментализированный и до крайности конкретный. Всё в нём педантично классифицировано.

Учебник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой «Право и цифра» посвящён тематическому горизонту цифровой юридической онтоинженерии, цифровизации и «онтоцифры» в праве, в правовой проектировочной, норморайтерской, оценочной, критико-аналитической деятельности, в государственном управлении. Предназначен он для юристов, но написан в междисциплинарном поле и с огромным числом чисто технических пояснений, что и делает это издание весьма интересным также и для инженеров, технических и IT-специалистов. Издание вышло под ответственностью консорциума «Аналитика. Право. Цифра», как и не менее яркий учебник этих же авторов «Методология научных исследований и прикладной аналитики»³.

Помимо введения и заключения, учебник включает 7 глав. Рецензенты – четыре доктора юридических наук. Рекомендован кафедрой государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Это вполне понятно, поскольку в ИГСУ уже несколько лет реализуется образовательная программа «Цифровое государство».

Глава первая «Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство» вводит в тематический горизонт теоретических основ цифровизации в праве, соотношения цифровых технологий и технологий регуляторных. Авторы объясняют ключевые понятия: «нормативно-правовая "вселенная"», «нормативная "вселенная"», «цифровая реальность», «цифровые сущности», «онтология», «онтологическая инженерия», «правовая реальность», «правовая онтология», «цифровая онтология права», «интеллектуальная цифровая экономика», «индустриальный интернет вещей». Изложен концепт объяснения сути и онтологии цифрового правового пространства, описания форм цифрового правового пространства, основных минимальных (ординарных) онтологических единиц в онтологии права.

Глава вторая «Цифровая формализация права» вводит в тематический горизонт инструментариев активного преобразующего воздействия на правовую реальность, онтологию, пространство. Объяснены понятие и цели цифровой формализации права, изложен су-

¹ Цифровое право : Учебник, 2020 / Под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой / МГЮА. – М. : Проспект. – 640 с.

² Понкин И.В., Лаптева А.И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». Серия: Методология и онтология исследований. М.: Буки Веди. – 2021. – 174 с.

³ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 2-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди. – 2021. – 567 с.

ществующий фактический опыт такой формализации и детерминанты благоприятных условий для цифровой формализации права. Авторы затрагивают пределы возможного и допустимого в цифровой формализации права, показывают вред и риски дефектной или поспешной цифровой формализации права, описывают технологии и подходы к цифровой формализации права.

Третья глава посвящена вопросам цифровой юридической онто-инженерии.

Глава четвёртая «Понятие и технологии создания машиночитаемого права (концепт "регулирование как код")» вводит в тематический горизонт онтологии и инструментариев машиночитаемости права. Объяснены основные понятия в этой теме, в том числе введено понятие «онтоцифровое право». Представлен обзор уже принятых и действующих российских правовых актов и документов о машиночитаемых формах и форматах, изложена история теоретических наработок в рассматриваемой сфере. Важно, что авторы акцентируют внимание на том, что большинство предложенных продуктов и объявленных стартапов – в реальности пока не машиночитаемое право, не имеют к нему прямого отношения. Здесь же дан широкий обзор истории и содержания практического опыта разработок за рубежом, в том числе обращено внимание на предпосылки, прообразы, прототипы, перспективы успешных наработок в этой сфере. Авторы детально и рационалистически рассматривают экспектативную функционально-целевую нагрузку машиночитаемого и машиноисполняемого права (то есть то, ради чего всё это и затевается), а равно дают определение общему понятию «машиночитаемый формат». На высоком научном уровне в книге изложен субстрат идеи машиночитаемости и машиноисполняемости права. Дан обзор представленных в научной литературе и в документации объяснений понятия «машиночитаемое право». Дан обзор существующих мнений и подходов относительно направлений и технологий практического воплощения концепта «регулирование как код». Но самым интересным в этой главе является изложение авторского концепта интерпретации и объяснения машиночитаемого права, действительно привносящего множество новых идей и решений, действительно предельно конкретизированного и релевантного, чего, на наш взгляд, не достаёт другим изданиям, излагающим подобные идеи. Представляют интерес и авторские взгляды на направления и технологии воплощения концепта «регулирование как код», а также на технологические подходы, обладающие перспективностью в продвижении машиночитаемого и машиноисполняемого права. Авторами изложены и обоснованы детерминанты обеспечения машиночитаемости права в предназначенном для машиночитаемого и машиноисполняемого оперирования правовом акте, показаны имеющие место и ожидаемые этические и рационалистические дискуссии вокруг цифровизации в праве.

Пятая глава «Цифровые модели-двойники в праве и в правовой деятельности» вводит в тематический горизонт BIM-технологий и инструментариев цифрового моделирования в праве и в государственном управлении. В ней представлен обзор того, как урегулированы или отражены в российских правовых документах технологии BIM-моделирования, показаны истоки и генезис концепта цифровых моделей-двойников, объяснены понятие и значение BIM-моделирования в целом. На хорошем уровне объяснены суть, функционал, преимущества цифровой модели-двойника, её отличия от 3D-модели, объяснён трансфер BIM-технологий. Репрезентован авторский концепт, объясняющий суть технологии цифровой модели-двойника, рассмотрены предусматриваемые им возможности и способы применения технологий цифровых моделей-двойников в праве, а также ожидаемые результаты применения технологий цифровых моделей-двойников в праве, в том числе цифровой двойник онтологии нормативного правового акта.

Шестая глава «Цифровые права» даёт внятные объяснения, что это такое – эти самые цифровые права, которые внесены в Гражданский кодекс РФ, но никем до сих пор так и не объяснены. Наконец дано внятное, причем подробное, объяснение этого феномена и соответствующих технологий.

Седьмая глава посвящена технологиям виртуальной и дополненной реальности в праве и в правовой деятельности.

Рецензируемый учебник является очень сложным, как и всё, что пишут эти авторы, и это обстоятельство делает его трудным для ознакомления, понимания и освоения. Но именно эта сложность и притягивает внимание профессионалов (как своего рода новейшая «поваренная книга» в рассматриваемой области), вызывает неподдельный интерес и еще более усиливает глубокое профессиональное погружение читателей в тематику, лишенную «воды», и не критического восприятия чем так грешат, на наш взгляд, все иные имеющиеся сегодня издания в этой сфере.

Учебник, отражающий самостоятельный и более чем самобытный (но написанный на высочайшем профессиональном уровне) авторский курс, может и должен быть рекомендован далеко не только для подготовки юристов – он, безусловно, будет полезен для госуправленцев, IT-специалистов, экономистов, политологов, технических специалистов и представителей еще немало числа профессий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морева Светлана Леонидовна, кандидат технических наук, доцент кафедры управления в технических системах (Кафедра 31) государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП), Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana L. Moreva, PhD, Associate Professor of the Department of Control in Technical Systems (Department 31) of the State University of Aerospace Instrumentation (SUAI), St. Petersburg, Russia

УДК 34

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

**Парадигмы насилия и перспективы свободы.
Рецензия на книгу
«Философия войны и мира, насилия и ненасилия»
(под редакцией В.П. Римского. М. : Академический проект, 2019 г., 462 с.)**

Рубежанский С.А., Ивашина Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Белгород, ул. Победы 85, Россия
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная книга вышла в свет в юбилейный год, посвященный 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого; включает научно-философские размышления отечественных и зарубежных философов и филологов, которые представили к вниманию читателя современное понимание войны и мира, насилия и ненасилия. Эти парадоксальные феномены и попытки их осмысления сопровождают человечество с момента их появления и остаются актуальными в наше время. Научный интерес к данной книге обусловлен полемическим и диалогическим контекстами, вызванными не совпадающими идеями и теоретическими позициями авторов. Содержание включает введение, две обширные части, которые содержат одиннадцать и двенадцать глав соответственно, и заключение в виде отдельного соавторского рассуждения (научного труда) Виктора Павловича Римского и Сергея Николаевича Борисова.

Ключевые слова: человек, насилие, война, свобода, ненасилие, культура, общество.

Для цитирования: Рубежанский С.А., Ивашина Р.А. 2021. Парадигмы насилия и перспективы свободы. Рецензия на книгу «Философия войны и мира, насилия и ненасилия» (под редакцией В.П. Римского. М. : Академический проект, 2019 г., 462 с.). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 406–414. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

**Paradigms of violence and perspectives of freedom.
Review of the book
"Philosophy of War and Peace, Violence and Nonviolence"
(edited by V.P. Rimsky. M. : Academic Project, 2019, 462 p.)**

Rubezhansky S.A., Ivashina R.A.

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015 Russia
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Abstract. This book was published in the jubilee year dedicated to the 190th anniversary of the birth of L.N. Tolstoy. This work includes scientific and philosophical reflections of domestic and foreign philosophers and philologists, who presented to the reader's attention the modern understanding of war and peace, violence and non-violence. These paradoxical phenomena and attempts to comprehend them have been accompanying humanity since the moment of their appearance and remain relevant in our modern time. The scientific interest of this book is due to the polemical and dialogical context (and) caused (and) by the conflicting ideas and theoretical positions of the authors. The content of this book includes an introduction, two extensive parts (each of which contains eleven and twelve chapters, respectively) and a conclusion in the form of a separate co-author's discourse (scientific work) of Viktor Pavlovich Rimsky and Sergei Nikolaevich Borisov.

Key words: man, violence, war, freedom, non-violence, culture, society.

For citation: Rubezhansky S.A., Ivashina R.A. 2021. Paradigms of violence and perspectives of freedom. Review of the book "Philosophy of War and Peace, Violence and Nonviolence" (edited by V.P. Rimsky. M. : Academic Project, 2019, 462 p.). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 406–414 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

Актуальность темы данной книги обусловлена тем обстоятельством, что военные действия как форма разрешения межгосударственных конфликтов являются постоянными сопутствующими человеческой истории. Только XX столетие вместило в себя две мировые войны. А наш XXI век, по меткому замечанию Виктора Павловича Римского, «преисполненный постмодернистской глобализацией, наряду с политико-идеологическим терроризмом, актуализировал и нетривиальные формы войны и насилия – информационные, символические и т. п.» (Философия войны и мира, насилия и ненасилия, с. 6).

Но не только межгосударственные отношения преисполнены войнами, террором и революциями, но и простые люди (в частности в семьях) не смогли путем нравственного совершенствования преодолеть такие формы насилия, как убийства, самоубийства, побои, издевательства. Данное обстоятельство ставит резонный вопрос, озвученный во введении рассматриваемой нами книги: «Можно ли ненасилие противопоставить многообразным формам войны и насилия, или мы должны оставаться в пространстве правового, легитимного (государственного) насилия и "общечеловеческих" норм морали, которые ограничивали и регулировали насилие в истории человечества?» (там же, с. 6). Дилемма «насилие и ненасилие», помимо философско-мировоззренческого значения, имеет и сугубо практическое, поскольку формы разрешения межличностных конфликтов упираются в парадоксы бытия каждого человека. В.П. Римский справедливо указывает, что «фокус философской мысли, рассматривающий проблематизацию войны и мира, смещается в сторону более крупных социальных и политических объектов или размывается до абстрактной нормативной этики» (с. 70), тем самым нивелируется «живой человек», взятый в его непосредственной бытийной историчности.

Исследование в данной книге, опирающееся на историко-философские традиции, результаты социально-гуманитарных наук в понимании и интерпретации феноменов войны и мира, насилия и ненасилия, предполагает решение проблемного противоречия, выраженного в вопросе: «Являются ли война и насилие онтологическими основаниями человеческого бытия или выражают феноменальные конфигурации культурно-исторического существования человека?» (с. 70).

Переходя к рассмотрению содержания данной книги, отметим, что семь глав из двадцати трех принадлежат научному изысканию Римского Виктора Павловича (совместно с другими авторами). Данное обстоятельство свидетельствует о высоком научном интересе и кропотливой интеллектуальной работе Виктора Павловича. Нам видится правильным рассмотреть именно эти главы.

Первая глава называется «Философское понимание насилия и ненасилия». В.П. Римский и С.Н. Борисов в самом начале указывают на слабую понятийную составляющую самого феномена насилия в философии и социально-гуманитарном знании в целом. И как следствие концепт «насилие» не вписан в общефилософский категориальный ряд. Данное обстоятельство не позволяет перейти от содержательного, генетического и концептуального к онтологическому и философско-антропологическому осмыслению насилия. Авторы

для своей работы определяют следующие принцип и положение: «насилие следует отличать от агрессии» и ч «насилие следует считать сугубо феноменом человеческой витальности и экзистенции» (с. 12).

Авторы, начиная свое исследование с наиболее репрезентативных и типичных трактовок насилия с целью выработать для него собственные первичные определения, отмечают, что «не только в отечественном, но и в западном научном дискурсе проблемное поле насилия нагружено политическими смыслами» (с. 13). Лишь в постсоветское время, когда апология революционного насилия угасает, ситуация начинает меняться. Описывая данный период, авторы прибегают к работам К. Лоренца, М.К. Ганди, М.Л. Кинга, А.П. Назаретяна. Особо выделяют статью польского философа А. Гжегорчика «Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия», которая содержит политическое отражение того времени и несколько определений, относящихся к понятию «насилие», которые включают концепты «жизнь» и «свобода», но, как справедливо отмечают авторы, «явное формально-логическое противоречие находит свое содержательное снятие в контексте статьи, которая с позиций этики ненасилия фактически реализует апологию «цветной революции» (с. 16).

Без пристального внимания не остается и концепция А.А. Гусейнова, развиваемая в духе этики ненасилия. Он справедливо, по мнению авторов, связывает ненасилие с силой, указывая на их отличия, но все же данная концепция содержит определенные формально-логические и содержательные противоречия.

В попытке разрешить вопрос, который авторы сами задают в своей работе: «Возможно ли в определениях создать логическую цепочку "сила – насилие – экстремизм – терроризм"?» (с. 28), они используют труды А.В. Римского, Э.Л. Радлова, Х. Хофмайстера и Аристотеля, однако приходят к четким, философски и логически выверенным определениям И.А. Ильина, изложенным в книге «О сопротивлении злу силою», написанной в целях конструктивной полемики с Л.Н. Толстым. Авторы находят принципиальное утверждение И.А. Ильина о том, что «не всякое заставление является насилием, а только то, которое ведет ко злу. Принуждением следует считать все воздействия воли, ведущие к добру, примеры которых довольно обширны – от воспитания до культуры и цивилизации» (с. 37).

Подводя итоги, авторы вносят собственные уточнения в первичные определения насилия, указывая на ограниченность существующих подходов к определению насилия, вызванных этизацией проблемы, и образование категориальной пары «насилие – ненасилие». Авторы четко различают понятия насилия (как принуждение, ведущее к деструкции и нарушению свободы), принуждения (как властное управление предполагающее наличие свободы и субъективации человека) и силы (как родовое абстрактно-всеобщее понятие).

В пятой главе под названием «Голая жизнь», мифологическое насилие и война» В.П. Римский и С.Н. Борисов задаются целью исследовать сакрально-мифологические основания бытия человека, его «голой жизни» в связи с генезисом насилия как преодолением животной агрессии. Авторы отмечают: «Нас интересует сама возможность возникновения насилия, его отрыв от "биологической агрессии" и охранение "голой жизни" в мифологическом насилии, что проявлялось в элементарнейших формообразованиях – в конкретных практиках архаического насилия. Мы исходим из того положения, что данный процесс неразрывно связан с феноменом ритуально-мифологической символизации, превращением агрессии в насилие и снятием, ограничением последнего в культурных кодах первобытности, и прежде всего в мифе» (с. 88). Авторы указывают на схожесть своих взглядов с позицией Х. Хофмайстера в понимании насилия применительно к природе и человеку, но категорически не соглашаются с тем, что животное насилие «преследует определенную цель», в то время как человеческое насилие «не является целенаправленным». И предлагают тер-

мин «агрессия» (нападение) применять в исследовании животного мира, а термин «насилие» – при обращении к социальным и антропологическим феноменам: «Даже при первом приближении становится очевидным, что животные формы нападения встречающиеся в природе, то есть естественные, отличаются от человеческого нападения и насилия как противополоственных ввиду их преобладающей "нецелесообразности"» (с. 89).

Далее авторы задаются вопросом: «Как связаны исторические (биологические) предпосылки (истоки по Хайдеггеру) с действительными предпосылками, началом человеческой истории и, соответственно, человеческого насилия?» (с. 90). Для разрешения этого вопроса В.П. Римский и С.Н. Борисов обращаются к версиям интерпретации агрессии и насилия к родоначальника психоанализа З. Фрейду, к трудам Э. Фромма, В. Бенямина, В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова. В рассмотрении феномена жертвоприношений рассматриваются работы М. Мосса, Р. Жирара, Э. Тейлора, В. Никитаева, Д. Кемпбелла.

Подводя итоги, авторы убеждаются в том, что само выживание «гоминид» было связано со способностью ограничения исходной агрессии внебиологическими механизмами контроля. Эти механизмы контроля, в свою очередь, порождали ритуально-мифологическое насилие, которое было обусловлено надстройкой символического измерения агрессии над психофизическим: «Потому насилие всегда уже перекодировано в силу своего определения, все его проявления уже в первобытности даны в системах контроля, практиках ритуального присвоения и вытеснения, подчинены запрету. Ритуальное измерение структурирует разнообразную деятельность и оформляет ее в устойчивые и повторяющиеся формы культурных практик, которые можно назвать ритуально-мифологическими, поскольку они возникают и существуют в речи-мифе, манифестируются в мифологемах и ритуалах войны и жертвоприношениях» (с. 105).

В седьмой главе под названием «Социально-философские и морально этические аспекты насилия и ненасилия: марксистская версия» Н.П. Рагозин, В.П. Римский и К.Е. Мюльгаупт задаются целью исследовать проблему насилия и ненасилия как явление социальной жизни и его отображение в моральном сознании. Исходя из этого, насилие и ненасилие рассматриваются как специфические практики, проявляющиеся в различных культурно-исторических формах развития человечества. Прибегнув к толковому словарю В. Даля, а также к немецкому, французскому и английскому словарям, авторы определили, что слово «насилие» в русском языке, как и в романно-германских языках, относится к группе слов, в семантически-смысловом отношении связанных с понятием «сила». В обыденном сознании наличие силы вещей и обстоятельств нашего мира воспринимается как то, что противодействует, препятствует осуществлению наших действий и планов со стороны других людей, движимых злой волей. Это приводит к тому, что насилие представляется результатом непосредственного взаимодействия человеческих индивидуумов: «Насилие – это общественные отношения между людьми и сообществами по поводу собственности и власти, регулируемые внешним, деструктивным принуждением (чаще всего физическим) и проявляемые в форме господства человека над человеком или одних групп людей над другими» (с. 122).

Далее авторы рассматривают вопрос о природе общественных отношений, в рамках которых индивиды или группы людей прибегают к внешнему принуждению, обращаясь к трудам известных специалистов по этике А.А. Гусейнову и Р.Г. Апресяну, а также к ярким представителям «немецкой идеологии» К. Марксу и Ф. Энгельсу.

В конце данной главы авторы приходят к следующему выводу: «Анализ этических теорий насилия и ненасилия показывает, что проблема насилия и ненасилия не может быть решена одними лишь средствами моральных категорий. Автономия морали имеет смысл в противопоставлении гетерономной религиозной морали. Но если моральные категории

освобождаются от общественно-исторического содержания, то они неизбежно становятся формальными, из них уходит все богатство конкретных общественных отношений и противоречий, а вместе с ним уходит и возможность постановки и разрешения реальных, назревших исторических проблем» (с. 137).

В восьмой главе под названием «Тоталитарное насилие и человек массы» В.П. Римский и О.Н. Римская исследуют квазимифологический дуализм «мы – они», который служил легитимации тоталитарных политических режимов, зарождению нового социума и эксплуатации человека через идеологическое продуцирование энтузиазма.

В самом начале авторы отмечают, что «в силу потрясающей маргинализации и социодинамики, гегелевская инверсия "раба" в "господина" постоянно имела место в практике тоталитаризма. "Кто был ничем, тот станет всем!.." И, поверьте, в этом заключалось главное достижение и состоит истинная привлекательность тоталитарных режимов – прошлых, настоящих и будущих» (с. 138). Виктор Павлович и Ольга Николаевна ставят вопрос: «Неужели широкие слои народа, "народные массы" действительно обрели в тоталитаризме желанную целостность и полноту жизни?» (с. 138). С одной стороны, авторы обращают внимание на позитивные отзывы оставшихся в живых очевидцев, на слова ветеранов о том, что люди «тогда» были доброжелательнее, много пели и смеялись, жили бедно, но «в тесноте, да не в обиде». Понимая, что все эти высказывания могли быть просто ностальгией и никакого отношения к действительной реальности не имели, авторы прибегают к труду Н.Н. Козловой о горизонтах повседневности советской эпохи: голоса из хора. Но рассмотрев ее мнение о том, что первичные аффективные общности, отличающие массу и составляющие «бульон культуры», существуют в любых обществах, не соглашаются с ним и утверждают, что «повседневность традиционных обществ и повседневность индустриальных цивилизаций отличаются так же, как жизнь в пещере отличается от жизни в монолитном небоскребе – совершенно разные экзистенциальные ситуации. От того, что мы лишаем "человека массы" атрибута субъектности и сводим его к анонимному актору, мы не станем лучше его понимать» (с. 140).

Далее авторы указывают на исток и тайну тоталитарного энтузиазма и успехов тоталитарной экономики, говоря о том, что тоталитарная мифология создавалась не только для того чтобы управлять безликим человеком массы, но и для *сознательного* строительства тоталитарного космоса. Научно-рациональная сторона тоталитарного мифа требует определенного уровня рефлексии, что и отличает ее от либеральной мифологии: «Насколько осознанно человек массы усваивает себе смыслы мифологем, зависит не только степень репрезентативности тоталитарной культуры и идентификация индивида, но и само существование социокультурной системы» (с. 141). Орудием усваивания данных смыслов выступает тоталитарная культура и духовное производство, выраженные в том числе в формах фольклора и «низовой», «массовой» культуры.

Авторы при рассмотрении тоталитарного хронотопа вспоминают гегелевскую феноменологию с указанием на «второй сверхчувственный мир», то есть мир «наизнанку», который достаточно хорошо проецируется на экзотерическое тоталитарное пространство-время как перевертывание традиционного культурно-символического хронотопа. В конце данной главы авторы приходят к мнению, что «в тоталитарной культурно-цивилизационной системе была определенная синтетичность духовной жизни, иначе тоталитаризм не был бы таковым – «целостным»» (с. 164).

Особенно хотелось бы выделить пророческие слова Виктора Павловича, высказанные им в начале этой главы: «Мы, разрабатывая различного рода постмодернистские интуиции и теории "мультикультурности", расчищаем дорогу и унавоживаем (потрясающее в употреблении слово! – прим.авт. – Р.С.) почву для нового, "виртуального", компьютерно-

информационного неототалитаризма, по сравнению с которым сталинизм скоро нам покажется действительно «раем земным» (с. 140).

Рассмотрим первую главу второй части книги под названием «Учение Л.Н. Толстого о непротивлении: политические, религиозно-философские и литературные контексты». В данной главе В.П. Римский, С.В. Резник, К.Е. Мюльгаупт пытаются взглянуть на Льва Толстого и его идеи сквозь «зеркало русских революций». Авторы отмечают, что «на данный момент исследователи не обратили внимание на тот факт, что сборники "Проблемы идеализма" (1902), "Вехи" (1909) и "Из глубины" (1918), а также вся актуальная полемика вокруг них, длящаяся до наших дней, внутренне, на смысловом уровне и была построена вокруг дихотомии "насилие – ненасилие": "личностное" самосовершенствование и "нравственный стоицизм" vs революционное насилие. Л.Н. Толстой здесь был – неявно и явно – нравственным арбитром и религиозно-философским контекстом!» (с. 230).

Идеи критики любых форм насилия и непротивления злу силой, по мнению авторов, сформировалось у Льва Толстого в процессе создания романа «Воскресенье», который содержит в себе все духовно-нравственные искания Л.Н. Толстого. Авторы, рассматривая коллизию, связанную с толстовской проповедью прощения и его желанием отказаться от собственности, опираются на труд Е.Д. Мелешко «Христианская этика Л.Н. Толстого». Рассматривая критику И.А. Ильина, упрекавшего Л.Н. Толстого в абстрактном морализме, заключающемся в утверждении, что Л.Н. Толстой из моральных соображений отрицал всякое насилие и рассматривал как насилие всякое физическое принуждение, авторы отмечают, что полностью согласиться с такой критикой не представляется возможным. Защищая простую и очевидную истину любви и непротивления как в массовом, так и в «научном» сознании, авторы указывают на труд Ю.Н. Давыдова «Макс Вебер и Лев Толстой», в котором Давыдов свидетельствует о том, что в России времен «позднего» Толстого уже не представляли, как правило, никакого другого противления злу, кроме насильственного. Виктор Павлович Римский с соавторами подчеркивает: «Данный вывод автора справедлив не только для царской России начала прошлого века, но во многом и для современного положения дел во всем мире» (с. 236).

Важно отметить, что Л.Н. Толстой нигде не говорил о не сопротивлении, то есть покорности, потаканию злу. Непротивление в толстовском понимании является противоположностью не сопротивлению и включает в себя такие «орудия», как разум и любовь.

Далее авторы рассматривают воззрения Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.О. Гершензона в оценке нравственной философии идей Л.Н. Толстого. Приводят мнение более критичного П.Б. Струве (основного сподвижника И.А. Ильина), который клеймит Л.Н. Толстого за его религиозный анархизм. И отмечают статью Д.Н. Хомякова «О непротивлении злу», который пишет ее в самый разгар интеллигентских и политических споров об итогах первой русской революции: «В статье Д.А. Хомякова мы находим очень глубокое философское и духовно-нравственное осмысление проблематики "насилия и ненасилия", "войны и мира", "противления и непротивления" с позиции православия, отличающего его мысли как от формальной "общечеловеческой" и "универсально религиозной" этики непротивления Л.Н. Толстого, так и от формально-правовой диалектики И.А. Ильина» (с. 242).

Проанализировав толстовскую критику государства и власти как основных институтов насилия в мире, авторы переходят к рассмотрению обоснованности упреков в адрес Л.Н. Толстого за его «непротивленческий анархизм» и рассматривают эту проблематику на примере произведений Б.В. Савинкова «Конь бледный», «Воспоминания террориста» и «Конь вороной», подчеркивая, что религиозно-философская направленность в осмыслении насилия и ненасилия отчетливо прослеживается в образах его персонажей.

В конце данной главы авторы приходят к мнению, что «идеи Л. Н. Толстого о непротавлении злу насиліем являются глубоко продуманной и прочувствованной жизненной позицией, воплотившейся не только в произведениях писателя, но и в его поступках. Вполне следует согласиться с утверждением, что ненасиліе Л.Н. Толстого больше, чем философская система, религиозная концепция, этическая программа или какая-либо иная локальная доктрина. Скорее это жизнеучение...» (с. 251).

В третьей главе второй части книги под названием «И.А. Ильин vs Л.Н. Толстой: философские смыслы полемики» В.П. Римский и К.Е. Мюльгаупт рассматривают книгу И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», делая попытку осмыслить и понять заочный спор И.А. Ильина и Л. Н. Толстого. В самом начале авторы обращают наше внимание на то, что «к сожалению, и тогда, в эмиграции, и сейчас никто из отечественных спорщиков при попытках разрешения дихотомии "насиліе – ненасиліе", даже не пытается внимательно рассмотреть категорию "сила" в качестве "родовой" как по отношению к насилію, так и к ненасилію» (с. 270).

Толстовский императив непротавления насилію подвергался критике не только со стороны И.А. Ильина. Его критиковали В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, В.И. Ленин, Н.А. Бердяев и другие ведущие представители русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой половины XX века. Проведя реконструкцию и всесторонний анализ их фундаментальных полемических доводов, Виктор Павлович Римский и Константин Евгеньевич Мюльгаупт выделили позицию М.Л. Гельфонда с его тремя основными аргументами, к которым прибегали критики Л.Н. Толстого: аргумент бегства от зла, аргумент целесообразности и аргумент жертвы.

Далее авторы отмечают, что И.А. Ильин в своей книге сознательно не использует историко-культурные, историко-религиозные и социально политические аргументы: «Разумеется, философ и не думал скрывать политико-идеологический посыл своей книги, написанной сразу же после высылки из большевистской России. Но ее содержание, логика и аргументация, были выстроены строго академически, совершенно в стиле профессора И.А. Ильина» (с. 272).

Оспаривая концепцию непротавления, И.А. Ильин принципиально разделяет понятия «насиліе» и «принуждение» и переводит проблему от непротавления насилію к непротавлению злу силою, обозначая тем самым главный вопрос: может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу мечем и силою? В своей книге И.А. Ильин разрабатывает схему разных форм «заставления»: внутреннее и внешнее «самозаставления» делятся на психические и физические. Указывает на различие между достаточно свободным, убеждающим «заставлением» других, понуждением других и насиліем над другими. И именно этих различий, по мнению И.А. Ильина, недостает концепции Л.Н. Толстого.

Далее авторы рассматривают вполне справедливую критику толстовской моральной философии с ее абстрактным гуманизмом и указывают на гностико-манихейский нигилизм Л.Н. Толстого по отношению к миру. В конце данной главы авторы приходят к мнению: «Выступая с резкой критикой толстовской идеи непротавления злу, И.А. Ильин пытался обосновать мысль о том, что в определенных случаях, когда все другие способы сопротивления злу исчерпаны, правомерно применение средств внешнего принуждения, в том числе смертной казни и военной силы. И.А. Ильин не возводит вынужденное обращение к силе в ранг добродетели, так как применение насилія всегда остается делом несправедливым (хотя и не всегда греховным). Как вести себя при встрече с социальным и моральным злом, какими средствами противодействовать ему – дело нравственного выбора: правильный выбор может сделать только духовно и нравственно здоровая личность» (с. 285).

Рассмотрим заключение в виде отдельного соавторского рассуждения (научного труда) Виктора Павловича Римского и Сергея Николаевича Борисова под названием «Свобода и насилие в постсекулярном мире». В самом начале авторы обращают наше внимание на очень важное и парадоксальное событие, которое легло в основание нашего христианского мира – добровольную и свободную Смерть и Воскресение Богочеловека. И предлагают попытаться соотнести парадоксальность истинной веры с контекстами нашего существования в перспективе прорыва к озарениям в постижении смысла бытия: «Надо признать, что в нашем ограниченном "современном" осмыслении трансцендентного и абсурдного События (свободной Смерти и Воскресения Богочеловека), тем не менее, присутствуют вполне рационализируемые концепты Бога и человека, свободы и насилия, жизни, смерти и бессмертия» (с. 437).

Отталкиваясь от исходного для христианской антропологии библейского учения о творении Богом мира и человека, авторы переходят к рассмотрению трудов Блаженного Августина, заложившего основы западной христианской антропологии, рассматривают решение античной антропологической дилеммы души и тела, изучают размышления над онтологическими контекстами времени, дилеммой жизни и смерти, христианским принципом свободы человека. На основании этого авторы задаются вопросом: «Каким образом фигура сакрального насилия/смерти и Событие сакрального Бессмертия на два тысячелетия определили действительно парадоксальный взлет рациональной мысли и поисков свободы, которые заканчиваются уже в «постхристианском/постсекулярном мире» совершенно асимметричной фигурой профанного бессмертия человека и биотехнологического освобождающего насилия над грешной плотью и душой человеческой?» (с. 441). В данном вопросе авторы указывают на различные трансгуманистические проекты конструирования «бессмертного человека», которые являют собой единый вполне респектабельный научно-метафизический проект, который официальная наука не желает замечать и игнорирует. Трансгуманистическое бессмертие, по мнению авторов, позволяет глубже постичь тот факт, что последние культурно-цивилизационные тенденции не столько увеличили пространство свободы современного человека в сфере культуры, информации и коммуникации, сколько показали «атавистичность старых механизмов власти и господства, законсервированных "ценностями" правящей элиты во всех без исключения странах» (с. 444). При рассмотрении данной темы авторы обращаются к трудам Г.М. Тавризяна, Л. Мамфорда, М. Маклюэна, Ф. Киттлера, В. Беньямина, С. Жижека, Ж. Бодрийяра и М. Фуко.

В конце данной главы авторы приходят к мнению, что трансгуманизм, ориентированный на естественные науки и технику, предлагает сделать этический выбор между жизнью и смертью, где смерть – это зло, а жизнь – добро. В этом утаивается религиозно-метафизический подвох, включающий в себя псевдорелигиозные концепты, которые фактически отрицают свободу человека и являют собой скрытую апологию насилия: «Уничтожив или абсолютизовав смерть, мы разрушим онтологические основания и ценностные ориентиры жизни. Ибо именно смерть делает возможной и жизнь, и свободу человека. В этом парадоксе не только суть философии Хайдеггера, одного из философских авторитетов в проблематизации смерти, но и весь смысл Воскресения Христа. Проекты уничтожения/преодоления смерти снимают любые программы "временения будущим" и становятся новым механизмом угнетения человека "здесь и сейчас", в "вечном настоящем", отрицанием не смерти, но свободы человека» (с. 458).

Подводя итоги данного отзыва и делая выводы, мне хотелось бы отметить, что книга «Философия войны и мира, насилия и ненасилия» под редакцией Виктора Павловича Римского являет собой замечательный труд выдающихся философов и филологов современности. Каждый, соприкоснувшийся с этим трудом, обретет для себя новое видение извечных

вопросов войны и мира, насилия и ненасилия. И по моему глубокому убеждению, выраженная во введении данного коллективного исследования надежда пробиться к человеку сквозь толщу «гранд нарративов» и исторических эксцессов была полностью реализована В.П. Римским во всей своей полноте.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубежанский Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

Ивашина Роман Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Rubezhanskiy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Roman A. Ivashina, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia

УДК 130.2.76

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-415-418

Возвращение политического в stasis,

или Еще раз о «голой жизни».

Рецензия на книгу Дж. Агамбена

«Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2». (СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2021. 190 с.)

Лыков Э.Н., Борисовский А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: borisovskiy_a@yandex.ru

Аннотация. Исследование известного итальянского философа Дж. Агамбена «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2» продолжает серию его работ о Homo sacer. В ней рассмотрена проблема гражданской войны как феномена, отличающегося сложным пограничным характером относительно двух основополагающих категорий античной и западной культуры, семьи и полиса. Дж. Агамбен представляет Stasis не только как то, что расположено между частной сферой семьи и публичной сферой города, но так же как то, что парадоксальным образом противопоставляет эти сферы. Гражданская война функционирует как вытесненное или предназначенное к забвению основание политического, что позволяет его соотнести с основной категорией Дж. Агамбена homo sacer и выйти на критическое осмысление фундаментальных проблем современности, среди которых одной из главных является проблема терроризма.

Ключевые слова: гражданская война, полис, семья, частная жизнь, политическое, терроризм.

Для цитирования: Лыков Э.Н., Борисовский А.В. 2021. Возвращение политического в stasis, или Еще раз о «голой жизни». Рецензия на книгу Дж. Агамбена «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2». (СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2021. 190 с.). НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 46 (2): 415–418. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-415-418

The return of the political to stasis,

or Once again about "homo sacer".

Review of the book by J. Agamben “Stasis. Civil war as a political paradigm.

Homo sacer, II, 2. ” (SPb.: Publishing house "Vladimir Dal", 2021. 190 p.)

Eduard N. Lykov, Andrey V. Borisovskiy

Belgorod National Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015 Russia

E-mail: borisovskiy_a@yandex.ru

Annotation. Study of the famous Italian philosopher J. Agamben “Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer, II, 2 ”continues his series of works on“ Homo sacer ”. It examines the

problem of civil war as a phenomenon characterized by a complex borderline in relation to two fundamental categories of ancient and Western culture, family and polis. J. Agamben presents Stasis not only as something that is located between the private sphere of the family and the public sphere of the city, but also as something that paradoxically opposes these spheres. The civil war functions as a ousted or destined to be forgotten political foundation, which allows it to be correlated with the main category of J. Agamben “homo sacer” and to come to a critical understanding of the fundamental problems of our time, among which one of the main is the problem of terrorism.

Key words: civil war, policy, family, private life, political, terrorism.

For citation: Lykov E.N., Borisovskiy A.V. 2021. The return of the political to stasis, or Once again about "homo sacer" Review of the book by J. Agamben “Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer, II, 2. ” (SPb. : Publishing house "Vladimir Dal", 2021. 190 p.). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 415–418 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-415-418

Джорджио Агамбен, современный итальянский философ, посвятивший истории homo sacer («голой жизни») серию книг, достаточно известен отечественному читателю. Изданные на русском языке его работы охватывают топики суверенности, чрезвычайного положения, геноцида и, конечно, более глобальных «объектов», таких как человек и государство, насилие, война, терроризм. Гражданская война оставалась за пределами аналитического фокуса Дж. Агамбена до выхода книги «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма».

Стоит отметить, что не только одного Агамбена, – тема гражданской войны остается на периферии более популярных проблем, из которых революция стоит на первом месте. Революция в некотором смысле присваивает или «заслоняет» собой гражданскую войну, а также изымает ее из проблематики собственно войны. Обращаясь к Арендт и Шмитту, вспоминая их и выстраивая пространство пресечений смыслов и контекстов, Агамбен указывает на этот пробел в самом начале книги. Гражданская война образует исключение, которое интересно для автора «Stasis» в контексте концепции homo sacer.

Что же скрывается за исключением гражданской войны из теорий двух фундаментальных для политической философии XX века проблем революции и войны? Обращение Агамбена к античной истории – работе Николь Лоро «Разделенный город. Забвение в памяти Афин» – дает ответ: сокрытие основания политического. Исследование stasis гражданской войны в истории классической Греции начинается Лоро с разбора одного исторического события, борьбы двух партий за власть, произошедшей в Афинах в 403 году, являвшегося по всей видимости первой или, по крайней мере, первой идеальной амнистией после гражданской войны. Эта борьба, вошедшая в историю под названием конфликта 30 тиранов и демократов, заканчивается клятвой всех граждан «не припоминать злосчастья», то есть забыть все насилие, весь нанесенный ущерб и восстановить мир и единство города [Агамбен, 2021, с.12].

Специфичность рассмотрения stasis Агамбеном (а также и Лоро) в том, что война помещается не в контекст противостояния частного и общего, семьи и полиса, а понимается как исходящее из самой семьи: «Семья является истоком разделения и stasis и в то же самое

время парадигмой примирения...» [Агамбен, 2021, с.13]. Автор книги убежден, что Гражданская война есть исходно война внутри семьи, война, происходящая из семьи и одновременно разрешаемая «семейными», родственными средствами. Соответственно, полис, интегрируя семью, вносит в свое внутреннее также и амбивалентность гражданской (семейной) войны, ее угрозу и одновременно ее разрешение. И такая расстановка семьи и города, ойкоса и полиса существенно противостоит расстановке, при которой семья растворяется в городе, а зое исключается из сферы политического. Исключаемое, сконцентрированное в семье, сфере частного, там, где локализуется «голая жизнь», сквозным движением пронизывает суть политического в форме войны. Отметим, что в западной традиции война есть квинтэссенция политического, и потому это проникновение еще более шокирующе в своей «семейной» сути.

Агамбен идет дальше Лоро, ставя вопрос о месте *stasis*, которая противоречиво выходит за границы семьи, равно как и границы полиса. В гражданской войне семейное, пишет автор, начинает относиться к городскому, а полисное восприниматься как семейное. *Oikos* и полис смешиваются, прониная друг в друга в разрушительном движении родственного – частного и полисного – общего. Гражданская война есть переход между этими двумя сферами: «*Stasis* – такова наша гипотеза – не имеет места ни в *oikos*, ни в *polis*, ни в семье, ни в городе: она образует зону неразличимости между неполитическим пространством семьи и политическим пространством города» [Агамбен, 2021, с. 24].

Можно сделать вывод о том, что *stasis* вовлекает в политическое исключенное неполитическое, насильственно изымает «голую жизнь» из сферы семьи, равно как опрокидывает возвышенное политическое в пространство частной природной жизни. *Stasis* есть некоторый функциональный двойник *homo sacer*, состояние, вовлекающее в политическое те объекты, которые из него исключены, возвращая политическое к своему истоку, который некогда был предан забвению.

Последний тезис Агамбена в этой части о *stasis* отсылает к биополитике Фуко как к погружению, или даже растворению политического в семейном и природном. Он пишет о том, что в тот момент, когда государство начинает позиционировать себя как семья, гражданская война подменяет собой традиционную войну и облекается в форму терроризма. С этим можно согласиться, по нашему мнению, если не мыслить происходящие миграции *stasis* по шкале от правого максимума семьи к левому максимуму государства в категориях избытка и недостатка политического. Терроризм в нашем понимании всегда так или иначе связан с политическим, равно как и с жизнью – своим основным объектом. Биополитика как менеджмент жизни имеет обратной стороной не традиционную войну с четко очерченными правилами и ограниченную конвенциями, а терроризм.

Остается большой вопрос, можно ли сегодня придумать аналог договору «не припоминать зла», который был заключен гражданами Афин в 403 году, можно ли сегодня избобрести инструмент деполитизации *oikos* или передвинуть условный переключатель на шкале зое – *bios*, умирив *stasis* новым забвением.

Размышления Дж. Агамбена в книге «*Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма» подводят нас к этому решению, заставляя критически переосмыслить важнейшие категории современной философии и подойти к решению глобальной проблемы терроризма с новых позиций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лыков Эдуард Николаевич, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Борисовский Андрей Владимирович, соискатель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Eduard N. Lykov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrey V. Borisovskiy, PhD student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia